

EESTI VABARIIGI TARTU ÜLIKOOLI
TOIMETUSED

ACTA ET COMMENTATIONES
UNIVERSITATIS TARTUENSIS
(DORPATENSIS)

B
HUMANIORA
XIV

TARTU 1929

EESTI VABARIIGI TARTU ÜLIKOOLI
TOIMETUSED

ACTA ET COMMENTATIONES
UNIVERSITATIS TARTUENSIS
(DORPATENSIS)

B
HUMANIORA
XIV

TARTU 1929

Sisukord. — Contenta.

1. **Н. Майм (N. Maim).** Парламентаризм и суверенное государство.
Referat: Der Parlamentarismus und der souveräne Staat.
 2. **S. von Csekey.** Die Quellen des estnischen Verwaltungsrechts.
II. Teil (S. 103—134).
 3. **Elemér Virányi.** Thalès Bernard, littérateur français, et ses relations avec la poésie populaire estonienne et finnoise.
-

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

Н. МАЙМ

MIT EINEM REFERAT:
DER PARLAMENTARISMUS UND DER
SOUVERÄNE STAAT

VON N. MAIM

TARTU 1927

K. Mattiesen, Tartu.

Памяти

Льва Адамировича

ШАЛЛАНДА

Eessõna lugejale.

Käesolev uurimus on määratud olnud teatava praktilise ots-tarbe jaoks ja sellepärast vene keeles kirjutatud. Seega on ta aga siiski meie õigusteadlaste ja politikategelaste kogule arusaa-davam kui mingis teises võõras keeles trükitu. Teoreetiliste tööde juures, nagu käesolev, pole ka mitte just kõige tähtsam keel, mida on tarvitatud, vaid mõtted ja seisukohad, mis siin ette tuuakse: kui need viimased vastavad antud rahva ja seltskonna mõtteilmale, siis on tööd ennast võimalik siiski sellele rahvale omase mõtteviisi sünnitiseks pidada; puudub aga nimetatud vastavus, siis ei suuda omagi keel siin midagi kaasa aidata.

Autor avaldab siinjuures tänu Tartu Ülikooli valitsusele ja õigusteaduskonnale, kelle vastutulelikkus on võimaldanud mater-jalide kogumise ja töö trükkimise. Nimetan siin ka ülikooli Acta ja Commentationes'ite korraldaja professor W. Anderson'i hoolt ja vene keele lektori B. Prawdin'i kaasabi keelelise välimuse andmisel ja uuele vene kirjaviisile üleviimisel, nagu see Haridus-ministeeriumi otsusel nüüd Acta'des on omaks võetud.

29-al augustil 1927.
Pariisis.

N. Maim.

Вступление.

La démocratie, c'est une association
d'hommes sans souveraineté.

De Maistre.

Anatole France в романе *L'orme du mail* дает многозначительную характеристику современной государственности. „Для модного демократического режима, говорит один герой романа, характерно, что tous les liens y sont relâchés, ce qui affaiblit l'État, mais soulage les personnes et procure une certaine facilité de vivre... Le défaut de secret et le manque de suite rendent toute entreprise impossible à la République démocratique. Mais comme les entreprises de monarchies ont le plus souvent ruiné les peuples, je ne suis pas trop fâché de vivre sous un gouvernement incapable de grands desseins... La République actuelle... me plaît et me touche par sa modestie. Elle consent à n'être point admirée... Il lui suffit de vivre... tant qu'on n'attente point à sa vie, et qu'on n'en veut qu'à son honneur, elle est débonnaire. Un gouvernement de ce caractère m'agréé et me rassure. Tant d'autres furent impitoyables par amour-propre!... Elle gouverne peu... et puisqu'elle gouverne peu, je lui pardonne de gouverner mal. Je soupçonne les hommes d'avoir de tout temps beaucoup exagéré les nécessités du gouvernement et les bienfaits d'un pouvoir fort. Assurément les pouvoirs forts font les peuples grands et prospères. Mais les peuples ont tant souffert, au long des siècles, de leur grandeur et de leur prospérité, que je conçois qu'il y renoncent... Si l'on découvrait enfin l'inutilité de tout gouvernement, la République (actuelle) aurait préparé cette inappréciable découverte...“ (ch. XIII).

В этих строках, отчасти саркастических, писатель отмечает глубокий психологический перелом, который отделяет

современную демократию от не столь отдаленных времен монархического прошлого. Государственность, действительно, изменилась, и представление о ней не удовлетворяется идейным миром, который создавался в предшествующую эпоху и продолжает еще вдохновлять некоторые круги современного общества. Но и в теории государства сохранились положения, которые объяснимы условиями прошлой государственности и совсем не согласны с характером современных государственных учреждений. Изучая функционирование парламентарных учреждений во Франции, автору приходилось нередко задумываться над вопросом о том, насколько парламентаризм, а вместе с тем и современная государственность, укладывается в рамки тех понятий, какие содержатся в господствующем учении о государстве, в частности волевой концепции власти и принципа народного представительства. В дальнейшем автор предполагает говорить о своих сомнениях по этому поводу, в связи с изложением процедуры законодательства и образования министерств во Франции и в балтийских республиках.

В общем затронутые у нас вопросы не представляют собой новости в публичноправовой литературе, но их обсуждают обыкновенно в связи с проблемой государства вообще. Нам кажется, что принципиальные положения учения о государстве не могут иначе иметь жизненного значения, как будучи реализованы в фактических отношениях государственности эпохи, и наоборот, из этих отношений следует выводить теорию государства. В этом мы ищем оправдания нашей попытке путем анализа фактических отношений парламентаризма делать выводы относительно применимости общих теоретических положений господствующего учения о государстве. Мы при этом не придерживаемся определенного школьного метода, а изучаем вопросы просто как проблемы сознания, т. е. критически освещая фактические данные и отношение их к теоретическим положениям.

Глава первая.

Суверенитет.

§ 1. О принудительном и объединительном моментах в организациях.

Социальные организации оказывают на сознание индивида двустороннее психическое воздействие. Как множество, они сильнее индивида, и поэтому им свойственно психически принуждать личность, т. е. определять волю помимо хотения ее субъекта. Принуждение, от кого и по поводу чего бы оно ни исходило, качественно всегда одно и то же: одним и тем же психологическим процессом нужно считать как принуждение, оказываемое на члена литературного общества постановлением последнего относительно литературных течений, кои могут быть предметом собеседования на заседаниях общества, так и принуждение, применяемое к верующему католику римской церковью, предписывающей определенное религиозное мировоззрение и связывающей с ним загробную жизнь верующего. Но в смысле широты применения, количественно, принуждение в последнем случае неизмеримо больше, чем в первом: лицо подчиняется ограничениям литературного общества, лишь если ему нравится быть членом данного общества, а верующий католик, ради спасения души в загробной жизни, подчиняет церковным правилам всю свою земную жизнь.

В отношении индивида к данной организации есть однако и другая сторона, в которой нужно искать положительного основания для пребывания в организации. Если в литературном обществе имеется определенное число членов, если в лоне католической церкви числятся миллионы верующих, то это результат того, что во всех этих лицах живет сознание объединенности в виду общей цели, вытекающей из той или иной потребности или интереса, находящего удовлетворение благодаря пребыванию лица в данной организации. Объединение в организацию может быть делом вполне сознательного стремле-

ния, или просто инстинкта, или же, наконец, может сопровождать состояние лица. Но основание объединения следует видеть в психической природе людей, которая в социальной жизни ведет к созданию организаций разной силы и растяжимости. Принуждение же, оказываемое организацией на своих членов, служит лишь к тому, чтобы ставить предел отрицательному отношению к целям и существованию организации, и оно, конечно, не играет никакой роли при возникновении последней. Объединение есть спонтанное проявление нормальной психики, а не только форма ее проявления вследствие внешнего принуждения.

§ 2. Об обоих вышеуказанных моментах в государственной организации.

В государстве, как в социальной организации, проявляются объединительный и принудительный моменты, о которых мы говорили, но в виду универсальности государства оба эти момента сказываются в нем в наивысшей мере. Принудительное воздействие¹⁾ государства на индивида становится государственной властью, которая подчиняет себе жизнь и имущество подданного; объединяющее же воздействие государства всесторонне и независимо от воли отдельного лица, для которого

1) Мы говорим здесь вообще о принуждении, как переживании индивидуального сознания, независимо от фактических условий, вызывающих его. Не имеются в виду отдельные виды принуждения, в частности физическое принуждение (обыкновенно этот вид принуждения и понимается под принуждением); юристы объявляют последнее монополией государства, а в теории видят в принуждении характерное свойство государства (напр. Коркунов, Русское госуд. право, 1904, т. I, стр. 3 и след.). Принуждение, понимаемое нами как психическое переживание, является в совместной жизни людей продуктом воздействия социальных элементов на единичного индивида; оно свойственно и государству как что-то первоначальное, помимо монополии государства физически принуждать, как результата исторического развития. Вышеуказанная теория государства однако преувеличивает значение физического принуждения, так как государство принуждает и без прямого физического действия: полиция запрещает расклеивать объявления на стенах; я исполняю это предписание без какого-либо физического принуждения, но все-таки, поскольку мое хотение противоположно требованию полиции, мое воздержание от расклейки является вынужденным, т. е. по отношению к моей воле оказывается принудительное воздействие. Можно сказать, физическое принуждение собственно лишь гарантирует исполнение, но совсем не оно одно только влечет за собой таковое.

государство необходимость социального существования. Для индивида *raison d'être* государства заключается именно в об'единительном моменте государства, хотя теория государства имеет тенденцию прежде всего считаться с принудительным моментом в государственном бытии, почему здесь выдвигается проблема власти, ее функции и организация, само же государство определяется как властная организация *par excellence* ¹⁾. Такая тенденция понятна, если только припомнить, что современная теория государства получила начало в 16-м и 17-м веках ²⁾, в эпоху абсолютных монархий, когда нужно было теоретически оправдать власть государя над подданными ³⁾.

§ 3. О различии учения о государстве в зависимости от того, который из вышеуказанных моментов преимущественно выдвигается теорией.

Не всегда принудительный момент государственного бытия пользовался одинаковым вниманием в теории. В этом смысле может служить примером философия государства в древности, или точнее учение греческих мыслителей 5-го и 4-го веков до Р. Хр. В основе этой философии лежит рационалистический взгляд на государство. Государство принимается как факт, свойственный сосуществованию разумных существ: человек живет только в государстве, вне государства — либо Бог, либо зверь, — гласит известное изречение Аристотеля.

1) Barthélemy-Duez, *Traité élémentaire de droit constitutionnel*, Paris, 1926, p. 52, определяют государство: *L'État est essentiellement un groupement d'individus fixé sur un territoire déterminé, et au sein duquel s'exerce une certaine puissance politique, la souveraineté.*

Jellinek, *Allgemeine Staatslehre*, 3. Aufl., 1919 (Neudruck), S. 181, определяет государство: *Der Staat ist die mit ursprünglicher Herrschermacht ausgerüstete Verbandseinheit sesshafter Menschen.*

Гумплович, *Общее учение о государстве*, СПб., 1910, стр. 36 (русский перевод) дает следующее определение: государство — естественно возникшая организация властвования, предназначенная для охраны определенного правопорядка.

2) Ср. Палиенко, *Суверенитет*, Ярославль, 1903, стр. 77 и след.

3) См. напр. Grotius, *De jure belli ac pacis etc.*, lib. I, cap. II, VIII (2-е изд., 1631 г.): аргументация против утверждения, что суверенитет всегда покоится в народе; или Hobbes, *De cive*, предисловие к читателю: разсуждение о гибелиности взглядов на право низложения и умерщвления тираннических государей (*English Works*, ed. by Molesworth, London, 1841, vol. II, p. XI sq.).

Сущность же государственного бытия — осуществление добродетели, постигаемой разумом. Соответственно этому классическая философия искала и в природе государства социального совершенства, полноты земного бытия — *αὐτόρρητα*, как нормы, как идеала политической жизни¹⁾. Отдельные государства могли более или менее уклоняться от этой нормы, и философия государства раскрывала их истинную, несовершенную природу²⁾. Если человек подчиняется государственной власти, то это вытекает из его разумной природы и из отношения его к государству, как к воплощению разума. Этим же можно объяснить склонность древних сохранять установившиеся учреждения³⁾: разум един, поэтому раз признанное разумным остается таковым всегда. Здесь, в учении о государстве, кроме этики, важнейшую часть составляет учение о государственном устройстве и формах государства, как выражении разумных начал в данном государственном строе⁴⁾. Связано это теснейшим образом с объединительным моментом в нем⁵⁾; принудительный же момент отодвинут на задний план.

В новое время мы замечаем в теории государства иное. После средних веков, когда в Европе образовались элементы мировых держав, возведших Европу на ступень властительницы земного шара, проявляется склонность к апофеозу государства, к возведению этого социального явления на абсолютную высоту. Это тот общий фон, который связывает столь отдаленных (не только по времени) мыслителей, как Machiavelli и Rousseau. Эта тенденция сказывалась и в том ореоле величия, которым окружали знаменитых монархов 16-го и последующих столетий⁶⁾. Но позже она облекается в принципиальные положения об абсолютном государстве, отождествляемом с монархизмом как таковым.

1) Ср. Jellinek, о. с., 1919, S. 436 и. ff.

2) Напр. учение Аристотеля о правильных и неправильных формах государства.

3) Ср. Аристотель, Политика, II кн., гл. 5 (§ 10 и сл.); а также рассказ Плутарха о дельфийском оракуле, предвестившем могущество и славу Спарты, пока она будет уважать Ликурговы законы (в биографии Ликурга).

4) Ср. политические трактаты Платона и Аристотеля.

5) Аристотель мотивирует неприемлемость деспотического правления тем, что „... ἡ δὲ πόλις κοινωνία τῶν ἐλευθέρων ἐστίν.“ [Politica, III, 4 (§ 7)].

6) Так, напр., о монархии Карла V говорили, что в ней „солнце не заходит“, а придворная лесть величала Людовика XIV — „король-солнце“.

Монархизм с особой силой выдвигал проблему подчинения государственной власти: почему одному должны подчиняться все остальные? Остроумие государствоведов, особенно со времени Bodin'a, в течении столетий напрягалось для оправдания единодержавия и для доказательства необходимости суверенитета власти и беспрекословного ему подчинения. Государство в сознании мыслителей рисуется всемогущим, грозным, повелительным, которому человек подчиняется в виду своего бессилия. Государство является существом как бы само по себе, лежащим вне человека¹⁾; близка к этому представлению и позднейшая идея о государстве-организме, развитая доктриной органической школы. Вызванная²⁾ историзмом экономическая доктрина объясняет существование государства несовершенством экономических условий, но как эти условия временны и преходящи, так и созданное ими государство преходяще. Одновременно стремления национальностей, политически зависимых, либо лишенных единства, привели к созданию доктрин о национальном государстве, как цели национальных домогательств. В этих учениях отражается общее ожидание, связанное в обществе нового времени с представлением о государстве: от государства требуют активности, оно должно проявлять волю, совершать дела, на что оно имеет принудительную власть и средства. Предполагаемая мощь государства усиливается теорией, объявляющей государственную власть суверенной и подносящей вот уже полтора века для целесообразной организации властей все новые решения³⁾. Современной общественной мысли присуще стремление к последовательному усовершенствованию политической системы, и в перемене государственных учреждений видят необходимый и нормальный процесс развития государства.

§ 4. Об учениях о суверенитете.

Мы уже заметили, что теория выдвинула понятие суверенитета государства, как оправдание его принудительной власти и безусловного подчинения ей⁴⁾. По существу же о

1) „Левиафан“, „смертный бог“ Hobbes'a.

2) См. Sombart, Sozialismus und soziale Bewegung, 1919, S. 54 u. ff.

3) Теория конституционного государства служит именно этой практической цели.

4) Barthélemy-Duez, о. с., p. 79.

суверенной власти можно говорить, если в самой власти видеть проявление воли или, проще, волю¹⁾. Волевая конценция власти имела реальное основание, когда государство воплощалось в монархе и даже отождествлялось с ним, так как воля абсолютного монарха давала, действительно, фактическое содержание суверенитету. Можно поэтому утверждать, что теория монархического суверенитета базировалась на реальной жизни²⁾, хотя это учение конструировано в своих основаниях слишком узко и конкретно. Однако понятие суверенитета легло в основание новой теории о государстве вообще³⁾, и вот тут-то это понятие оказалось причиной затруднений. Уже Bodin говорит о суверенитете в применении к монарху с полной жизненностью, что это „la plus grande puissance de commander“, мотивируя необходимость суверенитета так: „Puis-qu'il n'y a rien plus grand en terre après Dieu, que les Princes souverains, et qu'ils sont établis de lui comme ses lieutenants, pour commander aux autres hommes, il est besoin de prendre garde à leur qualité, afin de respecter et révéler leur majesté en toute obéissance, sentir et parler d'eux en tout honneur, car qui méprise son Prince souverain, il méprise Dieu, duquel il est l'image en terre⁴⁾“. Но его рассуждения относительно суверенитета в государствах, где вместо единоличного государя имеется коллегиальное правительство, являются одним лишь рефлексом аргументации о суверенитете монарха. Он, как

1) Nézard, *Éléments de droit public*, 3-e éd., Paris, 1922, p. 80: La souveraineté est la volonté supérieure aux volontés individuelles qui pour assurer l'ordre dans l'État commande à tout...

Dugué, *Traité de droit constitutionnel*, 2-e éd., 1921, t. I, p. 442: On a même dit que la souveraineté était elle-même une volonté; p. 443: La souveraineté c'est la volonté même de la nation.

2) Cp. Jellinek, *o. c.*, 1919, SS. 455, 462 u. ff.

3) Hauriou, *Précis de droit constitutionnel*, Paris, 1923, p. 144, note 1: ... mais cela est vrai aussi dans le régime d'État où le pouvoir d'État s'élève, sous forme de souveraineté, comme une liberté individuelle de l'État, confondue d'ailleurs pendant bien longtemps avec la liberté individuelle du monarque et passant de là à la personne morale.

Палиенко, *o. c.*, предисловие, стр. I: проблема суверенитета заняла такое выдающееся место: от решения этих вопросов зависит все юридическое учение о государстве ...; стр. III: ... это (суверенитет) основное понятие публичного права.

4) Les six livres ..., Paris, 1576, I livre, ch. IX et XI.

позже Hobbes¹⁾, чувствует, что государство суверенное может получить наисовершеннейшее выражение только в форме монархии: суверенитет жизнен лишь в лице монарха и его власти²⁾.

Как антитеза монархического суверенитета возникает учение о народном суверенитете³⁾. За последним нет никакой реальности, жизнь не могла бы сама породить это учение, так как народовластие не создает условий для той полноты и бесспорности власти, какие свойственны монархии; поэтому теория народного суверенитета покоится на отвлеченных рассуждениях и часто недоказанных постулатах, как это рельефно выступает в учении Rousseau об общей воле⁴⁾. Суверенная власть монарха, как его воля, вполне понятна и реальна, но мы стоим пред неразрешимой загадкой, что такое суверенная власть, как общая воля⁵⁾. Можно себе реально представить еще *volonté de tous*, но какая реальность кроется за *volonté générale*? Волю может проявлять отдельное лицо, что совершенно понятно, волю может проявлять и множество лиц, что уже сложное явление, но нет волей одаренного существа, которое бы проявляло общую волю — ее нет, вообще, как воли, она лишь идея и ничего более. Народный суверенитет в учении Rousseau не есть реальная власть, а лишь идея, на которой власть базируется. Rousseau совершенно не трактует о том, что есть фактически власть, и учение об общей воле нисколько не разъясняет сущности власти.

В 19-м веке, наконец, формализм юридической школы создал из государства юридическое лицо и снабдил его юри-

1) См. Палиенко, о. с., стр. 12 и след.

2) *ibid.*, стр. 357: Абсолютные монархи, в руках которых находилась вся их громадными усилиями централизованная и монополизированная публичноправовая власть, смотрели на себя вместе с современниками, преклонявшимися перед историческими заслугами королевской власти и ее внешним блеском, как на властителей Божьей милостью, которым принадлежит неограниченная власть по Божьему соизволению и по собственному праву.

3) Ср. Gierke, Johannes Althusius, 2. Auflage, Breslau, 1902, S. 3: . . . erfuhr die oppositionelle Lehre von der Volkssouveränität ihren systematischen Ausbau.

4) Ср. Duguit, *Traité*, t. I, p. 494 et suiv.

5) См. Новгородцев, Кризис современного правосознания, Москва, 1909, стр. 21 и след.

дической волей, сохранив за последней квалификацию суверенной власти¹⁾. Концепция юридического лица есть продукт положительного права, а современное государство само производит это право, и таким образом конструкция государства-юридического лица постоянно вращается в *circulus vitiosus*: государство создает право, и это право создает юридическое лицо — государство. Все попытки придать праву самостоятельное значение, даже первенствующее пред государством, не устраняют бесспорного факта, что санкция правопорядка может быть гарантируема только государственной организацией. Правда, юридический метод внес в изучение конституционного права большую точность понятий и определенность изложения, но превращение государственной власти в формальную концепцию воли, в простую присущую государству правоспособность совершать юридические акты, отразилось и на теоретической квалификации суверенитета. Многие государствоведы не прочь бы совершенно выкинуть это понятие из теории государства, и вообще не знают, что с ним делать, так как его жизненный смысл с падением монархизма утерян²⁾ ³⁾. Как примирить суверенитет Bodin'a, Hobbes'a и Rousseau с учениями об относительном или полусуверенитете, о внешнем и внутреннем суверенитете, и с иными конструкциями современного

1) Ср. Gierke, о. с., SS. 358 и 359, и Duguit, о. с., t. II, p. 93 et suiv.

2) Duguit, о. с., p. 442: ... on se trouve aujourd'hui en présence d'un véritable néant doctrinal.

Палиенко, о. с., стр. 268 и 278: ... таким образом учение о суверенитете представляется крайне запутанным и спорным...

Ср. также Hauriou, о. с., p. 143 note: „La théorie du pouvoir qui avait été soigneusement élaborée depuis le moyen âge, a été brusquement délaissée il y a cinquante ans. Il faut chercher le motif de cette défaveur subite dans l'avènement de la souveraineté nationale qui a bouleversé les catégories auxquelles on était habitué ou que l'on n'a pas su y ramener.

3) Можно резко противопоставить два воззрения на значение суверенитета: одни — Preuss, Duguit, Barthélemy-Duez — считают суверенитет отжившим понятием, подлежащим изъятию в учении о государстве, другие — Палиенко, Hauriou, Kelsen — стоят за сохранение этого понятия в государствоведении. У Kelsen'a, впрочем, суверенитет переносится на правопорядок, который отождествляется с государством. Jellinek считает попытки исключить понятие суверенитета из публичного права „unhistorisch“, но он, все-таки, не видит в суверенитете существенного признака государственной власти.

публичного права? Как понятен решительный протест русского ученого Палиенко против учений, разрушающих это цельное понятие, в его трактате о суверенитете, где он безуспешно пытается восстановить бывшее значение этого критерия власти!

Унадок учения о суверенитете государственной власти служит одновременно признаком того, что господствующая волевая концепция власти не соответствует условиям современной государственности. Правда, эта волевая концепция встречается в теориях актуальных в виде юридической конструкции¹⁾, а против последней, как против всяких конструкций, спорить трудно, так как единственным возражением против нее было бы выставить иную, более совершенную конструкцию, — но уже то обстоятельство, что государственной власти придают чисто формальный, юридический смысл, показывает шаткость волевой концепции этой власти. Неудивительно, что в науке о государстве сама волевая концепция власти ставится под сомнение. Крупнейший русский государствовед Коркунов в своем курсе государственного права²⁾ развивает с большой глубиной совершенно иное понимание государственной власти. Волевою концепцию власти в наше время Коркунов объясняет тем, что государствоведы персонифицируют государство, а власть превращают в волю государства-лица. Он сам отвергает это понимание власти, так как оно ничего не объясняет и притом совершенно не нужно. Власть совсем не предполагает воли; можно иметь власть, даже не имея воли. При властвовании вся тяжесть на стороне подвластного, а не властвующего; властвование предполагает сознание со стороны первого, а не второго. „Все, от чего человек сознает себя зависимым, властвует над ним, все равно, имеет или даже может ли иметь оно волю, — мало того, независимо от того, существует ли это властвующее или нет. Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальность ее.“ Отсюда Коркунов выводит, что государственная власть — это сила, обусловленная сознанием зависимости от государства. Но отсюда, прибавим мы, логически вытекает ненужность суверенитета государства, так как „сознание зависимости“ не имеет степеней, а просто факт, т. е. существует или нет.

1) См. Коркунов, Русское государственное право, СПб., 1904, т. I, стр. 10.

2) *ibid.*, стр. 4—24.

§ 5. Принудительный момент государственного состояния — исходная точка для учения о суверенитете.

Почему нужно было создать особое учение о суверенитете государственной организации? Об'единительный момент, конечно, не дает никаких поводов к этой конструкции, так как государственное состояние общества есть просто наблюдаемый факт, независимый от каких-либо теоретических стимулов. Применение же принуждения и сосредоточение его в руках государства должно было вызвать ряд сомнений¹⁾, о степени допустимого принуждения, о тех, кто в праве принуждать, и т. п. Раз'ясняя эти сомнения, и пришли к созданию учения о суверенитете государственной власти со всеми атрибутами, обстоятельно излагаемыми в трактатах Bodin'a, Hobbes'a, Rousseau и др. Учение о суверенитете приобретало, однако, такое преобладающее значение в теории государства, что идея и содержание государственного состояния исчерпывались, казалось, концепцией подчинения одной воли другой. Но еще Montesquieu упрекает Hobbes'a в том, что последний приписывает людям неразумное желание „de se subjuguier les uns les autres.“ Он сам полагает, напротив, что „l'idée de l'empire et de la domination est si composée et dépend de tant d'autres idées, que ce ne serait pas celle que l'homme aurait d'abord“²⁾. И действительно, вряд ли можно доказать, что государственное состояние общества есть дело идеи и воли господства; хотя, правда, политическая организация общества в определенных стадиях развития может быть поддержана волей господства. В этом отношении об'емистое исследование Gierke: „Das deutsche Genossenschaftsrecht“ дает любопытные материалы. Gierke описывает существование в германском прошлом двоякого рода правовых форм общественной организации: Genossenschaft и Herrschaft, и придает обеим формам равное значение при создании политического строя германского на-

1) Эти сомнения, напр., звучат в начальных строках „Contrat social“: L'homme est né libre et partout il est dans les fers. Tel se croit le maître des autres, qui ne laisse pas d'être plus esclave qu'eux. Comment ce changement s'est il fait? Je l'ignore. Qu'est-ce qui peut le rendre légitime? Je crois pouvoir résoudre cette question...

2) L'Esprit des lois, livre I, ch. II. В современной литературе отмечаем Jellinek'a, пишущего: „... einen Trieb, sich beherrschen zu lassen, dürfte wohl kein Psychologe anerkennen“ (Allg. Staatsl., S. 221).

рода¹⁾. Herrschaft (позднее Obrigkeit) есть обозначение государственного состояния, покоящегося на идее подчинения (мы сказали бы „суверенитета“), а Genossenschaft основана на принципе взаимозависимости. Таким образом, исключительность государственного состояния в смысле лишь подчинения и принуждения не есть неизменное явление в истории; нельзя отрицать наличия государственного состояния там, где имеется Genossenschaft, так как нельзя доказать отсутствие политического характера у Genossenschaft, что подтверждается достаточно полно исследованием Gierke.

Итак, мы желали бы указать на то, что современное учение о государстве опирается на принудительный момент в государственном состоянии, так как центральной проблемой этого учения является проблема власти, вылившаяся в теорию о суверенитете государства. Далее, нам кажется, что концепция власти занимает много, может быть, слишком много места в учении о государстве²⁾, почему сама государственность рисуется воплощением голой внешней силы³⁾, между тем как политическое существование человека лежит в его природе, его источник в самой психике человека. К тому же, наконец, современный представительный строй, особенно в парламентарной фазе его развития, совершенно неудовлетворительно объясняется концепцией суверенной государственной власти.

1) D. deutsche Genossenschaftsrecht, B. I. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft, 1868, S. 89: „Wachsen so die ältesten Verfassungseinrichtungen unseres Volkes aus der Genossenschaft hervor, so stand doch neben ihr von je die entgegengesetzte Form menschlicher Vereinigung, der herrschaftliche Verband... Von kleinen Anfängen aus eroberte der Herrschaftsverband allmählich das Leben der ganzen Nation. Aber diese reiche, fast unübersehbare Entwicklung gehört nur in zwei Beziehungen in die Rechtsgeschichte der Genossenschaft: einmal, soweit der Herrschaftsverband die alte Genossenschaft bekämpfte und zerstörte; zweitens, soweit er selber den Genossenschaftsgedanken in sich aufnahm und dadurch modifiziert und endlich aufgelöst ward“.

2) В этом отношении особенно характерна книга Hauriou, Précis de droit constitutionnel, 1923, где из 11 глав проблему власти трактуют 6, не говоря уже об отделах других глав. И в „Allgemeine Staatslehre“ (1919) Jellinek'a в самом учении о государстве много места отведено учению о власти.

3) Для примера можно указать на воззрения Дюги „Конституционное право“, 1908, стр. 48 и сл.

Глава вторая.

Представительный строй.

§ 1. О связи между теорией монархического и представительного строя.

Учение о монархической государственности получило более общее значение, превратившись в теорию о государстве вообще¹⁾. Мы находим поэтому в принципиальных положениях представительного строя отпечаток монархических доктрин. Основные положения этого строя были оформлены в 18-м веке, когда существовавшая уже общая теория государства особенно выдвигала неограниченный суверенитет властителя, каковым обыкновенно предполагался абсолютный монарх²⁾. Свержение абсолютизма революцией имело последствием перенесение полноты власти, которая до того принадлежала монархам, на собирательное единство, народ³⁾, который однако сам никакой власти не осуществлял и не мог осуществлять. Немедленно же, поэтому, народ был фактически замещен его представителями, и учение о полноте суверенной власти было истолковано в пользу народного представительства. Сконцентрированность власти, достигнутая многовековым развитием монархии, сохранилась, но носителем этой власти стал теперь другой: таким образом, существо государственности осталось тем же, изменилась лишь форма.

Теория поспешила закрепить эту перемену. Ряд политических мыслителей, среди которых можно назвать англичанина Burke'a и аббата Sieyès'a⁴⁾, дали для народного представительства теорию, делавшую последнее фактическим суве-

1) Jellinek, o. c., S. 452: So wird denn... die neue Lehre vom Staate geboren.

2) *ibid.*, S. 455.

3) Cp. Hauriou, o. c., p. 221: à la Révolution lorsque la nation se substitua au roi dans la souveraineté...

4) См. Устиянов, В. М.: Учение о народном представительстве, 2 т., Москва, 1912—1915.

реном в государстве, хотя номинально таковым считался народ. Какие же изменения внесла теория в конструкцию власти?

Монарх пользовался абсолютной властью по собственному праву, и в поисках источника этой власти теории абсолютизма готовы были перенести таковой в область божественного, сверхъестественного, недостижимого для людей. Если в этих воззрениях скрывалось немало простой придворной лести¹⁾, то все-таки наиболее удобно было безграничный суверенитет власти оправдать его божественным происхождением. Затруднений никаких не было относительно реального содержания власти: это — воля монарха²⁾; теория лишь ближе определила и мотивировала ее суверенный характер, освятив ее, что было проще и, казалось, понятней всего³⁾.

Низвержение революцией абсолютизма не составляло затруднения для нахождения другого источника суверенной власти. Он был собственно уже дан оппозиционной теорией народного суверенитета: это народ — „когда народ собрался, то слышится голос божества на земле и все другие голоса должны смолкнуть“, говорит, кажется, Rousseau. Небесное божество было заменено земным, более страшным, так как оно обитало в среде самих людей. Но теория столкнулась с другим затруднением. Концепция государственной власти, как суверенной воли, даже в понимании „общей воли“ все-таки требует существования реальной воли, которая проявляется в государстве, но земной бог — „народ“ так же мало способен осуществлять суверенную волю, как и небесное божество. И вот, теория со всей силой выдвигает значение народного представительства. Чтобы спасти суверенную волю народа, политическая доктрина наделяет особыми правами и преимуществами народного представителя.

Принципиальные положения этой теории чрезвычайно возвышают народного представителя, который считается не

1) Ср. напр. слова Bossuet'a, обращенные к королям: „Вы — боги земные и Всевышний послал Вас на землю для блага человеческого рода“ (взято у Ковалевского: От прямого народоправства к представительному и т. д., Москва, 1906, т. III, стр. 77). — Также Палиенко, о. с., стр. 357, и Esmein-Néard, *Éléments de droit constitutionnel etc.*, 7-e éd., Paris, 1921, t. I, p. 281.

2) Ср. определение Jellinek'a (о. с., S. 669): *Monarchie ist der von einem physischen Willen gelenkte Staat*.

3) Duguit, о. с., t. I, p. 409, замечает: *Il est absolument impossible d'expliquer humainement la souveraineté de l'État*.

просто уполномоченным своих избирателей, но объявляется представителем всего народа, независимо от того, как он получает свои полномочия. Народ сам не имеет воли, он не может непосредственно ничего хотеть, за него хочет народный представитель; и только последний в праве хотеть за народ, и никто более. Народная воля всегда направлена на общее, всенародное, поэтому и воля народного представителя может касаться лишь того, что обще всему народу, и деятельность народного представительства есть общее, национальное дело. Простые граждане, которые не могут хотеть ничего общего, подчинены поэтому полностью воле народного представительства, дающей выражение тому, что обще всем единичным гражданам ¹⁾).

Такой теоретической конструкцией, легшей в основу правовой концепции народного представительства, полномочие в идее перенесено было на избранников народа, и монархическая власть, лишенная уже всякой опоры, так как ее божественное происхождение не могло играть особой роли в сравнении с полномочием народного представительства, медленно и неуклонно вымирает за минувшее столетие. По существу конструкция народного представительства исходит из постулата Rousseau об общей воле ²⁾). Казалось бы, при реальности этой воли, следовало бы организовать общество так, чтобы оно целиком могло высказывать, что есть его воля. Однако известно, что первоначально не все слои народа признавались способными высказывать общую волю, и участие в выборах народного представительства ставилось в зависимость от *saracité*, т. е. как бы от способности отдельных лиц отгадать общую волю. Если за такими конструкциями и скрывалась политическая цель сохранить и сосредоточить власть в руках известных кругов общества, то все-таки в этом свою роль сыграло и представление о том, что общество есть единое целое с общей волей: нужно было лишь создать представительство для общества, чтобы оно могло выражать свою волю, а на каких началах это сделать, казалось вопросом второстепенным ³⁾). От-

1) Ср. 1) L'abbé Sieyès, *Vues sur les moyens d'exécution*, 1789, p. 21 et suiv. et p. 42; 2) Boulay de la Meurthe, *Théorie constitutionnelle de Sieyès*, Paris, 1836, p. 5 et suiv.

2) Ср. Jellinek, *о. с.*, S. 576 u. ff.

3) Как показывает Устинов (о. с.), эта теория представительства допускает даже власть диктатора, в качестве представителя народа.

существовало еще понимание того, что общество раз'единено разнообразием интересов, и что при создании государственной организации сущность и цель этой последней не фантом общей воли, а вполне реальная необходимость координировать разные интересы, проявляющиеся в данной общественной среде. Развитие общественного сознания ушло много вперед за последнее столетие сравнительно с 18-м веком, однако формальная конструкция народного представительства сохраняет черты, данные ей в эпоху французской революции ¹⁾.

Теория приняла вполне определенное внешнее выражение, поэтому мы не намерены обстоятельно излагать существующие воззрения. Мы ограничимся приведением взглядов трех главных представителей государственного права: Duguít, Jellinek и Esmein.

Duguít пишет ²⁾, что во Франции в 1789 и 1796 гг. формулирована была юридическая теория политического представительства, которая и ныне еще является теорией французского публичного права. Во французских конституциях и в ряде иностранных народное представительство сохранило черты, выработанные в революционную эпоху во Франции и изложенные Sieyès'ом. Депутат и ныне является представителем всего народа и в отправлении своих депутатских функций не связан никакими мандатами со стороны своих избирателей. Народный представитель идейно избирается целым народом, хотя по практическим соображениям это осуществляется на деле узким избирательным округом.

Jellinek ³⁾ также видит основное положение современного представительного государства в том, что члены парламента представляют весь народ в целом. Это положение выработалось исторически в Англии, а юридический смысл его в том, что член парламента является членом коллегии, чья воля есть

1) Nézard, о. с., p. 97.

Barthélemy-Duez, о. с., p. 110.

Устинов, о. с., т. I: Введение, стр. V и XV.

В современных конституционных текстах эта конструкция также находит свое выражение: старые конституции — бельгийская § 32; швейцарская § 86; датская § 91; — из новейших: германская 1919 г. § 56; прусская 1920, § 21; эстонская 1920, § 45; литовская 1922, § 36.

2) о. с., t. II, p. 498 et suiv.

3) о. с., SS. 574 u. 583.

воля народа, и что, следовательно, воля депутата участвует исключительно только в образовании народной воли, но не представляет собой воли какой-либо одной группы народа¹⁾.

Наконец, Esmein²⁾ указывает, что следует понимать в представительном правлении под представительством. Характерную черту представителей суверенного народа составляет то, что в границах присвоенных им атрибутов они призваны, в более или менее широкой мере, решать свободно, самопроизвольно, от имени народа, который почитается хотящим их волей и говорящим их устами. Такой уполномоченный суверена, который ни в каком случае не имел бы власти собственного решения, все акты которого были бы заранее определены легальными правилами или обязательными инструкциями, или который не мог бы ничего решать без ратификации суверена — такой уполномоченный не был бы представителем... Представительство, понимаемое в вышеуказанном смысле, проявляется отчасти у должностных лиц, облеченных судебной властью; такой представительный характер с еще большей определенностью и широтой имеется в деятельности главы исполнительной власти везде, где конституция допускает более или менее независимую исполнительную власть... Наконец, во всей своей полноте представительный характер проявляется в законодательных собраниях; их роль заключается единственно в том, чтобы самопроизвольно хотеть и решать по всем вопросам, за исключением тех, решение коих возбраняется им конституцией.

В изложенном заключается сущность этого т. н. представительного мандата, которым, по господствующей теории, определяется отношение между народными представителями и избирателями. Мы прибавим еще, что Esmein не говорит ничего о какой-либо связи между депутатами и избирателями,

1) Далее, Jellinek применяет к народному представительству теорию юридического органа, видя в парламенте вторичный прямой орган, а в народе, избирающем его, первичный орган. Этой конструкцией Jellinek думал устранить то состояние „висения в воздухе“, по его выражению, в какое народное представительство поставлено было современной ему господствующей теорией. Все-таки, он ничего не изменил в основных положениях теории, которые для нас только и важны.

2) Esmein-Nézard, о. с., t. I, p. 402 et s. (также русск. пер., 1898 г., стр. 188 и сл.).

как бы подчеркивая этим наиболее строгое понимание представительного мандата. Jellinek, напротив, допускает отношения политического характера между избирателями и членами парламента, получающие выражение в акте избрания, но избрание (Kreationsakt) никогда не переносит каких либо прав с избирателя на избираемого, чьи права и обязанности вытекают исключительно из конституции (о. с., S. 581). Duguit также признает существование связи между депутатом и его избирателями (о. с., t. II, p. 505), но считает юридическую конструкцию представительного мандата единственно возможной¹⁾.

Итак, конструкция представительного строя исходит пока из основных положений, которые можно формулировать так:

1. Власть, как воля государства, суверенна, а ее источником является народ.

2. Народное представительство выражает волю государства; только народный представитель может быть выразителем этой воли: поэтому, на каких бы началах он ни был избран, он представляет весь народ.

§ 2. Установление современного представительного строя и вытеснение им монархического.

Конец 18-го века для Западной Европы является эпохой глубоких социальных и политических перемен, которые не закончились еще и донныне. В то время овладевает умами идея нового индивидуалистического демократизма, с его культом личности и дезорганизацией среды. Сословно-организованное общество разрушается, и полный простор открывается для личной активности в социально-экономической жизни. Одновременно политические устремления проникаются идеей свободы, которая враждебна абсолютизму и ищет осуществления в представительном строе. Если монархические учреждения и продолжают еще жить, и даже делаются попытки

1) Это утверждение — которое было бы понятно у Jellinek'a — противоречит реалистической тенденции учения Duguit, отвергающего, между прочим, конструкцию государства-лица. Позволительно спросить, что реалистического имеется в концепции депутата, как представителя всего народа, который его не избирает и не знает? В конструкции представительного мандата скрыто много фразеологии и пустых жестов, и если она поддерживается теоретиками, то объяснимо это влиянием доктрины о национальном суверенитете.

обновить самый монархизм, сделав его вождем нового бессловного общества¹⁾, то все-таки в конце концов монархизм обнаруживает неспособность стать организующей силой в современной демократии, так как он ведет по внутренней логике к изоляции „властителя“ от „подвластных“, и его кредит в глазах масс за миновавшее столетие неуклонно падает. Разрушение организованного сословного общества устранило в социальной жизни промежуточные ступени между массой и государством²⁾: они стали непосредственно лицом к лицу, и проблема государства предстала пред сознанием самих масс. Если государство по традиции и рисовалось властной организацией, то все-таки для массового сознания важна не столько эта черта государства, сколько само государственное состояние, которое обеспечивает народным массам минимальные условия жизни. Бессловное общество также нуждается в организующей силе, которая должна создавать условия материальной и правовой жизни масс; поэтому мы замечаем с начала минувшего века зарождение нового социального и экономического законодательства³⁾. Но перемены эти достигаются организованной политической борьбой за те или иные законодательные меры. Сохранившиеся монархические учреждения являются в общем оплотом устаревших форм социальной жизни; к тому же они неспособны непосредственно сами пособить нуждам масс. Напротив, новые представительные учреждения, парламенты, стали носителями новых идей и попечителями интересов масс: парламенты, особенно с тех пор как состав их избирается массами, проводили законодательные меры, которые требовались избирателями. Вполне понятно, что вследствие этого значение парламентов в глазах масс должно было стоять высоко. Если в народном представлении монарх рисуется слишком высоко и далеко стоящим от рядо-

1) Ковалевский, Происхождение современной демократии, Москва, 1895, т. II: Торжествующая демократия не разрывает союза с наследственным представителем национального единства; с своей стороны этот последний все более и более отрешается от характера главы феодальной иерархии, первого дворянина своего государства; он признает за собой новую миссию верховного посредника между классами и защитника интересов народных масс. (Предисловие, стр. VII).

2) Ср. Гумплович, Общее учение о государстве, СПб., 1910, стр. 175 и сл.

3) Возникновение в Англии нового фабрично-заводского законодательства в первой половине 19-го века.

вого обывателя, то отношение к парламенту совершенно иное. Парламент — представительный орган, действующий за представляемых, в их интересах: в нем, в лице депутатов и фракций, представлены разные интересы, и деятельность парламента является в результате формально соглашением между парламентскими группами, а по существу согласованием разных интересов. В виду этого, решения парламента оцениваются избирателями лишь с точки зрения их разумности и практического результата; совершенно исключается безмолвное преклонение пред государственной мудростью, авторитетом, что столь характерно в условиях монархической государственности.

Представительный строй и деятельность парламента развивают в обществе иное отношение к государству, иное государственное сознание, чем монархический строй. Нет нужды, чтобы в государстве видели в первую очередь повелительно-принудительную организацию, так как этот момент дает современному сознанию слишком мало; гораздо более реальна другая сторона государственного состояния, которая понимается как социальная необходимость, чтобы многообразие массовых интересов можно было объединить и согласовать. Социальная же необходимость, как *raison d'être* современного демократического государства, определяет с своей стороны волю отдельного индивида не менее, чем властная активность божественной миссии монархий; только первая предъявляет к индивиду требование гораздо большей сознательности и самодисциплины, между тем как вторая мирится с послушанием мало-просвещенных народных масс.

Глава третья.

Парламентаризм.

§ 1. Парламентаризм — современная форма представительного строя.

Представительный строй в странах Европы обнаруживает неуклонную тенденцию принять форму парламентаризма. В настоящее время из 27¹⁾ государств Европы имеют этот режим 20 государств²⁾. Можно поэтому видеть в парламентаризме нормальную стадию развития представительного строя в Европѣ. Действительно, политическая история последней за минувшее столетие показывает, что здесь во всех странах с установлением представительного строя неизменно ставится на очередь проблема парламентского образа правления, который настолько гибок, что приложим ко всяким формам государства.

Не случайно, а в силу внутренней логики представительный строй принял в наше время форму парламентаризма. Под последним следует понимать представительный режим с формой правления, при которой данный личный состав правительства³⁾ („кабинет“, „министерство“) пользуется властью до тех пор, пока его деятельность находит поддержку („доверие“) большинства парламента. Парламентаризм уста-

1) Мы не приняли в расчет карликовых государств: Андорра, Сан-Марино, Монако и Лихтенштейн.

2) Никогда не было парламентаризма в России, Албании и Швейцарии. В трех романских государствах: Италии, Испании и Португалии, а также в Греции в настоящее время (в 1926 г.) этот режим не функционирует.

3) Под правительством понимаем мы в организации исполнительной власти ответственный, руководящий, активный орган, в отличие от безответственного неактивного органа — главы государства. Государство не может существовать без первого органа, правительства, но обходится без главы государства; такое положение создала эстонская конституция от 15 июня 1920 г.

навликает зависимость правительства от парламента, который вследствие этого становится преобладающим органом в государстве¹⁾. Такое преобладание парламента является политической необходимостью, так как государственная организация, как всякая другая организация, может существовать, лишь если в ней достигается единство власти. Поэтому, если в конституционном государстве и учреждаются два или более органа власти, то все-таки здесь один орган должен иметь решающий голос: иначе единство государственной власти не было бы достигнуто. Если на определенных стадиях развития представительного строя замечается за монархическим правительством перевес над парламентом, то в конце концов по логикѣ вещей, все-таки, парламент, как орган, представляющий народ и им избранный, становится преобладающим среди других органов власти, а парламентаризм является формой, в которой это преобладание находит практическое выражение. При этой системе парламенту принадлежит юридически решающее значение в государстве. Дело парламента, а не правительства устанавливать государственное единство; поэтому, если имеется разногласие между парламентом и правительством, то последнее юридически обязано уступить первому: решение парламента оканчивает такое разногласие.

Этот юридический принцип лежит в основании европейского парламентаризма, но последний в своем фактическом осуществлении принимает две отчетливые формы, имеющие каждая свои характерные черты: английскую и континентальную.

1) Duguit и Barthélemy-Duez (о. с., р. 163) условием парламентаризма считают равновесие между властью правительства и властью парламента. Но оба должны признать, что на деле этого равновесия не встречается, почему Barthélemy-Duez и видят в нем лишь идеальную формулу этого режима; Duguit же до войны прямо пишет (Конституционное право — русск. пер., 1908, стр. 586), что Франция не осуществляет парламентской системы, так как здесь политический перевес принадлежит исключительно парламенту. — Строить идеальные системы соответствует духу рационализма, но не позитивизма, так как всегда вопрос остается открытым, сколько в данной идеальной системе субъективизма автора. Интересно отметить, что Duguit в последнем французском издании (1923 г.) „Manuel de droit constitutionnel“ изменил свой взгляд на парламентаризм 3-ей республики, говоря о нем теперь: „... La France ne pratique certainement pas le système parlementaire tel qu'il s'était constitué en Angleterre à la fin du XVIII siècle“ (р. 203) — это уже совсем не то, что отрицать парламентаризм во Франции.

§ 2. Английский парламентаризм.

Известно, что парламентаризм в его первоначальной форме является достижением английской политической жизни. Есть авторы, которые английский парламентаризм и считают нормальным, правильным парламентаризмом¹⁾. Об этом парламентаризме написано первоклассными исследователями так много, что вряд ли в его функционировании имеются невыясненные проблемы; если мы здесь намерены говорить об английском парламентаризме, то лишь для того, чтобы осветить его со стороны нашей общей точки зрения, лежащей в основе настоящего труда.

В Англии наряду с королем всегда существовало представительное собрание, позже названное парламентом. В течение тысячелетней истории парламент пользовался в политической жизни страны иногда большим весом, иногда меньшим, но и во время наивысшего могущества королевской власти, при Тюдорах в 16 веке, парламент не исчезает с политической арены вполне. В 17 веке королевская власть отступает перед парламентом, и с тех пор последнему принадлежит преобладающая роль в политической жизни страны.

С течением времени отношение между парламентом и правительством принимает форму парламентаризма, именуемого здесь правлением кабинета. Какие условия создали здесь эту форму правления?

Одно характерное условие — то, что до последнего времени здесь имелось всегда лишь две партийные организации, которые чередовались в управлении страной, а с тех пор как в политической жизни преобладающая роль перешла от короля к парламенту, эти партийные организации приобретают постоянный характер, нося первоначально название *whig*'ов и *tory*'ев, а позже либералов и консерваторов. Эта партийная организация имеет величайшее значение для функционирования политических учреждений страны, особенно для парламента. Как коллегиальный орган, парламент по природе своей лишен единой воли; но в нем, все-таки, должны быть созданы условия, чтобы частные воли, взаимно друг друга отрицающие, в конце концов подчинились преобладающей воле, чтобы меньшинство уступило большинству, и таким образом достигнута была еди-

1) Ср. Nauriou, о. с., p. 413 note.

ная воля собрания. Партийный дуализм облегчал исполнение этой задачи и в то же время образовал парламентаризм, как форму правления¹⁾. Образование большинства в парламенте является результатом действия той или другой партии не только в парламенте, но и в самом обществе, так как если партий только две, то в данный момент одна из них имеет преобладающее политическое значение и в обществе: это действительно партия большинства не только в парламенте, но и вообще, в политической жизни страны. Таким образом, здесь возможна, начиная с массы избирателей и кончая правительственными кругами, снизу доверху, одна решающая политическая воля, воля партии большинства, пользующейся государственной властью: издающей законы, образующей министерства и т. д. Другая партия, меньшинство, остается в стороне и не участвует активно в осуществлении власти. Можно сказать, что возвышение парламента в Англии в 17 веке повело к тому, что королевская власть, раньше правившая страной, уступила свое место власти партии большинства, которая с тех пор правит государством²⁾.

Парламентаризм, все-таки, образовался здесь не сразу; он ясно наблюдается лишь в конце 18 века; совсем не было очевидно, что партия, образующая большинство в парламенте, должно от себя дать правительство. Известно, что Карл II после реставрации 1660 г., руководясь идеей личного режима, напрасно искал для правительства постоянную удовлетворительную форму, и что отношения с парламентом были причиной неудач предпринятых опытов. Атмосфера конфликтов рассеялась, когда образование правительства поставлено было в зависимость от самого парламента, что на деле означало зависимость от большинства парламента; таким путем политические отношения нашли себе соответствующую форму.

Однако, в течение более полувека здесь еще не было парламентаризма, хотя власть и принадлежала большинству парламента. Новая Ганноверская династия была призвана на трон только одной вигской партией, между тем как тори считались приверженцами Стюартов; пока династия не имела прочных корней в стране, избегали приглашать в состав пра-

1) Ср. Esmein, Общие основания конституционного права, 1898, стр. 117.

2) См. Hatschek, Englische Verfassungsgeschichte, 1913, S. 594.

вительства враждебных династий торпел, и виги были до второй половины 18-го века единственной правительственной партией¹⁾. Но там, где властвует только одна партия, не может быть парламентаризма, а имеется лишь простая партийная диктатура, как напр., в настоящее время в России и Италии. Здесь в действительности нет доверия парламента, но лидеры определенной партии удерживают за собой власть всевозможными мерами принуждения, которые противоречат существу и духу парламентаризма. Последний немислим без свободы критики правительственной политики и вытекающей отсюда возможности оппозиции ей, и в Англии парламентаризм установился только с того момента, когда оппозиция партии меньшинства политике властвующей партии большинства стала легальной и признана была конституционным установлением страны. При дуализме партий, после легализации оппозиции, отношения в парламенте ясны и понятны, а самый механизм в идее прост: большинство правит, а меньшинство критикует, избиратели же решают, на чью сторону стать. Избиратели в своей массе не являются обязательно приверженцами той или другой партии, но оценивают результаты деятельности их, и, поэтому, каждые выборы определяют вновь, которая партия встречает поддержку большинства избирателей. В Англии таким образом условия налицо, чтобы партии в управлении страной чередовались; нужно было установить лишь формы, в которых это могло бы совершаться. Из этой практической необходимости развились т. н. парламентские обычаи с их символическими формулами, которые определяют отношения между палатами и кабинетом, роль короля, порядок делопроизводства палат и т. д. — все вопросы, возникшие в местных английских условиях, почему и решение их имеет соответственный колорит. Это формальные рамки, которые были бы лишены содержания, если бы в английской политической жизни не имелось обоих существенных условий: постоянной двухпартийной организации и легальных отношений между большинством и меньшинством.

Правда, в Англии был формулирован принцип парламентаризма: министерство остается у власти, пока оно пользуется доверием парламента. Но самое это основное положение здесь не что иное, как констатирование того фактического отношения

1) С 1715 по 1760 г. — См. Hatschek, о. с., стр. 594.

между министерством и парламентом, которое в нормальных условиях, при дуализме партий, вообще не может быть иным, так как, если данная партия составляет большинство в парламенте (а следовательно, и в стране), то она вынуждена давать правительство, и пока эта партия составляет большинство, удерживается и ее правительство, или иначе, что собственно то же самое: правительство до тех пор у власти, пока оно имеет доверие парламента — юридическая формула в приложении к фактическому положению, как оно описано выше.

Английский парламентаризм, как определенная форма представительного строя, наделен, конечно, характерными чертами последнего, и поэтому объединительный момент сказывается в нем также вполне рельефно; в частности это обнаруживается в том, что для партии меньшинства всегда сохранена легальная свобода оппозиции, но, кроме того, в интересах самой партии большинства воздерживаться от политики го-лого принуждения по отношению к меньшинству, так как последнее может само во всякое время стать большинством и ответить той же мерой. Тем не менее, принципиально государственность может принимать в Англии весьма принудительный характер, если одна партия остается у власти в течение продолжительного периода, и таким образом объединительная тенденция представительного строя может стусhevываться пред властными проявлениями партийного правительства.

§ 3. Континентальный парламентаризм.

Образование парламентского режима в Англии является результатом развития партийного управления, party system или government, как называет его Lawtence Lowell ¹⁾. Можно сказать, что парламентаризм здесь форма мирной борьбы двух политических партий словом и пером, путем создания т. н. общественного мнения и подчинения ему. Однако английский парламентаризм, как продукт чисто местных политических условий, непереносим в другие страны, где политическая обстановка иная. Парламентская форма правления приобрела, тем не менее, более общее значение и введена в большинстве европейских стран, как нами выше указывается. Но в этой

1) The government of England, London, 1908, 2 vol.

общеевропейской или континентальной форме парламентаризм расходится с парламентаризмом английским, отличаясь главным образом условиями партийной жизни, являющейся политической предпосылкой самой этой формы правления. В Англии, как мы знаем, господствует дуализм партийной жизни¹⁾, тогда как на континенте Европы мы имеем дело с плюрализмом партий. Очевидно, отношение между двумя партиями А и В иное, оно проще и яснее, чем между тремя, четырьмя и более партиями: А, В, С, D и т. д. Для установления этих между-партийных отношений возможно использовать одни и те же формальные приемы, но тем не менее при плюрализме партий привступает не мало таких моментов, каковых при дуализме нет, появляются новые отношения и положения, усложняющие парламентаризм на европейском континенте сравнительно с Англией. Мы встречаем в условиях континентального парламентаризма затруднения, каковые английскому парламентаризму незнакомы, как напр. угрожающе-частую смену министерств или сложность формирования коалиционных кабинетов и т. д. В странах европейского континента могут поэтому иногда серьезно думать об упразднении парламентского режима, как это было во Франции после второй республики и наблюдается в Италии в настоящее время, — что в Англии никогда не может быть, так как здесь парламентаризм — единственно возможное внешнее выражение *government by party*.

Мы уже выше упомянули, что некоторые авторы видят в парламентаризме чисто английскую форму правления, парламентаризм же континентальный считают неудачным подражанием последней. С этим мы не можем согласиться, так как эта форма правления — слишком распространенная политическая система, к которой приближается в своем развитии представительный строй всех стран западно-европейской культуры²⁾. Мы склонны понимать парламентаризм как общее явление, свойственное современной государственности, а континентальный парламентаризм считаем особым типом этой формы пра-

1) С последней четверти прошлого века в Англии партийная жизнь усложнилась, приближаясь к континентальной, но тем не менее сохранилась тенденция к управлению двумя сменяющимися партиями.

2) Ср. Hasbach, *Die parlamentarische Kabinetsregierung*, 1919; также Esmein-Néard, *о. с.*, t. I, p. 270: *Le régime parlementaire est... la forme politique vers laquelle évolue naturellement le gouvernement représentatif.*

вления: системой плюрализма партий, в отличие от английской системы дуализма.

Континентальный парламентаризм с самого начала является одновременно вопросом практической политики и проблемой теоретической системы. Известно, что теория и практика континентального парламентаризма получили начало в эпоху реставрации во Франции¹⁾. Теоретически парламентаризм связан с учением о разделении властей. Benjamin Constant, творец французской теории парламентаризма, прямо выводит эту форму правления из теории властей²⁾. Последняя теория оставляет неясной проблему объединения трех властей, для достижения единства актов властей; парламентаризм дает разрешение этого вопроса, отводя парламенту господствующую роль в государстве³⁾. Но парламентаризм, все-таки, является и реальной системой, проводимой в практике политической жизни; поэтому уже в эпоху реставрации политическими деятелями был точно установлен механизм функционирования этой системы, хотя, правда, политические условия для ее осуществления наступили во Франции позже. Теория и практика французского парламентаризма послужили образцом для других стран, между прочим, учение Benjamin Constant'a оказало влияние на развитие парламентаризма в Англии после первой избирательной реформы.

До сих пор во французской теории парламентаризма сохранились те общие основания, кои были выдвинуты теоретиками реставрации. Базисом этой системы считается здесь институт политической ответственности министров. Esmein совершенно определенно указывает, что содержание этой ответственности состоит в том, что министры теряют власть и на них лежит нравственная обязанность подать в отставку, если они потеряли

1) См. нашу статью: *Parlamentarismist Prantsuse restauratsiooni ajal*, 1926 [Acta et Comm. Univers. Tartuensis (Dorpat.), В IX. 1].

2) Министерская власть (ее практическое осуществление ведет к парламентаризму) выводится Constant'ом из деления традиционного *pouvoir exécutif* на *pouvoir neutre (royal)* и *pouvoir exécutif (ministériel)*. (См. его *Cours de politique constitutionnelle*).

3) Duguit и Hauriou видят в парламентаризме выражение разделения властей при представительном строе, при чем согласно первому здесь устанавливается полное равновесие властей, а по второму известное первенство остается за исполнительной властью. Впрочем, это мнение Hauriou — следствие особой его доктрины о властях (*Précis de droit constitutionnel*, 1923, p. 410).

поддержку большинства парламента¹⁾. Нельзя согласиться с тем, что уход от власти, раз потеряно большинство в парламенте, является лишь нравственной обязанностью министров: оставив министерство в меньшинстве, парламент в праве ожидать отставки министерства, и если это не имеет места, то может и должен принудить к тому министерство — парламент может фактически прекратить сношения с министерством. Здесь, при правильно функционирующем парламентаризме, имеется налицо, несомненно, правовая ответственность министров.

Этот институт политической ответственности министров нужно понимать как политическую проблему первойей важности, в которой и находит выражение сущность современного представительного строя. С виду скромная формула обозначает смысл отношения между парламентом и правительством или, употребляя более звучную терминологию, между законодательной и исполнительной властями. В институте министерской ответственности заключается решение главной проблемы со-

1) Мы встречаем у известных современных теоретиков французского парламентаризма следующие определения этой системы:

Duguit, *Traité de droit constitutionnel*, 1923, t. II, p. 647 (§ 50): „... Finalement le caractère le plus saillant du régime parlementaire est la responsabilité politique et solidaire du cabinet devant le parlement...“

Hauriou, *Précis de droit constitutionnel*, 1923, p. 413: „C'est une forme de gouvernement, à base de régime représentatif et de séparation des pouvoirs souple, dans laquelle une collaboration continuelle est établie entre le pouvoir exécutif et le pouvoir législatif, par l'intermédiaire d'un organe exécutif qui est le cabinet des ministres, lequel partage avec le chef de l'État la direction du gouvernement, mais ne peut gouverner qu'en s'assurant la confiance continue du Parlement parce qu'il est politiquement responsable devant celui-ci“.

Moreau, F., *Précis élémentaire de droit constitutionnel*, 7-e éd., 1911, p. 387: „La caractéristique essentielle du régime parlementaire est dans le choix, le rôle et la responsabilité des ministres. Le chef de l'État, irresponsable, ne prend aucune part directe dans le gouvernement, qui est effectivement entre les mains des ministres nommés par lui et responsables devant les chambres“.

Esmein-Néard, *Éléments de droit constitutionnel*, 7-e éd., 1921, t. II, p. 231: „La responsabilité politique caractéristique du gouvernement parlementaire, consiste simplement dans la perte du pouvoir, dans l'obligation morale de démissionner, qui s'impose aux ministres lorsqu'ils ont perdu la majorité dans le parlement.“

временной государственности: координировать осуществление власти с духом представительного строя вообще. Чуждое принципу государства-авторитета народное представительство не терпит рядом с собой правительства, покоящегося на означенном принципе: во избежание неминуемых конфликтов, правительство образуется парламентарное, политически ответственное пред парламентом и состоящее с ним в теснейшем сотрудничестве. Конечно, в современных государствах мы встречаем глав государств, монархов и президентов. Но то значение, которое им иногда отводится теоретиками, совершенно иллюзорно при парламентаризме. Benjamin Constant наделил главу государства нейтральной властью, отводя ему роль беспристрастного судьи между другими властями; но эта роль нереальна, да и в самом названии „нейтральная власть“ заключается внутреннее противоречие, так как власть существует только для действия, а, следовательно, она никогда не нейтральна: нейтралитет — бездействие. В современных трактатах о конституционном праве иногда довольно широко формулируется право монарха или президента республики избирать министров и их увольнять, устанавливается необходимость доверия министерству со стороны „главы государства“ и т. п. В сущности это — конструкции юридической формалистики, в которых оживают воспоминания монархического прошлого, и ценность их в том, что при определенных условиях и традициях они облегчают функционирование парламентарного режима. Но парламентаризм возможен и без института „главы государства“: в Эстонии имеется лишь парламент и министерство, при чем обязанности внешнего представительства государства возложены на премьера; нельзя сказать, что парламентский режим в Эстонии функционирует менее удовлетворительно, чем в соседней Латвии, где имеется институт президента.

Можно сказать, что роль главы государства полезна для режима, но она второстепенна, и для многих это просто вопрос престижа¹⁾. Сущность режима следует искать в отношениях между парламентом и министерством, а не между парламентом и главой государства.

1) Ср. дебаты в германском национальном собрании при выработке Веймарской конституции 1919 г. (Heilfron, Ed.: Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919, Band V, S. 3174 u. ff. — особенно речь немецко-национального депутата Dr. Philipp'a — S. 3183).

Мы органичимся вышеизложенными теоретическими замечаниями; французская теория парламентаризма, имея за собой практику ежедневной политики и будучи доступна всему образованному обществу Европы, оказала на развитие этого режима и на усвоение его другими странами бесспорное влияние. Если проблема нами и не исчерпана, то все-таки постановка вопроса мотивирована, и мы можем продолжать ход наших мыслей, вызванных наблюдениями над французским парламентаризмом.

§ 4. Континентальный парламентаризм более современен по духу и характеру, чем английский.

Выше мы говорили, что предпосылки партийной жизни отличают английский парламентаризм от континентального, и что вследствие партийного дуализма самый режим может в Англии принимать властно-принудительный характер, если одна партия слишком долго остается у власти. В этом различии сила, но и слабость парламентаризма в Англии и на континенте.

Сила английского парламентаризма в правильном чередовании партийных правительств, благодаря чему министерства здесь устойчивы, и изменение политики страны имеет место лишь вследствие перемены общей политической кон'юнктуры после выборов. В этом отношении Англия приближается к политическому режиму в монархиях, где личность самого монарха или его доверенных министров гарантируют обыкновенно постоянство и последовательность управления страной. Но это — характерная черта режима авторитета, где прежде всего требуется, чтобы власть была тверда и неизменна, где зависимость власти от изменчивых условий общественной жизни считается слабостью власти. Конечно, власть в Англии находится в зависимости от общественного мнения, но все-таки вместить разнообразие современных социально-экономических интересов и стремлений в рамки двух политических течений не представляется возможным без известного насилия над этими интересами и стремлениями. Действительно, в Англии с конца прошлого столетия порвали с ригоризмом партийного дуализма, здесь появляются в лоне старых партий диссидентские стремления и образуются самостоятельные партийные группировки, которые, правда, не изменяют чередования и

тийных министерств, но оказывают известное влияние на политику обеих традиционных партий¹⁾. Таким образом, старая партийная система оказывается недостаточно гибкой для современных условий, и в этом ее слабость. Есть основание сомневаться, чтобы все интересы и потребности английской общественной жизни находили достаточное внимание со стороны правительства; по крайней мере, то обстоятельство, что в Англии до 2-х миллионов безработных, что каменноугольная промышленность дезорганизована, скорее подтверждает наше сомнение, и мы, может быть, не совсем ошибаемся, если полагаем, что двухпартийная система так же неспособна в полной мере организовать современное общество, как это было не под силу монархии, два-три поколения тому назад.

При континентальном парламентаризме господствует плюрализм партийной жизни; это — общее явление на континенте²⁾. В большинстве случаев все партии, представленные в парламенте, в отдельности образуют меньшинство, и поэтому пра-

1) С ростом значения Labour Party партийная жизнь Англии, повидимому, вступает в новую фазу развития, что должно отразиться и на английском парламентаризме.

2) Для иллюстрации приведем пример Франции и балтийских государств.

Во французской палате депутатов и в учредительном собрании 1871 г. за третью республику число партийных группировок по легислатурам было следующее:

Год выборов	Число полит. групп	Год выборов	Число полит. групп
Учред. собр. 1871	5	7-я легисл. 1898	7
1-я легисл. 1876	7	8-я „ 1902	7
2-я „ 1877	3	9-я „ 1906	7
3-я „ 1881	6	10-я „ 1910	10
4-я „ 1885	5	11-я „ 1914	11
5-я „ 1889	5	12-я „ 1919	9
6-я „ 1893	5	13-я „ 1924	10

Данные эти взяты для годов 1871—1910 из статистического сборника Le Chartier: La France et son Parlement, annuaire des électeurs et des parlementaires, Paris, 1911, p. 310; для выборов 1914 года из сборника Lachapelle: Elections législatives 1914, p. 264 (annexe III), а для выборов 1919 и 1924 гг. из Listes électorales des membres des groupes, remises au Président de la Chambre en exécution de l'article 12 du Règlement (офф. данные). Приведенные цифры приблизительны, и во всяком случае не относятся ко всей какой-либо легислатуре целиком. После выборов в начале легисла-

вительство здесь опирается не на партию большинства, а на междупартийные соглашения групп большинства. Такая поддержка, конечно, изменчива, а коалиционное правительство лишено единства и определенности, свойственных партийному министерству. С полным правом ставят в упрек континентальным министерствам слабость и непоследовательность, хотя не следует преувеличивать значения этого упрека. Редко встречается, чтобы все парламентские фракции коалировались; всегда почти имеются и в условиях континентального парламентаризма оппозиционные фракции. Однако, в отличие от

туры иногда значительное число депутатов объявляет себя не состоящим ни в какой группе; в течение легислатуры, затем, эти „дикие“ частью присоединяются к старым группам, либо образуют новые. Так, напр., во время 11-ой легислатуры (1914—1919), по списку 23 июня 1914 г. числилось „диких“ — 45 депутатов, по списку 13 ноября 1917 г. — 17, а по списку 25 июня 1919 г. — 8. Но за это же время к июню 1919 г. образовались новые группы „indépendante“ и „l'entente républicaine démocratique“ и исчезла группа „la fédération républicaine“; таким образом, в конце 11-ой легислатуры было 12 групп. В нашей таблице взяты начала легислатур. — Ср. также диссертацию Léon Jacques'a: *Les partis politiques sous la III République* (Paris, 1912).

В финляндском рейхстаге (до 1917 г. сейме) было партийных группировок после выборов:

Год выб.	Число партий	Год выб.	Число партий
1913	5	1919	6
1916	6	1922	6
1917	6	1924	6

Данные взяты из официального сборника: *Vaalitilasto* (Suomen virallinen tilasto).

В литовском сейме (seimas), согласно данным, сообщенным секретариатом сейма, имелось

в 1924 г. — 8 фракций.

В Латвии в представительных собраниях было фракций:

в учредительном собрании — 16 фракций

„ сейме 1922 г. — 20 „

Данные взяты из официального статистического сборника: *Latvijas Republikas vēlēšanu azrakumi*.

В Эстонии в представительных собраниях было фракций:

в учредительном собрании 1919 г. — 8 фракций

„ государственном „ 1920 г. — 10 „

„ „ „ 1923 г. — 14 „

Данные взяты из материалов секретариата государственного собрания

английского парламентаризма, где оппозиция есть существенная часть функционирования механизма, континентальный парламентаризм принципиально совершенно не требует оппозиции; вполне в духе этого последнего, чтобы всегда все фракции участвовали в управлении, хотя это фактически трудно осуществимо, так как фракции по партийным соображениям воздерживаются от активного участия в правительстве, как например, социалисты в разных странах не желают входить в „буржуазные“ правительства. Если английский парламентаризм строго распределяет роли большинства и меньшинства: труд управления — первому, критика управления — второму, то континентальный парламентаризм устанавливает сотрудничество фракций в самом широком смысле, и отнюдь не противоречит механизму этого парламентаризма, если парламент принимает предложения оппозиционного меньшинства, отвергая предложения правительства; последнее может само присоединиться к предложениям оппозиционного меньшинства¹⁾.

Континентальный парламентаризм не только допускает большее многообразие представительства интересов, что уже само по себе ближе к потребностям современной государственности, но и предоставляет всем фракциям возможность непосредственно влиять на акты власти, почему в самом управлении страной интересы страны отражаются с большой полнотой. В формальных условиях континентального парламентаризма нет таких моментов, которые принципиально отводили бы определенной части состава парламента роль лишь критикующего, устраняя ее от активного участия в управлении страной. Механизм достаточно гибок, чтобы управление страной было сотрудничеством в положительном смысле всех представленных

1) У автора нет данных относительно практики английского парламента в отношении к предложениям оппозиции. Но по этому поводу заслуживает упоминания следующий отрывок из книги Сидней Лоу: Государственный строй Англии (стр. 53). Говоря о бессилии оппозиции провести что-либо в законодательстве, Сидней Лоу продолжает: „... Если лидер оппозиции предложит какую-нибудь безобидную и бесцветную меру... у него будет много шансов провести соответствующий закон; но и это ему удастся лишь потому, что министр, ведомства которого касается предлагаемая мера, согласен с его мнением“. Можно заключить, что предложение оппозиции не имеет никакого шанса пройти, если министр не выразит на него согласия. Это, впрочем, единственно логично при существующих отношениях правительственного большинства и оппозиции в Англии.

в парламенте группы интересов, и чтобы партийные соотношения немедленно отражали на себе всякие изменения политической обстановки.

Нам кажется, наконец, что самый смысл современной государственности, содержащийся в стремлении к согласованию массовых интересов, передается континентальным парламентаризмом с наибольшей полнотой, так как здесь, вследствие множества партийных меньшинств, акты власти лишены характера односторонних партийных решений, являясь всегда соглашениями между несколькими партиями. Континентальный парламентаризм представляет собой ступень современной государственности, наиболее удаленную от государства-авторитета; в нем дух демократического государства может проявлять себя в полной последовательности. В этом кроется секрет того почти единодушного стремления к введению парламентарного образа правления в государствах Европы, которое получило новый толчок с исходом мировой войны и с созданием новых государственных единиц в центре и на востоке нашего материка.

Глава четвертая.

Законодательство при парламентаризме.

§ 1. О двух главных функциях власти народного представительства при парламентаризме.

Народное представительство в современном государстве первоначально признано было необходимым, как учреждение, долженствующее выражать нужды и потребности общества и устанавливать содержание законов для их удовлетворения¹⁾. Правительство, независимое от парламента, благодаря последнему способно лучше считаться с желаниями населения, и вследствие этого связь между народом и властью более сильна и тесна. Как мы уже говорили, дальнейшее развитие представительного строя повело к тому, что парламент стал преобладающим органом власти, который сосредоточил в своих руках полностью законодательство и поставил в зависимость от себя само правительство, в лице министерства: таким образом установился в современных государствах парламентаризм.

При этом режиме мы можем говорить о двух важнейших функциях парламента: о законодательстве и об установлении и контролировании правительства. Законодательство, уже по старой теории разделения властей, всегда признавалось функцией парламента *par excellence*, так как в этой деятельности видели обсуждение частных, чтобы определить содержание общей воли: рассуждать же — дело многих, т. е. коллегии, каковой является и всякое представительное собрание. С

1) Ср. напр. из недавнего еще прошлого России текст рескрипта на имя министра внутренних дел от 18-го февраля 1905 г., где читаем: „... Я вознамерился отныне, с Божьею помощью, привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений“. (Взято из сборника „Законодательные акты переходн. времени 1904—1906 г.“).

ростом значения парламента постепенно отпадают те ограничения, которые ставились первоначально свободному осуществлению этой функции народного представительства. Вначале парламенту не предоставляли законодательной инициативы, как это было во Франции в эпоху реставрации. Принятые парламентом законы должны были получить санкцию главы государства, как это формально еще существует в большинстве европейских монархий; однако, по конституции Норвегии король уже не пользуется правом абсолютного вето, в других же монархиях установившийся парламентаризм превращает это формальное право короля в мертвую букву, как это имеет место в Англии. Главе государства предоставляли иногда общее полномочие издавать законы без участия парламента, как это было в России в виде чрезвычайно-указного права, либо же устанавливать общие нормы в определенных областях законодательства, как это имеет место в Швеции в виде экономического законодательства. Но и такое исключительное право глав государства при парламентаризме наталкивается на фактические затруднения; неудивительно, поэтому, что в Эстонии, где это заместительное право законодательства в 1919 году было предоставлено правительству, оно вскоре было отменено. Отпадение всех этих ограничений оставляет за парламентом монопольное право законодательства; благодаря парламентаризму, однако, участие правительства в законодательстве приобретает новое значение, становясь теснейшим сотрудничеством с парламентом.

Другая функция парламента — установление и контроль правительства — находит выражение при парламентаризме в институте министерской ответственности, как это формулировано ближе французской теорией, нами выше приведенной.

Мы намерены в дальнейшем на осуществлении этих двух главных функций французским парламентом отметить то несоответствие между духом, которым питается господствующее учение о государстве, и духом, свойственным современной государственности.

§ 2. При парламентаризме законодательство представляет собой установление соглашения между партиями парламента.

Существующие в современных государствах политические силы организуются в политические партии, которые все имеют

общее стремление обеспечить себе представительство в парламенте. Парламент является ареной политической борьбы партий: поэтому только те партии жизнеспособны, которые в силах обеспечить себе место на этой арене. Порядок делопроизводства парламента устанавливает формы, в которых происходит т. н. парламентская борьба партий, в отличие от более грубых форм уличной и даже вооруженной борьбы, свойственных прошлым эпохам, но к которым политические страсти толкают иногда массы и в современных цивилизованных государствах. Однако ближайшая цель парламентской процедуры — выработка тех междупартийных соглашений, которыми заканчивается парламентская борьба по поводу конкретных вопросов, и которые получают формальное выражение в законах. Законодательство поэтому, по существу и по форме, при парламентаризме, в особенности на континенте, является установлением соглашения между парламентскими партиями.

Это подтверждается формальной процедурой парламентского делопроизводства, которое в отдельных странах носит местные черты, но преследует повсюду одинаковую цель — выработку законов. Мы рассмотрим делопроизводство французской палаты депутатов.

I. О делопроизводстве во французской палате депутатов.

В делопроизводстве французской палаты депутатов первенствующее значение принадлежит общему собранию палаты и постоянным комиссиям.

Комиссии служат для подготовки дел: законопроектов (*projets de loi*), законодательных предположений (*propositions de loi*), проектов резолюций (*propositions de résolution*) и т. д., а общие собрания для их публичного обсуждения и принятия¹⁾. По наказу все законодательные дела до поступления в общее собрание подлежат рассмотрению в комиссиях. Комиссии бывают постоянные (*permanentes*) и специальные (*spéciales*); первые рассматривают дела, которые поручаются им наказом (ст. 11), вторые получают задания по особому постановлению палаты²⁾.

1) *Règlement de la Chambre des Députés*, juin 1924, Imprimerie de la Chambre des Députés: Art. 20—25.

2) Там же.

Значение постоянных комиссий велико: с одной стороны они дают работам палаты особый новый характер, а с другой — принцип их образования выражает изменившееся правовое воззрение на роль депутата и парламента. Введение постоянных комиссий¹⁾ поэтому является фундаментальным новшеством в организации палаты депутатов. Раньше французские палаты знали только специальные временные комиссии, деятельность которых была сопряжена с большими неудобствами: число их было велико²⁾, и результат их работ не соответствовал затраченным усилиям³⁾. Эта практика держалась, однако, до начала текущего столетия, так как полагали, что специальные комиссии способны гарантировать хорошую подготовку законов, таковые же постоянные учреждения вызывали представление о дурной памяти постоянных комитетов революционной эпохи, которые препятствовали функционированию исполнительной власти⁴⁾. Но, все-таки, с конца прошлого столетия реорганизация палаты на более рациональных началах для интенсификации парламентского делопроизводства стала необходимой, и в 1902 году палата решила внести в наказ статьи, закрепившие систему больших постоянных комиссий, вошедшую в парламентский обычай уже раньше, мало-по-малу, рядом с системой специальных комиссий⁵⁾.

Статья 11-ая наказа постановляет, что в начале каждой легислатуры и ординарной сессии палата депутатов назначает двадцать больших постоянных комиссий, коим всем отводится определенный круг дел. Некоторые комиссии по кругу своих дел соответствуют министерствам, как напр. комиссии иностранных дел и финансов, но это не общее правило, и повидимому не имелось в виду координировать парламентские ко-

1) Резолюция палаты от 17 ноября 1902 г.

2) В 6-ую легислатуру было 184 специальных комиссий (Pierre, *Traité-Supplément*, 1924, p. 1064, note).

3) В proposition du 19 novembre 1889 MM. Siegfried et Léon Bourgeois пишут: „Ces multiples commissions spéciales ... pour une grande dépense de forces et de mouvements, ne donnent que des résultats insuffisants“ (Pierre, o. c., p. 1064).

4) Pierre, *Traité*, 6-e éd., p. 889 (rapport de M. Corne).

5) Pierre (o. c., p. 1064) пишет, что до 1902 года „l'usage s'était introduit peu à peu de nommer des Commissions permanentes à compétences très étendues ...“

миссии с министерствами¹⁾. Дела, по общему правилу, поступают на предварительную разработку в постоянную комиссию по принадлежности, если не состоялось иного постановления палаты (ст. 27 наказа). Таким образом предварительная разработка дел сосредоточена, преимущественно в этих больших комиссиях. Относительно работ комиссий проводится принцип континуитета: поэтому новые комиссии, заменяющие старые, продолжают все работы, которыми были заняты последние (ст. 11bis), и каждая комиссия может брать на себя доклады, составленные в предшествующую легислатуру, и представлять их палате без изменений или же с поправками (ст. 36). Если члены правительства и упрекают эти комиссии в том, что они „s'érigent en comités directeurs et parfois en contre-gouvernement“²⁾, то все-таки Duguít отзывается о постоянных комиссиях с похвалой, особенно за время войны³⁾.

Но особенно нужно отметить перемену в способе назначения членов постоянных комиссий. Как известно, французская палата делится на 11 т. н. бюро; принадлежность депутатов к данному бюро определяется путем жребия. Эти бюро — постоянные учреждения, и через посредство их происходило обыкновенно назначение членов комиссий, в равном числе от каждого бюро; в виде исключения выборы комиссий происходили и на общем собрании палаты⁴⁾. Выборы через бюро, составленные жеребьевкой, делали состав постоянных комиссий зависимым от случая, так как в каком-либо бюро могли быть сосредоточены случайно лица, компетентные в определенном вопросе, в большем числе, чем их могло быть назначено от бюро (до 3 членов), в других же бюро столь компетентных лиц могло не иметься; благодаря несовершенству процедуры назначения комиссии лишались, следовательно, полезных членов⁵⁾. В начале 10-ой легислатуры (1910—1914), резолюцией от 10 июля 1910 года, введена была поэтому новая процедура назначения

1) Cp. Hauriou, Précis de droit constitutionnel, 1923, p. 566 note.

2) Discours de M. Poincaré (y Duguít, Traité, t. IV, 1924, p. 336).

3) ibid., p. 329: „Pendant la guerre, c'est surtout par ces commissions permanentes que la chambre a exercé son contrôle sur le gouvernement; elles ont joué un rôle de premier ordre et, quoi qu'on en ait dit, heureux“.

4) Pierre, o. c., p. 891 et suiv.

5) Rapport du 30 juin 1910 de M. Maunoury (Pierre, Traité-Suppl., 1924, p. 1070).

членов постоянных комиссий. Формально члены комиссий избираются путем *scrutin de liste* в общем собрании палаты; на деле, однако, назначение передано политическим группам, фракциям палаты. Согласно статье 12-ой наказа, за пять дней до срока выборов комиссий, бюро этих групп представляют председателю палаты список своих членов; депутаты, не принадлежащие ни к одной группе, образуют особое бюро, которое избирает своих кандидатов. Кто не записывается ни в какую группу, не фигурирует в списках их и не участвует в назначении членов комиссий¹⁾. Никто не может быть одновременно в списках двух групп. Списки членов групп публикуются в отчетах палаты, прилагаемых к *Journal Officiel*, вследствие чего эти группы приобретают официальный характер. После этого, бюро (т. е. президиумы) всех групп собираются и устанавливают, пропорционально численности групп, количество членов, подлежащих избранию в постоянные комиссии от каждой группы; все эти комиссии состоят из 44 членов, поэтому в каждую из них от данной группы назначается равное число членов. Затем, каждая группа отдельно намечает своих кандидатов в комиссии, и бюро групп сообща представляют председателю палаты таким путем составленные списки членов постоянных комиссий, которые публикуются в отчетах палаты. Эти списки считаются в назначенный срок утвержденными палатой, если против них не предъявляется, до дня утверждения, письменного протеста по крайней мере со стороны 50 депутатов. В случае протеста, палата приступает к голосованию путем *scrutin de liste*. Никакой депутат не может быть одновременно членом более двух комиссий²⁾. Когда создаются вакантные места, то каждая группа назначает кандидатов на место уходящих, а замещение происходит вышеописанным порядком. Duguít замечает, что выборы палатой имеют место очень редко³⁾; можно сказать, что, по общему правилу, назначение комиссий стало делом групп или фракций палаты.

Такая перемена в порядке назначения комиссий свидетельствует о глубокой перемене в самом понимании отношения депутатов к парламенту, как целому.

1) В январе 1923 г. в таком положении были три депутата (Pierre, о. с., p. 1076).

2) Pierre, о. с., p. 1076 et suiv.

3) *Traité*, t. IV, 1924, p. 331.

По традиционному воззрению, депутат лично представляет весь народ, и как таковой он выступает в парламенте: дебатировать, голосует, не будучи связан никакими обязательствами группового или частного характера; в лице депутата всегда хочет, говорит, действует в парламенте вся нация. Долголетний председатель палаты депутатов Brisson, исходя из таких идейных предпосылок, не позволял ораторам говорить от имени групп палаты¹⁾; он не желал признавать никого, кроме депутатов и палаты. Когда в 1910 г. в палате обсуждали новый способ назначения комиссий через группы, то принципиально возражали против этого способа, исходя именно из старой парламентской доктрины, согласно которой депутат представляет всю нацию. Указывали на то, что введение партийных бюро, как базы для парламентских работ, противоречит всеобщему избирательному праву, невыгодно освещает функционирование парламентских учреждений и ограничивает прерогативы каждого депутата. Депутаты избраны индивидуально, и есть связь между ними лично и избирателями, но не между избирателями и партиями, хотя $\frac{9}{10}$ депутатов принадлежат к определенным партиям. Поэтому, депутатам оказывается через всенародное избрание личное доверие, что обязывает их голосовать по совести и в интересах лишь страны. В состав же комиссий депутаты должны назначаться в зависимости от их компетентности, а не партийной принадлежности²⁾. Протестовали против нового порядка назначения и оттого, что депутаты, не причислявшиеся ни к одной фракции, как бы вынуждались вступить в таковые, под опасением быть отстраненными от активного участия в работах комиссий³⁾. Сказывалась, таким образом, присущая французским политическим деятелям склонность к индивидуальной политической независимости, которая ставится в известные рамки новым способом выборов комиссий.

Защитники нововведения усматривали в существовании фракций нормальное явление парламентской жизни; между ними не должно быть постоянной борьбы: только мир и взаимное доверие дают возможность править делами большой

1) Barthélemy-Duez: *Traité élémentaire de droit constitutionnel*, Paris, 1926, p. 444.

2) Речь депутата Lemire (no Pierre, o. c., p. 1071).

3) Речь депутата Maurice Sibille (*ibid.*, p. 1072).

страны. Комиссии должны отражать состояние умов палаты, чтобы в них были представлены все идеи и обсуждались все поправки. Точка зрения сторонников нововведения рельефно высказывалась Jaurès'ом. Старый способ назначения через бюро палаты был „сотрудничеством между случаем и палатой“. Вследствие этого могло создаваться в комиссиях партийное представительство, столь несоответствующее истинному мнению палаты, что не наблюдалось никакой гармонии между работой комиссий и мыслью палаты; эта работа могла оказаться вне реальных возможностей, и она отклонялась палатой. Далее, партии могли быть представлены в комиссиях не пропорционально их силе, и даже оказаться вовсе не представленными, а следовательно и отстраненными от сотрудничества в парламентских работах. Справедливое представительство всех партий в больших комиссиях — гарантия не только для меньшинств, но и для большинства: сколько раз случалось на заседаниях палаты, что тезисы комиссий, в коих не были представлены все партии, вызывали со стороны отстраненных фракций возражения, ознакомиться с каковыми раньше было в интересах палаты. Новая система представительства в комиссиях должна дать всем фракциям способ лояльной деятельности; это — общее дело всех фракций, желающих каждой обеспечить должное¹⁾.

Наказ палаты дает фракциям парламента официальное признание, учитывая таким образом политическую и социальную физиономию состава парламента. Официальное бытие парламента не определяется более одним лишь индивидуалистическим принципом, присущим классической теории народного представительства. Резолюция 1 июля 1910 г., которая ввела новую процедуру назначения комиссий через фракции палаты, означает, несомненно, брешь в традиционной конструкции французской палаты и в отношениях между членами палаты и самой палатой, как целым. Piegre, правда, желает смягчить значение нововведения, подчеркивая, что в других действиях парламентской жизни фракции считаются как бы несуществующими²⁾; но его утверждение, что упоминание фракций и их решений в дебатах заседаний палат явилось бы

1) Речь депутата Jaurès'a (Pierre, о. с., p. 1072—73).

2) *ibid.*, p. 1074.

нарушением наказа¹⁾, не соответствует уже действительности. Немного ниже будут указаны изменения в наказе, отводящие фракциям совершенно новую роль.

С составлением доклада комиссии и представлением его президиуму палаты кончается подготовительная стадия парламентской процедуры, после чего следует обсуждение вопроса в общем собрании палаты и принятие проекта, либо его отклонение. Процедура общего собрания распадается на две главные стадии: прения и голосование.

Прения имеют место либо в порядке обыкновенном, либо в спешном. Для гарантии более обстоятельного обсуждения, ранее во французских палатах имелось два и даже три чтения²⁾. Теперь статья 82-ая наказа устанавливает, как общее правило, только одно чтение (*délibération*), и только по предложению одного члена палаты последняя может решить приступить еще ко второму чтению. Обсуждение дел открывается общими прениями, по заключении которых палата решает о переходе к постатейному обсуждению; отклонение постатейного рассмотрения равносильно отвержению предмета обсуждения. До последнего времени право слова в прениях было одинаково для всех членов палаты: слово давал председатель в порядке записи ораторов. Но 15 июля 1926 г. палата приняла резолюцию³⁾, которая вносит глубокие перемены в процедуру общего собрания. Как пишет депутат Joseph-Barthélemy, автор доклада, коим мотивируется необходимость изменения порядка делопроизводства, комиссия палаты руководствовалась принципом ограничения времени речей ораторов, не ставя предела их числу: огромный рост дел парламента сделал это необходимым⁴⁾. Право слова, согласно принятой резолюции, во французской палате отныне ограничено временем: оратору предоставляется, в зависимости от предмета его речи, от часу до пяти минут. Кроме членов правительства и правительствен-

1) *ibid.*, p. 1282.

2) Pierre, *Traité*, 6-e éd., p. 971 et suiv. См. также Duguít, *о. с.*, t. IV, p. 349.

3) *Résolution modifiant un certain nombre d'articles du règlement de la Chambre des Députés pour établir un statut de la séance publique (adoptée le 15 juillet 1926)* — № 519 Ch. d. dép. 1926.

4) *Rapport fait par M. Joseph-Barthélemy (annexe au procès-verbal de la séance du 3 juin 1926)* — № 2945 Ch. d. dép. 1926, pp. 11 et 12.

ных комиссаров, слово ограничено во времени для всех членов палаты; однако ограничения не равномерны. Измененная ст. 41 наказа делит депутатов-ораторов на три категории: пользующихся правом слова 1) до одного часа, 2) до получаса и 3) до четверти часа. К первой категории принадлежат: 1) председатели и докладчики комиссий, 2) авторы интерпелляций, 3) первый подписавший предложение закона или резолюции и 4) ораторы, уполномоченные своими группами, при чем имена их должны быть указаны председателем группы председателю палаты. Группы, число членов коих превышает 50, имеют право назначать одного оратора на каждые 50 членов или на дробь этого числа. Ко второй категории принадлежат авторы поправок. Наконец, к третьей — все остальные члены палаты. Таким образом, право слова рядовых членов палаты, т. е. большинства депутатов, весьма ограничено во времени. Если ограничение времени ораторов во французской палате непосредственно вызвано необходимостью ставить преграду обилию ораторского слова, чрезмерно умаляющему продуктивность палаты, то все-таки эта реформа говорит что-то большее. Докладчик Joseph-Barthélemy пишет в своем *rapport*¹⁾, что мысль ограничить время для речей возникла вместе с представительным режимом в 1789 г.; тем не менее все предложения, имевшие в виду такое ограничение, не получили дальнейшего хода. Сама традиционная идея о народном представителе, устами которого говорит вся нация, противоречит мысли ограничения права слова: остановить оратора значит — как бы не дать говорить самой нации, а это, конечно, немислимо. Если, все-таки, обстоятельства вынуждают ограничить право слова депутатов, то это означает одновременно удар и по традиционным принципиальным положениям о народном представительстве. Но особенно нужно отметить, что эта резолюция порывает с традициями прошлого еще в одном отношении: она выдвигает группу в ущерб индивиду. То, что не так еще давно не допускалось в общих собраниях палаты, а именно выступления от имени группы, теперь не только легализовано, но и создает привилегированное положение ораторам этой категории, сравнительно с выступающими индивидуально. Ораторы, говорящие от имени группы, пользуются

1) р. 15.

правом слова в течение часа, наравне с председателями и докладчиками комиссий; мало того: число таких фракционных ораторов, пользующихся этой привилегией, ставится в зависимость от численности самой группы. Прения, таким образом, являются не столько словесным состязанием между отдельными ораторами, сколько борьбой мнений групп, значение которых получает даже количественное выражение в числе ораторов, выступающих от имени фракций. Изменившееся положение рельефно характеризуется фразой депутата Nestor Molinié: человек, говорящий от собственного имени, интересен, но все-таки значительно менее, чем тот, кто говорит от имени ста других людей¹⁾. Однако формально депутат считается говорящим от имени нации! Действительность заставляет, все-таки, учитывать прежде всего то, от имени скольких своих коллег в парламенте говорит оратор, и решающее значение приобретает социальная дифференциация палаты, а не полномочие, которое дается каждому депутату всенародным избранием. Та идейная принципиальность, которой инспирировалось до сих пор делопроизводство палаты, все более уступает место фактическим соотношениям партийных сил и их стремлениям найти признание в формах парламентской процедуры. Политические группы стали в парламентской жизни закономерными единицами, которые дают себя знать уже без всякого прикрытия. Отдельный народный представитель уходит на задний план пред этим новым фактором, принявшим легализацию.

Это подтверждается позднейшей резолюцией палаты от 20 июля 1926, которая вводит особый порядок делопроизводства для спешных законопроектов: статья 3-ья гласит, что ораторы, назначенные от группы, имеют приоритет пред другими²⁾.

Прения заканчиваются голосованием, ведущим либо к принятию, либо к отклонению предмета обсуждения.

Мы видим, что силой вещей во французской палате, —

1) Rapport de M. Joseph-Barthélemy, p. 17: „Un homme qui parle en son nom personnel est intéressant, mais il l'est beaucoup moins que celui qui parle au nom de 100 autres hommes“.

2) Résolution instituant une procédure exceptionnelle pour l'examen et le vote des projets de loi urgents touchant aux intérêts supérieurs de l'État et modifiant les articles 8, 41 et 99 du règlement de la Chambre des Députés (adoptée le 20 juillet 1926). — № 531, Ch. d. Dép. 1926.

столь ревниво стремившейся сохранить в чистоте принципиальные положения народного представительства, в его индивидуалистическом духе, — в процедуре комиссий и общего собрания решающее значение имеют партии, а не отдельные депутаты. Процедура открывает возможность ясного противопоставления интересов, представляемых партиями. Прения, обсуждение в комиссиях выясняют основания для согласования этих интересов. Вотум, наконец, устанавливает, в какой мере согласованные интересы могут найти удовлетворение.

Роль депутата, представляющего только определенное личное мнение, может быть лишь второстепенна в борьбе интересов, носителями которых являются партии. Отмеченные изменения наказа французской палаты депутатов вполне правильно зафиксировали соотношения сил в лоне парламента и с формальной стороны.

II. Разработка закона о трехлетней службе 1913 г. во французской палате депутатов.

Фактическая выработка законов показывает, что и по существу законодательство имеет явный характер междупартийного соглашения. Приведем к этому жизненную иллюстрацию из французской парламентской практики: разработку закона о трехлетней военной службе в 1913 году.

В начале 1913 года французское правительство сочло необходимым поднять оборонительные силы страны в виду ожидаемого увеличения военных кредитов в Германии. По инициативе президента республики Conseil supérieur de la Guerre подготовил проект военной реформы, предполагая отменить двухлетнюю службу, введенную военным законом 21 марта 1905 года, и ввести трехлетнюю, чтобы увеличить численный состав военных сил, состоящих на действительной службе.

Палата встретила внесение министерством законопроекта весьма враждебно. Тогдашний состав палаты (10-ая легислатура) в своем большинстве был левый, и обе радикальные фракции (*gauche radicale* и *républicains radicaux-socialistes*) были наиболее сильными партиями парламента. Законопроект о трехлетней военной службе разбил все республиканские партии, кроме социалистов, на две части: сторонников и про-

тивников трехлетней службы¹⁾; социалисты же были все против этого закона, как „une pensée de réaction sociale“.

Министерство Briand'a, внесшее проект в палату, вскоре подало в отставку. Заменявшее его министерство Barthou в центре своей программы поставило проведение закона о трехлетней службе. Новый кабинет встречается палатой с явным недоверием, которое, однако, формального выражения не получает, так как, при 156 воздержавшихся, ему голосуют доверие 225, против 162. Военный проект кабинета до того разединил обе радикальные фракции, что из группы radical-socialiste голосуют за министерство — 25, против — 59 и воздерживаются — 57, а из группы gauche radicale: за — 60, против — 3, воздерживаются — 39²⁾. Такое же разделение имело место и в других группах; лишь группа socialistes unifiés почти целиком голосует против министерства (69 на 72). Первое голосование показало, что кабинет Barthou был министерством меньшинства и пользовался явной поддержкой центра, хотя и здесь нет ни одной группы, которая бы целиком голосовала за министерство. Кабинет все-таки, успешно проводит свою программу и остается у власти более 8 месяцев (с 22 марта по 2 декабря 1913); сила его заключалась в определенной программе: провести военный закон, необходимость которого все более и более осознавалась политическими кругами, в связи с промедлением в его издании.

Военный проект рассматривается при деятельном участии министерства в течение более двух месяцев в *comission de l'armée* палаты; это была одна из больших комиссий, в которой в определенной пропорции представлены были все группы палаты. Социалисты и часть радикал-социалистов уже здесь энергично борются против увеличения срока военной службы, но все-таки, в общем, комиссия благоприятно относится к проекту правительства, принимая основные положения его. В начале мая комиссия оканчивает свою работу, и 14-го мая законопроект с докладом комиссии представляется палате депутатов на рассмотрение, но обсуждение его начинается здесь не ранее 2-го июня.

1) См. Заявление противников закона, прочитанное Caillaux на 2-м заседании палаты депутатов 19 июля 1913 г. (*Journal Officiel, Débats*).

2) Эти цифры взяты из *Journal des Débats* от 27 марта 1913; остальные из J. O.

Между тем министерство, желая иметь контингент, предвиденный в проекте, объявило, что намерено воспользоваться правом, предоставленным ему военным законом 21 марта 1905, и оставить под ружьем призыв (classe) 1910 г., который должен был уйти в запас в октябре 1913 г. По этому поводу 15 мая министерство интерпеллируется в палате, и ему ставят в упрек, что оно желает оказать давление на свободное решение палаты относительно трехлетней службы (речь Duga-four). Несмотря на нападки противников трехлетней службы, министерству вотируется доверие большинством 322 голосов, против 155, при лишь 96 воздержавшихся¹⁾, так как правые и умеренные уже целиком голосуют за министерство из боязни отрицательным вотумом поколебать дисциплину в войсках, в виду того, что предполагаемое продление срока службы вызвало в нескольких казармах волнения²⁾. Этим голосованием вполне явственно определилось то большинство в палате, которое, сплотившись вокруг министерства, готово было провести военный закон; после этого принятие закона о трехлетней службе можно было считать наперед уже обеспеченным.

2-го июня началось в палате обсуждение проекта, которое продолжалось долго (со 2-го июня по 19 июля, на 35 заседаниях) и вызвало ожесточенные прения, вследствие энергичной оппозиции противников трехлетней службы, так что иногда казалось, что большинство, проводившее проект, едва ли не сломлено. Социалистами и другими противниками проекта были использованы всевозможные тактические средства, которые предоставляет парламентская процедура: *question préalable*, требование *renvoi à la commission*, *contre-projets*, *amendements*, и их упрекали, что они прибегают к систематической обструкции, чтобы замедлить принятие закона³⁾. Во время общих прений противниками закона указывалось на ненужность его, и правительству прямо заявляли, что увеличение срока военной службы требуется в угоду русскому империализму, вследствие обязательства, принятого на себя президентом республики. Однако, общие прения не поколебали пра-

1) J. O., Déb., Ch. d. Dép., séance du 15 mai 1913, scrutin N° 704.

2) Cm. Lavissee, E., Histoire de France contemporaine, t. VIII: L'évolution de la 3-e République par Ch. Seignobos, p. 285.

3) M. Adigard: „... C'est l'obstruction qui continue sous une nouvelle forme...“ (Séance du 8 juillet 1913, Ch. d. dép., Déb., J. O.).

вительственного большинства и решено было более чем 400 голосами общие прения закончить, признать закон спешным и перейти к постатейному обсуждению проекта. После этого много времени ушло на рассмотрение целого ряда *contre-projets*, из коих наиболее основательно расходились с проектом комиссии *contre-projets* социалистов, среди которых один прямо преследовал упразднение постоянной армии. Проекты социалистов, как лишённые практического значения, поддерживаются одними лишь социалистами, и отвергаются остальными фракциями; но *contre-projets* других фракций, имевшие в виду либо сохранение двухгодичной службы, либо продление активной службы на меньший срок, чтобы иными мероприятиями усилить до желанного состава активную армию, объединяют иногда на себе сильное меньшинство (особенно *contre-projet* Messimy-Paul Boncourt: за 266, против 312¹). Обсуждение *contre-projets* обнаружило по многим вопросам, в частности относительно способа проведения в жизнь проекта, резкое расхождение во мнениях, и правительство считало нужным внести в прения успокоительную нотку, заявляя устами Barthou: „Je pourrai dire, messieurs, que le gouvernement s'expliquera à son heure sur les *contre-projets* . . . le gouvernement ne serait pas opposé à une transaction qui ne mettrait pas en péril les principes essentiels du projet de loi²). Рассмотрение *contre-projets* заканчивается лишь на 23-м заседании, посвященном проекту, и затем, так как все *contre-projets* отвергнуты, приступают к рассмотрению проекта комиссии, поддерживаемого правительством.

Проект комиссии, составленный под влиянием военных специалистов, имел в виду преимущественно интересы обороны. Общая его схема сводилась к тому, чтобы достичь немедленного увеличения контингентов продлением срока службы до трех лет, с сохранением призывного возраста в 21 год и с распространением действия закона и на те годы (*classes*), которые состоят на активной службе, хотя и призваны при действии старого закона 1905 года; новому закону, следовательно, придавалась обратная сила. Новый закон, таким об-

1) Отклонение этого *contre-projet* правительство связывало с вопросом доверия себе (*séance* du 3 juillet 1913).

2) J. O., Déb. parl., Ch. d. Dép., 2-e séance du 26 juin 1913.

разом должен был закрепить законодательным путем мероприятие правительства относительно оставления под знаменами класса 1910 года, которому в октября 1913 г. истекал двухгодичный срок службы.

В палате законопроект о трехгодичной службе, с которым к тому же министерство связывало свое пребывание у власти, была обеспечена поддержка большинства; но совершенно иным было отношение фракций к вопросу о том, какими практическими мероприятиями гарантировать немедленную эффективность закона, тем более, что правительство не сделало из способа, предложенного комиссией, кабинетного вопроса. Неудивительно поэтому, что во время обсуждения проекта палата предприняла в этой области радикальные изменения в проекте; для фракций решающее значение имели не мнения специалистов, не всегда единогласные, а соображения партийного и политического характера.

Трехгодичный срок принимается палатой большинством 339 против 223¹⁾, а равно и численное увеличение составов (*des effectifs en hommes*). Но в остальной части схема проекта комиссии изменяется. Продление срока службы тех классов, которые призывались при действии закона 1905 года, совсем не входило в партийные расчеты фракций палаты, которые вотировали доверие правительству 15 мая. Понятно, поэтому, что легко нашлось большинство для поддержки поправки, которая открыла возможность увеличить состав войска согласно требованию правительства, не прибегая к продлению срока службы класса, подлежавшего в октябре освобождению. Один член *union républicaine* предложил понизить призывной возраст до 20 лет, что должно было имѣть последствием призыв на службу в 1913 году одновременно двух классов: 1912 и 1913 годов, и таким образом, под знаменами оказались бы в критический октябрь 1913 г. три призывных года (1911, 1912, 1913) уже в силу закона; старший же призыв 1910 г. мог быть освобожден в виду истечения срока службы. Хотя оппозиция и указывала на пагубность понижения призывного возраста с точки зрения физического развития призываемых, все-таки, поправка эта, поддержанная министерством, обещавшим строгий медицинский осмотр призываемых и улучшение условий

1) J. O., Déb. parl., séance du 7 juillet 1913, scrutin № 783.

казарменной жизни¹⁾, принимается большинством 394, при 16 лишь воздержавшихся²⁾; вместе с большинством вотировала на этот раз большая часть воздержавшихся при вотуме доверия правительству по случаю интерpellации 15 мая³⁾. Понижение возраста призываемых должно было иметь то последствие, что в ближайшие три года одновременно оставались бы на службе четыре класса, если бы обязанность трехгодичной службы распространилась на классы 1910, 1911 и 1912 гг. поэтому логическим следствием было постановить, что по отношению к этим классам, *appelés ou recensés* в силу закона 1905 года, сохраняет действие двухгодичный срок; обратное действие закона, предусмотренное проектом комиссии, палатой по необходимости отвергалось. Правительство, рассчитывая и при этом условию иметь более или менее многочисленный состав военных частей, требуемый высшим военным советом, согласилось на изменения проекта⁴⁾, внесенные палатой, и отвергло лишь поправку противников трехлетней службы, имевшую в виду предоставить министрам военному и морскому праву увольнять в запас классы, окончившие два года службы, при обстоятельствах, это допускающих; министерство усматривало в этой поправке отрицание принципа трехлетней службы⁵⁾.

Отношение фракций к изменению, предпринятым палатой в проекте, было различно. Противники трехлетней службы ищут в этих изменениях аргументов против самого закона. Они указывают на то, что новый закон признан спешным, чтобы возможно скорее поднять подготовленность и численный состав действительной армии. Изменения, внесенные в проект палатой, служат однако, противоположной цели, так как в октябре будет отпущен вполне обученный старший призыв, и в распоряжении правительства окажутся лишь полуобученный призыв 1911 г. и совсем необученные призывы 1912 и 1913

1) См. речь военного министра на 2-м заседании 16 июля 1913 г. (J. O., Déb.).

2) J. O., Déb., 2-e séance du 16 juillet 1913, scrutin № 804. Оппозиция объявила этот вотум, как инспирированный желанием освободить к сроку класс 1910 года. (Ср. речь деп. Augagneur на том же заседании).

3) См. выше стр. 50.

4) На 2-м заседании 16 июля военный министр прямо просит голосовать за соответствующую поправку (*amendement de M. Escudier*).

5) J. O., Déb., Ch. d. Dép., 2-e séance du 18 juillet 1913: *amendement de M. Augagneur*.

годов. В критический момент, следовательно, качество наличного состава армии ухудшится, притом не будет достигнут и требуемый новым численным составом её контингент, так как призыв 1913 года, состоя из физически более слабых молодых людей двадцатилетнего возраста, не даст в численном отношении полностью того состава, который предстоит заместить вследствие роспуска призыва 1910 года. Если предполагается найти время для подготовки этих необученных классов, то к чему было вводить страну в заблуждение относительно безотлагательной необходимости нового военного закона¹⁾. Точка зрения противников закона, находит как бы новое подтверждение.

Сторонники закона усматривают в изменении проекта комиссии в вышеуказанном смысле, т. е. в понижении призывного возраста до 20 лет, нововведение, которое содержит в себе больше выгод, чем невыгод, как для самих призываемых, так и для страны; молодые люди покидают военную службу более зрелыми физически и нравственно и в том же возрасте, как и при старом законе 1905 года; экономические и социальные последствия трехлетней службы, поэтому, не могут быть для страны столь тяжелы, как при сохранении призывного возраста в 21 год. Чтобы устранить нагубные последствия гигиенического характера необходимо обеспечить призываемым условия службы, удовлетворяющие санитарным и гигиеническим требованиям. Опасность роспуска класса 1910 года в октябре и проистекающей от этого временной дезорганизации оборонительных сил смягчается тем обстоятельством, что в таком же положении будут и те государства, в целях обороны против которых признается необходимым издание нового военного закона²⁾. Фракции, поддерживавшие закон, принимая призывной возраст в 20 лет, могли рассчитывать на то, что они тем самым внесут успокоение в среду старших классов, призванных при действии закона 1905 года, и настроят также более благоприятно в отношении к закону страну в целом, возлагая лишний год службы на менее зрелые в экономическом и социальном отношении элементы.

То же желание показать избирателям, что на страну на-

1) Этой точке зрения дал яркое выражение Jaurès на 2-м заседании палаты 19 июля 1913 (J. O., Déb.).

2) См. речь деп. Escudier на 2-м заседании 16 июля 1913 г. (J. O., Déb.).

лагается лишь самое необходимое бремя, и на каждого индивида в равной мере, побуждает всю палату голосовать за принципиальную поправку одного противника трехлетней службы (радикал-социалиста Daniel Vincent'a), в силу коей все лица мужского пола, признанные годными для несения военной службы, должны служить на деле одинаково долгое время („tous les hommes reconnus aptes aux service militaire sont tenu d'accomplir effectivement la même durée de service“). Подчеркивая равномерное для всех классов населения распределение новой тяжести в виде продления службы, желают как бы смягчить ее; палата принимает эту поправку почти единогласно (564 за, 1 против ¹⁾).

Несмотря на маневры меньшинства, бывшего против закона, сторонникам трехлетней службы удалось сохранить и обеспечить большинство новому закону и его основным положением. Меньшинство, не переставая подчеркивать недостатки проекта, пытается в частностях изменить либо дополнить закон согласно своим партийным соображениям; поэтому, по поводу отдельных постановлений закона возникают совершенно случайные комбинации между сторонниками и противниками закона, и те большинства, которые поддерживают частные постановления закона, не всегда совпадают с тем большинством которое проводит весь закон.

Таким частным вопросом было постановление о суточных (allocation) семьям призванных на службу. Размер allocation, предложенный комиссией, встретил возражения со стороны министра финансов, обеспокоенного чрезмерным обременением бюджета. Но радикальное и социалистическое большинство палаты вотировало все постановления, идущие на пользу неимущих слоев населения, руководствуясь соображением, формулированным докладчиком *commission d'armée*: „... nous devons permettre à ceux qui sont les soutiens indispensables de ces familles et qui vont partir au régiment d'y aller l'esprit libre et le moral allégé, en songeant que ceux qu'ils laissent derrière eux, sans ressources, trouveront auprès de l'État l'aide indispensable à leur existence quotidienne...“ (2-е сессия 17 июля 1913). Принимается размер allocation, предложенный комиссией, при чем большинство образуется из левых сторон-

1) J. O., Déb., Ch. d. Dép., séance du 7 juillet 1913, scrutin № 780.

ников закона и социалистов, меньшинство же — из многих членов умеренных и правых фракций, поддерживающих трехлетнюю службу. Тем же большинством отвергается фиксация всякого максимума, до которого бюджет может быть обременен этим новым расходом. Вотируется поправка социалистов, распространяющая на все категории военнообязанных, призванных на действительную службу, право на *allocation*; голосуют против или воздерживаются многие умеренные и правые (2-e séance du 19 juillet 1913, scrutin № 829). Со стороны социалистов вносятся еще другие поправки, преследующие материальную поддержку неимущим во время отпусков, но эти поправки радикалами отвергаются.

Точно также, понижение призывного возраста до 20 лет выдвинуло вопрос о гарантиях строгого освидетельствования новобранцев и о помещении их в условия, удовлетворительные в санитарном отношении. Соответствующие предложения комиссии палата принимает; находят также большинство и поправки к этим постановлениям двух противников трехлетней службы (Sireyjol и Vaillant¹).

Вопрос об отпусках также создал особую ситуацию. Отпуски интересовали больше всего депутатов сельских районов, для которых желательно было, чтобы солдатам-сельчанам отпуска давались во время летних сельских работ. В палате имелась особая *groupe agricole* (более 100 членов), в которую входили депутаты разных партий, но главную массу этой группы составляли члены радикальных фракций и *la gauche démocratique*. Поправка к статье об отпусках, имевшая в виду интересы сельскохозяйственных работ, предложенная этой группой и поддержанная комиссией d'armée, была принята без возражений палатой²).

Судьба других поправок, предложенных частью оппозицией, была менее счастлива; большинство их отвергалось, иногда под давлением правительства. Правительство во время обсуждения законопроекта несколько раз ставило вопрос о доверии, главным образом в те моменты, когда в палате заметно было колебание относительно основных положений проекта; в последний раз это имело место пред окончательным голосо-

1) См. J. O., Déb., 2-es séances du 17 et 19 juillet 1913.

2) См. J. O., Déb., 2-e séance du 18 juillet 1913.

ванием всего проекта на 2-м заседании 19 июля 1913 г. Весь проект был принят 358 голосами против 204 и после короткого обсуждения в Сенате, где не было внесено изменений, стал законом 7-го августа 1913 года¹⁾.

Мы ограничились лишь общим очерком процедуры рассмотрения закона о трехлетней службе, в свое время, накануне мировой войны, столь взволновавшего политические круги Франции. Детальное описание, конечно, еще более рельефно оттенило бы черты парламентского законодательства, как формы соглашения между партийными группировками; но и выше изложенное позволяет нам отметить характерные моменты этой процедуры. Роли в ней распределены следующим образом.

Над всеми политическими группами господствует сознание, что внешняя оборона имеет большое государственное значение: важность этого вопроса ни одной фракцией не отрицается²⁾.

Министерство является ходатаем по этому вопросу; оно признает необходимой определенную практическую меру — введение трехгодичной службы — безусловно необходимой для обеспечения интересов обороны и с проведением этой меры связывает свое пребывание у власти, как это явствует из декларации правительства от 25 марта 1913 г.³⁾ и из повторных заявлений при рассмотрении самого проекта в палате.

Фракции в отдельности, представляя интересы своих избирателей, готовы согласиться на необходимое и минимальное, ища по возможности компенсаций за уступленное.

1) См. J. O., Lois et décrets, 8 août 1913.

2) И социалисты, принципиальные противники закона, не отрицают необходимости государственной обороны; если они отвергают проект, то лишь потому, что он будто бы далеко не обеспечивает обороны, а наоборот, ее компрометирует, „bien loin d'assurer la défense du pays, elle la compromet“ — декларация социалистов, оглашенная на 2-м заседании 19 июля 1913 г. членом фракции социалистов Henri de la Porte для объяснения вотума при окончательном голосовании. Ср. также слова Jaurès'a: „Si nous votons contre le passage à la discussion des articles et contre l'urgence, ce n'est pas que nous méconnaissions la nécessité pressante d'un immense effort d'organisation de la défense nationale (на 1-м заседании 17 июня 1913).

3) „Aucune préoccupation ne domine à ses yeux la nécessité d'assurer la défense nationale par des mesures indispensables et urgentes... un projet de loi portant à trois ans la durée du service...“ (J. O., Déb.).

Социалисты и радикалы, считая себя представителями народных масс, сознают, что увеличение срока военной службы падает тяжелым бременем, прежде всего, на эти массы. Настроенные доктринерски, социалисты и часть радикалов желают совершенно изменить существующую систему обороны введением новой системы „nation armée“, которая, однако, не может гарантировать удовлетворения немедленной потребности обороны. Они, правда, отвергают практические мероприятия правительства, повидимому также вследствие иллюзии, что европейская война может быть предотвращена¹⁾; но они не в состоянии убедить большинство палаты, что предлагаемая ими система в состоянии лучше удовлетворить потребности немедленной обороны, чем представленный законопроект, и поэтому остаются без поддержки других фракций.

Другая часть радикалов, руководясь практической необходимостью, присоединяется к проекту правительства и комиссии, так как все иные практические меры, предложенные с разных сторон, менее гарантируют усиление обороны страны, чем проект правительства.

Умеренные республиканцы и правые, представляя круги общества, которые заинтересованы в военной мощи страны, стоят за введение трехлетней службы, при чем новый военный закон является для правых как бы реваншем за закон 1905 г. о двухлетней службе, пишет Seignobos²⁾.

Правительству удалось убедить большинство палаты в необходимости проектируемого им увеличения срока военной службы и, поэтому, несмотря на трудность проведения закона, все-таки, сущность требуемого министерством мероприятия принимается. Уступая необходимости, большинство парламента вотирует трехгодичный срок, но все фракции одушевлены общим стремлением смягчить бремя нового закона для своих избирателей, хотя иногда отдельные группы и даже депутаты обнаруживают в этом отношении попользования свыше меры, но такие стремления встречают отпор со стороны тех

1) Ср. речи социалистических ораторов на заседании 16 июня 1913 (J.O., Déb.).

2) Lavissee-Seignobos, o. c., p. 285: „...il s'accordait avec la répugnance politique des conservateurs pour la réforme militaire démocratique de 1905, qui leur faisait voir dans le retour au service de trois ans une revanche sur le Bloc“.

фракций, которые в них не заинтересованы в равной мере¹⁾. Напротив, какой-либо общепризнанный интерес, принцип, объединяет все фракции, как это было с поправкой Daniel-Vincent²⁾.

Мы наблюдаем далее, что фракции или группы, оспаривающие необходимость правительственного проекта и, поэтому,отирующие против него, в целом, все-таки, не отказываются от участия в обсуждении частных проекта, раз последний поддерживается определенным большинством палаты. Участие фракций меньшинства в детальном обсуждении проекта — вполне реальная необходимость, так как в противном случае представляемые ими интересы оказались бы без защитников, и проект мог бы возложить на слой населения, ими представляемый, более тяжкое бремя, чем это явно необходимо, а также возможные компенсации не были бы добыты. Некоторые поправки, предложенные социалистами, вошли в новый военный закон, при воздержании социалистической фракции от детального обсуждения отвергаемого ими проекта, эти поправки не были бы сделаны, и в законе не было бы полностью тех компенсаций, которые при данной политической кон'юнктуре были возможны³⁾.

Фракции, поддерживающие правительственный проект, оставляют его принципы нетронутыми, так как правительство связывает с ними вопрос о доверии; но они отнюдь не удовлетворяются беспрекословным принятием тех мер, которые предлагаются правительством, если последнее не связывает с ними вопроса о доверии. Фракции большинства свободно изменяют всю конструкцию проекта и его частности, исходя из партийно-политических соображений, которые иногда совсем не тождественны с правительственными⁴⁾. Они стремятся также удовлетворить интересы своих избирателей в большей мере,

1) Так напр. социалист Reboul внес поправку: „La dépense journalière de nourriture afférente à chaque soldat leur sera payée quand ces mêmes soldats seront en congé“, которая была отвергнута всеми фракциями, кроме социалистов — (J. O., Déb., 1-e séance du 19 juillet 1913, scrutin № 819).

2) См. выше, стр. 55.

3) Так напр., социалисты внесли в новый закон поправку, распространяющую право allocation на все категории военнообязанных (см. выше, стр. 56).

4) Понижение призывного возраста до 20 лет (см. выше стр. 54).

чем это кажется желательным министрам в видах правительственных¹⁾).

Правительство — ходатай пред парламентом в интересах государства; но правительство должно вполне определенно знать, что практически нужно для удовлетворения осознанного государственного интереса — в этом его роль и ответственность. Оно связывает свою ответственность и судьбу с проведением признанной им необходимой практической меры, и в этом более точном смысле можно говорить о руководящей роли министерства в палате. Но все-таки участие правительства в обсуждении внесенного им законопроекта не ограничивается лишь аргументацией в пользу предложенных им мероприятий, подчас подкрепленной угрозой подать в отставку, — правительство имеет помимо того более обширную задачу: оно отдаёт в распоряжение палаты свою компетенцию и техническое знание дела, помогая ей в поисках жизненно наиболее гибкого и реального способа удовлетворения стоящего на очереди государственного интереса, если даже какое-либо предложение правительства, с которым оно не связывает своей судьбы, отвергается палатой. Но и в роли компетентного сотрудника парламента правительство всегда активно, отвергая то, что оно считает несогласным с государственными интересами, связывая при случае свое пребывание у власти с тем, что необходимо для их удовлетворения — и здесь правительство всегда более компетентно, чем палата, которая готова идти за ним, если только сама необходимость доказана. Отношение между правительством и палатой рисуется вполне отчетливо в условиях французской системы: если правительство знает, что нужно государству, то палата более обстоятельно и тонко может решить, как это нужное для государства реализовать, или иначе, если правительство может указать, в чем необходимо согласование интересов, то палата в состоянии найти наиболее жизненный при данной политической обстановке способ этого согласования.

1) Установление allocation в высшем разmere, чем считает это возможным министр финансов (см. выше, стр. 55).

Глава пятая.

Правительство при парламентаризме.

§ 1. Отношение между парламентом и правительством: ответственность министров и министерские кризисы.

При парламентаризме, другой важной, пожалуй наиважнейшей функцией, парламента является установление министерства и контроль над ним. Мы выше уже говорили, что в этом заключается содержание отношения между парламентом и правительством, и что в теории оно ближе обозначается, как институт министерской ответственности. Согласно этому институту, правительство, в лице министерства, поставлено в зависимость от парламента в том отношении, что оно может осуществлять власть только до тех пор, пока пользуется доверием большинства парламента; если это доверие утрачено, министерство обязано подать в отставку. Если это основное положение ясно и вполне точно определяет формальную сторону политической ответственности министерства пред парламентом, почему мы и находим в конституциях разных стран краткие постановления об этой ответственности министров, как напр. во французском конституционном законе от 25 февраля 1875 г. или в Эстонской конституции от 15 июня 1920 г., то все-таки вся совокупность отношений правительства к парламенту представляет собой сложный комплекс бытовых, политических, психических и юридических фактов, меняющихся и неисчерпаемых для исследователя.

Институт министерской ответственности в своей ясности может создать иллюзию несложности и безболезненности смены министерств. Повидимому, что проще? Министерство осталось в меньшинстве в парламенте, оно подает в отставку, назначается новое, согласно желанию большинства, свергнувшего старое министерство. Действительность, конечно, дает нам другую кар-

тину смены правительств, и эта процедура нередко так трудна и продолжительна, что употребляемое в парламентской практике и в широкой публике выражение „кризис министерства“ метко характеризует ситуацию. Мало того, смены министерств в условиях континентального парламентаризма становятся иногда угрожающе частыми¹⁾, особенно когда нет руководящих политических деятелей, и „кризисы“ превращаются в игру мелкого честолюбия партийных политиков, а институт политической ответственности министров становится удобной ширмой для безответственных интриг²⁾. Если и говорится, что при парламента-

1) По подсчету Leroу-Beaulieu средняя продолжительность французских кабинетов — шесть месяцев (Arzens, J., *L'Échec du gouvernement parlementaire*, 1898, p. 26). Не следует, однако, при таком подсчете руководиться только числом назначений: нужно принять в соображение и смену лиц, так как весьма часто одни и те же лица переходят из кабинета в кабинет, оставаясь даже на том же министерском посту; поэтому в последнем отношении перемен в составе кабинетов значительно менее, чем в первом смысле. Данные относительно личного состава французских министерств, имеющиеся частью в приложенной таблице и в сборнике Le Chartier, *La France et son parlement 1871—1912*, рисуют следующую любопытную картину. За время с 1871 по 1911 г. насчитывается 50 министерств; на посту премьер-министра сменились 30 лиц, следовательно 20 раз приглашались бывшие премьер-министры, некоторые из них несколько раз (напр., четыре раза Freycinet). На 50 кабинетов было назначений всего — 587, но смен лиц только 243. Ряд министров были целыми годами на своем посту, независимо от смены кабинетов: так Delcassé был в течение 7 лет министром иностранных дел в шести кабинетах (1898—1905); Cocherу был министром почт и телеграфов 6 лет (1879—1885) и др. — Вообще, с точки зрения формальных назначений средняя продолжительность министерств за 40 лет третьей Республики несколько менее года (0,8 года), с точки зрения же смены лиц это среднее многим более года (прибл. 2 года).

Аналогичное явление замечается и в балтийских государствах. По данным канцелярий местных парламентов мы имеем здесь следующую картину. В Эстонии за время с 8. V. 1919 по 26. III. 1924 было 9 министерств; на 90 назначений министров имеется личных смен 51. В Финляндии с 27. II. 1917 по 31. V. 1924 было 11 министерств, при чем на 137 формальных назначений личных смен — 92. В Латвии за время с 18. XI. 1918 по 27. I. 1924 имелось 8 министерств, и на 78 назначениях было личных смен 42. Наконец, в Литве с 7. XI. 1918 по 18. VI. 1924 насчитывается 10 министерств, а назначений министров 95 и личных смен их — 56. Вообще, в балтийских государствах продолжительность министерств, в смысле формального существования — менее года, но в отношении перемен личного состава — более года.

2) Иллюстрацией сему могут служить министерские кризисы во Франции за 4-ую и 5-ую легислатуру, т. е. за годы с 1885 по 1893. За все это время

ризме правительство зависимо от парламента, то это положение можно дополнить другим: и парламент зависим от правительства. Без правительства парламент неработоспособен, так как аппарат власти в государстве расстроен за отсутствием ответственного пра-

соотношение республиканских и антиреспубликанских элементов было почти постоянно: выборы 1885 г. дали 382 депутата республиканца и 201 консерватора, а выборы 1889 г. соответственно 366 и 172. Можно было бы ожидать, что республиканское большинство обеспечивает стране твердое правительство. На деле мы замечаем, однако, смены министерств, не достаточно обоснованные обстоятельствами. После выборов 1885 г. назначается умеренно-республиканское министерство Freycinet, которое остается у власти 11 мес. 5 дней и лишается поддержки большинства по вопросу о кредитах на содержание супрефектов, которые защищались министерством. Образуется новое умеренно-республиканское министерство Goblet, в которое входят почти все прежние министры; отвергнутые кредиты восстанавливаются. Министерство падает, просуществовав 5 месяцев 20 дней, также на вопросе о кредитах. Формируется другого состава новое умеренное министерство Rouvier, которое существует 6 месяцев 12 дней и свертывается в связи с т. н. affaire Wilson. Четвертое умеренное министерство Tirard просуществовало 3 месяца 23 дня, и подает в отставку, оставшись в меньшинстве по вопросу о ревизии конституции, ответственность за которую оно не желало брать на себя. Пятое министерство Floquet, также умеренное, подает тоже в отставку на вопросе о ревизии конституции, просуществовав 10 месяцев 20 дней. Но самый вопрос о ревизии отпадает также. Возвращаются, наконец, к новому умеренному министерству Tirard, которое на сей раз просуществовало 1 год 24 дня, отчасти благодаря избирательной компании, им руководимой. Оно подало в отставку уже при новой палате. Те же частые смены министерств продолжаются и при новой палате, избранной в 1889 году. После сравнительно продолжительного министерства Freycinet (1 год 11 мес. 11 дней) мы имеем опять ряд коротких министерств: Loubet — большинство из предшествующего кабинета (9 мес. 10 дней), 1-е Ribot (1 м. 6 д.), 2-е Ribot (2 м. 25 д.) и Dupuy (8 мес.). Все эти министерства умеренные, программы их разнятся лишь нюансами вправо или влево, и принципиально все они желают опираться только на республиканское большинство палаты. Министерские кризисы этого времени находились в той или иной связи с политическими скандалами и интригами эпохи (дело Вильсона, буланжизм, панамы), и на смены министерств оказывали нередко влияние обстоятельства, индивидуального и даже случайного характера, по существу непредвидимые и неотвратимые. Здесь больше всего возможна игра политической интриги, соперничество лидеров, партийные махинации, обработка общественного мнения, действия и стремления, диктуемые личными интересами, а не общественными и государственными пользами. — См. Lavissee, E.: Histoire de France contemporaine jusqu'au 1919, t. 8-me: L'évolution de la 3-me République par Ch. Seignobos, pp 117—168. — Цифровой материал взят из приложенной таблицы.

ительства, как необходимого элемента парламентарного строя¹⁾. Эта внутренняя связь между обоими органами власти при парламентаризме придает министерским кризисам особое значение при этом режиме. Самый факт кризиса или смены правительства не является, конечно, особенностью данной системы, так как правительства меняются везде и всегда, независимо от режима. Но если смены эти — смерть монарха, выборы президента, смещение министров — при других режимах просто нормальные явления, которые требуют лишь определенной формальной регламентации, то при парламентаризме они обнажают сущность режима, его силу и слабость, и ординарному уму самый режим может рисоваться под аспектом частой смены министерств, непонятной и излишней²⁾. Для политической жизни страны продолжительность и частая повторяемость министерских кризисов, конечно, тяжелое испытание, и, поэтому, процедура смены министерств в странах с утвердившимся парламентским режимом детально установлена. В этой процедуре, как и в таковой выработки законов, ясно отмечается свойственный парламентаризму, особенно в его континентальной форме, принцип согласования интересов. Это побуждает нас трактовать в настоящем сочинении проблему отношений между парламентом и правительством с точки зрения смены министерств или, употребляя популярное выражение, как проблему министерских кризисов. Мы должны, однако, сейчас же оговорить, что мы не исследуем вопроса во всей его широте, не имея для этого в нашем распоряжении материалов, а лишь смену министерств, как она протекает во Франции, и отчасти в балтийских государствах. Эта проблема, трактуется вообще, отрывочно политической литературе, преимущественно при том отрицательно, без попыток проникнуть в сущность явления. Наше исследование, несмотря на неполноту его, может поэтому иметь более общее значение.

1) Министерство, оставленное в меньшинстве, теряет доверие палаты и тем самым перестает быть ответственным пред парламентом, т. к. оно уже не существует, как парламентарное правительство. Французские палаты, по свержении министерства, прекращают обыкновенно свои заседания впредь до назначения нового министерства.

2) Автору пришлось получить от экзаменующегося на вопрос: что является отличительным признаком парламентаризма? ответ: министерские кризисы.

§ 2. О смене министерств во Франции: формальная сторона процедуры.

Формальная или юридическая сторона этого интересующего нас государственноправового явления определяется во Франции текстом конституционных законов 1875 г., а затем наказами обеих палат и парламентскими обычаями и традициями, создававшимися из накопившихся прецедентов.

Обращаясь к самой теме, мы желаем несколько уточнить терминологию. Мы употребляем выражения „смена министерств“ и „министерский кризис“. И то и другое обозначает собственно одно и то же, тем не менее есть различие в употреблении каждого термина. „Смена“ обозначает перемену в правительстве вообще, не возбуждая представления о каком-либо одном определенном режиме, „кризисы“ суть смены правительств именно при парламентаризме: по крайней мере, это выражение общераспространено по отношению к этому режиму. В научную терминологию, правда, выражение „кризисы“ не вошло, но, нам кажется, — нет препятствий к употреблению его в нашем сочинении, тем более, что оно метко передает смысл смены министерств при парламентском режиме.

Мы намерены в дальнейшем обозначать выражением „министерский кризис“ всякую перемену состава министерства при парламентском режиме. Поэтому, кризис имеет место, когда по болезни какой-либо член министерства подает в отставку и заменяется новым лицом, хотя бы с той же программой действий. Но нельзя видеть кризиса в тех случаях, когда вследствие выбора нового президента республики кабинет подает формально в отставку, чтобы состоялось такое же формальное его назначение в прежнем составе новым президентом, так как здесь изменения состава министерства не было; однако, если при этом назначении имеет место изменение самого состава кабинета, то мы имеем дело уже с кризисом.

Спрашивается, дают ли нам право говорить о кризисе всякого рода личные перемены в составе французского министерства? Это последнее имеет в своем составе министров и их товарищей или сусекретарей (*sous-secrétaires d'État*). Природа этого последнего института вызывает разногласия среди французских юристов-публицистов. Duguit относится к нему отрицательно, считая существование сусекретарей в

настоящее время нелегальным, а выступление их в парламенте и политическую ответственность их пред ним антиконституционными¹⁾. Более снисходительно относится к сусекретариату Eugène Pierre. Он видит в нем институт, постоянно существовавший во французском публичном праве, и самих сусекретарей считает членами правительства, пользующимися поэтому правом слова в парламенте; однако, он не признает за ними личной ответственности пред палатами: министр своей ответственностью прикрывает своего сусекретаря²⁾. Расходящиеся мнения обонх публицистов объяснимы различным толкованием, которое дают оба автора § 6-му конституционного закона от 16 июля 1875 г. *sur les rapports des pouvoirs publics*³⁾. Если в буквальном смысле брать текст этой статьи, говорящей только о „министрах“, то безусловно сусекретари, как не-министры, не могут иметь права входа и голоса в палатах. Однако, в парламентских кругах, повидному, твердо установилось более широкое толкование упомянутого параграфа: слово „министр“ понимается в смысле термина, обозначающего вообще „члена правительства“, а таковой может носить и название „сусекретаря“. Ясно, что при этом толковании *sous-secrétaires d'État* наравне с министрами могут являться в палаты и здесь говорить; всякое же полномочие на это, устанавливаемое декретами президента республики, является излишним, как правильно указывает Pierre⁴⁾.

1) *Traité de droit constitutionnel*, 2-e éd., 1924, t. IV, p. 829 et suiv. (§ 53). Однако, он должен констатировать существование самого института и даже случаи отставки сусекретарей вследствие недоверия палаты.

2) *Traité de droit politique*, 2-e éd., 1902, pp. 124—126, и *Supplément*, 3-e éd., 1914, pp. 121—130.

3) § 6 конст. закона 16 июля 1875 г.: „Les ministres ont leur entrée dans les deux chambres et doivent être entendus quand ils le demandent. Ils peuvent se faire assister par des commissaires désignés, pour la discussion d'un projet de loi déterminé, par décret du Président de la République.“

4) Правда, при таком толковании не видно основания отрицать политическую ответственность сусекретарей, как это делает Pierre, т. к., очевидно, в том же широком смысле должно быть толкуемо слово „министр“ в § 6 другого конституционного закона от 25 февраля 1875 г. *relative à l'organisation des pouvoirs publics* („Les ministres sont solidairement responsables devant les chambres de la politique générale du gouvernement, et individuellement de leurs actes personnels“). К этому пониманию § 6-го склонен, повидному, и Duguit (о. с., т. IV, p. 834).

Несомненно, главным элементом в составе кабинета являются министры, и на их ответственности лежит деятельность правительства, как целого. Но, все-таки, опыт показывает, что для руководства отдельными чисто техническими, при том достаточно самостоятельными, отделами министерств бывает необходимо назначать особых лиц, как это было во время войны; чисто политические соображения могут побуждать к таковым назначениям: какая-либо группа в палатах должна быть привлечена к участию в правительстве, но все портфели министров уже распределены, или же в какой-либо отрасли администрации признается нужным установить над бюрократией контроль в лице парламентария и т. п., и вот учреждаются должности *sous-secrétaires d'État*¹⁾. В этом их польза, и пока существует означенная надобность, институт этот будет жить, разнообразя формацию министерств. Опыт показывает также, что до сих пор политическая роль сусекретарей всегда принимается в соображение, почему они и пользуются правом входа и голоса в палатах, меняются вместе с составом кабинета и несут иногда ответственность пред палатами. Тем не менее, трудно во всякой смеше сусекретарей видеть кризис министерства, так как роль их случайна и второстепенна, будучи лишена того самостоятельного значения, которое свойственно каждому министру²⁾. Можно представить себе случай, когда уход сусекретаря является сигналом для министерского кризиса, например, если этот уход означает потерю кабинетом поддержки какой-либо парламентской группы, влекущую за собой потерю большинства в палатах; но в парламентской практике третьей республики автор не знает такого случая, и поэтому считает вопрос о значении роли сусекретарей в министерских кризисах чисто академическим, который не подлежит дальнейшему рассмотрению.

Мы считаем, что министерский кризис налицо, когда происходит смена либо министерства в целом, либо одного министра; смещение же сусекретаря, прикрываемого ответственностью министра, не является признаком кризиса. Принято различать кризисы общие и частичные: общие имеют место при отставке

1) Cp. Barthélemy, J., *Le gouvernement de la France*, 1919, p. 103.

2) О *sous-secrétaires d'État* две специальные работы: M. Clavières: *Les sous-secrétaires d'État en France et en Angleterre*, 1901; H. Sivan: *Les sous-secrétaires d'État*, 1902.

министерства в целом, частичные — когда уходит один или больше членов министерства. В нашем изложении это различие особенно не принимается в расчет, и главным образом имеется в виду общий кризис.

Министерские кризисы, как мы их понимаем, не имеют все одинакового значения с точки зрения принципа парламентаризма, гласящего, что министерство должно пользоваться доверием парламента. С внутренней, принципиальной стороны, кризис налицо только в том случае, если имеется разногласие между министерством и большинством парламента, или просто парламентом; исходом кризиса в этом случае является не одна лишь смена лиц, но и установление вновь единомыслия между обоими органами власти: парламентом и правительством. Это — необходимое условие функционирования самого режима; кризис вскрывает внутренний дефект в функционировании системы и кончается, когда этот дефект устранен. Но министерский кризис может происходить и по причинам случайным, внешним, напр. вследствие болезни или смерти председателя кабинета; смена министерства в этом случае может сводиться только к замещению одних лиц другими, о каком-либо внутреннем разладе между парламентом и правительством нет и речи. Очевидно, что кризис во внешнем смысле не покрывается целиком кризисом во внутреннем смысле, но, конечно, все смены министров, независимо от причин возникновения кризиса, должны происходить по обычаям парламентского режима, в пределах тех же конституционных форм. А так как всякий внутренний кризис всегда является и кризисом во-вне, то нет достаточного основания для дальнейшего теоретического различения в этом направлении; оно было бы бесплодно.

Согласно конституционному закону от 25 февраля 1875 г., § 6, текст коего приведен на стр. 66 в примечании 4-м, министры ответственны пред палатами солидарно и индивидуально; ответственность эта — политическая, т. е. влекущая за собой лишь потерю министерской власти, а не уголовную кару либо пеню имущественного характера. Это — формальный базис, на котором парламентская практика, а не писанный закон, создала сложную процедуру смены одного кабинета другим. Необходимость смены возникает всегда, когда палата явно не одобряет действия правительства; нормальная форма этого неодобрения — вотум недоверия палат, т. е. оставление министерства в

меньшинстве при голосовании в палатах по вопросу, с которым оно связывало свое дальнейшее пребывание у власти. Хотя вотум недоверия не единственное основание смены правительства, но это — непосредственное основание, которое имеется в виду текстом французской конституции.

Является ли вотум недоверия начальным актом кризиса или только его возможной предпосылкой? Конечно, этот вотум обнаруживает разногласие между правительством и парламентом, но, по общей теории парламентаризма, вотум недоверия не влечет за собой обязательно смены министерства. Теоретически для разногласий между парламентом и правительством возможны два исхода: новые выборы в парламент или смена министерства. В Англии и в парламентарных монархиях конфликт между парламентом и министерством устраняется, действительно, роспуском палаты и новыми выборами, т. е. сменой состава парламента. Но, все-таки, роспуск палаты не практикуется в равной мере со сменой состава министерства: чаще всего имеет место именно последнее. Можно даже за последнюю четверть века отметить тенденцию — совершенно устранить из парламентской практики улажение разногласий между парламентом и правительством путем роспуска парламента. В этом смысле показательны конституции первой четверти 20-го века, которые стремятся либо совершенно устранить роспуск парламента, либо же обставить этот роспуск такими же формальными затруднениями, что он возможен лишь в совершенно исключительных случаях. Так, конституция Норвегии не дает королю права роспускать стортинг, а эстонские основные законы совершенно не предусматривают условий для досрочного роспуска государственного собрания¹⁾; но с другой стороны финляндская конституция предоставляет президенту право объявить рейхстаг роспущенным (ст. 27 конституции 17 июля 1919 г.). В латвийской конституции президенту республики дано право возбудить вопрос о роспуске сейма, но в таком случае должно состояться народное голосование, и если в последнем более половины голосов подано против роспуска сейма, то президент республики считается смещенным (ст. 48 и 50 конституции). Литовская конституция предо-

1) Полномочия государственного собрания, однако, признаются окончательными, если народное голосование по поводу какого-либо закона дает результаты, противоположные постановлению собрания.

ставляет президенту республики право роспуска сейма; но после того как новый сейм собрался, он приступает к переизбранию президента республики (ст. 52).

Французский парламентаризм обнаруживает в этом вопросе за последнее столетие совершенно определенную тенденцию. Конституционными законами 1875 г. президенту республики дано право роспуска палаты депутатов, но с согласия сената. Хотя, следовательно, налицо формальное право путем переизбрания самой палаты уладить конфликт между палатой и министерством, все-таки парламентская практика здесь избегала применения роспуска палаты, так что можно и Францию фактически причислить к странам, где роспуска палаты нет. Это — результат развития президентского института, который доведен до пассивного положения, устраняющего возможность всякой личной политики президента¹⁾. Когда при министерском кризисе ставится на очередь вопрос о роспуске палаты, то это всегда предполагает наличие одновременно и разлада между президентом республики и парламентом, т. е. явления, невозможного во французской политической жизни при установившейся пассивной роли президента. Понятно поэтому, что уже за полвека существования третьей республики разлад между парламентом и правительством здесь разрешается лишь сменой министерства.

Вотум недоверия палат при установившихся условиях становится, следовательно, всегда началом министерского кризиса. Этот вотум имеет непосредственно политическое значение: он констатирует потерю министерством доверия парламента и по-

1) См. по этому вопросу ясные рассуждения Duguít, *Traité*, t. IV, p. 550 et suiv. (§ 39). Хотя Duguít видит в праве роспуска „droit propre“ президента (р. 582), однако остается непонятным, какой практический результат может иметь это право, если президент не имеет личной политики? Duguít видит основание роспуска в „*conflits nés entre le président de la République et la chambre des députés*“; но это возможно лишь в том случае, если президент республики играет роль активную, т. е. роль, которую отрицает за ним Duguít. При пассивной роли президента возможно логически представить себе один случай, когда роспуск может стать необходимым — а именно, если палаты неспособны образовать министерство, пользующееся доверием обеих палат. Но это было бы кризисом самого парламента, и президент является лишь тем конституционным фактором, который роспуском одной из палат улаживает кризис. Он выступает здесь в той же роли, как и при образовании министерства.

этому политическую необходимость смены состава министерства. Но из этого факта для министерства вытекает уже юридическая обязанность в силу норм (хотя и неписанных) парламентского режима подать в отставку. Неконституционно было бы, все-таки, если бы министерство заявляло о своей отставке палатам: не палаты приглашают министров, не они поэтому и дают им отставку¹⁾. Но могут иметь место по поводу каких-либо действий в самой палате, напр. по случаю интерпелляции, заявления министерства об уходе в отставку, и, конечно, после этого дальнейший ход интерпелляции в палате становится невозможным, в виду отсутствия правительства.

В практике французского парламентаризма установилось, что после вотума недоверия министры немедленно покидают залу заседания: они не могут более считать себя правительством, пользующимся доверием парламента, и поэтому их присутствие на заседании, в качестве такового, политически невозможно. Со своей стороны палаты, после ухода министров, прекращают свои заседания, так как нет уже правительства, политически ответственного пред парламентом. Так, 10 апреля 1925 г. после ухода министерства Herriot сенат прекращает свое заседание, не назначив следующего дня заседания, т. е. *sine die*²⁾.

Если вотум недоверия делает невозможным пребывание правительства у власти, то этим однако юридически не прекращается еще власть министерства: министры остаются все-таки таковыми, пока не назначено новое министерство, и они могут даже совершать акты, для коих нужно содействие парламента. Во время кризиса после ухода кабинета Herriot в апреле 1925 года имел место интересный в этом отношении случай. До своей отставки министерство представило в палаты проект закона об урегулировании финансового положения страны, имевший спешный характер и, по настоянию руководителей французского банка, долженствовавший быть принятым

1) Такой случай имел место во время министерства Brisson в 1898 г., когда военный министр генерал Chanoine объявил на заседании самой палаты депутатов, что уходит в отставку („aujourd'hui que les représentants du pays sont réunis, je remets entre leurs mains le dépôt qui m'était confié, l'honneur de l'armée.“ — Lavissee-Seignobos, t. VIII, p. 202). Этот шаг по праву признается французскими юристами неконституционным (Duguit, Pierre).

2) Journal Officiel.

не позже 15-го апреля. В виду того, что кризис грозил затянуться дольше этого срока, необходимо было принять закон при министерстве, подавшем уже в отставку. Некоторые полагали необходимым образовать временный кабинет для проведения этого единственного закона. Однако, затруднение разрешилось проще. По мнению Briand'a, страна всегда имеет правительство; и кабинет, подавший в отставку, остается правительством со всеми его правами и обязанностями. В качестве хотя бы и временного, правительство в праве принимать всякие меры, крайняя необходимость которых диктуется общественной пользой. Поэтому защита финансового законопроекта пред палатами со стороны министра финансов, хотя бы члена кабинета, подавшего в отставку, не является актом антиконституционным, так как законопроект защищается им, как временным министром. Проект был рассмотрен в обыкновенном порядке с участием министра финансов¹⁾.

1) Приведем интересный обмен взглядов по этому поводу в палате депутатов.

На заседании палаты 15 апреля 1925 г. со стороны депутата Louis Marin были сделаны возражения против допустимости обсуждения финансового законопроекта, когда правительство подало в отставку. Он базировал свои возражения на следующих аргументах: 1) По существу: — Если министерство подало в отставку, то нет уже более ответственного пред парламентом правительства (a fortiori если отставка является следствием вотума недоверия одной из палат); будучи безответствен, министр в отставке при даче разъяснений не пользуется всем тем авторитетом пред палатами, который необходим для проведения его точки зрения, если при обсуждении предложенных мер возникают в самой палате сильные разногласия. Так как вопрос о доверии не может быть уже поднят таким министром, то он не пользуется всеми средствами, которыми конституция снабжает правительство для того, чтобы оно, в интересах страны, могло добиться в парламенте поддержки большинства. — 2) По противоречию парламентским традициям: — Не было прецедентов, чтобы правительство, подавшее в отставку, поддерживало в палатах обсуждение представленного им законопроекта в виду спешности или необходимости; под таким предлогом правительство может сегодня представить один проект, завтра — другой и т. д., и таким образом целыми неделями продолжать фактически жить, хотя оно уже пало. Согласно правовым традициям французского парламента твердо установилась, поэтому, практика, что после публикации в J. O. о принятии президентом республики отставки министров уже никакой законопроект не может быть представлен уходящими министрами в палату; еще менее возможно обсуждение каких-либо законопроектов. Если на министерских скамьях парламента нет уже правительства, то парламентские традиции побуждают отсрочить заседания палат.

Мы видим, что парламент не прекращает сношений с правительством, потерявшим его доверие. Если формально это и мотивируется тем, что уходящее министерство, после принятия его отставки и до образования нового министерства, является как бы другим, интеримистическим, министерством, отношение к которому палат определяется не принципами парламентаризма, а чисто фактическими условиями, вытекающими из нужд и интересов государства, то все-таки психологический мотив следует искать в сознании депутатов, что всякое министерство при парламентском режиме является установлением самого парламента, взятым из среды его, не теряющим и после вотума недоверия своего истинного характера.

Возражая Louis Marin'у, Briand приводит в пользу противоположного тезиса следующие аргументы: 1) С формальной стороны: — Правда, не в традиции парламентской практики обсуждать законопроекты в присутствии подавшего в отставку министерства; но нельзя утверждать, чтобы это было невозможно по конституции. Вопрос открыт, в какой мере министерский кризис может тяготеть над свободным решением парламента; если критическое положение финансов страны требует экстренных мер, то парламент совершает патриотическое дело, выясняя это положение, хотя бы вместе с уходящим правительством; никто не станет порицать за это палаты. Но, конечно, всегда нужно считаться с условиями каждого случая, и не следует делать общим правилом, чтобы безответственное правительство во время полного кризиса, представляло парламенту новые законопроекты. 2) По существу: — Подавшее в отставку правительство есть, все-таки, правительство *per interim*, и, как таковое, имеет поручением заканчивать нерешенные дела; следовательно, оно не только в праве, но и обязано пещись о делах деликатного, трудного или неотложного характера. На правительстве тяготеет ответственность нравственная, если не конституционная. Обсуждение законопроекта в палатах возможно и при министерстве, подавшем в отставку, так как участие министра в дебатах не связано только лишь с вопросом о доверии, каковым не следует злоупотреблять. У правительства есть и другие средства: убеждение, обращение к добрым чувствам и разуму палат.

Палата большинством 338 голосов против 164 решила вопрос утвердительно в смысле допустимости обсуждения, создав таким образом прецедент, порвавший с традициями. (J. O., 16 avril 1925, Débats, Ch. d. Dép., 1-e séance du 15 avril 1925).

Этот случай показывает, что во французской парламентской практике заметна склонность отказаться от ригористических форм парламентской юриспруденции, бывших необходимыми, когда парламент еще не вполне чувствовал себя хозяином политического положения. С тех пор как парламент имеет безусловно преобладающее значение, ослабление форм отношений с правительством не имеет ничего опасного для самого парламента, и поэтому он склонен смягчать эти формы, по своему усмотрению.

Так как во Франции роспуска палаты не практикуется, то правительство после вотума недоверия может лишь подать в отставку. Прошение об отставке подается президенту республики; обыкновенно делается это немедленно после вотума. Так в апреле 1925 г., после вотума недоверия в сенате, члены министерства Herriot собираются и тотчас же редактируют прошение об отставке, которое затем все совокупно представляют президенту республики¹⁾; конечно, вполне правильно, если прошение подается одним премьер-министром, присутствие же других членов кабинета совсем не необходимо.

Парламент после вотума недоверия правительству остается, как учреждение, в стороне, как бы в выжидательном положении относительно образования нового министерства, что формально уже не является задачей парламента. Так как нет правительства, то теряют смысл общие заседания парламента, почему таковые прекращаются и отсрочиваются до формирования нового министерства. Можно ли прекращение заседаний палат во время кризиса считать всегда мотивированным? Это прекращение есть вывод из понимания парламентского режима, как такого, где между парламентом и правительством должно существовать равновесие и постоянное сотрудничество в управлении государством: при отсутствии одного фактора ясно, что и другому также ничего не остается делать — система как бы перестает функционировать. Тем не менее, этому обычаю не следует давать слишком широкого толкования. Палаты имеют обсуждать помимо дел, в которых сотрудничество правительства необходимо, и дела чисто внутренние, когда присутствие министров не представляется необходимым, как напр. проверка полномочий, выборы президиума и комиссий, разработка наказа и т. д. Если министерский кризис разразился в начале легислатуры, по открытии первой сессии вновь избранной палаты, то было бы простой потерей времени, трудно оправдаваемой, прекращение палатой всяких заседаний в виду кризиса; необходимы ведь общие заседания для проверки и утверждения полномочий членов палаты. Отсутствие правительства является препятствием для тех работ парламента, по коим нужен ответственный пред парламентом и страной исполнитель; в остальном палаты могут беспрепятственно продолжать свои занятия²⁾.

1) Газета „Matin“ от 11 апреля 1925 г.

2) Однако формы парламентского режима столь деликатны, что все

Президент республики, получив от министерства прошение об отставке, может его принять, но он юридически не обязан это сделать. Он может обсудить политическое положение и не найти оснований к отставке¹⁾. Конечно, если вотум недоверия — явный, то при парламентском режиме президенту остается только принять отставку, как поступил президент при отставке кабинета Herriot в апреле 1925 г. Принимая отставку, президент просит уходящих министров исправлять *per interim* свои обязанности впредь до формирования нового кабинета. Когда уходит какой-либо один министр, то по принятии его отставки, если при этом не назначается немедленно другой, обязанности уходящего возлагаются временно на одного из членов кабинета. Об отставке министров и принятии президентом этой отставки публикуется в *Journal Officiel*, хотя это и не обязательно: об отставке министерства Herriot в *Journal Officiel* не публиковалось, но от *Présidence de la République* было выпущено по сему поводу официальное *communiqué*²⁾.

Принятие отставки министерства президентом республики возлагает на последнего правовую обязанность образовать новый кабинет, как это предусмотрено конституцией. Среди обязанностей президента это самая сложная, требующая большой опытности в политических вопросах и личных качеств, сдер-

политические факторы в стране должны направлять свои усилия на то, чтобы избегать конфликтов. Поэтому на практике наблюдается и то, что когда общие выборы обнаруживают стремление страны к новой политике, то старое правительство не ждет даже вотума недоверия со стороны парламента, а заблаговременно, лишь только результаты выборов стали несомненны, подает в отставку. Так поступило, например, министерство Poincaré в мае 1924 г. после общих выборов, когда та политика, представителем которой считался Poincaré, потерпела поражение, и ясно было, что новое министерство могло быть сформировано только из левого большинства палаты. Министерство ушло, и кризис существовал уже при открытии заседаний новой палаты. Палата, однако, занялась немедленно проверкой своих полномочий и выборами президенту; временное правительство только на 9-м заседании палаты выступает с декларацией, но левая половина идет на президентский кризис и только после избрания нового президента республики образовывается левое министерство Herriot. (*J. O., Débats, Ch. d. Dép., juin 1924*).

1) Так президент Grévy в 1886 г., во время министерства Freycinet, убедил подавших в отставку четырех министров остаться (*Lavissee-Seignobos, t. VIII, p. 122*), а во время великой войны президент Poincaré в 1917 г. не принимает отставки кабинета Painlevé (*Lavissee, t. IX, p. 461*).

2) „*Matin*“, 11 апреля 1925 г.

жанности и такта, чтобы беспристрастно разобраться в партийных коллизиях, приведших к свержению министерства. Для этой роли годен не всякий политический деятель, — поэтому президентское кресло не является последним этапом политической карьеры, даже самой блестящей. Среди 11 президентов французской республики, со времени действия конституционных законов 1875 года, не все соответствовали в одинаковой мере этой роли. Можно, пожалуй, назвать три имени, носители коих были вполне в своей роли в течение всего септената ¹⁾ и создали как-бы президентскую традицию, осуществляя ее непрерывно в течение почти четверти века (1899—1920). Самый выдающийся из них, Raymond Poincaré, прямо формулирует ²⁾ роль президента республики, как конституционного фактора, обязанного исчерпывать аргументы убеждения пред всеми решающими органами власти: советом министров, сенатом, палатой депутатов, и, сделав это, давать свою подпись тому акту, который является результатом совместных действий всех этих органов власти, хотя бы личное убеждение президента шло в разрез с решением, которое он подписывает, чтобы дать формальное завершение акту государственной власти ³⁾. Из этой роли желал выйти менее уравновешенный Alexandre Millerand (1920—1924), но потерпел крушение в майские и июньские дни 1924 года, подобно своим предшественникам с такими же склонностями в первые двадцать пять лет третьей республики ⁴⁾.

Писанный закон не дает президенту никаких указаний, как действовать при сформировании нового кабинета. Но парламентский обычай установил для этого довольно определенную процедуру, являющуюся логическим выводом из того принципа, что министерство должно быть образовано такое, которое пользовалось бы доверием палат. Президент, следовательно, силою вещей побуждается выяснить политическую

1) Emil Loubet (1899—1906), Armand Fallières (1906—1913), Raymond Poincaré (1913—1920).

2) J. O., Débats, Ch. d. Dép., séance du 23 novembre 1923.

3) Будучи президентом республики при заключении Версальского мирного трактата 1919 г., Poincaré был против многих статей этого трактата, но его личные мнения не поколебали взглядов ни Clemenceau, ни большинства обеих палат, и он дал свою подпись этому международному акту.

4) Mac-Mahon, Casimir-Perier.

кон'юнктуру момента, чтобы найти затем лиц, приемлемых для палат. Со времени президентства Grévy вошло в обычай, что президент по принятии отставки министерства обращается к председателям обеих палат ¹⁾ с целью ориентироваться в настроении парламента. Но это отнюдь не легкое дело в виду того, что французский парламента в партийном отношении крайне разнообразен.

Хотя президент республики держится в курсе политической жизни страны, он все-таки не глава какой-либо политической партии или даже политической иерархии, а глава администрации; силой вещей он поставлен в стороне от русла активной политической жизни, да и самый сан предназначает его, как мы указывали выше, к роли пассивного наблюдателя, а не активного деятеля. Формально, по конституции, он образует кабинет, назначает и освобождает от должности министров, но фактически он не в состоянии это делать, так как при парламентаризме образование министерства есть задача чисто политическая, которая по силам только активным политикам. Президент и ограничивает поэтому свою роль приглашением политического деятеля, относительно которого существует предположение, что он сможет сформировать министерство в качестве его премьера. Duguit ²⁾ превозносит эту обязанность президента, требующую „toute la perspicacité d'un politique averti et toute l'autorité d'un chef; et cela seul suffit pour faire du président de la République vraiment un chef d'État“. Несомненно, в этой фразе Duguit звучит нотка преувеличения, не соответствующая полностью реальности; не выбор президента облегчает разрешение кризиса, а оно зависит лишь от большей или меньшей глубины последнего либо большей или меньшей неопределенности политической ситуации ³⁾. Но, разумеется, кто-нибудь должен быть, кто формально на-

1) Согласно Zévort: Histoire de la troisième République, t. III, p. 411, это имело место в 1886 году, при образовании кабинета Goblet. Pierre замечает: „C'est le Président du Sénat qui est appelé le premier, bien que l'orientation politique vienne de la Chambre“ (Traité de droit politique, 2-e éd., 1902, p. 110). Хотя бывало и наоборот, по свидетельству того же Pierre'a (ibid.).

2) Traité de droit constitutionnel, 2-e éd., 1923, t. II, p. 666.

3) Если личные качества президента играют очень серьезную роль, то почему мы насчитываем во время президентства Loubet — 4 кризиса, Fallières'a — 8, а Poincaré — 11? Политическая прозорливость и такт Poincaré вряд ли уступали этим качествам его обоих предшественников.

значает министров, принимает их отставку, призывает политических деятелей для формирования кабинета; при представительном строе все это должно совершаться публично, под контролем печати, следовательно, должно иметься определенное лицо или учреждение, которое дает желанную видимость и формальную определенность этим действиям. Нельзя сказать, что эта задача решается единственно при посредстве президентского института. В Эстонии функция предварительных переговоров с фракциями государственного собрания и приглашения кандидата в премьер-министры возложена на председателя парламента; но опыт этой страны невелик, и сказываются неудобства этого порядка осуществления данной задачи. Впрочем, в Эстонии имеется лишь одна палата, что облегчает применение указанной системы. Во Франции, где существуют две палаты, предоставление роли посредника председателям палат наталкивается на затруднение: кому из председателей передать названные обязанности? Здесь институт президента республики является, повидимому, пока лучшим решением этого вопроса.

Президент республики может совещаться и с другими лицами, помимо обоих председателей палат, и сноситься также с уходящим премьером или членами кабинета, подавшего в отставку, как это практикуется в Англии, где подавший в отставку премьер указывает королю своего предполагаемого преемника, лидера оппозиции. Но то, что в Англии сравнительно просто, во Франции гораздо сложнее, и президент республики иногда входит в сношения с представителями всех политических групп парламента, как это имело место в апреле 1925 г. во время кризиса после ухода министерства Herriot¹⁾.

Интересы страны требуют, чтобы министерский кризис разрешался возможно скорей; прямая обязанность президента

1) Во время этого кризиса столь широко поставленные совещания имели место отчасти вследствие двух осложняющих обстоятельств: вотум недоверия был со стороны сената (палата депутатов днем ранее вотировала по тому же вопросу доверие кабинету Herriot) и в спешном порядке нужно было регулировать финансовое положение страны. Были поэтому, помимо вопроса о формировании нового министерства, разговоры о конфликте между палатами, о роспуске палаты депутатов и об образовании временного министерства для проведения необходимого финансового закона, и, разумеется, нужно было освещать настоятельность и реальность этих выдвинутых вопросов („Matin“, апрель 1925 г.).

республики не затягивать кризиса, руководясь личными вкусами и симпатиями при выборе лиц. Поэтому, если решающие политические круги отмечают какое-либо одно лицо, как наиболее желательное, то президент должен пригласить его, хотя бы оно было ему несимпатично. Такова конституционно-теоретическая точка зрения, но на практике президент республики все-таки воздерживается от приглашения лиц, ему нежелательных, так как юридически он свободен в выборе министров. За отсутствием личной политики президента, выбор его может остановиться, в конце концов, лишь на лице, приемлемом палатами. Если выбор совершен, то это лицо приглашается президентом республики, чтобы дать ему уже формальное полномочие для формирования кабинета.

Теперь настает наиболее серьезный момент кризиса: удастся ли приглашенному политическому деятелю образовать министерство или нет? На этом лице лежит, собственно, вся тяжесть разрешения кризиса; его задача уже не формальная, а практически-политическая. В осуществлении этой задачи обнаруживается природа самой парламентарной системы, и французские условия ставят разрешение задачи в рамки, овеянные целиком духом современности. Перед какой задачей поставлен кандидат в премьер-министры кабинета, который необходимо еще сформировать? Политика свергнутого кабинета не нашла поддержки палаты, либо по существу, либо из-за личного состава самого министерства¹⁾. Эта поддержка, вследствие множества фракций, является результатом умелых комбинаций между этими фракциями. Кабинет Herriot держался четырьмя фракциями палаты, образовавшими в ней большинство (т. н. „Cartel“); однако, в сенате это большинство не было так компактно и полно: стоило его только распатать, и министерство оказалось в меньшинстве. Лицо, взявшееся образовать министерство, должно, с одной стороны, установить программу действий, находящую поддержку в парламенте, и с другой — привлечь в кабинет других членов, готовых вместе с ним осуществить эту программу. В условиях французского парламентаризма при образовании каждого нового кабинета все это нужно делать сызнова; лишена практического значения

1) Свержение министерств по нежелательности их личного состава особенно характерно для Франции 80-х и 90-х годов минувшего века (время политических скандалов). — См. стр. 62 и 63, прим. 2-ое.

раз навсегда или по крайней мере на продолжительное время установленная программа действий, которая может иметься у организованной партии, если она одна приобретает преобладающую роль в стране. Политическая мысль во Франции часто возвращается к проблеме согласования разных политических стремлений во время министерских кризисов. При современной быстроте изменения политических ориентаций, перегруппировки между фракциями парламента и пересмотры программ возможны во всякое время, и та политическая система, которая до того гибка, что способна во всякий момент учитывать изменения в ориентации своих составных элементов, наиболее современна, соответствуя базисам политической жизни эпохи. Здесь проявляется также характерный момент французской государственности в настоящее время. В общественной жизни Франции не может иметь места одностороннее господство какой-либо одной политической тенденции или воли, свободно распоряжающейся другими политическими стремлениями, признавая либо отвергая их. Государственная власть покоится здесь на согласовании нескольких воль или стремлений, вследствие чего вся государственность проникается, прежде всего, духом объединения, пред которым властный характер государства отступает на второй план. Парламентский режим во Франции и везде на континенте, где он функционирует нормально, отнимает у государства грозный и подавляющий облик, которому дали теоретическое выражение старинные трактаты о государстве в роде *Hobbes'ова Leviathan'a*. Общественные движения, политические волнения не исключены и при этом режиме, но в идее восстания, мятежи и революционные перевороты бесцельны и необоснованы при нормальном функционировании режима, так как он не скрывает, а свободно обнаруживает до бесспорности сложность массовых интересов, и в то же время наглядно показывает необходимость согласования их, чтобы они были осуществимы. Сама государственная организация не может стремиться к властвованию, как таковому: она служит лишь для согласования интересов и для проведения в жизнь достигнутого согласования. Последнее необходимо, но не как выражение властвующей воли, а как результат усилий заинтересованных групп, чтобы их совместное существование было практически возможно.

Все это находит отражение в психике современного поли-

тического деятеля, действующего согласно методам, неизвестным еще началу 19-го века. Во время кризиса в апреле 1925 г. после ухода кабинета Herriot задача образования нового министерства возложена была на Briand'a, этого современнейшего из государственных людей Франции; в тогдашних газетах¹⁾ встречается описание его деятельных переговоров с партиями и группами в целях сформирования кабинета: эти усилия политического деятеля являются живописной иллюстрацией того, как создается полномочие власти и орган ее при парламентском режиме. Успех таких переговоров зависит, с одной стороны, от приемлемости самой личности политического деятеля для разных фракций, участие коих в политической комбинации является нужным в данный момент, а с другой стороны, от той базы соглашения, которая выдвигается этим деятелем, как объединяющее начало разных стремлений групп, которые он желает привлечь к участию в своей комбинации. В этой базе не может быть ничего вполне законченного, и от умелости деятеля зависит найти такую формулу, которая согласовала бы, а не исключала противоположности. Полувековая французская парламентская практика создала известные приемы и общие основания, на коих обыкновенно покоятся соглашения между фракциями для поддержки министерства; ниже, в следующей главе, мы дадим изложение этой практики.

Если первому кандидату в премьеры удастся выполнить свою задачу, то кризис закончен по существу; если же этому кандидату не удастся образовать министерства, то президент республики обращается к другому политическому деятелю с тем же предложением. Во время кризиса после ухода кабинета Herriot образовать новое министерство Briand'у не удалось, но сделал это Painlevé, приглашенный президентом республики после отказа Briand'a.

По конституции президент республики назначает министров и сусекретарей, но, как уже указывалось, на деле будущий премьер приглашает себе сотрудников по кабинету. Он, разумеется, не вполне свободен в выборе, а должен считаться с желаниями тех фракций, которые обеспечат ему большинство в палатах. Все-таки президент республики может оказывать моральное воздействие на политических деятелей, побуждая

1) Напр. „Matin“ от 12—15 апреля 1925.

их войти в министерство, как это было во время кризиса после ухода Herriot, когда президент побудил Briand'a участвовать в кабинете Painlevé. Возможно, конечно, и наоборот: президент республики признает какое-либо лицо нежелательным в составе формируемого кабинета, и побуждает будущего премьера отказаться от этого сотрудничества, или же прямо сам предлагает от себя кандидатов. Так происходило при президенте Мас-Махон'е, который сохранил за собой право приглашения на посты министров военного, морского и иностранных дел¹). Но развитие президентского института в вышеописанном духе устранения от активной политики не оставляет больше места для столь решающей роли президента, который и при выборе личного состава министерства может вмешиваться лишь в качестве советника, но не решающего фактора. Если налицо разногласие между президентом республики и будущим премьером относительно приглашаемых лиц, последний всегда может отказаться от образования кабинета, а президенту остается лишь найти лицо, более сговорчивое. Тем не менее, при ответственности и всепоглощающей активной роли премьера, вряд ли возможны на этой почве серьезные претензии со стороны президента республики. Близкий к этому случай имел место при назначении президентом республики Millerand'ом своего первого министерства. До выборов в президенты республики Millerand был премьером; избранный в президенты республики, Millerand надеялся играть более активную роль в качестве президента. Он и думал назначить министерство, которое осталось бы тем же старым министерством, премьером которого он был, назначив только нового премьера. Из этих соображений возникло министерство Leygues'a 24 сентября 1920 г. Этот кабинет состоял из тех же лиц, которые входили в кабинет Millerand'a, а этого последнего заменил на председательском кресле Leygues. Но этого мало; на заседании палаты депутатов 25 сентября 1920 г., при прочтении декларации министерства, Leygues прямо заявил: „... le ministère qui se présente devant vous est composé des hommes qui furent les collaborateurs dévoués de la politique à laquelle l'assemblée nationale

1) Zévort, о. с., т. II, р. 310 рассказывает, что это имело место при сформировании кабинета Jules Simon'a, который согласился принять на себя обязанности премьера при этом условии.

a donné une consécration éclatante en élevant le président du conseil d'hier à la plus haute magistrature de la République. Appelé par la confiance de l'État au redoutable honneur de lui succéder à la tête du gouvernement je m'inspirerai de son exemple: nous nous appliquerons à continuer son programme et son oeuvre¹⁾“.

Такие слова прямо указывали на возможность какой-то личной власти и политики президента республики, который, участвуя в совете министров, окажет несомненно давление в желанном ему духе на своих прежних сотрудников, усвоивших его программу и дело; премьер же Leugues будет в каком-то неопределенном положении пред палатами, представляя не свою политику, а прикрывая политику президента республики. На несообразность эту указал оратор социалистов Bracke: „pour la première fois nous voyons installer au banc du gouvernement un ministère dont les collaborateurs ont été choisis non par le chef responsable mais par un homme irresponsable. Il est entendu . . . par un communiqué émanant de l'Elysée qui a paru naturellement dans toute la presse, que le même ministère est maintenu. On n'en a changé que le chef . . .“ Правда, палата, созванная для экстраординарной сессии, которую желала закончить скорей, не была склонна к обширным дебатам и поэтому вотировала доверие кабинету, но все-таки условия президентского режима были налицо. Ближайшая очередная сессия, открывшаяся 11-го января 1921 г., на следующий же день, 12 января, свергла этот эфемерный кабинет Leugues'a, просуществовавший немного более трех месяцев во время вакансий парламента²⁾. Таким образом, формирование кабинета даже косвенно не должно исходить от безответственного президента, а должно быть целиком делом ответственного министра-президента.

Как только кабинет сформирован, список министров и других членов кабинета представляется его премьером президенту республики на одобрение и утверждение. Затем публикуется от имени президента декрет о состоявшемся назначении новых министров и отставке прежних.

Когда состав нового кабинета опубликован в Journal Officiel, то формальная сторона дела закончена; кабинет окончательно

1) См. J. O., Déb. parl., Ch. d. Dép., séance du 25 septembre 1920.

2) См. J. O., Déb. parl., Ch. d. Dép., 1921, janvier.

сформирован и должен принять дела у своего предшественника; это делается без особого церемониала каждым министром отдельно в своем министерстве. Полномочия прежнего тем самым полностью кончились.

Но чтобы новый кабинет был фактически жизнеспособен, он должен представиться палатам и получить от них вотум доверия. Первым делом министерства является поэтому выработка декларации, которая составляется с большим вниманием; так, кабинет Painlevé посвятил этому четыре заседания, после чего декларация была доложена в заседании conseil des ministres под председательством президента республики, который ее также одобрил.

Конечно эта декларация не может быть фактически сюрпризом для палаты; в таком случае исход прений по ее поводу был бы гадателен и мог бы оказаться для нового кабинета неожиданным. Кабинет, призванный к власти, должен делать все, чтобы оказаться достойным ее и не потерять доверия палат раньше действительного осуществления своей программы. Премьер поэтому до прочтения декларации министерства старается заручиться наперед поддержкой тех групп парламента, которые ее обещали; так, сформировав министерство в апреле 1925 г., Painlevé имеет в течение всего дня, предшествующего чтению декларации, совещания с разными политическими группами по поводу декларации, и отдельные группы до заседания палат определяют свое отношение к предстоящей декларации. Фактически следовательно отношение парламента к министерству и его декларации уже установилось, и чтение последней, как и прения по ее поводу только формально, публично пред всей страной демонстрируют то, что ранее достигнуто за кулисами.

Чтение декларации происходит на первом заседании парламента по назначении министерства¹⁾, одновременно в обеих

1) Во время войны в 1915 году, по образовании кабинета Briand'a, министерство медлило с прочтением декларации, так что на первом заседании палаты, 30 октября, где министерство уже присутствовало, пред'явлена была интерпелляция относительно политики правительства, дебаты по которой однако по просьбе Briand'a были отложены до другого заседания, 3 ноября, когда министерство прочло свою декларацию. (Annales de la Ch. d. Dép., Débats, 1915, octobre — novembre).

палатах¹⁾: премьер читает в палате депутатов, а министр юстиции (*garde des sceaux*) в сенате²⁾. Чтение декларации, как и всякого другого сообщения правительства, должно иметь место безотносительно к приему, какой ему оказывают палаты: реплики между членом кабинета, читающим декларацию, и членами палат недопустимы, хотя перерывы чтения оппозицией происходят часто. Pierre пишет, что по распоряжению правительства декларация затем выставляется во всех коммунах республики³⁾.

Для министерства имеет наибольшее значение прием, оказываемый декларации палатой депутатов, поэтому прения по поводу декларации происходят в первую очередь здесь. Эти прения открываются не непосредственно в связи с прослушанной декларацией, а на основании интерпелляций, предъявляемых правительству по поводу его общей политики или же каких либо ее отраслей: финансовой, внешних дел и т. д. Интерпелляции предъявляются преимущественно оппозицией, хотя конечно возможно это и со стороны фракций, поддерживающих кабинет. В зависимости от остроты политического момента число интерпелляций сильно колеблется: так напр. в сентябре 1920 г. министерству Legues'a предъявлены были только 2 интерпелляции, а спустя четыре месяца в январе 1921 г. кабинету Briand'a — 20 интерпелляций⁴⁾. Если палаты вотируют принятие интерпелляций и новый премьер выражает согласие на немедленное обсуждение — что почти всегда имеет место⁵⁾ — то открываются прения.

1) В 1916 г., после обновления кабинета Briand'a 13 декабря, декларация повидимому в сенате не читалась, по крайней мере в протоколах сената чтение декларации не отмечено.

2) Это не всегда соблюдается: по образовании кабинета Ribot в июне 1914 г. декларация министерства читалась в сенате министром внутренних дел (*Annales d. Sén., Déb., 1914, juin*).

По Pierre (*Traité-Suppl., 1914, p. 797*) прочтение декларации в обеих палатах назначается по возможности в один и тот же час.

3) Он замечает при этом, что: „les mouvements notés par les sténographes des Chambres ne sont jamais reproduits dans le texte affiché, par l'excellente raison que chacune des deux Chambres peut accueillir différemment la même déclaration“ (*Traité, 2-e éd., 1902, p. 772, note 3-e*).

4) J. O., Déb. parl., Ch. d. Dép., séances du 25 sept. 1920 et du 20 janv. 1921. По поводу большого числа интерпелляций деп. Laniel делает замечание: il y en a pour toute l'année!

5) По обновлении кабинета Poincaré 29 марта 1924 г., прочтение декларации министерства имело место 31 марта, однако дебаты по поводу

Прения имеют различную продолжительность: они могут быть коротки и кончаться на том же заседании, как это произошло после декларации кабинета Legues'a в сентябре 1920 года, но могут иногда продолжаться несколько дней, как напр. по преобразовании в марте 1924 г. кабинета Poincaré, когда дебаты продолжались три дня. Во время прений ораторы могут касаться не только программы министерства, но и личностей министров, их прошлого и настоящего; это — прения политические в самом широком смысле слова, поэтому оппозиция и руководящее большинство палаты охотно пользуются случаем для взаимной критики, и нередко эти прения связаны со скандальными сценами и выходками. Сформирование кабинета всегда означает для известного числа честолюбивых политиков, оставшихся вне круга призванных, крушение их надежд на неопределенное время; естественно поэтому встретить некоторую горечь и раздражение со стороны тех или других парламентариев, что может иметь свое отражение в прениях по поводу декларации.

Мы уже указывали, что отношение фракций к декларации определено заранее, и выступления фракционных ораторов имеют собственно целью информировать своих избирателей о мотивах того или иного отношения фракции к новому министерству. Поэтому результат этих прений также заранее известен. Палата, выслушав декларацию и речи депутатов и министров, заканчивает прения принятием формулы перехода к очередным делам. Если формул несколько, то ради сокращения процедуры голосования министерство связывает с приоритетом той формулы, которая представлена его сторонниками, вопрос о доверии, как напр. это имело место 21 апреля 1925 г. при голосовании доверия кабинету Painlevé. Большинство, очевидно, может голосовать только в желанном для министерства смысле, раз поддержка ему обеспечена. Мы и видим, что в истории парламентаризма третьей республики новое министерство всегда встречает доверие палаты, хотя был единичный случай, когда министерство осталось в меньшинстве при голосовании его декларации: произошло это с кабинетом Ribot 12 июня 1914 г., который по прочтении декларации не нашел поддержки большинства палаты и тотчас же подал в отставку¹⁾.

интерпелляций, по просьбе Poincaré, были отложены на 1 апреля (J. O., Déb., Ch. d. Dép., 1924, mars — avril).

1) „Это небывалый случай“ („un échec sans précédent“), пишет Sei-

Для министерства и его декларации имеют решающее значение прения и голосование в палате депутатов. Последняя решает, какая политика должна стать девизом дня, поэтому здесь бывают мобилизованы главные силы кабинета; здесь выступает премьер, а также те члены кабинета, кои представляют в своем лице определенные политические и практические программы. Так напр. при прениях по поводу декларации кабинета Painlevé 21 апреля 1925 г. на трибуне появляются помимо Painlevé еще коллеги его по кабинету Briand и Caillaux. Иначе поставлено чтение декларации в сенате, где правительство представлено министром юстиции. И здесь с внешней стороны происходит то же самое, что и в палате. Но все-таки, не сенат желает решать вопрос о политике дня. Поэтому, хотя и здесь по прочтении декларации пред'являются оппозицией интерпелляции министерству, им не дается однако дальнейшего хода. Обыкновенно *garde des sceaux* ссылается на традицию отсрочивать назначение дня обсуждения этих интерпелляций до момента, когда председатель совета министров сам будет присутствовать в сенате, „будучи в настоящий момент задержан в палате депутатов“. На чисто формальном основании — отсутствие премьера, задержанного в палате депутатов — в Сенате нет ни прений ни вотума доверия правительству, а происходит лишь выслушивание правительственной декларации. Сенат этим не отказывается от предоставленного ему конституцией права вотировать доверие или недоверие со всеми последствиями для министерства, но лишь отсрочивает момент для этих волеизъявлений.

Если вотум доверия палаты депутатов имеется, министерство окончательно утверждено во власти: юридическое назначение президентом республики получило политическую санкцию парламента. Повидимому роль сената при этом совершенно заглушена, так как его отношение к правительству не получает явного формального выражения. По конституции¹⁾ министерство должно пользоваться доверием обеих палат, будучи

gnobos (Lavissee-Seignobos, p. 287). Конечно Ribot недостаточно осведомился о настроениях палаты и заранее не заручился поддержкой, чем и объяснимо немедленное падение его кабинета.

Впрочем с июля 1926 г. можно зарегистрировать второй подобный же „échec“ — вотум недоверия кабинету Herriot.

1) См. цит. стр. 66, прим. 4-е.

ответственным пред ними. При образовании нового кабинета ответственность эта пред палатой депутатов подчеркивается и декларируется со всей силой, и можно говорить о преобладающей роли этой палаты в вопросе о доверии. Тем не менее, не следует заключать о второстепенном значении сената по данному вопросу, хотя сенат свое отношение к министерству не рекламирует с той же энергией, как палата. Имело собственно место некоторое распределение ролей в данном вопросе между обеими палатами, согласно вообще их политическому значению среди учреждений республики. Французские публицисты расходятся во мнениях относительно политического значения сената¹⁾. Здесь, с одной стороны, можно выделить мнение Esmein'a²⁾, который отрицает за сенатом право свергать министерство вотумом недоверия, а с другой — мнения Duguit³⁾ и Moreau⁴⁾, признающих в этом отношении сенат совершенно равноправным с палатой депутатов. Среднее место желает занимать Naugleu⁵⁾, по воззрению коего собственно все в инициативе кабинета: если премьер, чтобы оказать давление на голосование, желает поставить вопрос о доверии пред сенатом, то он в праве это осуществить и в случае отрицательного вотума должен сделать, как оставленный в меньшинстве, все конституционные выводы; но сенат не в праве сам ставить question de défiance — кабинет не обязан в таком случае после вотума недоверия подать в отставку.

1) Правда, этот вопрос уже именуется „question d'école“ (Esmein-Nézard, *Éléments de droit constit.*, 1921, 7-e éd., t. II, p. 256: „notre problème semble donc de plus en plus tomber au rang de question d'école“).

2) *о. с.*, pp. 231—246.

3) *Traité*, 1924, t. IV, p. 846—860 (§ 55).

4) *Précis élémentaire de droit constitutionnel*, 7-e éd., 1911, p. 372—374.

5) *Précis de droit constitutionnel*, 1923, p. 419, note 1° и 2°.

Глава шестая.

Правительство при парламентаризме.

(Продолжение.)

§ 1. О способах разрешения министерских кризисов согласно французской парламентской практике.

Мы выше заметили, что французская парламентская практика создала приемы и основания, на коих покоятся междупартийные соглашения при сформировании министерств. Остановимся теперь на рассмотрении того интересного материала, который дает парламентская практика третьей республики.

Согласно английским парламентским обычаям, положенным в основу классической теории парламентаризма, министерство должно быть политически однородно (*homogène*) и поэтому взято из одной партии. Это правило имело своих приверженцев и среди старого поколения французских парламентариев, преклонявшихся пред английским парламентаризмом, и в первую половину существования третьей республики действительно делались попытки в этом направлении, однако все они кончались неудачно. В ноябре 1881 г. Gambetta, призванный к образованию министерства, после неудачной попытки сформировать кабинет, в который вошли бы все вожди республиканцев, образовал кабинет из своих единомышленников. Министерство политически совершенно однородное отвечало теоретическим требованиям и, казалось бы, должно было быть долговечным. На деле это министерство Gambetta оказалось одним из наиболее кратковременных, просуществовав только 2 $\frac{1}{2}$ месяца. Вторая попытка того же рода была сделана 12 лет спустя Casimir-Perier, который в декабре 1893 г. сформировал однородное умеренное министерство; но и это последнее просуществовало недолго, менее полугода. Неудача этих министерств кроется в значительной мере в самой идее

их: образовать сильный единомыслящий кабинет лицом к лицу с парламентом, где при множестве партийных группировок единомыслие отсутствует, и наоборот господствует постоянный разлад политических стремлений. Очевидно, кабинет политически единомыслящий по характеру совершенно не соответствует духу самого народного представительства, от поддержки которого зависит однако существование кабинета. Мало того, в центре сплоченного единомыслящего министерства стоит всегда сильный премьер-министр, и есть следовательно в значительной мере возможность установления личного режима и авторитета, что противно существу французского парламентаризма ¹⁾.

Позднейшие попытки радикалов образовать однородное радикальное министерство — Bourgeois (1895—6) и Brisson (1898) — были столь же безуспешны, как выше описанные: оба просуществовали менее полугода, при чем первое было оставлено в сенате несколько раз в меньшинстве.

Однородные партийные министерства являются лишь редкими исключениями при французских условиях. Нормальный тип здесь коалиционное министерство, т. е. министерство, в состав коего входят представители разных партийных групп и программа деятельности которого представляет собой соглашение между фракциями, а не является программой какой-либо одной партии. При образовании этого типа министерств парламентская практика пользуется двоякого рода приемами.

1) Так напр. характеризует отношение одной части республиканского большинства палаты к Gambetta следующий анекдот: „Gambetta fut interpellé sur la nomination du chef d'Etat major. Comme il faisait signe au ministre de la guerre de ne pas répondre, un dissident de l'extrême gauche, le journaliste Maret cria: „Ne parlez pas, César le défend.“ — Parlez français, répondit Gambetta. — „Soit, répliqua Maret, je dirai Vitellius.“ (Lavissee-Seignobos, p. 86).

Не менее ярко иллюстрирует положение кабинета Casimir-Perier следующий отрывок из Zévort, Histoire de la 3-e République (vol. IV, p. 258): „Porté d'une situation plutôt honorifique à une situation militante, il (Casimir Perier) faisait espérer aux uns, c r a i n d r e aux autres un véritable homme de gouvernement, résolu, énergique, ayant le sentiment des nécessités du moment, bien décidé à relever le principe d'autorité, à souder solidement les éléments épars de la majorité; non moins décidé à prouver à l'étranger que l'esprit de suite entraînait enfin dans notre politique extérieure, que nous étions un pays avec lequel on pouvait et on devait compter. Jamais, depuis

Наиболее часто применяется т. н. концентрация¹⁾ фракций. Поводом к использованию этой последней послужили общие политические условия в первые десятилетия существования третьей республики. В первое время республики вопрос о самой форме государства оставался открытым, по крайней мере в среде самого парламента имелись монархические течения, враждебные республиканской форме правления и готовые ее свергнуть. Это антиконституционное настроение манифестировалось открыто, и выборы в палату депутатов показывали, что и в массе населения монархические симпатии находили довольно широкий отклик. Республиканское большинство парламента не только являлось в этих условиях представителем известных интересов и политических идей, но считало себя защитником самой конституции против антиконституционных стремлений монархического меньшинства парламента. Ясно, что между большинством и меньшинством парламента в таких условиях не могли установиться чисто парламентские отношения, в силу которых обе половины парламента участвовали бы в образовании министерств на равных началах, и была бы возможна при этом последовательная смена ролей большинства и меньшинства. Для республиканской левой антиконституционная правая была неизбежным злом, с которым первая считалась иногда с большей опаской, иногда с меньшей, не привлекая никогда представителей правой к прямому участию в политических комбинациях для формирования министерства. Правительства могли быть только республиканские, принципиально враждебные неконституционной монархической правой. Логичным казалось тогда, что *le grand Ministère, l'avènement d'un homme politique à la direction des affaires n'avait provoqué plus vifs sentiments de curiosité ou d'espoir. Tout avait le sentiment que l'on se trouvait enfin en présence de quelqu'un...* (разверстка наша).

1) Название „концентрация“ употребляется нами в более широком смысле, чем оно обыкновенно понимается французскими политиками, говорящими собственно о „*concentration républicaine*“: так называется объединение республиканцев разных нюансов за исключением ультра-умеренных и революционеров (Carrère et Bourgin, *Manuel des partis politiques en France*, 1924, p. 14). Все-таки, Seignobos говорит о концентрации, как об объединении не только умеренных республиканцев и радикалов, но и радикальных групп, допуская таким образом более широкий смысл слова „концентрация“. У нас „концентрация“ обозначает вообще коалицию фракций французской палаты в отличие от коалиций, свойственных парламентаризму везде.

нистерства могут опираться только на республиканское большинство палаты; потерявши это большинство, министерство не имело уже нужной ему идейной поддержки в палате и должно было подавать в отставку. Поддержка же министерства большинством, в котором антиконституционная правая занимала решающее положение, почиталась недостаточной, так как компрометировала конституционный дух министерства. Когда в 1879 г. большинство, вотировавшее доверие кабинету Waddington'a, не слагалось из республиканского большинства, а напротив большая часть республиканцев составляла меньшинство, враждебное министерству, кабинет подал все-таки в отставку. Правая не принималась в расчет, она не могла играть никакой роли при решении вопроса о том, имело ли министерство поддержку в палате или нет. Кабинеты ставили не раз вопрос о доверии с заявлением, что они считают себя свергнутыми и оставят власть, если не могут иметь поддержки левого, республиканского большинства¹⁾.

Если борьба против правых на выборах иногда объединяла всех республиканцев, как напр. в 1877 г., то все-таки республиканцы не представляли собой единой парламентской фракции, а распадались по пюансам на группы; особенно отчетливую форму принимает расчленение после образования группы радикалов со времени выборов 1881 г. После того как французский парламентаризм отверг популизм личного режима с отставкой президента Мас-Махон'a, республиканские министерства формировались из обеих доминирующих фракций республиканцев, и вскоре общая всем республиканским группам неприязнь к правым, монархическим группам становится средством, чтобы гарантировать министерствам поддержку всех республиканцев. Отсюда развилась тактика формирования министерств путем концентрации республиканских фракций („la concentration des républicains“); впервые вполне намеренно применил эту тактику в 1885 г. Brisson, сам радикал, образовавший министерство из умеренных и радикалов²⁾. С тех пор система концентрации стала употре-

1) См. Bloch, R.: *Le régime parlementaire en France sous la troisième République*, p. 103. — Таково напр. заявление Rouvier в 1887 г. (Lavissee-Seignobos, p. 126).

2) Lavissee-Seignobos, p. 112 („Le début de la politique de concentration républicaine“).

бляться наиболее часто при министерских коалициях¹⁾, при чем встречаются следующие комбинации.

Для Brisson'a концентрация сводилась к примирению правого и левого крыла республиканцев: умеренных и радикалов, чтобы общими усилиями отразить консервативные стремления, враждебные республике. Концентрация в этом случае представляла об'единение всех республиканских фракций, но позднее правая опасность потеряла свою актуальность, после того как клерикалы примирились с республикой; только в виде исключения эта опасность могла стать угрозой, как это было во время дела Dreyfus'a при образовании министерства Waldeck-Rousseau в 1899 г. Концентрация перестала быть об'единением всех республиканских фракций, и носила теперь характер об'единения левых фракций на различном протяжении, так как в среде самих республиканцев встречаются непримиримые течения; дело стало особенно затруднительным со времени основания социалистической партии. Если встречаются концентрации умеренных республиканцев и радикалов (хотя бы и не всех оттенков), то невозможно уже об'единение умеренных, радикалов и социалистов. Но зато мы встречаем теперь концентрацию одних лишь левых элементов: радикалов и социалистов, за исключением умеренных республиканцев; это т. н. комбинация Bloc des gauches, обнимавшая социалистов и радикалов и направленная против всякой реакции: политической, социальной и религиозной²⁾. Этот вид концентрации часто применялся в десятилетие, предшествующее мировой войне (1904—1914), и последним применением его является политика об'единенных радикальных и социалистических групп cartel'я в настоящую 13-ую легислатуру (1924—1928).

Система концентрации способна обеспечить министерствам более продолжительное существование: самые продолжительные министерства 3-ей республики (Waldeck-Rousseau, Combes, Clemenceau) были образованы по принципу концентрации. Участниками концентрации являются фракции, которые не расходятся в принципиальных точках зрения, вытекающих из политических или социально-экономических целей и

1) Со времени кабинета Brisson (1885) до начала мировой войны (1914) на 37 министерств можно насчитать 21 министерство de concentration.

2) См. Carrère et Bourgin, Manuel des partis politiques en France, 1924, p. 17.

идей; поэтому концентрации не может быть ни между роялистами и республиканцами, ни между радикалами и коммунистами. Концентрация допускает расхождение взглядов на средства и способы, коими могут быть достигнуты определенные социально-политические цели, признаваемые всеми участниками концентрации: поэтому концентрация возможна между умеренными республиканцами и радикалами, и даже иногда, по некоторым вопросам, социалистами. Правда, концентрация затрудняет проведение положительных мероприятий, так как сохраняется расхождение во взглядах на способ и порядок осуществлении тех или иных мер; поэтому, особенно в первую пору концентраций, встречаются министерства, не имеющие положительной законодательной программы или ограничивающие ее лишь немногими практическими задачами (Brisson 1885, Goblet 1886 и др.).

Понятно, что министерствам концентрации ставили в упрек их непродуктивность и нерешительность, и в первое время их образования они допускались лишь как способ объединения борьбы против антиконституционных стремлений оппозиции. Как только стали считать эту опасность миновавшей, система концентрации была объявлена бесполезной¹⁾. Действительность однако показывала обратное, и реальность идеи концентрации при французском парламентаризме дает себя знать постоянно. Хотя эта система обязана своим происхождением чисто отрицательной потребности отразить антиконституционные стремления, полезность ее имеет все-таки гораздо более широкую положительную основу: необходимость объединения в данный политический момент наиболее работоспособных элементов парламента, которые, будучи взяты в отдельности, бессильны образовать министерство. Одна из фракций, входящих в концентрацию, нередко играет доминирующую роль. В министерстве Waldeck-Rousseau руководящее положение принадлежало умеренным республиканцам, радикалы же являлись сотрудниками; напротив, в министерстве Combes руководство принадлежало радикалам, умеренные же были

1) Ср. Bloch, R., о. с., р. 120 et suiv.

В середине 90-х годов прошлого столетия образование концентрационных министерств некоторое время действительно не удается.

сотрудниками¹⁾. В состав концентрационного министерства входят всегда представители от двух или нескольких групп, поэтому самый личный состав кабинета выражает уже характер данной комбинации. До министерства Clemenceau (1906—1909) объединение обнимало справа все республиканские группы, влево же оно простиралось только до группы радикалов, но позже концентрация переместилась немного, обнимая иногда и социалистов, но исключая правых. В общем концентрация является комбинацией средних политических течений, могущих быть согласованными, хотя во Франции, в виду местных условий, эта комбинация чаще всего имеет левый уклон, реже умеренный. Концентрация в последнее время получила столь большую протяженность, что в министерство Poincaré в июле 1926 г. вошли представители всех главных республиканских фракций, за исключением лишь крайних элементов; такие концентрации получили особое название — *union nationale*²⁾.

В первое время концентрации, как мы уже отметили выше, министерства не всегда имели определенную программу деятельности, а были лишь т. н. министерствами *d'attente*, как их именовали тогда; они были как бы деловыми кабинетами, будучи в то же время все-таки парламентскими министерствами, так как состав их был взят из среды активных политиков. Позднее концентрационные кабинеты имеют уже вполне определенные программы деятельности, как напр. министерство Waldeck-Rousseau, которое подало в отставку, исчерпав свою программу, или министерство Clemenceau (1906—1909),

1) В этом смысле иногда замечается регулярное чередование ролей между умеренными и радикалами:

министерство	Waldeck-Rousseau	1899—1902,	руковод. умеренных
"	Combes	1902—1905,	" радикалов
"	Rouvier	1905—1906,	" умеренных
"	Sarrien, позже		
	Clemenceau	1906—1909,	" радикалов

2) Не следует смешивать систему концентрации с теми исключительного характера коалициями, которые формировались во время войны 1914—1919 гг., как *union sacrée* для отражения внешнего врага. Политическая борьба внутри государства временно (хотя и не вполне) была приостановлена, парламентаризм в его нормальных формах перестал функционировать, и между политическими группами установились исключительные временные отношения. Концентрация является способом организовать сотрудничество фракций парламента для правления страной при более или менее нормальных условиях.

поставившее себе обширную левую программу, но успевшее осуществить только малую часть ее. По смыслу концентрации, программа этих министерств есть соглашение между группами парламента, но все-таки концентрационный характер кабинета следует познавать не по этой согласительной политике, которая может быть усвоена и партийным кабинетом, а лишь по непосредственному личному участию в нем представителей разных политических групп; только при этом условии коалиция получает всестороннее и наиболее полное выражение¹⁾. После выборов 1910 г. можно отметить некоторое изменение общего духа политики концентрации. За десять лет до этого Waldeck-Roussseau образовал еще министерство концентрации „для защиты республики“, подчеркивая таким образом традиционную вражду к правой; в 1910 г. Briand желает уже образовать концентрационный кабинет, который должен вести политику независимую от стремлений групп, надпартийную „politique d'apaisement“, как называет ее Seignobos²⁾. Этим концентрация по духу приближалась бы к другому политическому приему, практикуемому французским парламентаризмом.

Тенденция к объединению республиканских фракций создала концентрацию; но когда стимул к этому в виде правой опасности отсутствовал, республиканские фракции были иногда далеки от объединения. Поэтому уже в 80-х годах прошлого столетия встречается другая политическая комбинация для поддержки кабинета: это — сближение умеренных республиканских и правых элементов, „центра“, с исключением левых и крайних правых. Эта комбинация была возможна, когда республиканский центр был достаточно силен, чтобы дать свое министерство, как напр. после выборов 1893 г., или вследствие образования сильной группы умеренных республиканцев в самой палате, как это произошло во время 4-ой легислатуры (1885—1889) с возникновением *union gauche*. Личный состав министерства берется в этом случае из среды умеренных республиканцев, которые обеспечивают себе поддержку правой (преимущественно умеренных католиков) тем, что министерство отказывается от агрессивной политики во вред интересам

1) Не был поэтому министерством концентрации 3-ий кабинет Ribot (1895 г.), по составу однородно умеренный, но с программой *de conciliation* (Lavissee-Seignobos, p. 183).

2) Lavissee-Seignobos, p. 275.

последней¹⁾. Так в 1887 г. кабинет Rouvier приостановил враждебную политику против клерикализма, провел экономию в бюджете, не вводил новых налогов и т. д., чем купил себе нейтралитет правой части палаты. Это — первоначальное выражение политики *d'apaisement*, как называется и сама комбинация в отличие от *concentration*. Таким образом, прием *d'apaisement*, примирения, состоит в том, что умеренно-республиканское министерство, взятое из сильного республиканского меньшинства, ищет для своей политики поддержку не республиканского большинства палаты, а большинства, слагающегося из республиканцев и правых. Министерство по составу обыкновенно однородно республиканское, в него правые элементы не входят, но программа его деятельности направлена не на объединение республиканских фракций, а на примирение с правыми. При этой комбинации следовательно решающее значение имеет не состав кабинета, а его программа, имеющая целью получить поддержку большинства палаты. При французском парламентаризме однако условия, благоприятные для этой комбинации, повторяются далеко не часто, и министерства *d'apaisement* возможны здесь гораздо реже, чем министерства концентрации. Мы встречаем их в 4-ую (1885—1889) и 6-ую (1893—1897) legislatures; сюда относятся: министерство Rouvier 1887 г., просуществовавшее немного более полу-года, министерство Casimir-Perier (1893—94) и особенно министерство Méline (1896—1898), которое имело против себя оппозицию всех левых фракций (*union progressiste, radicaux, radicaux-socialistes, socialistes*), а за себя — центр и консерваторов, боявшихся социализма²⁾; заручившись постоянным большинством в 50—80 голосов, кабинет Méline'a просуществовал более 2-х лет и является одним из наиболее долгих министерств третьей республики. Возврат к политике примирения после ряда концентрационных кабинетов замечается после выборов 1910 г., когда Briand при сформировании второго своего министерства порвал с социалистами и поэтому вынужден был искать поддержки правых республиканцев, но его кабинет не просуществовал и четырех месяцев.

1) Это представлялось возможным особенно с тех пор, как часть католиков признала республику и образовала в палате группу *ralliés*.

2) См. Lavissee-Seignobos, p. 191.

Министерства d'apaisement являются вполне естественными звеньями той цепи меняющихся кабинетов, которую представляет собой во-вне парламентский режим 3-ей республики: активная политика левого большинства — а левое большинство наиболее частое явление во французской палате —, получившая выражение в соответствующих законах, может создать политическую кон'юнктуру, в коей является разумным сдержанное применение правительством этих законов — отсюда сформирование министерства d'apaisement. Но этим министерствам всегда ставили в упрек, что они не демонстрируют достаточно явно своего республиканского духа, либо непоследовательны в своей деятельности ¹⁾.

При парламентаризме не всегда удается образовать парламентские министерства. Это бывало и во Франции, где во время президентства Carnot встречаются два т. н. деловых министерства (ministères d'affaires), в которых председательствовал Tirard (в 1887 и 1889 г.), при чем второе из них просуществовало более года. Но эти министерства — редкие исключения, и базис, на котором они формируются, лежит уже вне плоскости принципов и условий парламентаризма. Деловые кабинеты предполагают некоторую кон'юнктуру личного президентского режима, следовательно не вполне развившийся парламентаризм; там, где парламентаризм окончательно и прочно установился, как во Франции в настоящее время, образование делового кабинета может быть лишь результатом неудачных стремлений к восстановлению президентского авторитета, как это имело место при назначении президентом Millerand'ом министерства d'affaires François-Marsal после майских выборов 1924 года.

Отмечаем также следующее обстоятельство, характерное для французского парламентаризма. Можно спросить, какова политическая окраска министерств при этом режиме, и что

1) Так в 1893 г. Millerand, критикуя деятельность кабинета Casimir-Perier, говорил, что министерство должно „ou orienter sa politique à gauche pour réaliser les réformes sociales, ou s'appuyer sur l'Église et la haute banque, sur toutes les forces du passé, pour conserver tous les abus.“

В 1898 г. при свержении кабинета Méline'a радикалы прямо требовали, чтобы кабинет порвал с правой не двусмысленными заявлениями, а решительно формулировал бы свое положение, чтобы дать республиканцам в начале новой легислатуры некоторое успокоение (Annales de la Ch. d. Dép., séance du 13 juin 1898, p. 160 — речь Brisson'a).

В 1910 г. радикалы, поддерживавшие министерство Briand'a, все-таки следили за его деятельностью с недоверием (Lavissee-Seignobos, p. 277 et s.).

говорит нам в этом смысле полувековая смена французских кабинетов? Приложенная в конце исследования таблица министерств 3-ей республики позволяет нам сделать по этому поводу некоторые общие заключения. В начале этой эпохи, во время президентства Мас-Маһон'а, мы встречаем ряд „правых“ министерств; это собственно были монархистские министерства, преследовавшие политику реставрации монархии во Франции, и противопоставались они республиканским элементам, как „левым“. В это время однако парламентарная республика еще не утвердилась, поэтому нормальные черты режима не могли ясно сказываться. Последовательное развитие парламентаризма началось только с президентства Jules Grévy, когда республиканские партии приобрели бесспорный перевес над монархическими. Политической физиономии кабинетов с этого времени можно дать следующую общую характеристику.

Прежде всего, мы не встречаем крайних министерств. Пока радикалы были крайним элементом, они не участвовали в министерских комбинациях; но с 80-х годов, когда появились социалисты, замечается уже активное участие радикалов в правительстве. Социалисты по партийным соображениям до сих пор воздерживаются от вступления в „буржуазные“ министерства — исключение имело место во время *union sacrée* в годы мировой войны —, но все-таки они поддерживают политику министерств левого уклона (Herriot), чем отличаются от коммунистов, самого крайнего элемента парламента, занимающего непримиримую позицию. Точно также крайние правые элементы отстраняются от активного участия в министерствах, хотя иногда поддерживают отдельные политические шаги правительства. Министерства поэтому формируются всегда из элементов более или менее умеренных: в большинстве случаев это — комбинация умеренных республиканцев и радикалов, хотя встречаются иногда чисторадикальные министерства (за последние десятилетия) или же умереннореспубликанские без радикалов (в более ранние десятилетия). Впрочем в партийных группировках заметны за полвека любопытные сдвиги: считавшиеся ранее более левыми группы вообще передвигаются вправо¹⁾. Так, группа прогрессистов, которая

1) Cp. J. Carrère et G. Bourgin, *Manuel des partis politiques en France*, 1924, p. 17: ... „chaque parti, considéré en particulier, évoluait vers la droite à mesure qu'il se rapprochait du pouvoir“.

шла нередко с радикалами, в 10-ую легислатуру оказывается уже в среде правой оппозиции; радикалы же, в 80-е годы образовавшие левый фланг палаты, со середины 90-х годов все более подвигаются к центру, составляя в настоящее время главный умеренный элемент палаты. В самой палате это получило наглядное выражение в порядке размещения скамей фракций: напр. в палате 1914—1919 гг. группа „левых“ республиканцев занимала места в правом центре¹⁾.

Следует отметить и то, что с возрастанием числа парламентских фракций увеличивается и число групп, активно участвующих в министерских комбинациях. В 3-ю легислатуру (1881—1885) имелось 6 групп, и в сформировании министерств участвовали 3 группы, т. е. 50%; в 10-ую легислатуру (1910—1914) число групп увеличилось до 9, из коих принимали участие в министерских комбинациях 5, т. е. 55%; в 12-ую легислатуру (1919—1924) соответственно на 9 групп — 6, т. е. 66%; в 13-ую (1924—1928) на 10 групп — 7, т. е. 70%²⁾. Измельчание групп не препятствует все большему растяжению объединения между партиями, и это понятно, так как чем больше фракций, тем у отдельных малых групп меньше шансов на активную политическую роль вне объединения с другими фракциями.

Среди 33 французских премьер-министров, считая со времени президентства Grévy (1879), имеется 10 радикалов и 4 республиканских социалиста³⁾, а остальных 19 можно коротко охарактеризовать, как умеренных республиканцев. Партийная принадлежность глав французских кабинетов служит новым подтверждением нашего положения, что при парламентаризме умеренные партии занимают руководящее положение, так как деятелям этих политических групп наиболее идет роль по средника при согласовании разных стремлений и интересов причастных партийных групп.

1) *ibid.*, p. 17, а также Lavissee-Seignobos, p. 288.

2) Пропущена 11-ая легислатура, когда в виду войны заключена была *union sacrée*.

3) Сюда отнесены также Briand и Millerand, в молодости бывшие социалистами, ныне по официальным данным числящиеся во фракции республиканцев-социалистов.

§ 2. О том, как складывается большинство палаты для поддержки министерства.

Парламентарная теория требует, чтобы министерство имело доверие большинства парламента, при чем ближе не определяется, что понимать под этим большинством. Большинству противопоставляется меньшинство, и все кажется ясным, исходя из численного соотношения между обоими. Если обратиться к парламентской практике во Франции, то данные относительно голосований, выражающих доверие или недоверие министерству, обнаруживают интересные черты, свойственные парламентаризму помимо численного выражения большинства и меньшинства. Ниже мы приведем две таблицы о вотумах доверия и недоверия за 15 лет до начала великой войны: это — эпоха вполне установившегося во Франции парламентаризма, нормально здесь функционировавшего до наступления исключительных условий военного времени.

Из таблицы (стр. 102) видно, что из общего числа депутатов, колеблющегося между 557 и 599, в вотумах доверия участвовали от 60—90 % %, следовательно все члены палаты никогда не участвовали в этих голосованиях. Несмотря на это, чаще всего министерства встречали доверие со стороны абсолютного большинства палаты, хотя, правда, это большинство не всегда было достаточно значительным, не достигая перевеса над меньшинством свыше чем в 50—60 голосов, что составляет 10 % всего состава палаты. Можно признать за рассматриваемый период абсолютное большинство при этих вотумах нормальным явлением, относительное же большинство, каковое приходится четыре раза на 14 вотумов, — исключением. Тем не менее, министерства имеют иногда поддержку лишь фактического меньшинства палаты, и в этих случаях особенно рельефно выступает само содержание формального голосования, в частности характерное разделение на три категории той части палаты, которая не голосует за министерство: на голосующих против, воздерживающихся и отсутствующих. При определении формального большинства,отирующего доверие министерству, в расчет принимаются только голоса, поданные за и против министерства, число же воздержавшихся и отсутствующих не учитывается. Непосредственно отношение палаты к министерству находится в зависимости от одного лишь явного выражения

Таблица 1-ая.

Вотумы доверия по поводу деклараций министерств во французской палате депутатов за период с 1899 г. по 1914 г.¹⁾.

Министерства	голосовали за мин-ство pour	не голосовали за мин-ство		
		против contre	воздержались abstenus	отсутствовали congés
1. Waldeck-Rousseau				
26. VI. 1899	263	217	61	16
2. Combes . . 12. VI. 1902	309	117	149	13
3. Rouvier . . 27. I. 1905	373	99	97	13
4. Sarrien . . 14. III. 1906	299	190	51	28
5. Clemenceau 5. XI. 1906	376	94	103	14
6. Briand, 1-e 27. VII. 1909	306	46	106	133
7. Briand, 2-e 9. XI. 1910	296	209	63	27
8. Monis . . 6. III. 1911	309	114	127	45
9. Caillaux . . 30. VI. 1911	367	173	36	15
10. Poincaré . 16. I. 1912	440	6	122	19
11. Briand, 3-e 24. I. 1913	324	77	172	20
12. Barthou . . 27. III. 1913	225	162	156	44
13. Doumergue 12. XII. 1913	283	214	76	20
14. Viviani . . 16. VI. 1914	362	139	93	5

1) Цифровые данные взяты из Journal Officiel, Débats, Chambre des Députés, и отчасти из Journal des Débats.

доверия или недоверия правительству, но этим не исчерпывается отношение всего состава палаты к данному министерству: воздержавшиеся и даже отсутствующие могут влиять на судьбу кабинета. Из приведенных в нашей таблице министерств три нашли доверие палаты только вследствие того, что значительная часть депутатов воздержалась от голосования; среди этих министерств числится кабинет Waldeck-Rousseau, самый долговечный из министерств третьей республики. Второе министерство Briand'a имело за себя 296 голосов, при чем не голосовали за него — 299, среди которых воздержавшихся и отсутствующих 90¹⁾. Вообще число отсутствующих невелико, оно редко превышает 30 депутатов, т. е. 5% общего числа их²⁾. Гораздо значительнее процент воздержавшихся и голосовавших против: в среднем первых — 17%, а вторых — 22% общего числа депутатов. В отдельных случаях % воздержавшихся значительно превышал % голосовавших против, доходя почти до 30% числа депутатов (3-е министерство Briand'a), или же в 20 раз превышая число голосовавших против (министерство Poincaré). Относительно роли воздержавшихся можно сказать, что хотя они формально не принимаются в расчет при определении политических результатов вотума, однако при парламентаризме эта категория имеет большой реальный вес. Молчаливо как бы предполагается, что кто не голосовал против министерства, тот — за министерство: воздержавшиеся ослабляют вес оппозиции, косвенно поддерживая министерство.

При вотуме недоверия замечается аналогичное явление. Для иллюстрации приведем (стр. 104) таблицу голосований, выражающих недоверие министерствам за период с 1899 по 1914 г. Если вотумы доверия имели место по отношению ко всем министерствам, то вотум недоверия относится далеко не ко всем кабинетам этого периода: значительно бóльшая часть их покинула

1) Послевоенная практика знает еще более интересный случай: 22 января 1920 г. при голосовании доверия министерству Millerand'a большинство палаты составляли воздержавшиеся (299), и лишь меньшинство участвовало в голосовании: за — 272, против — 23 (J. O., Débats parl.).

2) Исключительно большое число отсутствующих (133) при вотуме доверия первому министерству Briand'a объяснимо тем, что смена министерств произошла в самом конце ординарной сессии неожиданно для всех, когда значительное число депутатов уже раз'ехалось на вакации.

Таблица 2-ая.

Вотумы недоверия министерствам во французской палате депутатов за период 1899—1914 г. г.¹⁾.

Министерства	голосовали за мин-во pour	не голосовали за мин-ство		
		против contre	воздержались abstenus	отсутствовали congés
1. Dupuy . . . 12. VI. 1899	159	296	90	33
2. Waldeck-Rousseau . . .	не было вотума недоверия			
3. Combes				
4. Rouvier . . . 7. III. 1906	234	267	26	42
5. Sarrien	не было вотума недоверия			
6. Clemenceau 20. VII. 1909	176	212	27	175
7. Briand, 1-oe	не было вотума недоверия			
8. Briand, 2-oe				
9. Monis . . . 23. VI. 1911	224	248	93	29
10. Caillaux	не было вотума недоверия			
11. Poincaré				
12. Briand, 3-е				
13. Barthou . . . 2. XII. 1913	265	290	15	27
14. Doumergue	не было вотума недоверия			
15. Ribot . . . 12. VI. 1914	262	306	31	1

1) Данные взяты из Journal Officiel, Débats, Chambre des Députés, и отчасти из Journal des Débats.

власть без этого вотума. Таблица показывает, что при этих вотумах вся тяжесть лежит на голосующих против министерства, но они образовывали абсолютное большинство только два раза, четыре же раза составляли относительное большинство. Численно меньшинство, голосующее за министерство, разнится от большинства обыкновенно на 25—40 голосов, что составляет лишь около 5—7 % общего числа депутатов; только при падении министерства Дурю эта разница достигла 137. Число воздержавшихся и отсутствующих абсолютно меньше, чем при вотуме доверия, но влияние их на исход голосования значительно. Падение кабинета Monis'a было результатом большого числа воздержавшихся, а кабинета Clemenceau — исключительно большого числа отсутствующих¹⁾. Конечно, если число отсутствующих оказывает решающее влияние на вотум, то это — случайность. Воздержание же есть вполне сознательное отношение к голосованию, и оно при вотуме недоверия служит во вред министерству; можно в этом случае сказать, что кто не за министерство, тот против него, — не усиливая оппозиции, воздержание ослабляет сторонников министерства.

Вышеизложенное в связи с приложенными таблицами дает нам право сделать несколько общих замечаний относительно фактического характера тех большинства, которые образуются во французской палате депутатов для поддержки министерств.

Формальное требование парламентского режима, чтобы министерство пользовалось доверием большинства, понимается обыкновенно в том смысле, что парламент при вотуме доверия делится на две части: большинство, голосующее доверие, и меньшинство, голосующее против министерства. Разумеется, при вотуме недоверия большинство и меньшинство распределяются наоборот. Но теория слишком упрощенно представляет ситуацию, провозглашая простой принцип большинства; таблицы показывают, что фактическое отношение министерства к парламентскому большинству сложнее. Правда, министерства имеют обыкновенно доверие фактического большинства палаты, но если бы это большинство было обязательным условием для того, чтобы министерства могли принимать

1) Ср. прим. 2-е на стр. 103. Значительнейшая часть отсутствующих принадлежала к сторонникам кабинета Clemenceau (см. Lavissee-Seignobos, p. 267).

власть или оставаться у власти, то образование министерств при парламентаризме значительно затруднилось бы. Наши таблицы показывают, что не всегда большинство палаты вотирует доверие министерству, а лишь большинство участвующих в вотуме. Так как формальное и фактическое большинство палаты при этих вотумах не совпадают, то можно сказать, что при вотуме доверия необходимо, чтобы формальное большинство было всегда за министерство, но на деле это большинство может быть меньшинством палаты. Таким образом возможны фактически министерства меньшинства, которые имеют однако против себя еще меньшую явную оппозицию; следовательно точный смысл положения, что министерство при парламентаризме должно пользоваться доверием большинства палаты, нужно формулировать так: министерство пользуется доверием палаты, если при вотуме доверия за министерство голосует та часть депутатов, которая, хотя бы составляя меньшинство палаты, больше того меньшинства, которое голосует против. Такое относительное большинство при голосовании возможно благодаря тому, что участие в голосовании не является обязательным для членов палаты.

Вследствие того же обстоятельства во французском парламенте в его отношении, как целого, к министерству при вотуме доверия (или недоверия) нет резкого лишь противопоставления большинства меньшинству; возможно еще воздержание от выражения доверия или недоверия, т. е. промежуточное, нейтральное отношение к министерству. Из таблиц видно, что воздержание является обычным, нормальным выражением своего отношения к вотумам части парламента; оно то шире, то уже, сообразно политической конъюнктуре: оно может быть даже проявлено большинством палаты, как это произошло при вотуме доверия министерству Millerand'a ¹⁾. Принципы парламентаризма требуют, чтобы министерство имело большинство в палате, — поэтому министерству важно знать, кто его поддерживает, кто нет, имеет ли оно большинство, или нет; те, кто определенно не высказываются, воздерживаются, принципиальными положениями режима просто игнорируются, но воздержавшиеся все-таки имеют большое косвенное влияние на результаты вотума. Ригористическая принципиальная кон-

1) См. прим. 1-е на стр. 103.

струкция парламентаризма совсем не дает следовательно точной картины механизма режима, как он функционирует в действительности. Принципиально режим кажется довольно неподатливым: с виду это — неизменное резкое противопоставление большинства меньшинству и ничего больше. Непонятно иногда, почему министерство, имевшее в данный момент явное большинство в палате, в другой момент, иногда близкий к первому, оказывается в меньшинстве, хотя партийные соотношения в палате все время постоянны; почему при частой смене министерств одни и те же депутаты, с видимой легкостью, вотируют один раз за министерство, другой раз — против? Вотумы имеют, казалось бы, чрезмерно резкий и изменчивый характер. Режим, благодаря воздержанию, фактически более гибок и полон возможностей, кои принципиальными положениями совсем не намечаются. Воздержанием создается промежуточная среда в палате, которая ни за ни против министерства, и отдельные члены и даже фракции большинства либо меньшинства, переходя в разряд воздержавшихся, могут влиять на судьбу кабинетов, не изменяя резко позиции, занятой ими раньше. При трудной политической конъюнктуре формирование министерств облегчается, так как, из-за воздержания части депутатов, возможно образование министерств, поддерживаемых лишь меньшинством палаты; когда политическая ситуация и особенно *saracité* министерства выяснились, ничто не препятствует тому, чтобы воздержавшиеся стали прямо сторонниками министерства, обеспечивая ему надежную поддержку вполне определенного большинства палаты, как это было напр. с кабинетом Waldeck-Rousseau. Или же наоборот министерство пользуется доверием большинства палаты, но его политика побуждает часть его сторонников воздержаться от голосования, содействуя тем свержению кабинета его противниками, как это имело место с министерством Monis'a¹).

Наконец вышеизложенное показывает, что выражение „министерство пользуется поддержкой большинства палаты“ только схематично передает действительное отношение пар-

1) При голосовании 23 июня 1911 г., повлекшем за собой падение министерства Monis'a, 27 депутатов, ранее голосовавших за министерство, воздержались, и противники министерства взяли верх 24 голосами [J. O., Déb., Ch. d. Dép., 1911, scrutin No 152 (6. III) и No 254 (23. VI)].

ламента к министерству. На самом деле это отношение более сложно. Конечно, каждый кабинет должен иметь ядро явных приверженцев, и чем их больше, тем положение кабинета прочнее; с другой стороны, всегда почти имеются явные противники министерства, и чем их больше, тем положение кабинета неустойчивее. Но между этими двумя определенными элементами всегда существует еще неопределенный элемент, воздерживающийся от явного проявления своего отношения к министерству: он то стягивается в пользу первых двух элементов, то расширяется за счет их, и судьба кабинетов нередко зависит от того, в каком направлении происходят перемены в среде этого третьего элемента.

§ 3. Об основаниях ухода министерств в отставку.

Согласно принципам парламентаризма, после вотума недоверия министерство подает в отставку; вотум недоверия является теоретически нормальным основанием для отставки кабинета. Французская парламентская практика за время третьей республики показывает однако, что формальные причины, влекущие за собой отставку министерств, гораздо многообразнее и совсем не ограничиваются вотумом недоверия. Приложенная таблица 3-ья содержит распределение случаев отставки кабинетов во Франции по формальным основаниям за время действия конституционных законов 1875 года, т. е. с февраля 1876 г. по 1-ое декабря 1925 г., за каковой период во Франции сменилось 67 кабинетов.

Из таблицы видно, что прямой вотум недоверия парламента далеко не всегда служит основанием отставки кабинетов: 30 министерств из 67, т. е. около 45 %, ушли без такого вотума. Вотумы недоверия чаще всего имели место по поводу интерпелляций, но такое преобладающее значение за последними замечается не всегда: так напр., при равном числе отставок (16), за первое десятилетие (1876—1886) вотумы недоверия по поводу интерпелляции имели место 2 (3) раза, а во второе десятилетие (1886—1896) уже 7 раз, за третье десятилетие (1896—1906) только 4 раза, за четвертое (1906—1916) — 3 раза, и за года 1916—1925 — 3 раза. Во время войны по молчаливому соглашению в виду *union sacrée* министерства не свергались на интерпелляциях, за исключением одного лишь случая (кабинет Painlevé), но и после войны интерпел-

Таблица 3-ья.¹⁾

Формальные основания отставки министерств во Франции за время с февраля 1876 по 1-е декабря 1925 г.

1.	Явный отрицательный вотум	37 раз.
	1) по поводу интерпелляций	19 (20) раз.
	2) „ „ законодательных предположений	9 (8) „
	3) „ „ финансовых пред- положений (сметы, кредиты, фин. зак.)	7 (8) „
	4) „ „ отказа палаты де- путатов войти в сношения с мин.- вом	2 „
2.	Другие формальные основания	10 „
	1) выбор президента республики	8 раз.
	2) интеримистическое мин-во	1 „
	3) по предложению президента республики	1 „
3.	Добровольные отставки	20 (21) „
	1) в виду политической кон- ъюнктуры	17 (18) раз.
	2) по личным причинам	3 „

1) Данные взяты из рубрики 8-ой приложения. Относительно министерств 18-го и 20-го (порядок приложения) есть сомнение, в какое подразделение их поместить. В подразделение „добровольные отставки в виду политической конъюнктуры“ отнесены министерства: 9, 12, 13, 29, 50, 57 и 72-ое, так как их отставки последовали без формального вотума недоверия.

ляции отнюдь не излюбленный способ освобождаться от нежеланного кабинета. Институт интерpellаций — необходимая принадлежность парламентаризма, так как он открывает возможность обмена мнений между правительством и группами парламента относительно духа и направления политики, которая должна быть руководящей внутри и вне страны в данный момент. Но недостаток этого института, как и всяких публичных прений, заключается в том, что стороны никогда не высказывают всего, и поэтому страсти могут разгораться, но самый исход прений остается неясным, голосования часто неопределенны и зависят от случайностей. Представляя при этом для оппозиции удобный способ затруднять деятельность правительства, институт интерpellаций встречал в среде французских парламентариев, напр. Waldeck-Rousseau, в 90-е годы прошлого столетия¹⁾ заслуженную критику, имевшую результатом некоторое ограничение свободы интерpellаций наказами и практикой палат²⁾.

1) В это время политических скандалов (буланжизм, панама, дрейфусиада) явно злоупотребляли правом интерpellаций, и свержение министерств на интерpellациях было явлением весьма частым: с 1889 по 1899 г. — 9 министерств из 15.

2) Для интерpellаций отводится один только день в неделю; формула перехода может быть принята с прибавкой „*rejoignant toutes les additions*“, отвергающей всякие двусмысленные прибавления к формуле, угодной правительству, и т. п.

Нельзя однако сказать, что институт интерpellаций есть вымирающее учреждение. Статистические данные, взятые из публикуемых *Secrétariat général* палаты материалов (*Etat des travaux législatifs*) по легислатурам 4—12 (1885—1924), дают следующую картину относительно практики интерpellаций:

Легислатуры	Интерpellации	
	предъявленные правительству	обсужденные в парламенте
4-ая (1885—1889)	114	79
5-ая (1889—1893)	178 (199)	(163)
6-ая (1893—1898)	291	209
7-ая (1898—1902)	315	130
8-ая (1902—1906)	476	217
9-ая (1906—1910)	399	256
10-ая (1910—1914)	600	203
11-ая (1914 1/VI до 1916 31/XII)	(201)	(125)
12-ая (1919 8/XII до 1923 12/VII)	736	250

Примечание. В скобках поставлены данные, выведенные автором на основании материалов секретариата палаты. Данные относительно 11-ой и 12-ой легислатур имеются лишь для неполной легислатуры.

В последние десятилетия замечается любопытное явление: учащение случаев добровольной отставки кабинетов без формального вотума недоверия. За пятнадцать лет (1910—1925) на 25 министерств, подавших в отставку, добровольно сделали это 12, и лишь 5 — вследствие вотума недоверия по поводу интерpellации; правда, добровольные отставки были практикуемы намеренно во время войны, но этим не уменьшается значение такого способа оставления власти кабинетом.

Чем же вызывается добровольная отставка?

Мы оставляем в стороне уход министров по мотивам личного характера, а имеем в виду лишь те случаи, когда это совершается по общеполитическим причинам.

Здесь следует различать два случая: 1) кабинет подает в отставку, чтобы обновиться (*remaniement*) и 2) кабинет совершенно уходит.

За полвека под первый случай можно подвести 5 отставок, и вошло это в практику за последние 15 лет, с тех пор как в 1910 г. Briand после интерpellации, кончившейся победой министерства, все-таки подал в отставку, чтобы освежить состав своего кабинета¹⁾. Во время войны *remaniement* практиковалось Viviani и Briand'ом, а попытка Ribot в 1917 г. окончилась неудачей. *Remaniement* возможно, если парламент не высказался определенно против политики данного кабинета, а заметно лишь недовольство некоторыми актами частного характера, исходящими от отдельных членов министерства. *Remaniement*, напр., имеет место во время вакансий парламента, когда по какому-либо вопросу существует

Мы замечаем следовательно постоянный рост цифры интерpellаций. Если за 11-ую легислатуру эта цифра мала, сравнительно с предшествующими, то это объясняется военным временем и неполнотой данных, какие отсутствуют за вторую половину этой легислатуры (1917—1919). С другой стороны, число обсужденных интерpellаций колеблется сравнительно мало, составляя приблизительно $\frac{1}{3}$ предъявленных; остальные $\frac{2}{3}$ либо взяты обратно, либо оставлены без движения. Следует отметить также, что, начиная с 9-ой легислатуры, практикуются письменные вопросы министрам; чрезвычайно возросло число их до 12-й легислатуры включительно: за 9-ую легисл. — 220, за 10-ую — 5424, за 11-ую (неполную) — 13.529, и за 12-ую (неполную) — 18.742. Ответы публикуются в J. O.

1) Раньше этого прибег к *remaniement* Ribot в 1893 г., во время парламентских скандалов: единственный случай *remaniement* в первые 25 лет III Республики, за время действия конституционных законов 1875 г.

разлад в составе самого министерства, как это произошло с кабинетом Painlevé в октябре 1925 г., когда финансовые проекты Caillaux не встретили одобрения его коллег, и поэтому состав министерства был обновлен. При remaniement смещаются отдельные члены кабинета, но смещение не может касаться премьер-министра, так как это означало бы образование совершенно нового кабинета. Поэтому не происходит и перемены общей политики правительства, а могут быть лишь некоторые изменения в частностях. Remaniement собственно частичный кризис министерства, только в наиболее широком объеме, и находит выражение не только в смене лиц, но и в изменении самой программы. Позднейшие remaniements поэтому соединены с чтением декларации и вотумом доверия¹⁾. Все-таки remaniement обнаруживает слабость министерства, и служит на деле лишь предохранительной мерой от полного развала его; кабинеты после обновления не долговечны. За исключением кабинета Viviani, обновленного 26 августа 1914 г. и просуществовавшего до 29 октября 1915 г.²⁾, все остальные³⁾ существовали после обновления недолго:

кабинет Ribot	с 11.	I	— 30.	III 1893	т. е. 2 мес. 19 дн.
„ Briand	„ 3.	XI 1910	— 27.	II 1911	„ 3 „ 24 „
„ Briand	„ 12.	XII 1916	— 20.	III 1917	„ 3 „ 8 „
„ Painlevé	„ 29.	X 1925	— 28.	XI 1925	„ — „ 30 „

Можно сказать, remaniement есть лишь способ отерочить падение кабинета, каковое фактически неминуемо, но при данных условиях может быть нежелательным. Но так как обновленное министерство, как показывает практика, слабее прежнего, то прибегать к remaniement следует лишь в крайних

1) Первое remaniement третьей республики, обновление кабинета Ribot в январе 1893 г., состоялось без прочтения декларации кабинетом и без вотума доверия. То же самое произошло и при remaniement кабинета Viviani в августе 1914 года; впрочем палаты не заседали тогда.

2) Remaniement произошло в данном случае при исключительных обстоятельствах начала мировой войны по совершенно другим причинам, чем remaniement остальных кабинетов.

3) Сюда можно бы причислить по характеру и кабинет Poincaré от 29. III. 1924, просуществовавший до 7. VI того же г.; но формальные условия обновления и причины отставки обновленного кабинета в данном случае иные, чем обычно при remaniement.

случаях; предпочтительнее полная отставка, выясняющая политическую ситуацию. Remaniement не есть разрешение политической проблемы, а воздержание от него путем отсрочки.

Но иное значение имеет второй случай добровольной отставки, когда кабинет совершенно уходит. Во французской парламентской практике за последние 15 лет это случается довольно часто: на 25 отставок можно насчитать 8 добровольных этой категории. Такие отставки имеют место даже после вотума доверия парламента: Briand в феврале 1911 года имел за собой большинство палаты, когда его кабинет подал в отставку. Обыкновенно это происходит, когда министерство, обсудив политическую ситуацию, приходит к заключению, что оно на доверие парламента рассчитывать не может, хотя недоверие явно еще не высказано. Основанием к такому заключению может послужить, напр., исход новых выборов в палату депутатов, давших большинство оппозиционным партиям — отставка министерства Poincaré 7 июня 1924 г.; либо явное изменение настроения политических кругов, неблагоприятное министерству — отставка министерства Briand'a 16 января 1922 г.; либо то, что министерство чувствует себя не в состоянии далее осуществлять власть — отставка кабинета Doumergue 3 июня 1914 г., и т. д.

Добровольные отставки свидетельствуют о склонности нового поколения парламентариев, выросшего при парламентском режиме третьей республики, упростить формы парламентской процедуры и смягчить ригоризм прежней практики, вызванный традиционным обособлением, которое считали нужным проводить в отношениях правительства к парламенту. Известно, как строго требуется формальный вотум недоверия английским парламентским обычаем в его классическом выражении: Gladstone считал антиконституционным актом, если кабинет, оставшийся на выборах в меньшинстве, подает в отставку, не дождавшись вотума недоверия нового парламента, потому что недоверие кабинету выражает парламент, а не избирательный корпус¹⁾. Этот ригоризм форм объясняется тем, что согласно классической парламентской доктрине министры считаются министрами главы государства, как это особенно ясно выра-

1) Hatschek, J., *Englisches Staatsrecht*, B. II S. 85 (*Handbuch d. öff. Rechts*, 1906).

жено в конституциях монархических государств, хотя в них и действует парламентаризм¹⁾. Теоретически предполагается, что глава государства правит государством через посредство кабинета, и это он решает, когда сменить министерство, а не само министерство — когда ему уйти.

Уход министров по собственной инициативе в виду политической ситуации противоречит тому зависимому положению, которое формально отведено министрам по отношению к главе государства: добровольный уход есть признак самостоятельности, которой классическая парламентская доктрина за министрами не признает. Эволюция парламентаризма низвела роль главы государства до формально-посреднической, на первый же план политической жизни выдвинулся кабинет и особенно премьер-министр; страной правит не глава государства, а премьер-министр и его кабинет. Каковы бы ни были формальные рамки и традиции парламентаризма, все-таки в порядке вещей, что фактическое положение и значение министерства и его главы дают себя знать: имея преобладающую роль по сравнению с главой государства в управлении страной, кабинет соответственно и определяет свое поведение независимо от доктрин и традиций, созданных иными фактическими условиями. В настоящее время политической действительности вполне соответствует тот факт, что министерство само обсуждает политическое положение и само решает, оставаться ли ему у власти, или нет. Премьер-министр, как центральная личность в данной политической констелляции, можно сказать, ее руководитель, совершенно в праве решать, продолжать ли министерству управлять страной или уйти, независимо от того, налицо ли формальное условие — вогум недоверия парламента. При этом во Франции роспуск палаты не практикуется, и отставка министерства является единственным исходом, когда политика правительства не может уже найти поддержки большинства парламента. Противно интересам страны, если у власти стоит слабое правительство, не пользующееся полным доверием парламента и ожидающее во всякий момент вотума недоверия; такое положение равносильно

1) Ср. конституции: Бельгии 1831 г., §§ 63 и 65; Дании 1849/1866 г., § 13; Норвегии 1814/1905 г., §§ 12 и 21; Румынии 1866/79-84 г., § 93; Канады 1867 г., § 11; Австралии 1900 г., § 62; и т. д. (Dareste, *Les constitutions modernes*, Paris, 1910, t. I—II).

скрытому затяжному министерскому кризису. Нормальное функционирование парламентской системы требует, прежде всего, установления согласия между парламентом и правительством, и министерство в своих действиях должно иметь в виду это условие. Раз оно не уверено в том, что его деятельность содействует такому согласию, то было бы противно самой идее системы, чтобы министерство держалось за власть: кабинет, имея общий обзор политического положения, всегда может раньше притти к сознанию изменения политической конъюнктуры, чем отдельные фракции парламента; если бы правительство, несмотря на это сознание, все-таки упорно цеплялось за власть, то оно поступало бы согласно условиям государства-авторитета, где власть никогда не должна была сознавать ошибки, а всегда быть безгрешна — это считалось твердостью власти. Неудивительно, что во Франции, где парламентаризм стремится приспособиться к духу современности, добровольные отставки кабинетов стали за последние десятилетия так часты; но конечно здесь имеют место и отставки министерств вследствие вотума недоверия.

В балтийских республиках добровольные отставки министерств стали явлением обычным; парламентаризм в этом отношении установился здесь в формах наиболее современных. В Эстонии, согласно конституции, правительство и отдельные его члены подают в отставку в случае явного вотума недоверия со стороны парламента (§ 64 конституции). На деле, за все время существования здесь парламентской системы, до сих пор (до 1926 года) ни одно правительство не было свергнуто вотумом недоверия, и все смены министерств состоялись вследствие добровольной отставки. То же самое, более или менее, можно сказать и относительно Финляндии, Латвии и Литвы. Во всех этих странах партийных группировок много, и формирование кабинета требует больших усилий для достижения соглашения между разными фракциями, весьма часто немногочисленными по личному составу. Кабинеты здесь по общему правилу — коалиционные, чисто партийные встречаются крайне редко и играют собственно роль деловых кабинетов. Приглашение министров в большинстве балтийских республик формально обязанность президента¹⁾, но роль парламента в парламентаризме

1) В Эстонии президентского института нет.

этих государств тем значительней, что повсюду парламент состоит из одной лишь палаты, избираемой всеобщим голосованием на началах пропорциональности. Парламент является в балтийских государствах безусловным хозяином их политической жизни, не встречая серьезного противовеса в президенте — там, где последний имеется¹⁾. Партии образуют министерства, и все зависит от большей или меньшей натянутости отношений между ними, большей или меньшей сговорчивости их. Поэтому при малом политическом воспитании руководящих партийных кругов министерские кризисы нередко бывают затяжными, и кабинеты формируются с большим трудом; это особенно заметно при образовании нового министерства после общих выборов, во время коих партийная вражда сильно разгорается, а сделанные обещания еще слишком свежи, чтобы от них отказаться или допустить в них ограничения. Так напр. в Эстонии образование нового кабинета после выборов 1923 г. потребовало почти 2 месяцев²⁾, в Латвии после выборов первого *saeima* 1922 г. — более 2½ месяцев³⁾, а в Финляндии после выборов 1922 г. — более 2 месяцев⁴⁾. В течение легислатуры министерские кризисы везде более коротки: совместная работа в парламенте и очередные практические задачи облегчают соглашение. Вышедшее из междупартийного соглашения министерство не имеет по существу обособленного от парламента существования, а является лишь коллегией доверенных лиц создавшейся партийной коалиции. Существование данного министерства — прямое следствие существования этой коалиции. Не министерство ищет себе поддержки в коалиции парламентских фракций, а образовавшаяся коалиция уже намечает личный состав министерства. Правда, и здесь выдвигается личность премьер-министра, но его главная задача — создать основания соглашения между фрак-

1) В Финляндии президентский институт поставлен наиболее авторитетно: президент между прочим санкционирует законы и имеет право роспуска парламента.

2) По данным, сообщенным секретариатом *riigikogu*, формирование 3-го кабинета *Päts*'а продолжалось с 7 июня по 2-ое августа 1923 г.

3) По сведениям секретариата *saeima*, образованию кабинета *Pauluks*'а предшествовал кризис с 7 ноября 1922 г. по 25 января 1923 г.

4) По газетам *Helsingin Sanomat* и *Uusi Suomi*, формирование кабинета *Kallio* закончило кризис, длившийся с начала сентября по 14 ноября 1922 г.

циями, а не непосредственно сформировать самое министерство. Если коалиция образовалась, то представители фракций в кабинете, каковыми являются министры, найдутся уже без труда.

Пока существует коалиция, гарантировано существование и министерству. Но министерство уже не может дольше существовать, если вступившие в коалицию фракции желают выйти из последней. Министерскому кризису всегда предшествует здесь кризис междупартийный в самом парламенте. Раз наступило в последнем распадение коалиции, то распадается и министерская комбинация: наблюдается нередко, что какая-либо отколовшаяся фракция отзывает своих представителей в кабинете, и после этого обыкновенно раздражается полный министерский кризис, — остальные члены правительства подают также в отставку. Уход министерства — логическое следствие распада коалиции, поддерживавшей министерство; отставка последнего — бесспорный внешний показатель того, что коалиция перестала существовать. Лишен содержания формальный вотум недоверия министерству; он и не практикуется, как излишний, так как некому собственно вотировать недоверие: остается прибегать к добровольной отставке, чтобы придать какую-либо форму факту ухода министерства. Институт парламентского доверия к правительству получает в практике балтийских государств совершенно новый смысл: это констатирование того факта, что продолжает существовать междупартийная коалиция, которая повела к образованию данного министерства; министерство находится у власти, пока существует коалиция, его создавшая, и подает в отставку, когда коалиция распалась. Можно сказать, что здесь министерство, подавая в отставку, как бы выражает недоверие парламенту, удостоверяя своим уходом, что не находит более в парламенте тех поддерживавших его элементов, которые его вызвали к жизни.

Итак в балтийских республиках вполне определенно дает себя знать тенденция к превращению правительства в коллегия доверенных лиц коалирующих фракций парламента. Такое отношение между парламентом и министерством лишает смысла строго формальное требование вотума недоверия, выставляемое теорией парламентаризма; создавшемуся здесь положению вещей соответствуют отставки министерств без вотума недоверия, или добровольные отставки.

Но это уже дальнейшая стадия развития парламентаризма в смысле окончательного вытравления элементов и отношений, заимствованных из условий государства-авторитета. Французский парламентаризм сохранил покамест еще некоторое руководящее значение за правительством, и самому кабинету и его премьеру оставлена роль активного фактора для создания правительственного большинства в парламенте. Облегчает эту задачу присущий французским парламентариям партийный диссидентизм, вследствие коего отдельные депутаты определяют свое отношение к тому или другому министерству в зависимости от личных взглядов, не всегда считаясь с партийной дисциплиной.

Глава седьмая.

Власть при парламентаризме.

§ 1. Об изложенном в предшествующих главах.

Итак, что мы изложили выше? Мы отметили, что в государстве, как во всяком организованном состоянии, необходимо различать два момента: объединительный и принудительный. Смотря по тому, какой из этих моментов преимущественно имеется в виду, и учение о государстве различно. Центральной проблемой современной теории государства нужно считать учение о суверенитете государства; но исходной точкой этого учения является принудительный момент государственного бытия, который выдвигался при монархической государственности. Теория монархического строя легла в основание учения о государстве вообще, хотя в цивилизованных странах нашего времени монархическая государственность везде заменена представительным строем. Учение о государстве, сохранив догмат суверенной государственной власти, заменило лишь безответственного монарха „Божьей милостью“ — всевластным народным представительством „волей нации“.

За 19-ый век замечается неуклонное вытеснение монархических учреждений, неспособных уже организовать современное общество, учреждениями представительными, в центре которых стоит парламент. Одновременно и дух государственности подвергается изменению: авторитет власти, характерный для монархизма, теряет свое обаяние пред реальной необходимостью согласования интересов, рельефно выступающей в демократическом обществе и обнаруживающейся в самом функционировании органов власти этого последнего.

Мы указали далее, что преобладающей формой современного представительного строя стал парламентаризм. Последний наблюдается в двух формах проявления: английской и кон-

тинентальной. По духу и характеру континентальный парламентаризм ближе к современности, так как он развился на системе плюрализма партий, благодаря чему способен давать более полное отражение общественных стремлений и интересов в деятельности государственного механизма.

Исследуя детальней систему парламентаризма, можно установить, что в главных проявлениях власти и в своей организации эта форма представительного строя носит черты преимущественно объединительного характера, принудительный же момент как бы не замечается. Данное нами, на примере Франции, описание форм двух главнейших функций народного представительства: законодательства и образования министерства служит этому подтверждением.

В законодательстве, с одной стороны, парламентское дело-производство вынуждено особенно учитывать групповой элемент в составе парламента, в ущерб личности народного представителя: отдельный депутат отходит на задний план перед партийными группами, как носителями и представителями тех или иных массовых интересов. Вследствие этого парламентская процедура все более приравнивается к установлению соглашения между фракциями, что по существу равносильно согласованию представляемых ими интересов, а лишь это и может быть целью парламентской деятельности. Но с другой стороны, отдельные законы и по существу являются не односторонними актами авторитетной воли, а согласованием многих интересов, поскольку это достижимо при данной политической обстановке: разработка французской палатой закона о трехлетней службе в 1913 году является яркой иллюстрацией этого.

Во французских условиях те же черты носит и формирование министерства, покоящееся на институте политической ответственности министров. Формальная процедура образования кабинета показывает, что оно есть усилие найти соглашение между группами парламента, с тем чтобы в исходе министерского кризиса кристаллизовались в парламенте те политические силы, которые при данных условиях способны к положительной роли, поддерживая правительство, как активный орган для определенной политики. Но согласительная черта обнаруживается и в ряде других моментов. Прежде всего, она заметна в самых приемах формирования министерств: это — либо объединение, концентрация, в лице представителей разных парла-

ментских групп, либо же соглашение, находящее выражение в программе министерства (*d'apaisement*); и не случайность, что чаще всего имеет место концентрация, так как она дает наиболее реальное выражение соглашению между фракциями; реже встречаются министерства *d'apaisement*. Далее, в том же смысле характерно, что по общему правилу министерства образуются из элементов более или менее близких к центральным группам парламента, а не из крайних элементов, и в этом отношении особенно типична политическая физиономия премьер-министра, который никогда не приглашается из крайних фракций, если парламентаризм функционирует нормально.

Можно однако возразить, что парламентское правительство есть правительство большинства парламента, и что меньшинство не добровольно согласилось на свое положение, а просто подчинено более сильному. Но ближайшее изучение голосований показывает, что отношение парламента к правительству совсем не определяется лишь одним властным порывом большинства парламента утвердить свою волю, — оно гораздо сложнее: здесь всегда дают себя знать колебание, воздержание от восторга или просто случайность. Правда, наиболее решительные элементы могут взять верх над колеблющимися и руководить ими; но воздержавшиеся всегда могут своим вмешательством внести перемены в данную политическую ситуацию. Не будет преувеличением сказать, что здесь отсутствует постоянная властная воля, а есть атмосфера взаимозависимости и соглашения, и министры должны считаться не только с явными своими сторонниками и противниками, но и с другими элементами парламента. Относительно же парламентского большинства нужно заметить, что оно не столько руководящий властный фактор парламентарного режима, сколько собственно точная форма, в которой коллегиальные решения и соглашения в парламентской среде всегда получают законченное выражение; поэтому и большинство, поддерживающее правительство, не есть всегда большинство парламента. В связи с этим отставки министерств, как обратный процесс в сравнении с образованием их, отнюдь не рисуются как неизбежный результат резкого изменения состава властного большинства парламента, а скорее как естественный исход неудачи определенной политики согласования интересов. Неудивительно поэтому, что французский парламентаризм, этот барометр режи-

ма, за последние десятилетия все реже знает отставки министерств вследствие интерпелляции, классического способа манифестации воли большинства палаты в отношении к правительству; все более выдвигаются добровольные отставки кабинетов, соединенные нередко с *remaniement* министерства — эта форма отставки, конечно, наиболее согласна с духом парламентского согласования интересов.

§ 2. Критика принципов суверенитета государства и представительного мандата с точки зрения парламентаризма.

Выше, на стр. 19, мы привели два основных положения, на которых еще покоится теоретическая конструкция представительного строя. Это, во-первых, общее положение: власть, как воля государства, суверенна, а ее источник — народ; и во-вторых, частное положение для представительного строя: народное представительство выражает волю государства; только народный представитель может быть выразителем этой воли; поэтому, на каких бы началах он ни был избран, он представляет весь народ. Первое положение содержит в себе принцип суверенитета государства (или нации), а второе — представительного мандата. Рассмотрим теперь, к каким критическим выводам относительно этих постулатов приводит нас изложенное в предшествующих главах.

I.

Идея суверенитета государства, как известно, означает превосходство воли государства над другими волями, индивидуальными и коллективными. Из этого превосходства выводится необходимость подчинения государственной власти, причем юридическая теория основывает на суверенитете правомерность самого подчинения. Понятие суверенитета кладется в основу публично-правовых конструкций, а новейшее направление юридической школы переносит его уже на правовой порядок, с которым отождествляется государство.

Мы не намерены оценивать суверенитет, как юридическое понятие; поэтому наше исследование оставляет вопрос о необходимости суверенитета государства вне обсуждения; мы желаем указать однако, что при парламентаризме идея сувере-

нитета в самом государственном устройстве, особенно в парламентских учреждениях, не находит реальных условий осуществления, и поэтому кажется ненужной и бесплодной. Она представляется как бы висящей в воздухе, не вдохновляя ни мысль ни волю и не оказывая влияния на фактическое осуществление власти. Поэтому теоретические построения, основанные на идее суверенитета государственной власти, становятся в современных условиях отвлеченными мудрствованиями, которые могут быть по вкусу сильным диалектическим умам, как говорит Котляревский¹⁾, но относительно которых возникает вопрос о том, насколько они соответствуют тем действительным переживаниям властвования и подчинения, весь материал для которых дан извне, из об'емлющей нас стихии человеческих взаимодействий — „и если бы не существовало этих последних, то не было бы и мотивов создавать юридическую систему“²⁾.

Мы писали о том, во-первых, как разрабатывается при парламентаризме закон, т. е. создается³⁾ воля государства, и во-вторых, как формируется министерство, т. е. образуется активная власть для проведения в жизнь закона, для превращения воли государства в действие. Это — два главнейших проявления государственности, при наличии коих таковая становится в современном обществе реальностью. Мы ошиблись бы однако, если бы предположили, что суверенная природа государства в этих его проявлениях непосредственно может быть констатирована, как сказывалась, напр., верховная власть русского самодержца, когда он своим „быть по сему“ давал всю силу закона представленным ему мнениям государственного совета, или как обнаруживалась суверенная воля абсолютного французского короля, когда он в заседании „lit de justice“ своим повелением о занесении закона в акты клал конец продолжительным иногда разногласиям в лоне париж-

1) Власть и право, 1915, стр. 9 и сл.

2) Duguit в своих трудах ярко и уничтожительно критикует учение о национальном суверенитете: он показывает, что эта идея отжила свой век и является препятствием к дальнейшему развитию теории государства. Хорошо и общепонятно изложено это в его американских лекциях „Souveraineté et liberté“, 1922.

3) Правильнее было бы сказать: важнейший волевой акт государства; но в актах и получает реальность „воля“ государства, поэтому наше выражение, не совсем точное, все-таки передает фактически существующее.

ского парламента. Здесь на самом деле имеется воля, которая вполне определенно хочет; она суверенна, так как ей подчиняются беспрекословно другие воли. Чего-нибудь равносильного этому мы напрасно стали бы искать в установлении закона при парламентаризме.

Является ли при этом режиме закон волей?

Вопрос этот не новый. Закон, как таковой, имеет и здесь свою безусловную силу, но можно ли указать чью либо конкретную волю, находящую выражение в данном законе? Закон исходит от парламента: поэтому можно бы сказать, что это воля либо парламента, либо большинства парламента, либо же наконец каждого народного представителя. Но сама процедура выработки закона исключает возможность признания закона волей каждого народного представителя: нужное для этого внутреннее единство отсутствует в современном парламенте. Также неприемлемо положение, что закон — воля большинства парламента. И действительно, описанная нами выше выработка французской палатой закона о трехлетней военной службе показывает, что закон, как целое, правда, принимается определенным большинством палаты, но отдельные постановления закона поддерживаются большинством, которое совсем не совпадает с большинством, вотирующим весь закон. Так бывает обыкновенно. Но в таком случае нельзя сказать, что закон полностью является волей определенного большинства палаты; вотум большинства — лишь необходимое условие для того, чтобы закон считался принятым палатой. Остается видеть в законе волю парламента, от которого он считается исходящим; только парламент собирательное единство, а не хотящий субъект. Поэтому воля парламента — не прямая психическая воля, а лишь конструктивная юридическая воля, т. е. решение, вынесенное с соблюдением определенных форм его установления. Следовательно и здесь нет никакой реальной воли, которая в законе хочет. Одновременно закон считается актом государственной власти, которая по ходячей теории является суверенной волей. Мы стоим, таким образом, пред неразрешимым противоречием: закон выражает суверенную волю, хотя за ней нет реальной воли. Противоречие отпадает, если мы признаем, что и „суверенная воля“ лишена реальности: это лишь способ выражения или, иначе, идейная терминология.

Что же такое закон при парламентаризме?

Неопровержим факт, что власть определяет реальную волю людей: закон побуждает людей поступать так, а не иначе. Я следовательно подчиняюсь власти, закону, но это все-таки не подчинение моей воли другой, более сильной воле; я подчиняюсь и своему представлению о том, что сильный дождь промочит меня до костей, и не выхожу поэтому из дому во время ливня. Совсем не нужно, чтобы то, что определяет волю, само было волей; достаточно, чтобы оно было воспринято сознанием, как мотив для проявлений воли. Поэтому совершенно правильно замечает Коркунов, что не пужно, чтобы власть была волей: те же результаты получаются, если у подвластного имеется сознание зависимости от чего-либо. Процедура создания закона, „воли“ государства, при парламентаризме подтверждает эту концепцию Коркунова. В процессе выработки закона нельзя указать, где та властная суверенная воля, которая подчиняет себе другие воли; а мы видим везде лишь стремление разрозненных воль найти соглашение путем наперед установленной процедуры делопроизводства. Очевидно, большая или меньшая сумма этих разрозненных воль, каковой является всякое парламентское большинство, не может быть этой суверенной волей и при всемогуществе парламента, так как сумма воль остается всегда лишь таковой, а не становится чем-то превосходным по отношению к волям, ее слагающим, тем менее к волям, не входящим в эту сумму. Если считать закон волей государства или нации, то этим может быть удовлетворена страсть к конструктивным построениям в теории государства, но мы не подвинемся дальше в изысканиях реального волевого характера закона.

Вот почему нельзя видеть в законе чью-либо волю, а следует понимать его в условиях той неприкрашенной действительности, в которой он вырабатывается при парламентаризме. Все факторы, участвующие в выработке закона (парламентские группы, правительство), руководствуются при этом осознанным ими интересом, который однако совсем не совпадает у всех их. Всеми все-таки руководит сознание того, что данный очередной общественный, или государственный, вопрос должен найти урегулирование в законе. Отдельные воли желают найти разрешение задачи в рамках тех интересов, носителями которых они являются, поэтому конкретно все желают разного, но

силой вещей все преследуют одну цель: установить содержание закона, наименее расходящееся с представленными тем или иным фактором интересами. То, что в конце концов становится законом, является исходом для расходящихся стремлений отдельных волей, направленных к этой цели. Иногда найти исход невозможно, и закон остается неизданным. В законе содержится не чья-либо воля, а разве лишь частицы всех волей, участвовавших в его разработке; однако это выражение неточно, так как воля не делима, а лишь изменяема. Но те интересы, носителями коих были участники выработки закона, определяют содержание его в той или иной их взаимозависимости; какой-либо один интерес может иметь при этом преобладающее значение, или же какой-либо другой интерес не принят в расчет — но все это лишь частности взаимоотношения интересов, повлиявшего на выработку закона, не придавая ему этим волевого характера. Закон таким образом выражает не волю, а лишь интересы, более или менее взаимно уравновешенные.

Но закон — акт власти; в нем следовательно заключается властный элемент; иначе: то, что есть власть, должно быть и законом; отсюда наоборот: то, что есть закон, находится и во власти. Чем же представляется власть при этих условиях? Изложенное выше относительно закона служит подтверждением взгляда, что власть не является волей. Пусть волевая концепция власти исходит из того, что власть создает волевые акты, но сами реальные условия образования власти при современном парламентаризме говорят против этой концепции. В монархии в лице монарха всегда дана сосредоточенная власть, которая имеет лишь непосредственно проявляться; эта власть может обставить себя формальными рамками в своем функционировании, но это не отнимает у власти квалификации непосредственного и неограниченного волевого фактора. При парламентаризме принципиально власть такова же, однако фактически положение — другое. Здесь сосредоточенность власти исчезла; здесь имеется ряд высших учреждений с ограниченными функциями, взаимно зависимых, формально и фактически обособленных и представляющих в совокупности весьма сложный механизм, благодаря чему они и держатся. Если в монархии всегда можно указать, где покоится власть — именно в самом монархе, то в условиях парла-

ментаризма решение этого вопроса усложняется. Правда, парламент занимает здесь доминирующее положение, но его роль по отношению к остальным органам власти заключается в том, чтобы вносить об'единение там, где нужное для государства единство находится в опасности; как принято говорить, парламенту принадлежит последнее слово в государственных делах. Не говоря о других органах власти, уступающих парламенту по значению, и парламент все-таки нельзя ставить в параллель с монархом в смысле квалификации власти, им присвоенной. Теория государства и перенесла всю полноту власти, принадлежавшей монарху, на идейное единство — государство-нацию, но тем самым лишила власть той реальности, которая до того была ей присуща. Государство-нация конечно не может проявлять никакой власти, но ради простоты и ясности теоретической конструкции власть может быть понята, как атрибут государства-нации.

На самом деле осуществление власти переходит к государственным учреждениям, в первую очередь к парламенту и министерству. Реальная власть исходит именно от этих последних, и чем по существу власть является в функционировании этих учреждений, тем она бывает и на деле. Можно ли здесь констатировать волевою сущность власти? Волей мы называем субъективное хотение, более или менее длительное. Воля является психическим переживанием субъекта, превращающимся в акты во вне по тем или иным мотивам. В государственных учреждениях, в парламенте, в правительстве действует также воля, но это воля не самих учреждений, а тех лиц, которые входят в состав этих учреждений. В парламенте воля имеется у членов его; при помощи сложной процедуры индивидуальные воли депутатов координируются, и в результате более или менее полного согласования воль создается властный акт парламента, которому подчиняются единичные воли, к каковым он обращен. В этом акте и заключается при парламентаризме реальная власть. Но ошибочно было бы видеть в таком акте волю: он исходит от парламента, но парламент не имеет воли; депутаты имеют волю, но акт этот не — их воля. Он — продукт усилия многих индивидуальных воль, желающих и призванных совокупно создавать акты власти. Возможно это — исключая случай совпадения воль — только в форме компромисса воль, т. е. пу-

тем взаимных уступок ради общей цели; а следовательно в самом акте первоначальное хотение соучаствующих волей изменяется. Над этими измененными волями возникает в акте власти не новая воля¹⁾, а новый мотив, определяющий все воли, которых он касается: по отношению к реальным волям акты власти — безусловные мотивы, побуждающие индивид действовать в данном ими смысле. Сумма актов власти и является властью, и для индивидуальных волей власть есть общий мотив сообразоваться с ее актами. Но так как содержание актов власти выражает согласование интересов, то мы можем сказать, что власть мотив сознательной воли, возникающий из необходимости согласования интересов.

В этих общих выводах мы имели в виду закон и парламент. Но то же самое относится к правительству и к правительственным актам. Акты правительства преследуют исполнение того, что установлено законом. Они следовательно находятся в прямой зависимости от последнего. Очевидно, что в них не может содержаться ничего, противоречащего закону. Если в них непосредственно и не дается согласования интересов, то, будучи направлены на исполнение закона, они косвенно служат тому же согласованию; в противном случае они противоречили бы закону и теряли бы обязательную силу. Парламентское же министерство, уже по своему происхождению, как мы это подробно изложили выше, является результатом некой координации интересов, определяющей и всю деятельность правительства. Таким образом, власть, исходя от правительства, не теряет при парламентаризме указанного характера.

Итак, можно ли в современных условиях придавать какое-

1) Согласование волей не является волей, так как хотят не уступок, составляющих компромисс, а результата, достигаемого компромиссом. Напр., партия А желает установить рабочее время в 6 часов и дневной заработок в 300 марок, а партия В — соответственно в 8 часов и 200 марок; компромисс 7 часов и 250 марок. Ни А ни В не хотят этих норм; если состоялось соглашение, то компромисс принимается, как меньшая потеря для обеих сторон, сравнительно с крайними нормами противной стороны. Компромисс собственно — умоозаключение, предшествующее воле, а не спонтанная воля. В нашем изложении воля понимается, как первоначальный психический процесс.

либо значение тем свойствам власти, которые ей приписывает хотячее учение о государстве?

Когда власть понимается как воля, и когда в монархии власть-воля воплощается в лице монарха, то имеется основание сравнивать другие воли с волей-властью монарха, признавая превосходство последней над всеми другими волями и провозглашая ее суверенитет. При парламентаризме же мы имеем дело с системой государственных учреждений, между которыми распределены функции власти в рамках определенной компетенции; власть исходящая от одного учреждения, совершенно та же, что и власть любого другого учреждения, пока эти учреждения действуют в границах своей компетенции. При этом условии для правильного функционирования учреждений безразлично, является ли власть, от них исходящая, суверенной или нет. В этом случае соотношение между властными факторами в государстве вполне установилось; здесь отсутствует поэтому борьба за власть и нет неясности относительно принадлежности власти. Напротив, пока эта борьба длится, сама принадлежность власти невыяснена и есть основания приписывать суверенитет той или другой из борющихся сторон. Суверенитет — как бы боевой клич во время борьбы за власть, но ошибочно в нем видеть постоянное свойство государственной власти. И действительно, самое понятие суверенитета возникло, как известно, во время средневековой политической борьбы французского короля с сословиями и церковью, и стало как бы венцом победителя, когда королевская власть восторжествовала в борьбе. Наше время знает аналогичную политическую борьбу в союзном государстве, где преобладание союза либо штатов разрешает в том или ином смысле ставший актуальным вопрос о принадлежности суверенитета. Парламентский режим исключает борьбу между учреждениями, поэтому во внутренней жизни современного государства суверенитет не имеет реальной ценности, а в международных отношениях он является угрозой оздоровлению этих последних и препятствием к их мирному развитию, как на это вполне правильно указывает Duguit¹⁾.

Если при волевой концепции власти суверенитет может еще характеризовать эту власть, то при понимании власти,

1) См. его „Souveraineté et liberté“, p. 79.

как мотива сознательной воли в виду необходимости согласования интересов, суверенитет — совершенно уже ненужный атрибут власти. Для индивидуальной воли власть является одним из мотивов, и обыкновенно весьма сильным, но не единственным и не сильнейшим: если личное убеждение или личный интерес в конфликте с властью, то нередко последняя оказывается слабее первых — подтверждением этому служит внутренняя политическая история каждой страны. Вся политическая борьба, присущая современному обществу, противоречит идее суверенитета, так как последний означает абсолютную неизменную волю, а в названной борьбе легализованы стремления индивидуальных волей, направленные на завоевание участия во власти с целью ее определения в духе той или иной партии. Выводя же существо власти из необходимого согласования массовых интересов, мы идеей суверенитета ничего не характеризуем в содержании власти. Интересы могут быть согласованы с большей или меньшей полнотой; соответственно возникающая отсюда власть-мотив может быть приемлема сознательной волей с большей или меньшей готовностью: индивидуальные воли могут идти на самопожертвование, но они могут и восстать против власти. Однако то, в какой мере данный акт власти содержит в себе согласование интересов, является вопросом практических возможностей, а не теоретической проблемой признаков и свойств государственной власти. Власть же, как таковая, всегда одна и та же, независимо от ее практической ценности; у власти нет степеней, а „суверенная“ власть обозначает высшую, превосходную степень власти. В изложенном понимании власть и государство служат социально-необходимой функцией согласования массовых интересов, и там, где имеется это последнее, мы находим и власть и государство. Ничто другое этой общественной функции отправлять не в состоянии, поэтому не может быть вообще речи о каком-либо сравнении государства и его власти с чем бы то ни было: это — явления единственные в своем роде. Вот почему суверенитет лишнее понятие в учении о современном государстве.

Нет наконец надобности указывать на народ, как на источник власти. Конечно, понимая власть как волю, нужно иметь субъект власти, хотя бы даже воображаемый, каковым является в учении о государстве „народ“, заменивший собой реального

суб'екта власти — монарха, как мы это указали выше. Поиски источника власти бесплодны; они имеют значение разве лишь в политическом смысле, когда политика инспирируется стремлением к подчинению и принуждению; и крайне удобно подчас прикрываться вывеской „народ“, когда акты власти по существу нуждаются в оправдании. Тщетно, однако, оправдывать власть, как таковую, так как она — необходимость социального существования человека, в психике которого, если угодно, и источник власти. Раз власть лишь результат согласования интересов, то никакой роли не остается уже за „народом“. Массовые интересы, конечно, являются интересами отдельных слоев и частей народа, может быть иногда и всех этих слоев вместе, но если народ, как целое, и объявить носителем всех этих интересов, то от этого само согласование массовых интересов не выиграет ни в значении, ни в силе, так как весь реальный вес согласования интересов заключается в разумности и в практической действительности самого согласования.

II.

В выше изложенном относительно суверенитета государства содержится в общем и критика ходячего учения о народном представительстве. Раз отрицается волевая концепция государства и власти, то очевидно не может быть выражения воли государства народным представительством. Смысл существования этого института нужно искать теперь в том, что он является государственным учреждением, наиболее способным согласовать разпоречивые массовые интересы и создавать власть в государстве. Нами указывалось, что в парламенте, благодаря формам делопроизводства, расходящиеся воли политических групп, как представителей определенных интересов, приводятся в некоторое взаимоотношение и между ними создается соглашение, в результате чего каждый причастный интерес в той или иной мере находит удовлетворение. Такой компромисс воли становится общим мотивом сознательной индивидуальной воли в виду необходимости согласования массовых интересов. Это все понятно, без того чтобы нужно было прибегать к концепции особой сверхволи государства. В равной мере, нет оснований выставить народного представителя глашатаем

воли народа¹⁾. Во-первых, нет воли народа, как нет воли государства. Во-вторых, это непосильная задача для народного представителя, так как последний этой воли знать не может, тем более, что ее нет вообще.

Но особенно подлежит осуждению концепция т. н. представительного мандата: народный представитель — представитель всего народа. Здесь теоретическая конструкция позволяет ожидать гораздо большего, чем фактически вообще может быть осуществлено: создается в результате совершенно ложное положение народного представителя. В самом деле, каждый депутат, как известно, всегда избирается лишь малой частью народа, и поэтому в действительности является только представителем этой части, народ же, как целое, его не избирает и не знает. Переизбрание депутата зависит также не от всего народа, а опять-таки только от той малой части его, которая фактически избирает депутата, от его избирателей. Вполне реальна поэтому связь между депутатом и его избирателями, но нет фактической связи между депутатом и целым народом. Мало того, непосредственная и личная связь между депутатом и его избирателями существует только там, где выборы происходят по индивидуальным кандидатурам, правда, в ограниченных пределах избирательного округа; но и эта связь прекращается совершенно там, где выборы практикуются по спискам, особенно же если сводка результатов выборов происходит на началах пропорциональности. Народный представитель в последнем случае не более, как ставленник определенной политической партии, по списку которой он проходит на выборах: его внесение в список зависит уже

1) Помимо того, в этой конструкции содержится внутреннее противоречие. Она исходит из идеи суверенитета народа, согласно которой власть, как воля государства-народа, — единственный авторитет в государстве. Непонятно, как народное представительство может провозглашать эту волю, которая должна для того же народа быть авторитетной? Ведь это значит иначе, что народное представительство становится авторитетом для народа — совершенно невозможное соотношение: представитель — авторитет для представляемого. Нельзя утверждать, что авторитет существует для индивидов, так как они-то в совокупности образуют народ. Ничего не объясняет и признание самого авторитета за государством, а не за народом. Конструкция лишь осложняется, но факт остается фактом: народное представительство избирается народом, вследствие чего оно и провозглашает авторитетную волю в государстве.

исключительно от центральных партийных органов, и „народ“ тут уже совершенно ни при чем. Объявлять таких избранных партийных комитетов народными представителями, из которых каждый представляет весь народ, это значит по меньшей мере злоупотреблять словами, и ходячую теорию следует осудить за то, что она игнорирует реальные отношения, давая санкцию совершенно фантастическому положению депутатов. И в самом деле, называть кого-либо народным представителем, т. е. лицом, единственно способным, по существующей теории, высказывать народную волю — и, следовательно, поставленным, среди своих сограждан, на недостижимый для громадного большинства их пьедестал — предполагает, что за этим лицом числятся заслуги пред всем народом, делающие его исключением — *élite* — пред другими. Но в действительности ничего подобного не бывает: эти народные избранники в большинстве политики, сумевшие сделать карьеру в качестве местных партийных работников, умственный уровень которых достаточно охарактеризован и практиками и теоретиками представительного строя¹⁾. Наконец и самая задача быть в настоящее время представителем всего народа не по силам депутатам. Правильно замечает Устинов: „не может один человек быть выразителем и истолкователем разных правовых чувств, как не может один человек по разному чувствовать одну и ту же красоту“²⁾. Некомпетентность депутатов и министров, взятых из среды парламентариев, является „притчей во языцех“³⁾. Неудивительно поэтому, что депутат склонен действовать и решать в интересах партии, членом которой он состоит, руководствуясь при этом сознанием, что верность партии является надежным залогом возможности его переизбрания⁴⁾.

1) Напр. Nauriou (*Précis de droit constitutionnel*, 1923, p. 387 et suiv.) говорит о парламентарной олигархии, состоящей из нескольких тысяч членов: сенаторов, депутатов, журналистов и их ближайшей клиентуры. Сюда же относятся полные сарказма страницы у Ch. Benoist, *La Crise de l'État moderne*, p. 22 et s.

2) Учение о народном представительстве, т. II, Москва 1915, стр. 396.

3) См. Barthélemy, J., *Le problème de la compétence dans la démocratie*, 1918.

4) Отсюда понятно, что Esmein (о. с., т. II, p. 406) говорит даже о вотах французских депутатов, сравнительно менее подчиняющихся партийной дисциплине: „les votes sont de plus en plus des votes de parti...“

Эта ходячая конструкция народного представительства отрывает депутата от его среды, ставит его в такое положение, которое не соответствует условиям его избрания. Цель этой конструкции понятна: обеспечить народному представительству авторитет; так старая монархическая теория, по той же причине, ставила монарха в непосредственную связь с божеством. Но неприемлемость этой конструкции ясна из того, что она собственно вдохновляется принудительным моментом государственного бытия, на котором покоится государство-авторитет; между тем как народное представительство, в форме парламента, не есть учреждение, призванное в первую очередь воплощать этот момент, провозглашая властную волю, требующую подчинения. Напротив, парламент, слагающийся из представителей разнородных интересов и стремлений, имеющих в народе, вызывает в нас скорее всего представление об объединительной роли государства, а то, что наиболее явно и доступно в деятельности парламента, — дебаты, обсуждение политических вопросов дня, голосования, — имеет одну лишь реальную и общепонятную цель — согласовать разноречивые интересы.

Деятельность парламента имеет первостепенное значение для теории современного государства, так как именно в этой деятельности слагается то, что называется властью в государстве; здесь та лаборатория, в которой социальные элементы подвергаются многосторонней оценке, определяется в их взаимоотношениях удельный вес каждого и наконец слагается из них единое материальное целое в виде акта власти. Теория¹⁾

1) Припомним здесь известное учение Laband'a о законе. Германский государствовед различает в законе содержание (Gesetzesinhalt) и приказ (Gesetzesbefehl); государственная власть („Herrschaft“) заключается не в фиксации закона парламентом, а в санкции или приказе монарха принять закон к исполнению (Staatsrecht d. Deutschen Reiches, 5. Aufl., 1911, II B., S. 4 ff.). Эта конструкция очевидно исходит из принципа суверенного государства и волевой концепции власти. Развитие современной государственности лишает однако теорию Laband'a живого содержания. При парламентаризме санкция или промульгация становятся чистыми формальностями, неизменно следующими за установлением содержания закона парламентом. По эстонской конституции 1920 г. текст закона, принятого riigikogu, непосредственно публикуется президиумом его; отсутствуют совершенно санкция и промульгация. Конечно, президиум парламента не дает приказа об исполнении закона: приказ заключается уже в самом

расположена считаться с этими актами в момент, когда они, получив внешнюю законченность и вступив в сферу исполнения, превращаются в конкретные состояния и отношения для отдельных индивидов; казалось бы, что индивидуальное сознание теперь только познает само государственное состояние, в котором живет индивид. Конечно, если бы действительно лишь в момент исполнения актов власти индивидуальное сознание пробуждалось для восприятия государственности, то последняя должна была бы казаться ему тягчайшим гнетом и насилием. Однако само исполнение „велений“ власти было бы невозможно, если бы оно было всегда связано с принуждением: нелегально было бы создать столь чудовищный аппарат принуждения, и государственное состояние было бы одной химерой, если бы в громадном большинстве случаев каждый индивид не подчинялся добровольно власти. Поэтому не следует чрезмерно подчеркивать принудительность государственной власти; принуждение появляется собственно в конце, но власть всегда дает себя знать, как мотив. При монархической государственности власть создавалась сравнительно просто, так как она сводилась к волеизъявлению монарха, и наличие ее могло быть констатировано всегда, когда воля монарха обращалась к подданным. Теперь, при парламентаризме, рельефно выступают два момента в образовании власти: установление и фиксация содержания акта власти парламентом и обращение его к исполнению правительством. Установление содержания акта власти является весьма сложной и трудной процедурой, которая должна встретить в государственной науке серьезнейшее внимание, так как в ней-то современная государственность обнаруживает всю свою сущность, весь свой смысл. При обращении к исполнению принуждение со стороны государства сохраняется — это не подлежит сомнению, только принуждатель-то государство вынуждено лишь в исключительных случаях¹⁾:

принятии закона парламентом. Но раз оба момента практически совпадают, нужно ли проводить строгое формальное различие, способствующее неправильному представлению о характере законодательства при парламентаризме?

1) Нельзя отрицать, что возможность принуждения со стороны государства влияет на индивидуальное сознание; однако если бы не было разумного положительного мотива государственности, то после свержения революцией старого аппарата власти не принимались бы с лихорадочной быстротой за создание нового аппарата принуждения, новой власти.

следовательно это — *ultima ratio*, а не *ratio plena* государственного состояния. Тем более это так, что при представительном строе создание власти находится в теснейшей связи с самим обществом; можно сказать, что власть выражает как бы самое существо этого общества, являясь результатом совместных усилий всех политических факторов общественной жизни.

III.

Явления властвования вытекают из свойств человеческой психики, и науке предстоит еще много работы для внесения некоторого света в эту область. Если и допустить здесь действие бессознательных сил¹⁾ — а в психологии где не найти элементов бессознательного? — то все-таки, поскольку властвование является выражением сознательных действий, ум человеческий в государственной деятельности нуждается в принципе, под который он мог бы подвести явления окружающей его государственности. Конечно этот принцип не объясняет бессознательного элемента в отношениях властвования, но он служит путеводной звездой для тех, кто призваны осуществлять власть.

Из истории политической мысли известно, что когда-то сверхчувственный мир считался виновником происхождения государства, и властвование понималось как божественное установление. Этим самым получило начало представление о государстве-авторитете, но с тех пор, как мысль изверилась в мистической сущности государства, в отношениях властвования стали искать рационального содержания, и умы завоевывает умозрительная доктрина о суверенитете государственной власти, будь то в виде реальной воли монарха, или в виде идеи общей воли. Но волевая концепция власти с установлением представительного строя теряет под собой почву и может вдохновлять лишь формальные юридические конструкции в учении о государстве. Неудивительно, что в таком случае при объяснении сущности явлений властвования обращаются к теории силы, представляющей собой как бы применение к социальным явлениям механической теории тяготения меньших тел к большиим. Эта теория констатирует известные факты, не да-

1) См. Франк, С. Л., Проблема власти (сборник „Философия и жизнь“, 1910 г.).

вая никакого принципа для отношений властвования. Появление ее означает однако крушение государства-авторитета чистого типа, „des obrigkeitlichen Staates“, по выражению Gierke¹⁾. Научная мысль отворачивается от чистой идеи власти, не дающей ничего положительного для учения о государстве при представительном строе. Напротив, новую притягательную силу приобретает союзное начало в государственном бытии, и все более выдвигается государство-ассоциация, „genossenschaftlicher Staat“, как его называет Gierke. Здесь, в этом типе государства, перевес принадлежит, согласно нашей терминологии, объединительному моменту пред принудительным.

Однако с тех пор как утвердился чистый представительный строй, не формулирована собственно достаточно определенно его принципиальная основа, может быть потому, что самый характер этого строя, в переходной стадии конституционной монархии, не был достаточно ясен. Союзное, или объединительное, начало государственного состояния всегда конечно давало себя знать, и мысль издавна стремилась различить положительный мотив, поддерживавший государственное объединение людей. Сюда относится, например, уже со времени Аристотеля учение об общем благе, как сознательной цели государственной деятельности, но оно дает лишь моральное оправдание властвованию. В эпоху расцвета монархической государственности нового времени, когда концепция суверенитета ставила власть вне всяких ограничительных условий, было тем не менее живо представление о *raison d'État*, в чем как бы сказывалось отдаленное признание ассоциативного начала в государстве. На этом начале уже целиком покоилась идея государства в революционном понимании суверенитета, как общей воли.

В политической литературе прошлого столетия психологической основой людских объединений все определеннее признаются интересы²⁾, как двигатели общественной жизни. В не-

1) См. Krabbe, H.: Die moderne Staatsidee, Haag, 1919, 2. Aufl.

2) Не будучи лингвистом, автор не считает себя компетентным проследить, как возникло представление об „интересе“ и получило современный смысл. Но для ясности терминологии автор полагает нужным сделать некоторые замечания. У древних вряд ли могло быть современное психологическое понимание интереса, и употребление в переводах этого слова следует понимать в переносном смысле. Слово это романского происхождения;

мецкой публицистике Mohl, Gumplowicz, Jellinek считают интересы основанием социальных группировок. Но особенно нужно указать на Lorenz v. Stein'a, который, пожалуй, в свое время глубже всего понял роль интереса для государства и управления. Мы читаем у него, что „das Interesse durch die grosse Macht, die es in allen gesellschaftlichen Dingen von jeher entfaltet hat und ewig unter den Menschen entfalten wird, auch in die staatliche Ordnung hineingreift und zu einem der wichtigsten, aber zugleich bisher unbeachtetsten Faktoren in der Bildung der Staatsverfassungen und selbst in der Staatsverwaltung wird“. Но он говорит также, что „bis dahin das Interesse noch nie als ein wesentlicher Faktor für die Gestaltungen des Lebens, und namentlich nicht für die sittliche Ordnung anerkannt und wissenschaftlich untersucht ist¹⁾“. Таким образом, наука стала обращать должное внимание на этот психический фактор со второй половины минувшего века; с тех пор государственная наука, независимо от ее формально-юридической тенденции, отводит интересу подобающее место в отношениях властвования, видя в удовлетворении интересов цель государственного союза. Так например Jellinek в своем определении культурного госу-

во французских лексиконах первоначальное значение его — экономическое: рост на денежный капитал, затем, в переносном смысле, блага и потребности вообще. У Rousseau (*De l'économie politique*) встречается это слово в таком общем смысле в применении к малым социальным группам. В немецком и русском языках слово это, как заимствованное вероятно из французского, имеет уже достаточно широкий и общий смысл, чтобы быть использованным в политической науке. В эстонском языке употребляется слово „huvi“, лишенное всякого специфически экономического оттенка, обозначающее чисто психический процесс, безотносительно к содержанию „huvi“. — Встречаются определения психологического содержания интереса в педагогических работах. Сюда относится определение Joh. Fr. Herbart'a (*Sämtliche Werke*, hrsg. v. Kehrbach, 1887, B. 2), который, выясняя шире понятие интереса (S. 41), коротко формулирует: *Interesse ist Selbsttätigkeit* (S. 145). Социальное понятие интереса развивает обстоятельно Lorenz v. Stein (*Die Gesellschaftslehre*, 1. Abth., 1836, *System der Staatswissenschaften*, 2. Band, S. 119 ff.). Но еще недавно (в 1916 г.) М. Nikoloff (*Beitrag zur Lehre vom Interesse*) заметил, что проблема интереса научно мало разработана. Укажем еще некоторые работы новейших дат: Baleston, R., *De la protection de l'intérêt moral*, 1906; Chambellan, A., *L'intérêt moral et les stipulations pour autrui*, 1919; Novicov, I., *La morale et l'intérêt dans les rapports individuels et internationaux*, 1912; Nory, J., *Le droit de propriété et l'intérêt général*, 1923; Tugwell, *The economic basis of the public interest*, 1922.

1) о. с., S. 119.

дарства признает задачей государственной деятельности удовлетворение индивидуальных, национальных и общечеловеческих *Solidarinteressen*¹⁾; а лейденский профессор Krabbe пишет: „Es wäre wünschenswert, dass die Praxis und die Wissenschaft die Trennung zwischen dem Staate als einer Rechtsgemeinschaft und dem Staate als einem Interessenkomplex in ihrer Terminologie zum Ausdruck brächten“, предлагая назвать государство в последнем смысле *Reich*²⁾. Тут, следовательно, единство юридического понятия государства противопоставляется фактическому государственному состоянию, характеризующему множественностью интересов.

Громадное значение интереса в социальной взаимозависимости людей не вызывает спора. Спрашивается, в каком теоретическом отношении находится современная государственность к этому психологическому фактору? Или — более конкретно — что должны выражать акты власти с точки зрения взаимозависимости интересов? На это можно дать тройкого рода ответ.

Во-первых, можно разделить интересы по содержанию на частные и общие, и последние признать предметом государственной деятельности; акты власти регулировали бы в таком случае общие интересы, как важнейшие. Это — ходячее учение о т. н. относительных целях государства. Политические партии и государственные деятели высказывают нередко претензии быть носителями „общего интереса“, провозглашаемого „интересом государственным“, — отзвук, очевидно, „*raison d'État*“ монархической государственности; в наше время это излюбленный способ разного типа диктатур оправдать свое существование, противопоставляемое партийной анархии. Все-таки представление об общем интересе — лишь абстракция, без прямого конкретного содержания, как последнего нет и в представлениях об общей воле, общем благе и т. п. Общий интерес — очевидно, интерес всех индивидов, так как в противном случае он уже частный интерес; но нельзя указать интереса, общего всем индивидам: жизнь не представляет интереса для самоубийцы, безопасность — для злоумышленника и т. д. В политической жизни ратование за общие интересы — только

1) *Allgemeine Staatslehre*, 1919, S. 264.

2) *о. с.*, S. 255.

идейная фразеология, ибо политическая группа, как таковая, не может быть носителем общих интересов. При представительном строе такого рода претензии высказываются обыкновенно сравнительно слабыми группами, у которых замечается склонность взять на себя посредническую роль между другими группами; ссылка на „общий интерес“ является здесь приемом, которым пытаются примирить расходящиеся „частные“ интересы; многолюдные же, крепко сплоченные группы готовы отстаивать свои „частные“ интересы до крайности, не считаясь с „общим интересом“.

Затем, во-вторых, можно видеть во взаимозависимости интересов проявление безудержного стремления каждого интереса к полному осуществлению, с подавлением конкурирующих интересов; в конечном результате утверждается господство одного интереса или комплекса интересов над остальными. Это — теория борьбы интересов, и она находит выражение в классовой теории государства. Теория эта в учении об интересе — своего рода „*Carthaginem esse delendam*“ политики и предполагает собственно не взаимозависимость, а изоляцию интересов. Борьба же изолированных интересов не создает условий для государства-ассоциации, а совместима идеологически только с установлением государства-авторитета во всеоружии неограниченной власти. Неудивительно, что политические группы, стоящие на почве такой борьбы интересов и поэтому идейно даже ратующие против существующего государства, в действительности, будучи поставлены пред реальностями, являются проводниками государственности в наиболее авторитетном духе.

Наконец, в-третьих, взаимозависимость интересов влечет за собой необходимость согласования их. Этот принцип только и приемлем для представительного строя. Выше мы констатировали, что в наше время принцип этот находит осуществление в главнейших проявлениях государственной деятельности. Чем же возможно мотивировать это явление?

Прежде всего, оно может быть выведено из самого понятия интереса. Интерес означает психическое переживание, состоящее в порыве или устремлении к какому-либо объекту¹⁾.

1) Следует отличать интерес от потребности, а различие их нужно видеть в том, что последняя вытекает из физической природы человека, а

Здесь имеется, с одной стороны, психологический процесс или функция, а с другой — внешний объект. Обыденный язык употребляет слово „интерес“ в двояком значении, то подчеркивая психологический момент („интересоваться“), то предметный („интересы“). Мы намерены в нашем изложении уточнить терминологию и будем называть интерес, как психологический процесс, интересом в психологическом смысле, а интерес, как объект, — интересом в материальном, или объективном смысле. Это различие имеет, как мы сейчас увидим, и теоретическое значение.

Интересы — главный фактор индивидуальной активности людей; Herbart называет даже интерес самодеятельностью человека. Относится это, прежде всего, к интересу в психологическом смысле. Последний, представляя собой психический процесс, который может быть разной интенсивности (внимание — страсть), по существу остается все-таки тем же самым явлением, независимо от своего предмета. Нельзя найти объективного признака, по которому можно было бы судить о превосходстве одного интереса в этом смысле над другим: все интересы равны и имеют одинаковые претензии на удовлетворение. Нет поэтому в данном случае никаких психологических, а равно правовых предпосылок для господства одних интересов над другими. Современная культура, уважая принцип высокого достоинства человеческой личности, оставляет интересам, как естественным свойствам последней, свободную игру и не ставит искусственных препятствий на пути к реализации их: в этом можно видеть сущность современной свободы.

Такое значение интереса (в психологическом смысле) служит общей предпосылкой для организации государственной власти на началах представительства. Но взаимозависимость интересов (в материальном смысле) уже определяет руководя-

интерес из психической; но так как между обеими сторонами человеческой природы существует непрерывная взаимозависимость, то потребности могут переходить в интересы, и наоборот. И те и другие должны быть удовлетворены, чтобы человек жил соответственно своей природе. Удовлетворение физических потребностей является конечно первой необходимостью и должно быть гарантировано в государственном состоянии людей. Интересы удовлетворяются, правда, после физических потребностей, но зато они гораздо разнообразней, возрастая и осложняясь вместе с ростом цивилизации и культуры в данном обществе.

щий принцип, который должен содержаться в актах власти в условиях современной государственности.

Имеются интересы индивидуальные (напр. интерес коллекционера), присущие только отдельному индивиду, и массовые, или тождественные интересы множества индивидов (напр. средства передвижения, но особенно важны интересы экономические). В социальной жизни имеют конечно значение лишь массовые интересы, так как сама эта жизнь является совместной жизнью людских масс.

Все интересы стремятся к осуществлению, определяя волю и деятельность людей, но здесь-то выдвигается различие интересов в материальном смысле.

При осуществлении интересы сталкиваются с двумя обстоятельствами: с одной стороны, интересы (в объективном смысле) сами различны по содержанию, нередко друг друга исключая — это внутреннее препятствие реализации их —, а с другой стороны, возможности реализации ограничены, средства и пути осуществления предельны — это внешнее препятствие. Можно поэтому предполагать, что если бы интересы стремились к осуществлению в полной независимости друг от друга, то в современном обществе установилась бы самая необузданная борьба интересов, и все вероятия за то, что интересы были бы вообще неосуществимы.

Осуществление интересов требует для преодоления препятствий реализации новых условий, из коих одно находится в зависимости от индивида, а другое — от среды. Не все интересы имеют одинаковое значение для индивида: одни — необходимы, другие — желательны, третьи — постоянны, четвертые — временны, и т. д. и т. д. Поэтому в стремлении к удовлетворению интересов индивид производит их оценку и, руководствуясь таким самоограничением, отказывается от одних, чтобы осуществить другие. Такое самоограничение необходимо по отношению как индивидуальных, так и массовых интересов, но оно не всегда дает результат. Самоограничение является односторонним психическим переживанием, которое может иметь в виду лишь интересы, присущие одному и тому же субъекту — индивиду или массовой единице. Но социальная жизнь дает нам картину множества массовых интересов, присущих разным субъектам, массовым единицам, и приходящих в столкновение при осуществлении. Следовательно, реализа-

ция интересов выдвигает новую задачу: чтобы осуществление многих сталкивающихся интересов стало возможным, необходимо согласовать между собой массовые интересы.

Очевидно, согласование интересов не может быть односторонним волеизъявлением какого-либо одного субъекта; оно лежит вообще вне индивидуального усмотрения. Здесь необходимо, чтобы все общество, вся среда принимала участие в деле согласования, требуется активность со стороны целого, а не отдельных его частей — весь коллектив должен действовать, чтобы был достигнут какой-либо разумный результат. Это согласование не есть простой механический процесс: оно находится в прямой зависимости от правосознания данного общества, определяющего соотношение, в котором интересы должны лечь в основание согласования. Согласование интересов достигается не автоматически, мирным путем, а лишь после больших усилий и организованной борьбы политических сил данного общества. В современном демократическом обществе эта борьба приняла форму стремлений партий, являющихся носительницами того или другого массового интереса, к участию в государственной власти. Своим задачам, всей своей деятельности партии стремятся придать идейное содержание, принципиальную значительность, но все-таки их действительная сила, поддержка их со стороны народных масс находится в зависимости от тех реальных интересов, которые они отстаивают; наличие одной лишь идейности, без этой реальной основы, обрекает политическую группу на безсилие и наконец исчезновение с политической сцены¹). Все это создает в современном обществе своеобразную политическую психику, которая может быть использована индивидуальным честолюбием и властолюбием, либо же просто в личных интересах; однако такие индивидуальные явления, как вообще личный элемент в социальных отношениях, затемняя и даже видоизменяя чистые контуры массового явления, не в состоянии дать иной сущности общей сумме явлений общественной жизни.

1) В этом отношении поучительна история английского радикализма, который оказал идейное влияние на разработку ряда законов в 19-м веке в Англии, но никогда не играл самостоятельной политической роли, а был лишь крайней левой ветвью либерализма. Напротив, социал-демократическая партия, возникшая из идейных стремлений, стала во многих странах могущественной партией, приняв на себя защиту рабочих интересов.

А в ней сказывается безпрестанно, со всей широтой и силой, железная необходимость создавать условия для совместного осуществления многих массовых интересов. Это может делать только организующая сила, обнимающая все общество и воздействующая на индивида во всех проявлениях его жизненной деятельности.

В обществе имеется такой фактор в виде государственной организации; на нее и падает эта обязанность, благодаря чему само государство приобретает новый смысл, новое значение в индивидуальном сознании: оно становится социальным действием для согласования массовых интересов данного народа.

Акты государственной власти необходимы постольку, поскольку в них содержится элемент согласования интересов, будь то первоначальный (в законах) или производный (в административных распоряжениях). В этом заключается мотив обязательности этих актов, и бесцельно видеть в них проявления авторитетной воли.

Личный авторитет власть имущих уже не может играть роли, так как индивидуальные волеизъявления властвующих, с точки зрения современной государственности, бессодержательны, если они не выражают согласования интересов; наличие же этого элемента может быть гарантируемо лишь более сложной конструкцией государственного аппарата, чем это имеет место в государстве, где власть покоится на личном авторитете. История последних веков показывает постепенное и неуклонное осложнение государственной организации; единственным реальным основанием всех этих изменений нужно считать все большую приспособляемость этой организации к согласованию интересов. Конечно перемены не всегда происходят без борьбы, иногда даже имеет место кровавый переворот, но смысл этих событий можно найти в том, что массовые интересы данной социальной среды приводятся в некоторое согласование, и обеспечивается то, что уже достигнуто. Проблема же самой государственной организации сводится к тому, чтобы найти такую ее форму, которая способна давать верное и наиболее полное выражение массовых интересов и в то же время достаточно гибка, чтобы в согласовании этих интересов точно фиксировать их соотношения, ставя таким образом осуществление их в прямую зависимость от их социального значения и реальной мощи.

§ 3. Заключительные замечания относительно парламентаризма.

В парламентаризме следует видеть реализацию гибкого государственного строя, стремящегося к согласованию интересов. Центральным учреждением при этом режиме является парламент, который стал объединителем политической жизни страны. Все групповые интересы стремятся быть здесь представленными, и в стране заметно постоянное внутреннее брожение, вызываемое движением интересов, либо стремящихся найти носителей в уже существующих группах, либо же толкающих к образованию новых групп. Интересы эти всегда конкретны и реальны, но политический вес их определяется массой тех лиц, которых они касаются.

Как нет предела движению интересов, так нет и нормы для количества политических групп, представляющих интересы и желающих войти в парламент. Там, где в этом отношении нет еще укоренившихся в обществе традиций, или где образование партий не сопряжено с большими материальными жертвами, общие выборы в парламент вызывают нередко партийное грюндерство¹⁾. Возникающие отсюда неудобства практического характера для функционирования парламентского режима оправдывают неприязнь по отношению к этому явлению. Но последнее логически вытекает из того индивидуалистического представительства, которое характерно для современного представительного строя: если каждый индивид избирает по личному усмотрению и кандидирует по собственному желанию, то все желающие кандидировать должны искать себе избирателей, при известных условиях образуя свою партию: свободе выборов соответствует свобода политического лидерства — это черта эпохи. Неминуемая отсюда партийная дезорганизация и упадок политической жизни побуждают вводить избирательную систему, порывающую с индивидуалистической концепцией

1) По словам одного латышского политика, в его стране достаточно иметь некоторый капитал, чтобы издавать во время избирательной кампании газету и вести пропаганду, и можно быть уверенным, что будешь избран. В Эстонии против такой партийной анархии приняты строгие законодательные меры, требующие между прочим внесения залога в 50.000 марок со стороны групп избирателей, выступающих со своими кандидатскими списками; этот залог поступает в пользу казны, если по данному списку на выборах не пройдет установленного законом минимума кандидатов.

народного представительства¹⁾. Пропорциональная система выборов, которая должна была оздоровить политическую атмосферу, воспроизводит, правда, в общих контурах соотношение партийных групп в населении, но и она недостаточна, так как представленными оказываются лишь элементы, участвовавшие в голосовании. Воздержавшиеся вообще не представлены, так как при пропорциональной системе каждый депутат является избранником точно определенной группы, а не большинства, которое заступает и меньшинство²⁾. Существует взгляд, что пропорциональные выборы в идее должны повести к восстановлению инструкций депутатам³⁾, но можно сказать еще больше: при проведении в жизнь этой системы полностью, население распадается на строго разграниченные группы, объединенные определенной политической программой, которая по существу может быть лишь выражением интересов, носителем коих является данная группа. Пропорциональная система есть приближение к системе представительства интересов, может быть, переходная стадия к чистому представительству интересов. Отмеченная в нашем исследовании общая тенденция представительного строя к согласованию интересов нашла бы наиболее полное выражение в построении самого народного представительства на принципе группового интереса; поэтому современное представительство, все еще принципиально индивидуалистическое, находится в противоречии с реальной сущностью представительного строя.

Итак, интересы стремятся быть представленными в парламенте, чтобы заявить о себе *urbi et orbi*, что и является ближайшим и непосредственным достижением народного представительства. Да и деятельность парламента, как целого, сводится собственно к дебатам и голосованиям по поводу возбужденных пред собранием предположений и дел, а самые главные среди них — законопроекты — всегда по существу предста-

1) Ср. по этому вопросу интересные прения во французской палате депутатов при выработке избирательного закона 1919 г. (J. O., Déb., Ch. d. Dép., 1919, mars — avril — juillet).

2) На заседании палаты 7-го июля 1919 г., при обсуждении избирательного закона 1919 г., социалист Maugerat заявляет от имени своих друзей, что социалисты будут представлять лишь своих избирателей (J. O., Débats, séance de la Ch. d. Dép. du 7 juillet 1919).

3) Мнение Бернатика, приводимое Устиновым в „Учении о народном представительстве“ (т. I, стр. XVII введения).

вляются согласованием интересов, как это уже отмечено выше. Согласительная тенденция в актах парламента обнаруживается не в одинаковой степени при различных условиях. Возможно, что в парламенте одна партия, т. е. представительство одного комплекса интересов, приобретает преобладающее значение; тогда эта партия вполне закономерно может осуществить свои интересы, не считаясь с другими, и следовательно игнорировать принцип согласования. Но это правильно чисто теоретически; на практике конечно нужно смягчить наш вывод, так как в действительности интересы взаимно не столь изолированы, чтобы осуществление какого-либо одного из них было возможно при полном игнорировании других. Впрочем и парламентаризм, особенно в континентальной его форме, исключает возможность длительного преобладания одной партии и одного интереса; нормальным образом здесь ни один интерес, ни одна партия не имеют господствующего значения, а все партии в отдельности образуют меньшинство и могут только совместными усилиями достигать удовлетворения и осуществления своих стремлений. В современной фазе развития парламентаризм не может уже быть партийным, став по духу своему согласительным, соответственно государственному сознанию эпохи.

Этим же сознанием объяснима общая тенденция в развитии политических учреждений современности к возможно более чистому типу представительных, особенно усилившаяся с исходом мировой войны. Замечается даже желание из числа этих учреждений исключить такие, в коих принцип личного авторитета, противоположный принципу согласования, находит еще выражение. Вот почему не только монархический, но даже и президентский институт является в наше время как-бы историческим пережитком; а где он имеется, как напр. во Франции, там роль президента второстепенна и безусловно уступает значению учреждений, являющихся носителями принципа согласования: парламента и кабинета министров.

Парламентаризм покоится именно на единстве принципа согласования в деятельности как парламента, так и правительства. Задача парламента — установить общие формулы согласования интересов; дальше столь многочисленное собрание уже идти не может. Но конечно деятельность государства не кончается на этом. Мы выше говорили, что государство есть социальное действие; этим отмечена действенная при-

рода государственной организации: действие же в последнем результате — конкретный акт, производящий поэтому индивидуальный эффект. Такой эффект дает и государственная организация, но на это способно лишь правительство, как активная часть ее, а не дебатирующий парламент. Правительство¹⁾ должно быть организовано таким образом, чтобы эффект его актов был результатом современного государственного сознания, т. е. выражал бы принцип согласования интересов, а не был проникнут духом государства-авторитета. Достигается это тем, что центральная часть правительственной организации (кабинет или министерство), определяющая дух и направление подчиненных органов, постоянно руководствуется сознанием необходимости согласования интересов. Для этого устанавливается зависимость между парламентом и кабинетом, которая, как известно, характеризуется основным положением, что министерство остается у власти до тех пор, пока оно пользуется доверием парламента. Что это значит? Очевидно то, что кабинет должен быть проникнут тем же духом и пониманием интересов, каковые преобладают в данном парламенте. Раз в основе деятельности парламента лежит принцип согласования интересов, то и деятельность правительства должна руководствоваться тем же принципом. Министерство не может быть при парламентаризме представителем принципов государства-авторитета; такое министерство неминуемо столкнулось бы с решающим большинством парламента, избранного в свободных условиях парламентарского режима. Необходимость принципиальной гармонии между парламентом и правительством является основным условием правильного функционирования нашего режима. Полное непонимание сущности парламентаризма оказывается в жалобах на отсутствие авторитетной правительственной власти при этой форме правления.

Имеет ли при парламентаризме значение оппозиция? Нужна ли она? Оппозиция — продукт английского парламентаризма, партийного дуализма: партия меньшинства, добываясь власти, принадлежащей партии большинства, может занимать лишь положение оппозиции по отношению к большинству — это логично при чередовании двух партий у власти, так как

1) Под правительством понимаем мы в данном случае совокупность государственных учреждений, наделенных активными функциями власти.

политическая партия, отстраненная совершенно от власти, добивается ее не поддержкой противной партии, а борьбой или оппозицией последней. При том само осуществление власти — по английской системе — целиком лежит на ответственности партии большинства парламента: большинство управляет страной, а не большинство и меньшинство совокупно. В условиях континентального парламентаризма, при плюрализме партий, картина иная. Здесь нет, как общего явления, одной партии большинства; население выборами не намечает партии, которая пользуется явным доверием большинства избирателей, и поэтому призвана управлять страной. Выборы оставляют обыкновенно вопрос открытым, кому управлять: все партии в меньшинстве, поэтому можно сказать, что предположительно все призваны участвовать в управлении страной и ни одна не отстранена от власти, т. е. нет объективных данных для признания той или другой партии правительственной ¹⁾. Уже в самом парламенте выясняется, какие партийные комбинации способны принимать на себя управление страной: *ipso facto* нельзя давать преимущества никакой партии, но партийные взаимоотношения выдвигают одни, элиминируя другие. Комбинации эти лишены прочности и могут меняться в непредвиденном направлении. В этом отношении любопытной иллюстрацией является формирование министерств во Франции за текущую 13-ую легислатуру (1924—1928): выборы в мае 1924 года дают левое большинство в палате, которое в начале легислатуры занимает непримиримую позицию по отношению к правой и умеренной части палаты; во вторую же половину легислатуры, при тех же партийных соотношениях, формируется министерство *de l'union nationale*, возглавляемое Poincaré, представителем правых тенденций парламента. Поэтому, если фактически оппозиционность отдельных партий весьма относительна, то континентальный согласительный парламентаризм принципиально совсем уже не требует существования оппозиции. Согласование интересов может иметь место, если интересы представлены и заявлены; согласование интересов — полное, если все интересы учтены без исключения. Идеальное осуществление принципа согласования совершенно не знает игнорирования

1) Конечно, общая политическая ситуация помогает установить, какие партии способны дать правительство в данный момент, но тут приходится руководствоваться субъективными признаками.

одних интересов в пользу других, и всякое изъятие в этом смысле противоречит сущности принципа согласования и следовательно идее представительного строя. Таким образом ни один интерес, ни одна партия ради правильного функционирования системы не должны ставиться в положение оппозиционное; напротив, мы замечаем, что в трудные моменты государственной жизни при парламентаризме оппозиция прекращается, как это было во время великой войны во Франции и Англии, что содействует продуктивному под'ему сил и энергии парламента и парламентарного правительства. На деле партийные взаимоотношения обыкновенно создают оппозицию, и последняя расцветает пышно, когда политическая жизнь полна партийных интриг и личного соперничества политических деятелей. Оппозиция не необходимая пружина механизма системы, а результат несовершенства человеческой природы. Если партии, стоящие на почве парламентаризма, занимают положение принципиальной оппозиции, уклоняясь от позитивной парламентской деятельности, то мы имеем дело с плодом недоразумения; партии же антипарламентские своей оппозицией вносят в парламент методы политической борьбы, чуждые духу парламентаризма, как режима согласования интересов.

Парламентаризм окончательно устранил в законодательстве разобщение между народным представительством и правительством, которое проводилось конституционной доктриной первоначально. Правительство, правда, не имеет уже права замещать в законодательстве парламент — исчезло чрезвычайнo-указное право, но зато министерство — равноправный участник в законодательной работе парламента: можно сказать, что здесь установилась теснейшая связь между парламентом и правительством. При парламентаризме без участия ответственного министерства рассмотрение законопроектов немислимо, при чем в руках правительства все более сосредоточивается инициатива. В Англии, по заявлению Hatschek'a¹⁾, инициатива фактически в руках одного правительства, что понятно при партийном характере министерства, в состав которого входят лидеры партии большинства. Но и во Франции законодательная инициатива правительства в несколько раз

1) *Englisches Staatsrecht*, B. 1, S. 444 f. (*Handbuch d. öff. Rechts*, 1905).

превышает инициативу парламента: за 11-ую легислатуру (1914—1919) вотировано законов по правительственной инициативе (*projets de loi*) — 805 (74 %), а по инициативе палат (*propositions de loi*) — 283 (26 %), за 12-ую легислатуру (1919—1924) соответственно — 908 (80 %) и 229 (20 %) ¹⁾. В этом сотрудничестве парламента и правительства любопытно то, что министерство, благодаря своей инициативе, стало в значительной мере руководителем парламента, указывая последнему, что ему следует делать.

1) Tableaux des projets et propositions de lois votés par la Chambre des Députés (Publié par le Secrétariat Général de la Présidence de la Chambre d. Dép.): 11-e et 12-e législatures.

Приложение.

Таблица

французских министерств 3-ей республики, по президентствам и легислатурам, с указанием их партийного и политического характера, продолжительности пребывания у власти и оснований отставки, с 1870 по 1926 год¹⁾.

1) Систематизированные данные о французском парламенте и министерствах 3-ей республики имеются в неофициальных изданиях. Наиболее полные материалы можно найти в сборнике E. Le Chartier „La France et son Parlement“, 1911; кончается 1911 годом. Более свежие данные находим у George Lachapelle, Élections législatives (до 1924 года), и в Annuaire du Parlement (éd. Samuel et Bonet-Maury), а о министерствах — в таблицах Léon Muel: Tableau synoptique des Ministères (libr. Pedone), отдельно до войны и за войну. Так как данные в этих изданиях взяты из официальных источников, то мы могли их использовать отчасти и для нашей таблицы.

В интересах нашего исследования в настоящей таблице особенное внимание обращено на партийно-политический характер палаты депутатов и министерств. Где было возможно, мы взяли данные из *Journal Officiel*, официального источника: но в последнем сведения о партийном составе палаты депутатов публикуются лишь начиная с 11-ой легислатуры (1914), а о политической физиономии министерств вообще ничего не говорится. Приходилось поэтому при составлении соответствующих рубрик, вместо первоисточника, обращаться к другим пособиям. Весьма ценной в этом отношении была книга Seignobos'a о партийно-политической эволюции 3-ей республики до мировой войны; использованы также: Zévort, E., *Histoire de la troisième République*, t. I и II, и *Journal des Débats*.

Для правильной оценки данных в рубриках 2, 4, 5 и 8-ой нужно иметь в виду нижеследующее. Здесь дается общая партийно-политическая характеристика парламента и министерства для определенного момента легислатуры; наши данные поэтому, не имея абсолютного значения, являются лишь приближением к действительности. В рубрике 2-ой, по большинству легислатур, приведены для сравнения данные Chartier и Seignobos'a, с оговоркой однако, что нельзя установить, относится ли материал у обоих к одному и тому же моменту. Здесь подчеркнуты партийные группы, участвовавшие в министерских комбинациях. В рубрике 4-ой указаны, по возможности, фракции, образовавшие министерство; „концентрация“ без эпитета обозначает коалицию умеренных республиканцев и радикалов. Для рубрики 5-ой не было точных сведений относительно партийной принадлежности всех премьер-министров; поэтому отмечена только в общем их политическая физиономия (правый республиканец, „бывший“). Рубрика 8-ая не имеет целью указать по существу причины отставки кабинетов; она дает ближайшее формальное основание отставки, за которым конечно имеется всегда общая причина, вытекающая из политической ситуации, но формулировать эти причины относительно всех кабинетов равносильно было бы умещению в рамки нашей рубрики парламентской и политической истории 3-ей республики. Характерное для парламентаризма основание отставки — „интерпелляция“ — могло быть констатировано по *Journal Officiel*, но в других случаях пришлось часто довольствоваться иными источниками; местами не удалось установить формального основания и пришлось ограничиться указанием общей причины отставки.

Партийные названия, имеющие местный характер, даны по-французски; только общеевропейские названия переведены на русский язык.

Источники отдельных рубрик.

Для рубрик 1, 3 и 6-ой данные взяты из Journal Officiel.

Для рубрики 2-ой данные взяты:

- 1) о начале и конце легислатур до 10-ой легислатуры — из Le Chartier, а в дальнейшем — из Lachapelle;
- 2) о партийном составе палаты до 10-ой легислатуры — из Le Chartier и Lavissee-Seignobos; в дальнейшем — из официальных Listes électorales, публикуемых в Journal Officiel (Débats parlementaires).

Для рубрик 4 и 5-ой данные взяты:

- 1) о министерствах 1—5 из Zévort,
- 2) „ 6—63 из Lavissee-Seignobos,
- 3) „ 64—78 из Journal des Débats и Journal Officiel.

Для рубрики 8-ой данные приведены из Journal Officiel, Lavissee-Seignobos, Le Chartier, Annuaire du Parlement.

При отдельных данных обозначены сокращенно источники их. Сокращения следующие: J. O. = Journal Officiel, J. D. = Journal des Débats, Ch. = Le Chartier, L. = Lachapelle, A. — Annuaire du Parlement, S. = Lavissee-Seignobos, Z. = Zévort.

Президент республики 1. (J. O.)	Законодательная (начало и конец). Партий- ный состав палаты депутатов 2.
Adolphe Thiers 17. II. 1871 — 24. V. 1873 Mac-Mahon 24. V. 1873 — 30. I. 1879	Правительство национально Национальное Собрание 13. II. 1871 — 1875 (Ch.) легитимисты 200 орлеанисты 200 бонапартисты 30 умеренные республиканцы 100 радикалы 100 (Ch.) Первая л. 8. III. 1876 — 25. VI. 1877 (Ch.) легитимисты . 24 } монар- centre gauche . 48 } рес- орлеанисты . . 54 } хистов gauche républi- публи- бонапартисты. 75 } 153 caine . . . 193 канцев конституцио- extrême } налисты . . 22 gauche . . 98 } 339 (Ch.; S., p. 7)
Jules Grévy 30. I. 1879 — 2. XII. 1887	Вторая л. 7. XI. 1877 — 21. VII. 1881 (Ch.) бонапартисты 99 } империалисты 104 } монархисты 103 } легитимисты . 44 } правых республиканцы 314 } орлеанисты . . 11 } 207 монархисты . . 48 } (Ch.) республиканцы 327 (S., p. 38).

М и н и с т е р с т в а

Премьер-министр 3. (J.O.)	Политический характер мин-ва 4.	Партийная принадлежн. прем.-министра 5.	Время назначения мин-ва 6. (J.O.)	Продолжительность мин-ва 7.	Основание отставки мин-ва 8.
------------------------------	------------------------------------	--	--------------------------------------	--------------------------------	---------------------------------

г. м. д.

Бороны 4. IX. 1870 — 17. II. 1871

Dufaure	коалиция всех партий Над. Собр. (Z.)	консерватор (S.)	20. II. 1871	2 3 5	Отставка президента республики
de-Broglie	правое (S.) (монархистское)	правый (S.)	25. V. 1873	— 6 1	Вотум конст. закона о септеннате (S.)
„ II	то же (remaniement)	то же	26. XI. 1873	— 5 26	Вопрос о приоритете избирательного закона (J. O.)
Cissey	то же (Z.)	правый	22. V. 1874	— 9 16	Вотум конституционного закона (Z.)
Buffet	то же (Z.)	правый (Z.)	10. III. 1875	— 11 13	Выборы палат (Z.)
Dufaure	то же	консерватор (S.)	23. II. 1876	— — 15	Интеримистическое
„ II	centre gauche (S.)	то же	9. III. 1876	— 9 3	Интерпелляция (S.)
Jules Simon	республиканское (S.)	gauche républicaine (S.)	12. XII. 1876	— 5 5	По предложению президента респ. (S.)
de-Broglie	монархистское (S.)	правый	17. V. 1877	— 6 6	Отказ сената в согласии на роспуск палаты депутатов (S.)
Rochebouet	деловое - чиновничье (S.)	правый	23. XI. 1877	— — 20	Отказ палаты деп. войти в сношения с мин-вом (S.)
Dufaure	коалиция: centre gauche и gauche republ. (S.)	консерватор	13. XII. 1877	1 1 22	Выборы президента республики (S.)
Waddington	коалиция: та же (S.)	centre gauche (Z.)	4. II. 1879	— 10 24	Разложение мин-ва вследствие двух отставок (S.)
Freycinet	коалиция: gauche republ. и union republ. (S.)	gauche républicaine (S.)	28. XII. 1879	— 8 26	Разлад в министерстве (S.)
Ferry	коалиция: centre gauche, gauche republ., union republ. (S.)	лидер gauche républicaine (S.)	23. IX. 1880	1 1 22	Интерпелляция (J. O.)

Президент республики 1. (J. O.)	Легислатура (начало и конец). Партий- ный состав палаты депутатов 2.												
	Третья л. 28. X. 1881 — 6. VIII. 1885 (Ch.) бонапартисты 45 монархисты 45 <i>centre gauche</i> 39 <i>gauche républicaine</i> 168 <i>union républicaine</i> 204 <i>extrême gauche</i> 46 (Ch.; S., p. 82).												
J. Grévy Переизбран 28. XII. 1885	Четвертая л. 10. XI. 1885 — 15. VII. 1889 (Ch.) <table border="0"> <tr> <td>бонапартисты 65</td><td>консерваторы 201</td></tr> <tr> <td>монархисты 73</td><td>республиканцы 382</td></tr> <tr> <td>либералы 64</td><td>(<i>rép. indépendants</i> 80</td></tr> <tr> <td>умеренные республи- канцы 275</td><td><i>union d. gauches</i> . 200</td></tr> <tr> <td>(<i>union des gauches</i>) ради- калы 107</td><td><i>gauche radicale</i> . 40</td></tr> <tr> <td></td><td><i>extrême gauche</i> . . 60)</td></tr> </table>	бонапартисты 65	консерваторы 201	монархисты 73	республиканцы 382	либералы 64	(<i>rép. indépendants</i> 80	умеренные республи- канцы 275	<i>union d. gauches</i> . 200	(<i>union des gauches</i>) ради- калы 107	<i>gauche radicale</i> . 40		<i>extrême gauche</i> . . 60)
бонапартисты 65	консерваторы 201												
монархисты 73	республиканцы 382												
либералы 64	(<i>rép. indépendants</i> 80												
умеренные республи- канцы 275	<i>union d. gauches</i> . 200												
(<i>union des gauches</i>) ради- калы 107	<i>gauche radicale</i> . 40												
	<i>extrême gauche</i> . . 60)												
Sadi Carnot 3. XII. 1887 — 25. VI. 1894	(Ch.) (S., pp. 117—119)												

М и н и с т е р с т в а

Премьер-министр 3. (J. O.)	Политический характер мин-ва 4.	Партийная принадлежн. прем.-министра 5.	Время назначения мин-ва 6. (J. O.)	Продолжительность мин-ва 7.	Основание отставки мин-ва 8.
Gambetta	union républicaine (однородное) (S.)	лидер union républicaine (S.)	14. XI. 1881	г. м. д. — 2 16	Ревизия конституции (S.)
Freycinet	коалиция: centre g., gauche républ., union républ. (S.)	gauche républicaine	30. I. 1882	— 6 8	Отказ в кредитах (S.)
Duclerc	деловое (union répr., gauche répr.) (S.)	сенатор республик. (S.)	7. VIII. 1882	— 5 22	Проект закона относительно царств. фамилий (S.)
Fallières	то же	union républ. (S.)	29. I. 1883	— — 23	То же (S.) (Интерпелляция—Ch.)
Ferry	коалиция: gauche répr., union répr., radical modéré (S.)	gauche républicaine	21. II. 1883	2 1 16	Кредиты на Тонкинскую экспедицию (S.)
Brisson	коалиция: умер. радикалов и республиканцев (S.) (концентрация)	радикал (S.)	6. IV. 1885	— 9 1	Добровольный уход (окончание поставленной задачи—S.) Кредиты на Тонкинские дела (Ch.)
Freycinet	коалиция: умер. радикалов и республиканцев, extrême gauche (S.) (концентрация)	умер. республиканец (прежний gauche répr.)	7. I. 1886	— 11 4	Бюджетный вопрос (S.)
Goblet	то же	вне групп, близок к радикалам (S.)	11. XII. 1886	— 5 19	Бюджетный вопрос (S.)
Rouvier	union d. gauches с политикой d'apaisement (S.)	умеренный республиканец (S.)	30. V. 1887	— 6 12	Интерпелляция (J. O.)
Tirard	деловое (прежние мин. и независимые) (S.)	независимый сенатор (S.)	12. XII. 1887	— 3 22	Ревизия конституции (S.)
Floquet	концентрация (S.)	радикал (S.)	3. IV. 1888	— 10 19	Ревизия конституции (S.)
Tirard	умеренное республиканское (S.)	независимый сенатор	22. II. 1889	1 — 23	Интерпелляция в сенате (J. O.)

Президент республики	Легислатура (начало и конец). Партий- ный состав палаты депутатов		
1. (J. O.)	2.		
	Пятая л. 12. XI. 1889 — 22. VII. 1893 (Ch.)		
	роялисты 166	консерваторы 172	
	буланжисты 44	республиканцы 366	
	centre gauche 40	(centre gauche 40	
	républicains modérés 216	modérés 200	
	радикалы 110	radicaux 110)	
	(Ch.)	(S., p. 145—147)	
	Шестая л. 15. XI. 1893 — 7. IV. 1898 (Ch.)		
Casimir-Perier 27. VI. 1894 — 15. I. 1895	правая 58	правая 6	
	ralliés 35	ralliés 3	
	республиканцы (министер- ские) 311	républicains de gou- vernement 300 (31	
Félix Faure 17. I. 1895 — 16. II. 1899	радикалы 122	радикалы 12	
	социалисты (разные) 49	социалисты 4	
	(Ch.)	(S., p. 172)	
	Седьмая л. 1. VI. 1898 — 29. III. 1902 (Ch.)		
	реакционеры 44	пра- вая 92	правые 99
	ralliés 38		умер. республи- канцы (прогрес- систы) 254
	националисты 10		радикалы 104
	республиканцы 254		рад. социалисты 74
	радикалы 104		социалисты 57
	радикал-социалисты 75		
	социалисты 56		
	(Ch.)		(S., p. 199)
Emile Loubet 18. II. 1899 — 18. II. 1906			

М и н и с т е р с т в а						
по порядку	Премьер-министр 3. (J.O.)	Политический характер мин-ва 4.	Партийная принадлежн. прем.-министра 5.	Время назначения мин-ва 6. (J.O.)	Продолжительность мин-ва 7.	Основание отставки мин-ва 8.
7.	Freycinet	концентрация (S.)	умер. республ.	17. III. 1890	г. м. д. 1 11 10	Проект закона (S.)
8.	Loubet	концентрация (S.)	умер. респ. (S.)	27. II. 1892	— 9 9	Интерпелляция (J.O.)
9.	Ribot	то же	умер. респ. (S.)	6. XII. 1892	— 1 5	Отставка части мин-ов (S.)
0.	„ II	remaniement	то же	11. I. 1893	— 2 24	Конфликт между палатами по бюджету (S.)
1.	Dupuy	концентрация (Z.)	умер. респ. (S.)	4. IV. 1893	— 7 29	Интерпелляция (J.O.)
2.	Casimir-Perier	республ. центр с политикой d'apaisement (S.)	умеренный республ. (S.)	3. XII. 1893	— 5 27	Интерпелляция (J.O.)
3.	Dupuy	то же (S.)	умер. респ.	30. V. 1894	— 1 1	Выборы президента республики
4.	„ II	то же	то же	1. VII. 1884	— 6 25	Интерпелляция (J.O.)
5.	Ribot	умеренно - республиканское с политикой de conciliation в отношении к левым (S.)	умер. республ.	26. I. 1895	— 9 6	Интерпелляция (J.O.)
6.	Bourgeois	радикальное (однородное) (S.)	радикал (S.)	1. XI. 1895	— 5 28	Конфликт с сенатом по вопросу о кредитах (S.)
7.	Méline	умеренное однородное с политикой d'apaisement (S.)	лидер прогрессистов (S.)	29. IV. 1896	2 1 30	Интерпелляция (J.O.)
8.	Brisson	радикальное с программой объединения республиканцев (S.)	радикал (S.)	28. VI. 1898	— 4 4	Интерпелляция (J.O.)
9.	Dupuy	концентрация (умеренные и радикалы) (S.)	умеренный республ. (S.)	1. XI. 1898	— 3 17	Выборы президента республики
0.	„ II	то же	то же	18. II. 1899	— 4 4	Интерпелляция (Ch., S.)
1.	Waldeck-Rousseau	концентрация (S.)	бывш. прогрессист (S.)	22. VI. 1899	2 11 16	Добровольный уход (лич. пр.) (S.)

Президент республики	Легислатура (начало и конец). Партий- ный состав палаты депутатов
1. (J. O.)	2.
Armand Fallières 18. II. 1906 — 18. III. 1913	Восьмая л. 1. VI. 1902 — 14. IV. 1906 (Ch.) консерваторы 33 } пра- националисты 45 } вых ralliés 50 } 128 прогрессисты 140 } центр республиканцы ми- } 188 нистерские 48 } радикалы 228 } левая социалисты 45 } 273 (Ch.) (S., p. 225)
	Девятая л. 1. VI. 1906 — 8. III. 1910 (Ch.) реакционеры 80 } консерваторы и action libérale 78 } оппо- националисты 16 } зици- прогрессисты 60 } 174 républicains de gauche républicaine 82 } 90 Le радикалы 269 } 115 bloc радикал-социа- листы 132 } 416 социалисты indépendants 29 } unifiés 59 } (Ch.) (S., p. 248)
	Десятая л. 1. VI. 1910 — 3. IV. 1914 (Ch. и L.) правая 19 } консерваторы 7 indépendants 23 } националисты 1 action libérale 31 } прогрессисты 6 прогрессисты 70 } républicains de gauche démocratique 77 } gauche 9 радикалы 113 } радикалы } 25 радикал-социалисты 149 } радикал-социалисты } социалисты 33 } социалисты: социалисты: indépendants } 73 } indépendants 3 unifiés } unifiés 7 (Ch.) (S., p. 274)
Raymond Poincaré 18. II. 1913 — 18. II. 1920	

М и н и с т е р с т в а						
по порядку	Премьер-министр 3. (J. O.)	Политический характер мин-ва 4.	Партийная принадлежн. прем.-министра 5.	Время назначения мин-ва 6. (J. O.)	Продолжительность мин-ва 7.	Основание отставки мин-ва 8.
2.	Combes	концентрация (S.)	радикал (S.)	7. VI. 1902	г. м. д. 2 7 17	Добровольный уход (общеполит. сит.) (S.)
3.	Rouvier	концентрация (S.)	умеренный республиканец	24. I. 1905	1 — 25	Выборы президента республики
4.	„ II	то же	то же	18. II. 1906	— — 24	Интерпелляция (S., Ch.)
5.	Sarrien	концентрация (S.)	умеренный радикал (S.)	14. III. 1906	— 7 11	Добровольный уход (личн. пр.) (Ch., S.)
6.	Clemenceau	концентрация (bloc des gauches) (S.)	лидер радикал-социалистов (S.)	25. X. 1906	2 8 29	Интерпелляция (J. O.)
7.	Briand	концентрация (bloc des gauches) (S.)	бывш. социалист (S.)	24. VII. 1909	1 3 10	Добровольный уход (общеполит. сит.) (S.)
8.	„ II	радикальное с политикой d'apaisement (remaniement) (S.)	то же	3. XI. 1910	— 3 27	Добровольный уход (общеполит. сит.) (S.)
9.	Monis	концентрация радикальных групп (S.)	умеренный радикал (сенатор) (S.)	2. III. 1911	— 3 25	Интерпелляция (J. O.)
10.	Caillaux	левая концентрация (S.)	прогрессист-диссидент (S.)	27. VI. 1911	— 6 18	Разлад в министерстве (S., A.)
11.	Poincaré	умеренная концентрация (S.)	бывш. прогрессист (S.)	14. I. 1912	1 — 7	Избрание в президенты республики (J. O.)
12.	Briand	концентрация (S.)	бывш. социалист	21. I. 1913	— — 28	Выборы президента республ.
13.	„ II	то же	то же	18. II. 1913	— 1 4	Вотум сената касательно избирательного закона (S., A.)
14.	Barthou	умеренная коалиция (прогрессисты и радик.-социал.) (S.)	бывш. прогрессист (S.)	22. III. 1913	— 8 17	Законопроект (S., J. O.)
15.	Doumergue	левое (S.)	рад.-социалист сенатор (S.)	9. XII. 1913	— 6 —	Добровольный уход (общепол. сит.) (S.)

Президент республики	Легислатура (начало и конец). Партий- ный состав палаты депутатов																							
1. (J. O.)	2.																							
	Одиннадцатая л. 1. IV. 1914 — 17. IX. 1919 (L.)																							
	<table><tr><td rowspan="10">union sacrée</td><td>droite</td><td>15</td></tr><tr><td>non inscrits</td><td>45</td></tr><tr><td>action libérale</td><td>24</td></tr><tr><td>fédération républicaine</td><td>38</td></tr><tr><td>gauche démocratique</td><td>34</td></tr><tr><td>républicains de gauche</td><td>54</td></tr><tr><td>union républicaine</td><td>23</td></tr><tr><td>gauche radicale</td><td>66</td></tr><tr><td>républicains radicaux et rad.-socialistes . . .</td><td>163</td></tr><tr><td>républicains socialistes</td><td>24</td></tr><tr><td>socialistes</td><td>103</td></tr></table>	union sacrée	droite	15	non inscrits	45	action libérale	24	fédération républicaine	38	gauche démocratique	34	républicains de gauche	54	union républicaine	23	gauche radicale	66	républicains radicaux et rad.-socialistes . . .	163	républicains socialistes	24	socialistes	103
union sacrée	droite		15																					
	non inscrits		45																					
	action libérale		24																					
	fédération républicaine		38																					
	gauche démocratique		34																					
	républicains de gauche		54																					
	union républicaine		23																					
	gauche radicale		66																					
	républicains radicaux et rad.-socialistes . . .		163																					
	républicains socialistes	24																						
socialistes	103																							
	(Официальные данные из listes électorales de la Chambre du 23 juin 1914)																							
	Двенадцатая л. 8. XII. 1919 — 13. IV. 1924 (L.)																							
Paul Deschanel 18. II. — 20. IX. 1920	<table><tr><td>non inscrits</td><td>21</td></tr><tr><td>indépendants</td><td>29</td></tr><tr><td>action républicaine et sociale .</td><td>46</td></tr><tr><td>entente républicaine</td><td>183</td></tr><tr><td>républicains de gauche</td><td>61</td></tr><tr><td>gauche républicaine</td><td>93</td></tr><tr><td>radicaux et radicaux-socialistes</td><td>86</td></tr><tr><td>républicains socialistes</td><td>26</td></tr><tr><td>socialistes</td><td>68</td></tr></table>	non inscrits	21	indépendants	29	action républicaine et sociale .	46	entente républicaine	183	républicains de gauche	61	gauche républicaine	93	radicaux et radicaux-socialistes	86	républicains socialistes	26	socialistes	68					
non inscrits	21																							
indépendants	29																							
action républicaine et sociale .	46																							
entente républicaine	183																							
républicains de gauche	61																							
gauche républicaine	93																							
radicaux et radicaux-socialistes	86																							
républicains socialistes	26																							
socialistes	68																							
Alexandre Millerand 23. IX. 1920 — 11. VI. 1924	(Офф. дан.: listes électorales du 30 janvier 1920)																							

по порядку	М и н и с т е р с т в а					
	Премьер-министр 3. (J. O.)	Политический характер мин-ва 4.	Партийная принадлежн. прем.-министра 5.	Время назначения мин-ва 6. (J. O.)	продолжительность мин-ва 7.	Основание отставки мин-ва 8.
6.	Ribot	умеренное (S.)	бывш. прогрессист	9. VI. 1914	г. м. д. — — 4	Интерпелляция (J. O.)
7.	Viviani	левое (рад. - соц., республ. - социал.) (S.)	республиканец-социалист (S.)	13. VI. 1914	— 2 13	Начало мировой войны (S.)
8.	" II	remaniement (union sacrée)	то же	26. VIII. 1914	1 2 3	Добровольный уход (S.)
9.	Briand	union sacrée	респ.-социалист	29. X. 1915	1 1 13	Добровольный уход (S.)
0.	" II	remaniement	то же	12. XII. 1916	— 3 8	Добровольный уход (S.)
1.	Ribot	union sacrée	умеренный	20. III. 1917	— 5 23	Добровольный уход (S.)
2.	Painlevé	union sacrée	респ.-соц. (J.O.)	12. IX. 1917	— 2 4	Интерпелляция (J. O.)
3.	Clemenceau	union sacrée	рад.-социалист	16. XI. 1917	2 2 4	Добровольный уход (личн. пр.) (J. O.)
4.	Millerand	концентрация (центр и радикалы с респ. - соц.) (J. D.)	респ.-соц. (J. D.)	20. I. 1920	— — 29	Выборы президента республики
5.	" II	то же	то же	18. II. 1920	— 7 6	Избрание в президенты республики (J. O.)
6.	Leygues	то же	rép. de gauche (J.O.)	24. IX. 1920	— 3 23	Интерпелляция (J. O.)
7.	Briand	концентрация (от респ.-соц. до entente républ.) (J. D.)	респ.-соц. (J.O.)	16. I. 1921	— 11 30	Добровольный уход (общепол. сит.) (J. O.)
8.	Poincaré	концентрация (от радикалов до action républ. et sociale) (J. D.)	сенаторизация union républicaine (J. D.)	15. I. 1922	2 2 14	Законопроект (J. O.)
9.	" II	то же (J. D.)	то же	29. III. 1924	— 2 11	Добровольный уход (общепол. сит.) (J. O.)

Президент республики	Легислатура (начало и конец). Партий- ный состав палаты депутатов																											
1. (J. O.)	2.																											
Gaston Doumergue избран 13. VI. 1924	Тринадцатая л. (началась 1. VI. 1924) (L.) <table><tr><td>non inscrits</td><td>30</td><td></td></tr><tr><td>union républicaine</td><td>103</td><td></td></tr><tr><td>démocrates</td><td>14</td><td></td></tr><tr><td>républicains de gauche</td><td>36</td><td></td></tr><tr><td>gauche républicaine</td><td>43</td><td></td></tr><tr><td>gauche radicale</td><td>41</td><td rowspan="4">} car- tel 328</td></tr><tr><td>radicaux et radicaux-socialistes</td><td>140</td></tr><tr><td>républicains-socialistes</td><td>42</td></tr><tr><td>socialistes</td><td>105</td></tr><tr><td>communistes</td><td>26</td><td></td></tr></table> (Оф. дан.: listes électorales du 7 novembre 1924)	non inscrits	30		union républicaine	103		démocrates	14		républicains de gauche	36		gauche républicaine	43		gauche radicale	41	} car- tel 328	radicaux et radicaux-socialistes	140	républicains-socialistes	42	socialistes	105	communistes	26	
non inscrits	30																											
union républicaine	103																											
démocrates	14																											
républicains de gauche	36																											
gauche républicaine	43																											
gauche radicale	41	} car- tel 328																										
radicaux et radicaux-socialistes	140																											
républicains-socialistes	42																											
socialistes	105																											
communistes	26																											

М и н и с т е р с т в а						
По порядку	Премьер-министр	Политический характер мин-ва	Партийная принадлеж. прем.-министра	Время назначения мин-ва	Продолжительность мин-ва	Основание отставки мин-ва
	3. (J. O.)	4.	5.	6. (J. O.)	7.	8.
70.	François-Marsal	умер. республик. (J. D.)	сенаториз union républicaine (J. D.)	9. VI. 1924	г. м. д. — — 5	Палата деп. не входит в сношения (J. O.)
71.	Herriot	левая концентрация (cartel)	лидер радикалов (J. O.)	14. VI. 1924	— 10 3	Интерпелляция в Сенате (J. O.)
72.	Painlevé	левая концентрация (cartel)	республ.-социалист	17. IV. 1925	— 6 12	Несогласия в министерстве (J. O.)
73.	„ II	remaniement	то же	29. X. 1925	— — 30	Финансовые меры (J. O.)
74.	Briand	концентрация (левого уклона)	респ.-социалист	28. XI. 1925	— 3 9	} Финансовая политика (J. O.)
75.	„ II	remaniement	то же	9. III. 1926	— 3 14	
76.	„ III	remaniement	то же	23. VI. 1926	— — 26	
77.	Herriot	левая концентрация (cartel)	радикал	19. VII. 1926	— — 4	Не нашло большинства в палате (J. O.)
78.	Poincaré	концентрация (от респ.-соц. до union républicaine, т. н. union nationale)	сенатор из union républicaine	23. VII. 1926		

Обзор литературы.

І. Источники.

а) Официальные.

1. Journal Officiel de la République Française.
 - 1) Lois et décrets, arrêtés, circulaires, avis, communications, informations et annonces depuis 1870.
 - 2) Débats parlementaires, compte-rendu in extenso des séances du Sénat et de la Chambre des Députés, questions écrites et réponses des ministres à ces questions depuis 1870: отдельно Chambre des Députés и Sénat.
 - 3) Documents parlementaires, annexes aux procès-verbaux des séances du Sénat et de la Chambre des Députés: projets et propositions de loi, exposés des motifs et rapports: отдельно Chambre des Députés и Sénat.
2. Règlement de la Chambre des Députés, juin 1924 (éd. officielle), Paris, Imprimerie de la Chambre des Députés.
3. Résolution modifiant un certain nombre d'articles du règlement de la Chambre des Députés pour établir un statut de la séance publique (adoptée le 15 juillet 1926, № 519).
3. Résolution instituant une procédure exceptionnelle pour l'examen et le vote des projets de loi urgents touchant aux intérêts supérieurs de l'État et modifiant les articles 8, 41 et 99 du règlement de la Chambre des Députés (adoptée le 20 juillet 1926, № 531).
4. Rapport fait au nom de la commission du règlement chargée d'examiner la proposition de résolution de M. Joseph-Barthélemy et plusieurs de ses collègues, tendant à modifier un certain nombre d'articles du règlement de la Chambre des Députés pour établir un statut de la séance publique par M. Joseph-Barthélemy, député (annexe au procès-verbal de la séance du 3 juin 1926, № 2945, Chambre des Députés, 13-e législature, session de 1926).

b) Сборники.

5. Daresté, F. R. et P., Les constitutions modernes, 3-e éd., Paris, 1910, 2 t.
6. Duguít, L., et Monnier, H., Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789, Paris, 1915; — continué par Léon Duguít, 4-e éd., Paris, 1925.
7. Moreau, F., et Delpech, J., Les règlements des assemblées législatives, Paris, t. I 1906, t. II 1907.

II. Литература.

a) Исторического содержания.

8. Ковалевскій, М. М., Происхождение современной демократіи, Москва, 1895—1901, 4 тома.
9. Его же, Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму, Москва, 1906, 3 тома.
10. Сеньобосъ, Шарль, Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ формъ, 3-е изд., СПб., 1903, 2 тома.
11. Barthélemy, J., L'introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X, Paris, 1904.
12. Bloch, René, Le régime parlementaire en France sous la troisième République, Paris, 1905.
13. Boutmy, E. G., Le développement de la constitution et de la société politique en Angleterre, Paris, 1897.
14. Dickinson, G. Lower, Le développement du parlement pendant le 19-e siècle, Paris, 1906 (traduction française par Maurice Deslandres).
15. Lavissee, Ernest, Histoire de France contemporaine depuis la Révolution jusqu' à la Paix de 1919:
t. VIII: L'évolution de la 3-e République par Ch. Seignobos (1921, Hachette). — В тексте сокращенно: Lavissee-Seignobos.
t. IX: La grande guerre par H. Bidon, A. Gauvain, Ch. Seignobos (1922, Hachette).
16. Zévort, Edg., Histoire de la 3-e République, Paris, 1896—1901, 4 vol.

17. Gneist, R., *Englische Verfassungsgeschichte*, Berlin, 1882.
18. Hatschek, J., *Englische Verfassungsgeschichte bis zum Regierungsantritt der Königin Viktoria*, München-Berlin, 1913.
19. Sombart, W., *Sozialismus und soziale Bewegung*, 8-e Aufl., Jena, 1919.
20. Jenks, E., *Parliamentary England. The evolution of the Cabinet system*, 1903.
21. May, Thomas Erskin, *The constitutional history of England since the accession of George the Third (1760—1860)*, London, 1906, 3 vol. (vol. III by Francis Holland, 1912).
22. Pollard, A. F., *The evolution of Parliament*, London, 1920.
23. Torrens, W. T. Mac Callogh, *History of Cabinets (1688—1760)* 1894, 2 vol. (стоит в связи с May „History“).

b) Государственное право.

24. Коркуновъ, Н. М., *Русское государственное право*, 5-е изд., СПб., 1904, 2 т.
25. Duguit, L., *Traité de droit constitutionnel*, 2-e éd., Paris, t. I 1921, t. II et III 1923, t. IV 1924, t. V 1925.
26. Esmein, A., *Éléments de droit constitutionnel français et comparé*, 7-e éd., revue par Henry Nézard, Bordeaux-Paris, 1921, 2 t.
27. Hauriou, M., *Précis de droit constitutionnel*, Paris, 1923.
28. Moreau, F., *Précis élémentaire de droit constitutionnel*, 9-e éd., Bordeaux-Paris, 1921.
29. Pierre, E., *Traité de droit politique, électoral et parlementaire*, 6-e éd., Paris, et
Supplément, 5-e éd., entièrement refondue, Paris, 1924.
30. Hatschek, J., *Englisches Staatsrecht*, Tübingen, 1905 u. 1906, 2 B. (Handbuch d. öff. Rechts).
31. Laband, P., *Das Staatsrecht des Deutschen Reiches*, 5-e Aufl., Tübingen, 1911, 4 Bände.
32. Lebon, André, *Das Verfassungsrecht der französischen Republik*, Tübingen, 1909 (D. öff. Recht d. Gegenwart, B. VI).
33. Redlich, J., *Recht und Technik des englischen Parlamentarismus*, Leipzig, 1905.

34. Bagehot, W., The English constitution, London, 1867 [есть русский (Москва, 1905), нем., франц. переводы].
35. Dicey, A. V., Introduction to the study of the law of the constitution, London, 1915 (есть русск. перевод).
37. Low, Sidney, The governance of England, London, 1914 (русск. пер., СПб., 1908).
38. Lowell, A. Lawrence, The government of England, London, 1908, 2 vol. (русск. пер. I тома, Москва, 1915).
39. May, T. E., and Webster, A., Treatise on the law, privileges, proceedings and usage of Parliament, London, 1917.
40. Wallace, D. D., The government of England, 1917.

с) Общая теория государства.

41. Дюги, Л., Конституционное право. Общая теория государства, Москва, 1908 (пер. съ франц.).
42. Кокошкинъ, Ѳ., Лекции по общему государственному праву, 2-е изд., Москва, 1912.
43. Barthélemy, Joseph, et Duez, Paul, Traité élémentaire de droit constitutionnel, Paris, 1926.
44. Carré de Malberg, R., Contribution à la théorie générale de l'État, Paris, t. I 1920, t. II 1922.
45. Nézard, H., Éléments de droit public, 3-е éd., Paris, 1922.
46. Gumplovicz, L., Allgemeines Staatsrecht, Innsbruck, 3-е Aufl., 1907 (русск. пер. под заглавием „Общее учение о государствах“, СПб., 1910).
47. Jellinek, G., Allgemeine Staatslehre, 3-е Aufl. (Neudruck), Berlin, 1919.
48. Kelsen, H., Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, Tübingen, 1911.
49. Rehm, H., Allgemeine Staatslehre, Freiburg i/Br., 1899 (Handbuch d. öff. Rechts).
50. Waldecker, Ludwig, Allgemeine Staatslehre, Berlin-Grunewald, 1927.

d) Разные (теория, политика, парламентаризм).

51. Maim, N., Parlamentarismist prantsuse restauratsiooni ajal (Du parlementarisme en France pendant la restauration), Tartu, 1926 (Acta et Comm. Univ. Tart. B IX.₁).

52. Алексѣевъ, А. А., Къ ученію о парламентаризмѣ, СПБ., 1908.
53. Магазинеръ, Я., Самодержавіе народа (опытъ соціально-политической конструкціи суверенитета), СПБ., Сѣверъ, 1907.
54. Его же, Современный парламентаризмъ и его теоретики (Соврем. Міръ, 1908, VI).
55. Котляревскій, С. А., Сущность парламентаризма (Юридич. Вѣстникъ, Москва, 1913, кн. II).
56. Его же, Власть и право, проблема правового государства, Москва, 1915.
57. Новгородцевъ, П., Кризисъ современнаго правосознанія, Москва, 1909.
58. Паліенко, Н. И., Суверенитетъ, Ярославль, 1903.
59. Петражицкій, Л. I., Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности, 2-е изд., СПБ., 1909 и 1910, 2 т.
60. Соколовъ, К. Н., Этюды о парламентаризмѣ (Вѣстникъ Права, 1906, III и IV).
61. Его же, Парламентаризмъ. Опытъ правовой теоріи парламентарнаго строя, СПБ., 1912.
62. Устиновъ, В. М., Ученіе о народномъ представительствѣ, Москва, 1912 и 1915, 2 тома.
63. Шалландъ, Л. А., Иммунитетъ народныхъ представителей, Юрьевъ, 1911 и 1913, 2 тома.
64. Arzens, J., L'échec du gouvernement parlementaire et la réforme de notre régime constitutionnel, Paris, 1898.
65. Barthélemy, J., Le problème de la compétence dans la démocratie, Paris, 1918.
66. Benoist, Ch., La crise de l'Etat moderne. De l'organisation du suffrage universel, Paris, 1899.
67. Bouchet, H., La conception de la représentation dans la constitution de 1875 et ses déviations postérieures, Dijon, 1908.
68. Duguit, L., Souveraineté et liberté, Paris, 1922.
69. d'Eichthal, E., Souveraineté du peuple et gouvernement, Paris, 1895.
70. Faguet, Emil, Le libéralisme, Paris, 1903.
71. Fahlbeck, Pontus, La constitution suédoise et le parlementarisme moderne, Paris, 1905.
72. François, Charles, Représentation des intérêts dans les corps élus, Lyon, 1899.

73. Hauriou, M., La souveraineté nationale (Études constitutionnelles), Paris, 1912.
 74. Lanessan, J. L. de, La crise de la République, Paris, 1914.
 75. Leroy, M., La loi, essai sur la théorie de l'autorité dans la démocratie, Paris, 1908.
 76. Moreau, F., Pour le régime parlementaire, Paris, 1903.
 77. Ostrogorski, M., La démocratie et l'organisation des partis politiques, Paris, 1903, 2 t.
 78. Redslob, Robert, Le régime parlementaire. Étude sur les institutions d'Angleterre, de Belgique, de Hongrie, de Suède, de France, de Tchécoslovaquie, de l'Empire Allemand, de Prusse, de Bavière et d'Autriche, Paris, 1924 (Bibliothèque internationale de droit public, publiée sous la direction de Gaston Jèze, professeur à l'université de Paris).
 79. Bucher, Lothar, Der Parlamentarismus wie er ist, 3-e Aufl., Stuttgart, 1894.
 80. Gierke, Otto, Das deutsche Genossenschaftsrecht, Berlin, B. I 1868, B. II 1873, B. III 1881, B. IV 1913.
 81. Derselbe, Johannes Althusius, 2-e Aufl., Breslau, 1902.
 82. Hasbach, W., Die parlamentarische Kabinettsregierung, eine politische Beschreibung, Stuttgart, 1919.
 83. Derselbe, Die moderne Demokratie, 2-e Aufl., Jena, 1921.
 84. Kelsen, H., Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts, Tübingen, 1920.
 85. Krabbe, H., Die Lehre v. d. Rechtssouveränität, Groningen, 1906.
 86. Derselbe, Die moderne Staatsidee, 2-e Aufl., Haag, 1919.
 87. Piloty, R., Das parlamentarische System, Berlin-Leipzig, 1917.
 88. Derselbe, Autorität und Staatsgewalt, Tübingen, 1905.
 89. Stein, Lorenz v., Die Gesellschaftslehre, Stuttgart und Augsburg, 1856, 2 B. (System der Staatswissenschaft).
 90. Bodley, J. E. C., France, London, 1898.
 91. Dicey, A. V., Lectures on the relation between law and public opinion in England during the 19th century, London, 1914.
 92. Lecky, W. E. H., Democracy and liberty, London, 1896, 2 vol.
 93. Lowell, A. L., Government and parties in continental Europe, Boston, 1896, 2 vol. (pyeck. nep., Mockba, 1905).
 94. The taint in politics, a study in the evolution of parliamentary corruption, London, 1920.
-

Referat:

Der Parlamentarismus und der souveräne Staat.

Einleitung.

Die moderne Vorstellung vom Staate wird durch die landläufige Staatslehre nicht genügend widergespiegelt: der Parlamentarismus ist nicht im Einklang mit der Willenstheorie der staatlichen Macht und der Prinzipienlehre der Volksvertretung.

Erstes Kapitel.

Die Souveränität.

Die sozialen Organisationen beeinflussen das individuelle Bewusstsein in zweifacher Weise: durch Zwang und durch Einigung. Die Einigung ist eine spontane Äusserung der normalen Psychik; der Zwang dient zur Abwehr negativer Tätigkeit gegenüber dem Zweck und der Existenz der Organisation. § 1.

Im Staate, als einer universalen sozialen Organisation, erreichen die beiden Momente ihren äussersten Ausdruck. Der Zwang wird hier zur Macht, welche sich auf das Leben und den Besitz des Untertanen erstreckt. Die staatliche Einigung ist allgemein und vom Individualwillen unabhängig, als Notwendigkeit einer sozialen Existenz. Für das Individuum liegt der Sinn des Staates in dieser Einigung, doch die Staatstheorie zeigt die Tendenz vor allem das Zwangsmoment hervorzuheben: daher steht hier im Vordergrund das Machtproblem und den Staat definiert man als Machtorganisation par excellence. § 2.

Die Staatstheorie hat nicht immer gleichermassen das Zwangsmoment hervorgehoben. Zum Beispiel, die griechische Philosophie des 5-en und 4-en Jahrhunderts v. Chr. entwickelte die rationalistische Idee von der Autarkie des staatlichen Zustandes, und der § 3.

Inhalt dieser Staatslehre bezog sich ausser der Ethik hauptsächlich auf die Staatsverfassungen und Staatsformen (Plato, Aristoteles).

In der neuen Zeit, nach dem Mittelalter, als in Europa die Kerne der Weltmächte sich bildeten, welche diesen Erdteil zur Beherrscherin der Welt erhoben haben, zeigte sich eine Neigung zur Apotheose des Staates, zu seiner Steigerung ins Absolute; es entstand die Lehre vom absoluten Staat, der mit der Monarchie identifiziert wurde. Der Monarchismus warf insbesondere die Frage auf: warum müssen sich Einem alle übrigen unterwerfen? Im Laufe von Jahrhunderten seit Bodin haben die Staatsrechtler die Einherrschaft zu rechtfertigen versucht und die Notwendigkeit der souveränen Macht und unbedingten Unterwerfung beweisen wollen.

§ 4. Von souveräner Macht kann die Rede sein, wenn man die Macht selbst als Wille auffassen will. Diese Auffassung hatte realen Grund, solange der Staat in der Person des Monarchen verkörpert war, denn der Wille des absoluten Monarchen bestimmte den Inhalt der Souveränität. Doch der Souveränitätsbegriff wurde zur Grundlage der neueren Staatslehre überhaupt, und dadurch erzeugte er für die Staatstheorie Schwierigkeiten.

Im Gegensatz zur monarchischen Souveränität entsteht die Lehre von der Volkssouveränität. Die letztere ist nicht durch reale Lebensverhältnisse erzeugt, sondern beruht auf abstrakten Erörterungen und unbeweisbaren Postulaten, wie dies in der Lehre Rousseau's vom Gemeinwillen klar zutage liegt.

Im 19-en Jahrhundert hat die formelle juristische Schule den Staat zur juristischen Person gemacht, die einen juristischen Willen besitzt, welcher als souverän qualifiziert wird. Viele Staatsrechtler wären bereit, den Souveränitätsbegriff aus der Staatstheorie zu entfernen, und überhaupt weiss man nicht, was mit diesem Begriff anzufangen ist, denn mit dem Niedergang der monarchischen Staatlichkeit ist sein Lebensinhalt verloren.

Der Verfall der Souveränitätslehre ist aber auch ein Kennzeichen dafür, dass die herrschende Willentheorie der Staatsgewalt nicht mehr den Bedingungen der modernen Staatlichkeit entspricht. In der Staatslehre wird diese Willentheorie auch angezweifelt. Der russische Staatsrechtler Korkunow hebt hervor, dass die Macht gar nicht einen Willen präsumiert: man kann herrschen ohne einen Willen zu haben. Beim Herr-

schen liegt alles an dem Beherrschten, aber nicht am Herrscher. Von allem, wovon der Mensch sich abhängig fühlt, wird er auch beherrscht. Zur Herrschaft ist notwendig ein Bewusstsein der Abhängigkeit, aber nicht deren Realität. Daraus folgert Korkunow, dass die Staatsgewalt eine Kraft darstellt, die durch das Bewusstsein der Abhängigkeit vom Staate bedingt ist.

Warum war es nötig, eine Lehre von der Souveränität des § 5. Staates aufzustellen? Das Einigungsmoment kann zu dieser Lehre keine Veranlassung sein, denn der Staat ist eine Tatsache, die keines theoretischen Anspornes bedarf. Die Anwendung des Zwanges aber und deren Konzentration in den Händen des Staates mussten eine Reihe Zweifel erwecken: über den Grad des erlaubten Zwanges, über die zum Zwang Berechtigten u. s. w. Um diese Fragen zu klären, wurde die Lehre von der Souveränität der Staatsgewalt aufgestellt, wie sie ausführlich in den Werken Bodin's, Hobbes', Rousseau's u. a. dargelegt ist. Die Souveränitätslehre aber erhielt in der Staatstheorie eine solche Bedeutung, dass der Sinn des staatlichen Zustandes in der Unterwerfung eines Willens unter einen anderen aufzugehen schien.

Zweites Kapitel.

Die repräsentative Ordnung.

Die Lehre vom monarchischen Staat errang eine allgemeine § 1. Bedeutung, indem sie zur Staatstheorie überhaupt wurde. In den Grundsätzen des Verfassungsstaates findet sich daher eine Anlehnung an die monarchische Doktrin. Die Grundsätze für die Repräsentativordnung wurden im 18-en Jahrhundert formuliert, als die allgemeine Staatstheorie die unbeschränkte Souveränität des Herrschers ausdrücklich betonte, womit gewöhnlich der absolute Monarch gemeint war. Der Sturz des Absolutismus durch die Revolution hatte zur Folge, dass die ganze Fülle der Macht, die bisher dem Monarchen gehörte, übertragen wurde auf einen Sammelbegriff — das Volk, welches jedoch keine Macht ausüben konnte. Sofort wurde daher das Volk in praxi durch die Repräsentanten ersetzt, und die Lehre von der Fülle der souveränen Staatsgewalt wurde zu Gunsten der Volksvertretung ausgelegt. Die Konzentration der Gewalt, welche durch eine Jahrhunderte lange Entwicklung der Monarchie erreicht war, blieb bewahrt, nur ihr Träger wurde ein anderer: der Inhalt der Staatlichkeit blieb, und nur die Form änderte sich.

Für die Volksvertretung wurde eine Theorie aufgestellt, die sie zum faktischen Souverän im Staate machte. Die Grundsätze dieser Theorie erheben den Volksvertreter ausserordentlich, wobei er nicht nur einfach Bevollmächtigter seiner Wähler ist, sondern das ganze Volk vertritt, unabhängig davon, auf welche Art er seine Vollmacht erhalten hat. Das Volk kann nichts direkt wollen, für das Volk tut es der Vertreter, welcher aber auch allein dazu berechtigt ist. Der Volkswille ist immer auf das Allgemeine gerichtet, daher bezieht sich auch der Wille des Volksvertreters nur auf das dem ganzen Volke Gemeinsame, auf das Nationale. Die einfachen Bürger sind darum vollständig dem Willen der Volksvertretung unterworfen.

Diese aus dem Ende des 18-en Jahrhunderts stammende Theorie hat sich in der modernen staatsrechtlichen Lehre erhalten. So schreibt Duguit, dass in Frankreich noch gegenwärtig die in den Jahren 1789 und 1796 formulierte juristische Theorie über die politische Vertretung gültig sei. Jellinek findet, dass das Grundprinzip der modernen Volksvertretung immer darin zu suchen sei, dass die Mitglieder des Parlaments das Volk als Ganzes vertreten. Esmein weist darauf hin, dass ein Bevollmächtigter, der nicht die Macht eigenen Entschlusses hätte, kein Vertreter wäre. Die Vertretung in den gesetzgebenden Körperschaften ist daher befugt, selbst zu wollen und zu beschliessen in allen Fragen, die nach der Verfassung ihnen obliegen.

Das ist der Inhalt des s. g. repräsentativen Mandats. Die repräsentative Staatsordnung aber beruht bis jetzt auf folgenden Grundsätzen:

1. Die Macht, als Wille des Staates, ist souverän und das Volk ist ihre Quelle.

2. Die Volksvertretung drückt den Willen des Staates aus; nur der Volksvertreter kann diesen Willen hervorbringen: daher, auf welcher Grundlage er auch gewählt ist, vertritt er das ganze Volk.

§ 2. Die moderne repräsentative Ordnung hat die monarchische Staatlichkeit verdrängt, weil die letztere unfähig ist die neue ständelose demokratische Gesellschaft zu organisieren; mehr geeignet dazu ist die Volksvertretung, das Parlament. Die Tätigkeit des Parlaments aber erzeugt ein neues Verständnis für den staatlichen Zustand. Es ist nicht mehr wichtig, dass man im Staate vor allem eine befehlende zwingende Organisation sieht,

sondern viel reellere Bedeutung hat gegenwärtig die andere Seite des staatlichen Zustandes, welche als eine soziale Notwendigkeit zu verstehen ist, um die Vielfältigkeit der Masseninteressen zu einigen und auszugleichen.

Drittes Kapitel.

Der Parlamentarismus.

Die repräsentative Staatsordnung in Europa zeigt eine § 1. beständige Tendenz sich zum Parlamentarismus zu entfalten. Gegenwärtig kann man unter 27 europäischen Staaten 20 zählen, in denen dieses Regime sich vorfindet. Unter Parlamentarismus ist ein repräsentatives Regime zu verstehen mit einer Regierungsform, bei welcher der persönliche Bestand der Regierung („das Kabinett“, „Ministerium“) so lange die Staatsgewalt ausübt, als seine Tätigkeit von seiten der Parlamentsmehrheit Unterstützung („Vertrauen“) findet. Der Parlamentarismus macht die Regierung abhängig vom Parlament, welches daher zum überwiegendem Staatsorgan wird. Dieses Überwiegen des Parlaments ist eine politische Notwendigkeit, wodurch im Staate die Einheit der Staatsgewalt erreicht wird: wenn im Verfassungsstaate zwei oder mehr herrschende Organe errichtet werden, so muss doch das eine die entscheidende Stimme haben, sonst wäre in der Staatsgewalt keine Einheit. Beim parlamentarischen System ist es das Parlament, und nicht die Regierung, welches diese Einheit herstellt; daher muss im Falle einer Meinungsverschiedenheit zwischen dem Parlament und der Regierung die letztere dem ersteren rechtlich nachgeben: der Beschluss des Parlaments beendet eine solche Kollision.

In seiner Verwirklichung hat der Parlamentarismus zwei charakteristische Formen aufzuweisen: die englische und die kontinentale.

Es ist bekannt, dass der Parlamentarismus in seiner ursprünglichen Form ein Erzeugnis des englischen politischen Lebens ist; es gibt Schriftsteller, welche den englischen für den richtigen, normalen Parlamentarismus halten. § 2.

Den englischen Parlamentarismus haben zwei Bedingungen allgemeinen Charakters erzeugt. Erstens der Parteidualismus, der hier bis in die jüngste Vergangenheit herrschte. Eine der Parteien ist die Mehrheitspartei nicht nur im Parlament, son-

dern auch im politischen Leben des Landes; diese Partei liefert die Regierung. Die andere Partei dagegen ist die Minderheitspartei, die an der Regierung nicht teilnimmt, sondern die Opposition bildet. Die Parteien wechseln hier beständig ihre Rolle im friedlichen politischen Kampfe durch Wort und Schrift. Daher, zweitens, freie Kritik der jeweiligen Regierung und legalisierte Opposition. Beim Parteidualismus sind in diesem Fall die Beziehungen zwischen den Parteien klar und verständlich, und der Regierungsmechanismus in der Idee einfach: die Mehrheit regiert, die Minderheit opponiert, die Wähler aber beurteilen, wessen Seite sie ergreifen sollen. So waren in England die Bedingungen dazu gegeben, dass die Parteien in der Regierung friedlich abwechselten; es wurde nur die formelle parlamentarische Gewohnheit näher ausgearbeitet, wie sich dieser Wechsel vollziehen sollte. Obwohl das parlamentarische Prinzip in England formuliert worden ist (das Ministerium behält die Macht solange es das Vertrauen des Parlaments besitzt), so war doch dieser Grundsatz hier weiter nichts als die Konstatierung des faktischen Verhältnisses zwischen dem Ministerium und dem Parlament, welches beim Parteidualismus überhaupt gar nicht anders sein kann: denn wenn eine Partei die Mehrheit im Parlament (und wohl auch im Lande) bildet, so muss sie die Regierung liefern, und solange diese Partei die Mehrheit ausmacht, besteht auch ihre Regierung, oder juridisch ausgedrückt: die Regierung übt die Macht aus, solange sie das Vertrauen des Parlaments besitzt.

Auch im englischen Parlamentarismus, als einer Form der repräsentativen Staatsordnung, trifft man die charakteristischen Züge der letzteren, und das Einigungsmoment ist hier deutlich wahrzunehmen: die legale Oppositionsfreiheit, sowie das eigene Interesse der Mehrheit sich gegenüber der Minderheitspartei nackter Gewalt zu enthalten usw. Dennoch kann die Staatlichkeit in England auch einen ziemlich ausgeprägten Zwangscharakter annehmen, wenn eine Partei längere Zeit die Macht ausübt, weshalb hier Ansprüche einer Parteiregierung auf Zwangsmacht nicht vollständig unmöglich geworden sind.

§ 3. Der kontinentale Parlamentarismus unterscheidet sich vom englischen hauptsächlich durch das Parteiwesen: auf dem europäischen Kontinent finden wir den Parteipluralismus im Gegensatz zum Parteidualismus in England. Es ist verständlich, dass die Beziehungen zwischen zwei Parteien einfacher und klarer

sind, als zwischen drei, vier und mehr Parteien. Freilich kann man in allen Fällen dieselben Formen anwenden, doch beim Parteipluralismus kommen Lagen und Zustände vor, die den Parlamentarismus auf dem Kontinent schwieriger gestalten und dem englischen unbekannt sind: zum Beispiel die drohende Kurzlebigkeit der Ministerien, die Schwierigkeit der Bildung von Koalitionsministerien u. s. w.

Der kontinentale Parlamentarismus ist von Anfang an eine Frage praktischer Politik und ein theoretisches Problem. Es ist bekannt, dass die Theorie und Praxis des kontinentalen Parlamentarismus während der Restaurationszeit in Frankreich entstanden ist. Theoretisch ist der Parlamentarismus mit der Lehre von der Gewaltentrennung verbunden. Benjamin Constant, der Schöpfer der französischen parlamentarischen Doktrin, leitet denselben direkt aus der Gewaltenlehre ab: die letztere lässt das Problem der Einigung der drei Gewalten im unklaren; der Parlamentarismus löst die Frage, indem er dem Parlament im Staate die herrschende Bedeutung zuerteilt. Doch der Parlamentarismus wird auch in der Praxis geltend gemacht, und so findet man, dass schon in der Restaurationszeit in Frankreich der Mechanismus dieses Systems festgelegt wurde, obwohl die politischen Bedingungen zur Verwirklichung desselben hier erst später eingetreten sind.

Bisher gelten in der französischen Theorie vom Parlamentarismus die Grundsätze, welche durch die Theoretiker der Restauration aufgestellt worden sind. Als Grundlage des Systems ist die politische Verantwortlichkeit der Minister anzusehen, die laut Esmein darin besteht, dass die Minister ihre Macht verlieren und moralisch verpflichtet sind zurückzutreten, wenn sie das Vertrauen der Mehrheit des Parlaments verloren haben. Man kann hierin nicht nur eine moralische Verpflichtung, sondern auch eine rechtliche sehen, denn das Parlament ist berechtigt die Beziehungen zu dem Ministerium tatsächlich abzubrechen, falls dasselbe nicht zurücktritt.

Die Institution der politischen Verantwortlichkeit der Minister muss als ein politisches Problem ersten Ranges angesehen werden, denn hierin findet der Kern des modernen repräsentativen Systems seinen Ausdruck. In dieser bescheidenen Formel ist der wahre Sinn der Beziehungen zwischen dem Parlament und der Regierung, oder der legislativen und exekutiven

Gewalt, enthalten; in der politischen Ministerverantwortlichkeit ist die Lösung des Hauptproblems der modernen Staatlichkeit zu finden: die Ausübung der Gewalt mit dem Geiste der repräsentativen Staatsordnung zu koordinieren. Da die Volksvertretung den Grundsätzen eines autoritären (obrigkeitlichen) Staates fremd ist, so kann sie neben sich keine Regierung dulden, die auf diesen Grundsätzen fusst. Um den sonst unvermeidlichen Konflikten vorzubeugen, wird die Regierung zu einer parlamentarischen; sie ist vor dem Parlament politisch verantwortlich und steht mit ihm im Verhältnis engster Mitarbeit. In modernen Staaten gibt es freilich auch Staatsoberhäupter, doch die Bedeutung, die manche Theoretiker ihnen beimessen, ist unter dem parlamentarischen System illusorisch. Meist sind es Konstruktionen formaler Jurisprudenz, worin Erinnerungen an die monarchische Vergangenheit neu erwachen, und deren Wert darin liegt, dass sie bei Vorhandensein gewisser Bedingungen und Traditionen das Funktionieren des parlamentarischen Systems erleichtern. Der Parlamentarismus ist auch möglich ohne „Staatsoberhaupt“: in Estland gibt es nur Parlament und Ministerium, wobei die Vertretung des Staates nach aussen dem Ministerpräsidenten obliegt; man kann jedoch nicht sagen, dass das parlamentarische Regime in Estland schlechter verwirklicht ist als im nachbarlichen Lettland, wo es einen Staatspräsidenten gibt.

- § 4. Wenn man den englischen Parlamentarismus mit dem kontinentalen vergleicht, so findet man bei beiden charakteristische Merkmale. Die Stärke des englischen Parlamentarismus liegt im regelmässigen Wechsel von Parteiregierungen, wobei die Ministerien von Dauer sind und eine Änderung der Politik stattfindet, wenn sich nach den Wahlen die allgemeine politische Lage geändert hat. In dieser Hinsicht nähert sich England dem politischen Regime der nichtparlamentarischen Monarchien, wo gewöhnlich die Person des Monarchen und seiner vertrauten Minister eine gewisse Beständigkeit und Folgerichtigkeit in der Staatsregierung gewährleistet. Doch bleibt es eine Frage, wie weit zwei politische Richtungen imstande sind, alle die sozial-ökonomischen Interessen und Bestrebungen, die dem modernen Leben eigen sind, zu umfassen, ohne diesem dabei eine gewisse Beschränkung aufzuerlegen. In der Tat hat man vom Ende des vorigen Jahrhunderts an sich auch in England vom strengen Parteidualismus losgesagt, und es gibt dort heutzutage mehr Parteiströmungen, die aber

den Wechsel der zwei Parteiregierungen doch noch nicht abgeschafft haben. So sieht man, dass das alte dualistische Parteiensystem für moderne Lebensbedingungen nicht genügend biegsam ist, und darin liegt die Schwäche des englischen Parlamentarismus. Und vielleicht irrt man sich nicht, wenn man den Parteidualismus nicht für ganz fähig erachtet die moderne Gesellschaft politisch zu organisieren, wie einige Menschenalter zurück die Monarchie dazu nicht fähig war.

Im kontinentalen Parlamentarismus herrscht Parteipluralismus. Meistens bilden alle Parteien, die im Parlament vertreten sind, einzeln genommen Minderheiten, daher auch die Regierung sich nicht auf eine Mehrheitspartei stützt, sondern auf Vereinbarungen zwischen den Parteien der Mehrheit. Eine solche Stütze ist veränderlich, daher fehlt den Koalitionsministerien die Einheit und Beständigkeit, welche den Parteiregierungen eigen sind. Selten sieht man, dass alle Parteien sich koalieren: fast immer finden sich beim kontinentalen Parlamentarismus auch oppositionelle Parteien; doch der kontinentale Parlamentarismus bedarf grundsätzlich keiner Opposition, denn ganz im Geiste dieses Parlamentarismus wäre es, wenn alle Parteien an der Regierung teilnähmen, obgleich in der Regel aus Parteiinteresse einige sich dieser Teilnahme enthalten. Zum Unterschiede vom englischen Parlamentarismus, der der Mehrheits- und der Minderheitspartei streng geschiedene Rollen zuweist: der ersteren die Regierung, der letzteren die Kritik oder Opposition der Regierung gegenüber zu repräsentieren, — lässt der kontinentale ein Zusammenarbeiten der Parteien im weitesten Masse zu. Die Stärke des kontinentalen Parlamentarismus liegt eben einerseits in einer grösseren Vielfältigkeit der Interessenvertretung, was mehr den Bedürfnissen der modernen Gesellschaft entspricht, und andererseits in der grundsätzlichen Zulassung aller Parteien zur Regierung oder ihrer direkten Beeinflussung. Da grundsätzlich keine Opposition erforderlich ist, bietet der kontinentale Parlamentarismus einen biegsamen Mechanismus, wo alle im Parlament vertretenen Parteien und Interessengruppen mitarbeiten, und alle Änderungen der politischen Lage sich sofort widerspiegeln können. Es scheint auch, dass der Sinn der modernen Staatlichkeit, welcher sich im Drange zum Ausgleich der Masseninteressen offenbart, durch den kontinentalen Parlamentarismus am vollständigsten wiedergegeben wird, denn wegen der Vielheit von Parteiminder-

heiten sind die staatlichen Machttakte niemals einseitige Parteibeschlüsse, sondern immer Vereinbarungen zwischen mehreren Parteien. Der kontinentale Parlamentarismus ist wohl diejenige Stufe der modernen Staatlichkeit, die vom Geist des autoritären obrigkeitlichen Staates am weitesten entfernt ist; hier kann sich die demokratische Staatlichkeit in ihrer ganzen Folgerichtigkeit entwickeln.

Viertes Kapitel.

Die Gesetzgebung unter dem Parlamentarismus.

- § 1. Die zwei Hauptfunktionen des Parlaments sind 1) die Gesetzgebung und 2) die Einsetzung und Kontrolle der Regierung. Die Gesetzgebung ist von jeher durch die alte Gewaltentrennungstheorie als die parlamentarische Tätigkeit par excellence aufgefasst worden; die anfänglichen Beschränkungen der freien parlamentarischen Gesetzgebung sind mit der Zeit weggefallen, so dass gegenwärtig dem Parlament das Gesetzgebungsmonopol gehört; dennoch hat sich die Anteilnahme der Regierung daran, dank dem Parlamentarismus, zur engsten Mitarbeit ausgebildet. Die zweite obengenannte Funktion des Parlaments findet ihren Ausdruck in der Institution der Ministerverantwortlichkeit, wovon wir oben gesprochen haben.
- § 2. Alle politischen Parteien haben den Drang sich eine Vertretung im Parlament zu schaffen. Das Parlament ist die Arena des Parteikampfes, und nur jene Parteien sind lebensfähig, die sich daselbst einen Platz erobern können. Die Geschäftsordnung des Parlaments setzt die Formen fest, in welchen sich dieser parlamentarische Kampf abspielen soll; doch der nächste Zweck dieser Geschäftsordnung ist die Ausarbeitung jener Vereinbarungen zwischen den Parteien, durch die der Kampf um konkrete Fragen sein Ende nimmt und die ihren formellen Ausdruck in Gesetzen finden. Die Gesetzgebung aber ist beim Parlamentarismus sowohl dem Inhalt als der Form nach besonders auf dem Kontinent die Feststellung der Vereinbarungen zwischen den Parteien.

In diesem Sinne ist die Entwicklung der Geschäftsordnung der französischen Deputiertenkammer zu verstehen.

I.

Über die Geschäftsordnung der französischen
Deputiertenkammer.

Der vieljährige Vorsitzende dieser Kammer Brisson hat bei der Leitung der Debatten im Hause nur die Kammer als Ganzes und die einzelnen Deputierten als Vertreter des Volkes anerkennen wollen; er soll nie zugelassen haben, dass jemand im Namen von Parteien oder Gruppen das Wort nahm. Dieser Standpunkt ist zu verstehen als Ausdruck der in der Theorie herrschenden Ansicht, dass der Deputierte das ganze Volk vertritt und auch in dessen Namen auftreten soll. — Die Entwicklung der Geschäftsordnung der Kammer hat aber eine Richtung genommen, die diesem Standpunkt zuwiderläuft. Die Arbeit in der Kammer verteilt sich hauptsächlich zwischen den Plenarversammlungen und den zwanzig beständigen Kommissionen. Die Vorarbeit bei der Gesetzgebung konzentriert sich in diesen Kommissionen, wobei die Arbeit einer jeden Legislatur von der nächstfolgenden übernommen und fortgesetzt werden kann. Die Zusammenstellung dieser Kommissionen geschieht formell durch eine Wahl in der Plenarversammlung: tatsächlich aber ist die Ernennung der Kommissionsmitglieder Aufgabe der Parlamentsgruppen; Parlamentsmitglieder, die in keiner Gruppe angeschrieben sind, wären aus den Kommissionen ausgeschlossen. Eine solche Ernennungsweise hat mit dem Grundsatz der Volksvertretung, dass der Deputierte direkt das ganze Volk vertritt, gebrochen: in den Kommissionsarbeiten vertritt jedes Mitglied seine Partei, oder eigentlich jene Interessen, die diese letztere vertritt. Durch den Ausschluss der ausserparteilichen Parlamentsmitglieder aus den Kommissionen wird nur unterstrichen, dass der gegenwärtige Parlamentarismus keine Volksinteressen, die nicht auch durch Parteien vertreten sind, anerkennen will. Diese neue Geschäftsordnungsregel vom 1. Juli 1910 hat somit der politischen und sozialen Physiognomie des Parlamentsbestandes Rechnung getragen und lässt in der Tätigkeit des Parlaments nicht mehr das reine individualistische Prinzip massgebend sein, obgleich die übliche Lehre von der Volksvertretung es doch noch aufrecht erhalten will.

Eine Geschäftsordnungsregel neuesten Datums (vom 15. Juli 1926) hat die Geschäftsführung der Plenarversammlung in dem-

selben Sinne abgeändert. In den Sitzungen der Kammer herrschte bisher die individuelle Redefreiheit der Deputierten. Die Geschäfte der Kammer sind jedoch derart angewachsen, dass sie nur unter der Bedingung möglicher Sparsamkeit mit der Zeit zu erledigen sind: die individuelle Redefreiheit führte aber zum Gegenteil. Mit der neuen Regelung ist nun die Zeit der Redner streng abgemessen: von 1 Stunde bis 5 Minuten. Die Redner werden in drei Kategorien eingeteilt, wobei die längste Rededauer ausser den amtlichen Vortragenden der Kommissionen und den Initiatoren der Vorlagen auch den Parteirednern bewilligt wird; zudem hat jede Parlamentsgruppe das Recht, auf je 50 Glieder (oder deren Bruchteil) einen solchen Redner zu senden. Alle übrigen Redner, die keine Antragsteller sind, dürfen nur 5 Minuten reden. Bei dem Eilverfahren, so lautet die Regel, haben die Parteiredner das Vorrecht vor den übrigen.

Die neuen Regeln rücken also die parlamentarische Gruppe in den Vordergrund, das Einzelmitglied der Volksvertretung muss zurücktreten. Was unlängst in den Plenarversammlungen überhaupt nicht gestattet war, im Namen einer Gruppe aufzutreten, das schafft jetzt den Rednern eine privilegierte Stellung im Vergleich zu den individuellen Rednern. Die Debatten sind weniger ein Wettstreit zwischen individuellen Meinungen, als vielmehr zwischen Parlamentsgruppen; die neue Lage wird treffend charakterisiert durch die Äusserung eines Deputierten: ein Mensch, der im eigenen Namen redet, ist ja interessant, aber bedeutend weniger, als derjenige, welcher im Namen von hundert anderen Leuten spricht. Und doch: in formeller Hinsicht redet jeder Volksvertreter im Namen des ganzen Volkes! In Wirklichkeit dagegen entscheidet in der Geschäftsordnung der Kammer die soziale Differenzierung der Kammer und nicht die Vollmacht, welche dem Deputierten durch die Volkswahl erteilt wird.

Man sieht also, dass in der französischen Kammer, in den Kommissionen wie in der Plenarversammlung, die Parteien und nicht die Einzeldeputierten die entscheidende Bedeutung besitzen. Die Geschäftsordnung lässt die Möglichkeit einer klaren Gegenüberstellung der Interessen, die durch die Parteien vertreten sind, zu. Die Besprechung in den Kommissionen klärt die Grundlagen auf, die einen Ausgleich der Interessen ermöglichen. Die Abstimmung stellt fest, in welchem Masse die vereinbarten Interessen befriedigt werden können.

Die Rolle eines Deputierten, der seine persönliche Meinung vertritt, kann im Kampf der Interessen, deren Träger die einzelnen Parteien sind, nur eine nebensächliche sein.

II.

Die Ausarbeitung des Gesetzes von 1913 über den dreijährigen Militärdienst in der französischen Deputiertenkammer.

Auch die tatsächliche Ausarbeitung eines Gesetzes beweist, dass beim Parlamentarismus die Gesetzgebung den deutlichen Charakter einer Vereinbarung zwischen den Parteien trägt. Die Ausarbeitung des obengenannten Gesetzes dient als lebendiges Beispiel dafür.

Die Vorlage des Militärgesetzes wurde im Jahre 1913 von der Kammer feindlich aufgenommen, und fast alle Parteien teilten sich in Anhänger und Gegner des Gesetzes. Das Ministerium Barthou machte sich zur Aufgabe, das Gesetz durch die Kammern zu bringen. Die anfängliche Vorlage, von Militärspezialisten ausgearbeitet, welche hauptsächlich militärische Interessen berücksichtigten, wurde zwar in der Kommission der Kammer angenommen, doch in der Kammer selbst unterlag sie gründlichen Änderungen, die durch Parteiinteressen diktiert wurden. Die dreijährige Dauer der Wehrpflicht, an welche Bedingung das Ministerium sein Verbleiben in der Regierung knüpfte, wurde freilich angenommen, verworfen jedoch wurde die Ausdehnung der dreijährigen Wehrpflicht auf jene Jahrgänge der Wehrpflichtigen, die sie augenblicklich ausübten und also auf Grund des alten Gesetzes über die zweijährige Wehrpflicht einberufen waren. Es wurde aber das Alter der Wehrpflichtigen um ein Jahr herabgesetzt — von 21 auf 20 — und somit die sofort nötige Vergrößerung der Armeekontingente erreicht. Die Gegner des Militärgesetzes leugnen die Notwendigkeit der Wehrpflicht nicht, doch ihre Vorlagen garantieren den äusseren Schutz weniger, als es augenblicklich nötig wäre. Sie enthalten sich durchaus nicht der Anteilnahme an der Ausarbeitung des Gesetzes, und somit erzielen sie für die Bevölkerungsschichten, die ihre Wähler sind, gewisse materielle Kompensationen für die Ausübung der Wehrpflicht: Unterstützung der Familien, Tagegelder u. s. w. Die Anhänger der Vorlage unter den Radikalen lassen sich durch

praktische Bedürfnisse bestimmen und sind für die Regierungs- und Kommissionsvorlage, weil alle übrigen praktischen Massregeln weniger als diese Vorlage die Hebung des äusseren Schutzes ermöglichen. Die gemässigten Republikaner und die Rechte vertreten diejenigen Gesellschaftskreise, die sich für die Kriegsmacht des Staates interessieren, und sind schon darum für die Vorlage, weil sie eine sofortige Vergrösserung dieser Macht erzielt.

Die Regierung hat die Mehrheit des Parlaments überzeugen können, dass die Verlängerung der Dienstzeit eine Notwendigkeit ist. Die Mehrheit stimmt auch für diese Verlängerung, als für eine Notwendigkeit, doch alle Parteien wollen zugleich die Lasten der Militärpflicht für ihre Wähler vermindern, und so ist auch in dieser Hinsicht in mehreren Fällen ein zu grosser Eifer zu merken, der aber durch die übrigen Parteien, die weniger daran interessiert sind, in Schach gehalten wird. Es kommt freilich auch vor, dass die Kammermehrheit in manchen Fällen den Wählern mehr bewilligt, als die Regierung es im Staatsinteresse für möglich hält. So werden auch Einzelbestimmungen des Gesetzes von Kammermehrheiten angenommen, die mit der Mehrheit, die für das ganze Gesetz und seine prinzipiellen Grundlagen gestimmt hat, durchaus nicht identisch sind.

Die Regierung ist vor dem Parlament der Sachwalter der Staatsinteressen; nur muss das Ministerium ganz bestimmt wissen, was praktisch nötig wäre, um diesem Interesse zu genügen — hierin liegt seine Aufgabe und Verantwortlichkeit. Die Regierung verbindet ihr Sein und ihre Verantwortung mit der Durchbringung einer von ihr als nötig erkannten praktischen Massregel, und in diesem engeren Sinn kann man von einer leitenden Rolle der Regierung in der Kammer sprechen. Doch die Regierung hat auch eine andere Aufgabe: sie stellt der Kammer ihr technisches Vermögen zur Verfügung, indem sie behilflich ist, einen vitalen und biegsamen Modus der Befriedigung des laufenden Staatsinteresses zu finden. Im französischen System sind die Beziehungen der Regierung zur Kammer deutlich und bestimmt: wenn auch die Regierung weiss, was dem Staat not tut, so ist doch die Kammer befähigt umständlicher und feiner zu bestimmen, wie dieses Notwendige zu verwirklichen ist, oder mit anderen Worten: wenn die Regierung angeben kann, worin ein Ausgleich der Interessen notwendig ist, so ist das Parlament

imstande, den für die gegebene politische Lage vitalsten Weg dieses Ausgleichs ausfindig zu machen.

Fünftes Kapitel.

Die Regierung unter dem Parlamentarismus.

Die Institution der Ministerverantwortlichkeit bildet den § 1. Kernpunkt der Beziehungen zwischen dem Parlament und der Regierung. Diese Institution mag in ihrer Klarheit die Illusion erwecken, als ob der Wechsel der Ministerien leicht und ohne Schwierigkeit auszuführen sei. Tatsächlich, was scheint einfacher? Das Ministerium bleibt in der Minderheit, reicht seinen Abschied ein, und ein neues wird ernannt gemäss den Wünschen der Mehrheit, die das alte gestürzt hat. Die Wirklichkeit ist natürlich viel komplizierter, und der Wechsel der Regierungen, oder die Ministerkrisen, bildet hier den Schwerpunkt, in dem der Sinn des Regimes, seine Stärke und Schwäche, hervortritt. Das politische Leben eines Volkes wird durch häufige und dauernde Regierungskrisen schwer heimgesucht: darum ist der Ministerwechsel in Staaten mit fest organisiertem Parlamentarismus durch ein detailliertes Verfahren geordnet. In diesem Verfahren, wie in der Ausarbeitung der Gesetze, offenbart sich das dem Parlamentarismus eigene Prinzip des Interessenausgleichs. Das ist die Veranlassung, in dieser Untersuchung das Problem der Beziehungen zwischen dem Parlament und der Regierung vom Standpunkt des Ministerwechsels zu behandeln.

In Frankreich ist die formelle Prozedur des Ministerwechsels § 2. durch die Verfassungsgesetze vom Jahre 1875, die Geschäftsordnungen der beiden Kammern und die parlamentarischen Gebräuche und Traditionen festgesetzt.

Es werden zwei Ausdrücke gebraucht: Ministerwechsel und Ministerkrise; der letztere ist populärer und gibt den Sinn des Ministerwechsels unter dem Parlamentarismus genauer wieder; er wird auch ferner in dieser Arbeit gebraucht. Unter Ministerkrise ist jeder Wechsel im Bestande des Ministeriums unter dem parlamentarischen Regime zu verstehen. Im französischen Ministerium gibt es ausser den Ministern noch Unterstaatssekretäre, die aber durch die Verantwortlichkeit des Ministers gedeckt werden. Daher wird hier unter Ministerkrise nur der Wechsel

der Minister verstanden, nicht aber auch derjenige der Unterstaatssekretäre.

Vom Standpunkt des parlamentarischen Grundsatzes, dass das Ministerium das Vertrauen des Parlaments besitzen soll, sind nicht alle Ministerkrisen gleichwertig. Vom prinzipiellen, inneren Standpunkt aus gesehen hat man eine Krise nur in dem Falle, wenn zwischen dem Ministerium und dem Parlament ein Zwiespalt existiert; das Ergebnis der Krise wäre dann nicht nur ein Personenwechsel, sondern auch die Wiederherstellung der Eintracht zwischen den beiden Machtorganen: dem Parlament und der Regierung. Es können aber auch Krisen aus anderen äusseren Gründen entstehen (zum Beispiel Krankheit oder Tod des Ministerpräsidenten); doch was auch die Gründe der Krise sein mögen, der Ministerwechsel selbst geschieht immer unter denselben verfassungsmässigen Formen.

Eine Ministerkrise ist immer vorhanden, wenn die Mehrheit des Parlaments gegen das Ministerium gestimmt hat. Doch die Folge einer solchen Abstimmung braucht laut der Theorie nicht immer der Wechsel des Ministeriums zu sein: es kann auch die Kammer aufgelöst werden. Seit dem letzten Vierteljahrhundert kann man die Tendenz bemerken, aus der parlamentarischen Praxis die Kammerauflösung zu eliminieren. Die Entwicklung des französischen Parlamentarismus hat es auch hier dahin gebracht, dass das durch die Verfassungsgesetze dem Präsidenten gegebene Recht der Kammerauflösung tatsächlich nicht angewandt wird: die passive politische Rolle, die dem Präsidenten zukommt, schafft dazu keine Bedingungen. Nach einem Misstrauensvotum der Kammer erfolgt hier immer nur der Rücktritt des Ministeriums.

Das Parlament bricht aber seine Beziehungen zum Ministerium nach dem Misstrauensvotum nicht vollständig ab. Es ist vorgekommen — wohl nur in den letzten Jahren — dass ein scheidendes Ministerium durch die Kammern noch eine Gesetzesvorlage durchgebracht hat. Wohl ist dieses Ministerium formell aufgefasst worden als ein interimistisches, doch ein psychologisches Motiv zu einem solchen Verfahren lässt sich darin finden, dass ein jegliches Ministerium unter dem parlamentarischen Regime vom Parlament eingesetzt ist und auch nach dem Misstrauensvotum diesen seinen Charakter beibehält.

Die Bildung des neuen Ministeriums ist laut Verfassung Auf-

gabe des Präsidenten. Doch unter dem Parlamentarismus ist diese Bildung eine rein politische Aufgabe, daher ist der passive Präsident ihr gar nicht gewachsen. Seine Rolle beschränkt sich nur darauf, einen aktiven Politiker zu finden, für den die Vermutung spricht, dass er ein Ministerium als dessen Ministerpräsident zu bilden imstande wäre. Eine solche Entscheidung des Präsidenten ist nur möglich, nachdem er die politische Lage durch Beratungen mit den leitenden Kreisen der Kammern geklärt hat; auch kann die Wahl nur auf eine Person fallen, die den massgebenden politischen Parteien annehmbar ist.

Auf jenem Politiker lastet eigentlich die ganze Schwere der Aufgabe, weil letztere nicht mehr eine formelle ist, sondern eine praktisch-politische. In der Erfüllung dieser Aufgabe offenbart sich der Charakter des parlamentarischen Systems, und die französischen Zustände liefern dazu einen Rahmen, der von modernem Geiste erfüllt ist. Der Politiker, welcher das Ministerium bilden soll, steht vor einer zwiefachen Aufgabe: ein Arbeitsprogramm aufzustellen, das vom Parlament unterstützt wird, und Mitarbeiter ins Kabinett zu berufen, die bereit wären, mit ihm zusammen das Programm zu verwirklichen. Alles das muss gemäss den französischen Bedingungen bei der Bildung eines jeden Ministeriums von neuem begonnen werden. So wendet sich der politische Gedanke in Frankreich öfters dem Problem eines Ausgleichs verschiedener politischer Bestrebungen zu. Da gegenwärtig die politischen Orientationen schnell wechseln und zu jeder Zeit Verschiebungen zwischen den parlamentarischen Gruppen möglich sind, so muss ein System als höchst modern eingeschätzt werden, welches fähig ist, in jedem beliebigen Moment diese Änderungen in Rechnung zu stellen. Im öffentlichen Leben Frankreichs ist die einseitige Herrschaft einer politischen Tendenz oder eines Willens, der mit den übrigen politischen Bestrebungen nach Belieben schaltet, indem er sie bejaht oder verneint, ausgeschlossen. Die Staatsgewalt beruht hier auf einem Kompromiss mehrerer Willen oder Bestrebungen; daher wird die Staatlichkeit vor allem von dem Geiste der Einigung durchdrungen, der Zwangscharakter des Staates aber bleibt im Hintergrunde. Die staatliche Organisation dient nicht zur Geltendmachung der nackten Gewalt: sie dient nur zum Ausgleich der Interessen und zur Verwirklichung desselben. Der Ausgleich ist notwendig, aber nicht als Ausdruck eines Herrscherwillens, sondern als Ergebnis der Anstrengun-

gen der interessierten Gruppen, damit ihr Zusammenleben praktisch möglich sei.

Das findet seine Widerspiegelung in der Psychik des modernen Politikers, der nach Methoden handelt, die noch dem Anfang des 19. Jahrhunderts unbekannt waren. Die Anstrengungen eines Politikers, der sein Ministerium bilden will, bieten eine lebendige Illustration dazu, wie beim parlamentarischen System die Vollmacht der Regierungsgewalt und ihr Organ geschaffen werden. Der Erfolg solcher Unterhandlungen hängt davon ab, inwieweit die Persönlichkeit jenes Politikers für die verschiedenen Parteien annehmbar ist, wie auch davon, ob die Basis der Vereinbarung, die die Bestrebungen der Parteien einigen soll, befriedigend ist. Die französische parlamentarische Praxis hat gewisse allgemeine Grundsätze entwickelt, auf denen die Vereinbarungen zwischen den Parteien gewöhnlich beruhen.

Der Ministerpräsident leitet die Regierung; darum muss er eine Politik treiben, für die er verantwortlich ist. Formell ernannt ihn wie auch seine Kollegen im Ministerium der Präsident; doch der letztere, als politisch unverantwortliche Persönlichkeit, darf die Politik des Ministeriums nicht bestimmen.

Das Ministerium muss, nach seiner formellen Ernennung durch den Präsidenten, ein Vertrauensvotum der Kammer erhalten; damit wäre seine politische Existenz begründet. Massgebend ist dabei das Verhalten der Deputiertenkammer: hier trägt der Ministerpräsident die Deklaration vor, hier spielen sich auch die Debatten über dieselbe ab. Das Verhalten der Parteien ist für das Ministerium keine Überraschung, denn vor dem Vortrag der Deklaration in der Plenarversammlung hat der Ministerpräsident den Standpunkt der einzelnen Parteien schon aufgeklärt: es ist nicht zu verwundern, dass den Ministerdeklarationen fast immer ein Vertrauensvotum folgt.

Sechstes Kapitel.

Die Regierung unter dem Parlamentarismus.

(Fortsetzung).

- § 1. Nach den englischen Parlamentsgebräuchen muss das Ministerium politisch gleichartig und darum einer einzigen Partei entnommen sein. Diese Regel hat auch in Frankreich ihre Anhänger gehabt; die wenigen Versuche hier ein Parteiministerium

zu bilden sind aber vollständig gescheitert. Der Misserfolg ist wohl in der falschen Idee zu suchen: ein gleichartiges und gleichdenkendes Ministerium vor ein Parlament zu stellen, in welchem bei einer Vielheit von Parteien gleiche Denkweise fehlt und im Gegenteil Verschiedenheit der politischen Bestrebungen herrscht. Ein gleichartiges Ministerium entspricht seinem Charakter nach nicht dem Geiste dieser Volksvertretung, von deren Vertrauen aber die Existenz des Ministeriums abhängt.

Als normalen Typus eines Ministeriums kann man in Frankreich das Koalitionsministerium ansehen, das heisst, ein Ministerium, in dem verschiedene Parteigruppen vertreten sind und dessen Arbeitsprogramm eine Vereinbarung zwischen den Parteien darstellt, aber kein Parteiprogramm ist. Bei der Bildung dieser Ministerien geht die Parlamentspraxis in zweifacher Weise vor.

Am häufigsten kommt die Konzentration der Parteien vor. Diese Art der Kabinettsbildung nahm ihren Anfang im ersten Jahrzehnt der Republik und war ein Kampfmittel der Republikaner gegen die monarchistische Rechte: wenn die Gefahr einer monarchistischen Umwälzung zu befürchten war, vereinigten sich („konzentrierten sich“) die verschiedenen Strömungen der Republikaner, um diese Gefahr abzuwehren. Diese sogenannte „concentration républicaine“ war eigentlich eine Koalition der gemässigten Republikaner und der Radikalen, die sich dann bis zum Kriege öfters wiederholte. Doch die Konzentration bekam seit dem ersten Dezennium dieses Jahrhunderts auch eine andere Färbung, indem sie zur Einigung nur der linken Elemente der Kammer wurde: das waren die „blocs des gauches“, wo die Radikalen die Hauptrolle spielten unter Mitwirkung der Sozialisten; es waren Koalitionen, die sich gegen jegliche Reaktion wandten — politische, soziale und religiöse. Im allgemeinen ist die Konzentration eine Kombination der politischen Mittelströmungen, die sich leichter einigen lassen, obgleich die lokalen Bedingungen in Frankreich Koalitionen öfter mit linker Neigung, seltener gemässigten Charakters hervorbringen. In letzter Zeit haben die Koalitionen eine so weite Spannung bekommen, dass im Juli 1926 ins Ministerium Poincaré Vertreter aller republikanischen Parlamentsgruppen, ausser den extremen Parteien, eintreten konnten — das ist die „union nationale“.

Den Konzentrationsministerien wurde zum Vorwurf gemacht,

dass sie wenig produktiv und unschlüssig seien. Anfänglich wurden sie nur zur Abwehr der verfassungswidrigen Bestrebungen der Opposition gebildet; sobald diese Gefahr vorüber schien, wurden die Konzentrationsministerien für unnütz erklärt. Doch der Nutzen der Konzentration ist im französischen parlamentarischen Regime zu offenkundig, als dass man nicht stets wieder zu ihr zurückkehrt, wenn es nötig wird in gegebener politischer Lage die arbeitsfähigsten Elemente des Parlaments zu einigen, die einzeln genommen nicht imstande wären ein Ministerium zu bilden. Anfänglich haben die Konzentrationsministerien kein bestimmtes Programm gehabt; später dagegen hatten sie ein solches. Dieses Programm ist freilich eine Vereinbarung zwischen den Parlamentsgruppen, doch das Charakteristische an den Konzentrationen ist die persönliche Beteiligung der Vertreter verschiedener Parteien am Ministerium.

Die andere Kombination zur Unterstützung eines Ministeriums besteht in der Annäherung der gemässigten republikanischen und rechten Elemente, in der Bildung eines Zentrums, mit Ausschluss der Linken und der äussersten Rechten. Diese Kombination ist möglich gewesen, wenn das republikanische Zentrum genügend stark war. Die Minister werden aus dem gemässigten republikanischen Zentrum genommen, und die Unterstützung der Rechten — meist gemässigte Katholiken — dadurch gewonnen, dass das Ministerium sich einer aggressiven Politik gegenüber den Interessen der letzteren enthält. Darin liegt der Sinn dieser Politik der Besänftigung, *d'apaisement*. Folglich hat bei dieser Kombination nicht der Bestand des Ministeriums ausschlaggebende Bedeutung, sondern sein Programm, welches ihm die Unterstützung der Kammermehrheit sichert. Beim französischen Parlamentarismus sind aber Bedingungen, die einer solchen Politik günstig wären, selten; daher kommen die Ministerien *d'apaisement* auch viel seltener vor, als die Konzentrationsministerien.

In Frankreich kommen Ministerien der extremen Parteien nicht zustande: solange die Radikalen die äusserste Linke bildeten, nahmen sie an der Regierung nicht teil; doch in den 80-er Jahren des vergangenen Jahrhunderts, als die Sozialisten auftraten, liess sich schon eine aktive Teilnahme der Radikalen an der Kabinettsbildung bemerken. Die Sozialisten enthalten sich aus Partei-rücksichten einer persönlichen Teilnahme an den bürgerlichen Ministerien, doch unterstützen sie gegenwärtig eine linke Poli-

tik der Regierung, wodurch sie sich von den Kommunisten unterscheiden, die als extremstes linkes Element im Parlament eine unversöhnliche Stellung einnehmen. Ebenso enthält sich der Beteiligung an der Regierung die extreme Rechte, obwohl sie einzelne politische Aktionen der Regierung unterstützen kann. Die Ministerien werden jetzt stets aus mehr oder weniger gemässigten Elementen gebildet: meistens sind es Kombinationen der gemässigten Republikaner und der Radikalen. Übrigens ist seit einem Vierteljahrhundert ein allgemeines Abrücken der Parteien von links nach rechts bemerkbar: die Radikalen, die in den 80-er Jahren noch die extreme Linke gebildet hatten, sind jetzt das bedeutendste gemässigte Element der Kammer u. s. w.

Die Zahl der Parlamentsgruppen ist im Wachsen; zugleich aber wächst auch die Zahl derjenigen Gruppen, die aktiv an der Bildung der Ministerien teilnehmen. Das Zusammenschrumpfen der Gruppen hindert die Ausdehnung der Einigung auf eine grössere Zahl derselben keineswegs, was auch erklärlich ist, denn die einzelnen kleinen Gruppen können immer weniger darauf rechnen, ohne Anschluss an andere Gruppen eine aktive politische Rolle zu spielen.

Unter den 33 französischen Ministerpräsidenten, die seit 1879 im Amte waren, findet man 10 Radikale und 4 republikanische Sozialisten, die übrigen lassen sich kurz als gemässigte Republikaner charakterisieren. Die Parteizugehörigkeit der Ministerpräsidenten ist auch eine Bestätigung dafür, dass beim Parlamentarismus die gemässigten Parteien eine leitende Stellung einnehmen, denn für ihre Vertreter ist die Rolle eines Vermittlers um die verschiedenen Bestrebungen und Interessen der Parteien auszugleichen am angemessensten.

Die parlamentarische Theorie stellt die Regel auf, dass das Ministerium das Vertrauen der Parlamentsmehrheit besitzen müsse; es wird aber nicht näher bestimmt, was unter dieser Mehrheit zu verstehen sei. Der Mehrheit wird die Minderheit gegenübergestellt, und in Zahlen ausgedrückt scheint alles genügend klar zu sein. Die Kammerabstimmungen zeigen aber ausserdem andere interessante Züge, die für die Charakteristik des Parlamentarismus von Bedeutung sind.

Die Vertrauensvota (s. Tabelle I) sind freilich meistens Abstimmungen einer absoluten Parlamentsmehrheit, doch auch eine bloss relative Mehrheit kommt vor, und zwar 4 mal unter 14 Ab-

§ 2.

stimmungen. In diesem Fall stützt sich das Ministerium tatsächlich auf eine Parlamentsminderheit, und hier tritt besonders deutlich hervor die charakteristische Teilung jener Hälfte der Kammer, die nicht für das Ministerium gestimmt hat, in drei Gruppen: diejenigen, die dagegen gestimmt haben, diejenigen, die sich der Abstimmung enthielten, und die Abwesenden. Um die formelle Mehrheit festzustellen, werden nur die Stimmen angerechnet, die für oder gegen das Ministerium abgegeben sind; die Zahl der Sichenthaltenden und der Abwesenden kommt nicht in Betracht. Das Verhältnis der Kammer zum Ministerium ist direkt nur vom offenen Ausdruck des Vertrauens oder Misstrauens abhängig, doch damit ist das Verhältnis des ganzen Bestandes der Kammer zum Ministerium nicht erschöpft: die Sichenthaltenden wie die Abwesenden können das Schicksal des Kabinetts beeinflussen. Es ist vorgekommen, dass die Sichenthaltenden sogar die Kammermehrheit bildeten. Die Enthaltung hat eine grosse reale Bedeutung: beim Vertrauensvotum wird stillschweigend angenommen, dass, wer nicht wider das Ministerium stimmt, für dasselbe ist — die Enthaltung schwächt die Opposition und unterstützt indirekt das Ministerium.

Auch beim Misstrauensvotum ist gleiches zu beobachten. Wenn alle Kabinette ein Vertrauensvotum erhalten haben, so erhielten bei weitem nicht alle später auch ein Misstrauensvotum: lt. Tabelle II hat ein Misstrauensvotum von 15 Ministerien nur 6 getroffen. Auch hier sind nur diejenigen Stimmen zu rechnen, die gegen oder für das Ministerium sind; die Sichenthaltenden und die Abwesenden kommen nicht in Betracht, doch sie beeinflussen das Ergebnis der Abstimmung. Es ist wohl ein Zufall, wenn die grosse Zahl der Abwesenden ein Kabinett zu Fall bringt, die Enthaltung aber ist ein ganz bewusstes Verhalten dem Ministerium gegenüber, und beim Misstrauensvotum dient sie ihm zum Schaden: es kann gesagt werden — wer nicht für das Ministerium stimmt, ist dagegen; ohne die Opposition zu stärken, schwächt die Enthaltung die Parteigänger des Ministeriums.

Man sieht also, dass das Verhältnis des Ministeriums zum Parlament durch das Mehrheitsprinzip nicht vollständig erschöpft wird; tatsächlich ist die Lage komplizierter. Gewiss, ein jedes Ministerium muss ein formelles Mehrheitsvotum für sich haben; doch diese Mehrheit braucht gar nicht die absolute Mehrheit der Kammer zu sein, sie kann auch eine bloss relative Mehrheit, also

in Wirklichkeit die Minderheit des Parlaments sein. Der genaue Sinn der Parlamentsmaxime „das Ministerium muss das Vertrauen der Parlamentsmehrheit besitzen“ ist aber folgendermassen zu interpretieren: das Ministerium besitzt das Vertrauen des Parlaments, wenn bei der Abstimmung für das Ministerium ein solcher Teil der Abgeordneten stimmt, der, obgleich er manchmal tatsächlich die Minderheit des Parlaments bildet, doch grösser ist als derjenige Teil der Abgeordneten, der gegen das Ministerium stimmt. Dank der Enthaltung von der Abstimmung gibt es eigentlich keinen scharfen Gegensatz zwischen den Anhängern und den Gegnern des Ministeriums: es gibt noch ein drittes, vermittelndes, neutrales Verhalten ihm gegenüber. Wie die Abstimmungen beweisen, ist das eine normale, beständige Erscheinung, die aber mit den prinzipiellen Grundsätzen in gar keinem Einklang steht, obwohl die Enthaltung die Abstimmung selbst beeinflusst. Grundsätzlich ist das Regime genügend starr: beständig wird scharf der Mehrheit die Minderheit gegenübergestellt. Dank der Enthaltung ist das Regime jedoch biegsamer, denn ohne sein bisheriges Verhalten zum Ministerium scharf zu ändern, kann der Abgeordnete das Schicksal des Kabinetts entscheiden, indem er sich der Abstimmung enthält. Bei schwerer politischer Lage wird ebenso die Bildung eines Ministeriums ermöglicht, das infolge der Stimmenthaltung eigentlich ein Minderheitsministerium ist.

Das Misstrauensvotum ist die normale Grundlage für den Rücktritt des Ministeriums. Die parlamentarische Praxis in Frankreich zeigt (Tabelle III), dass das Misstrauensvotum bei weitem nicht die alleinige Grundlage dazu ist: vom Februar 1876 bis zum 1. Dezember 1925 sind von 67 Kabinettswechseln 30 ohne Misstrauensvota erfolgt. Die Misstrauensvota sind sehr oft durch Interpellationen hervorgerufen worden, doch die letzteren haben nicht immer die gleiche Bedeutung; auch veranlassen sie Missbräuche, und darum sind gewisse Einschränkungen der Interpellationsfreiheit durchgeführt worden. § 3.

In den letzten Jahrzehnten ist eine interessante Erscheinung zu beobachten: der immer öfter vorkommende Rücktritt der Ministerien ohne förmliches Misstrauensvotum, oder der freiwillige Rücktritt wegen der allgemeinen politischen Lage. Man kann zwei Fälle unterscheiden: 1) Rücktritt um sich umzugestalten (remaniement); 2) definitiver Rücktritt.

Im ersteren Falle (remaniement) bleibt der Ministerpräsident

derselbe, nur die übrigen Minister wechseln. Daher keine Änderung in der allgemeinen Politik, sondern nur in Einzelfragen. Die umgestalteten Ministerien sind kurzlebig, so dass das remaniement mehr ein Mittel ist, den Fall des Kabinetts hinauszuschieben, der unvermeidlich, aber unter gewissen Bedingungen noch nicht wünschenswert ist.

Der definitive, freiwillige Rücktritt ist in den letzten 15 Jahren unter 25 Rücktritten 8 mal vorgekommen. Sogar nach einem Vertrauensvotum kann ein solcher Rücktritt erfolgen. Gewöhnlich geschieht er, wenn das Ministerium bei der Beurteilung der politischen Lage zum Schlusse kommt, dass es nicht mehr auf das Vertrauen des Parlaments rechnen kann, obgleich das Misstrauen noch nicht offen bekundet ist. Die freiwilligen Rücktritte beweisen die Neigung der neuen Generation der Parlamentarier, die unter dem parlamentarischen Regime der 3-en Republik aufgewachsen sind, die Formen der parlamentarischen Prozedur zu vereinfachen und die Strenge der früheren Praxis abzuschwächen, die die traditionelle Absonderung der Regierung vom Parlament durchzuführen strebte. Letzteres ist erklärlich, denn laut der klassischen parlamentarischen Doktrin werden die Minister als solche des Staatsoberhauptes angesehen, wie dies aus den Verfassungen der monarchischen Staaten zu ersehen ist. Theoretisch wird angenommen, dass das Staatsoberhaupt durch seine Minister regiert, darum muss es auch beschliessen, wann das Ministerium zu wechseln ist, nicht aber das Ministerium, wann es zurücktreten soll. Der freiwillige Rücktritt ist ein Kennzeichen der Selbständigkeit, die als Ergebnis der Entwicklung des Parlamentarismus dem Ministerium zukommt: die Rolle des Staatsoberhauptes ist zur vermittelnden geworden, in den Vordergrund des politischen Lebens ist das Kabinett und insbesondere der Ministerpräsident gerückt, — es regiert nicht das Staatsoberhaupt, sondern der Ministerpräsident und sein Ministerium. Diese tatsächliche Lage macht sich auch im Verhalten des Ministeriums zum Parlament geltend. Das Ministerium kann die politische Lage beurteilen und zum Schlusse gelangen, dass sein Verbleiben im Amte nicht mehr zum Nutzen des Landes gereicht, und darum zurücktreten, obgleich kein Misstrauensvotum vorliegt. Gegen das Interesse des Landes wäre es, wenn die Regierung in den Händen eines schwachen Ministeriums läge, das in jedem Augenblick ein Misstrauensvotum erwarten kann —

eine solche Lage ähnelt einer latenten Kabinettskrise. Ein normal wirkender Parlamentarismus bedarf des Einvernehmens zwischen dem Parlament und der Regierung; das Ministerium muss in seiner Tätigkeit immer diesen Umstand im Auge behalten. Wenn es nicht überzeugt ist, dass seine Tätigkeit diesem Einvernehmen entspricht, so wäre es wider die Idee des Systems, falls das Ministerium an der Regierung festhielte. Ein solches Verhalten entspricht dem Geist eines autoritären Staates, wo die Macht für unfehlbar gilt, ist aber in einem parlamentarischen Staat nicht am Platze. Kein Wunder, dass in Frankreich, wo der Parlamentarismus sich stets dem Zeitgeist anpasst, die freiwilligen Regierungsrücktritte so häufig geworden sind.

In den baltischen Republiken ist der freiwillige Rücktritt der Ministerien eine gewöhnliche Erscheinung. In Estland, wo laut Verfassung die Regierung und ihre Glieder im Falle eines Misstrauensvotums abgehen sollen, ist tatsächlich bis zum Jahre 1926 kein Ministerium durch ein Misstrauensvotum gestürzt worden — alle Ministerien sind freiwillig geschieden. Ähnliches, mehr oder weniger, kann auch in betreff Finnlands Lettlands und Litauens gesagt werden. Die Parlamente sind hier die unbedingten Herren im politischen Leben dieser Staaten (am selbständigsten ist die Stellung des Präsidenten in Finnland); die Regierungen gehen aus Koalitionen der Parlamentsparteien hervor. Diese Koalitionen sind Vorbedingungen der Existenz der Ministerien. Solange die Koalition dauert, ist die Existenz des Ministeriums auch sichergestellt. Doch das Ministerium kann nicht weiterexistieren, sobald ein Teil der Koalitionsparteien aus der Koalition ausscheidet. Der Kabinettskrise geht hier immer eine Parteikrise im Parlament voraus. Ist das Ende der Parteikoalition eingetreten, so folgt ihr darin auch die Ministerkombination. Der Rücktritt des Ministeriums ist eine logische Folge des Zerfalls der Koalition, die das Ministerium unterstützte. Das förmliche Misstrauensvotum hätte hier eigentlich keinen weiteren Sinn; es kommt auch gar nicht vor, weil eigentlich niemandem ein Misstrauen zu votieren ist. Es bleibt also der freiwillige Rücktritt als einziges Mittel, der Tatsache des Regierungsabschieds irgendeine äussere Form zu geben. In der Praxis der baltischen Republiken erhält die Institution des parlamentarischen Vertrauens gegenüber der Regierung einen neuen Sinn: es ist die Konstatierung der Tatsache, dass die Parteikoalition, die zur Bildung des Ministe-

riums geführt hat, fort dauert; das Ministerium bleibt im Amt, solange die Koalition, die es schuf, existiert, und tritt zurück, wenn die Koalition zerfällt. Man könnte sagen, dass hier das Ministerium durch seinen Rücktritt etwas wie ein Misstrauen dem Parlament gegenüber ausdrückt, indem es durch seinen Abschied konstatiert, dass es im Parlament diejenigen Elemente nicht mehr findet, denen es seine Existenz verdankte.

Siebentes Kapitel.

Die Macht unter dem Parlamentarismus.

§ 1. Zusammenfassung des oben Ausgeführten. Das Zwangsmoment in der staatlichen Organisation ist als Grundlage der Souveränitätslehre aufzufassen. Die gegenwärtige Staatlichkeit lässt in ihren wichtigsten Äusserungen hauptsächlich das Einigungsmoment hervortreten. Es lässt sich nicht feststellen, wo in der Tätigkeit des Parlaments der souveräne Staatswille sich geltend macht.

§ 2. Was bisher ausgeführt worden ist, lässt eine Kritik des Souveränitätsprinzips sowie des repräsentativen Mandats zu.

I. Die Idee der Staatssouveränität besagt, dass der Staatswille höher steht als alle anderen Individual- oder Kollektivwillen. Daraus folgert man die Notwendigkeit der Unterwerfung unter die Staatsgewalt und die Rechtmässigkeit der Unterwerfung selbst.

Beim Parlamentarismus findet die Idee der Staatssouveränität in den Staatseinrichtungen, besonders in den parlamentarischen, keine realen Bedingungen für ihre Verwirklichung, und erscheint daher überflüssig und fruchtlos.

Das, was oben über die Gesetzgebung gesagt ist, lässt in dieser Tätigkeit die souveräne Natur des Staates nicht direkt feststellen, wie dies bei den Willensäusserungen des souveränen Monarchen möglich war. Das Gesetz ist kein Wille, weil es kein Willenssubjekt hat. Bei der Ausarbeitung des Gesetzes ist kein souveräner Wille festzustellen; zu beobachten ist nur die Anstrengung vieler getrennter Willen, auf dem Wege einer vorher bestimmten Geschäftsordnung eine Vereinbarung zu finden. Alle Teilnehmer an dieser Tätigkeit lassen sich durch gewisse Interessen leiten, die aber gar nicht bei allen zusammenfallen. Die Einzelwillen wollen ein Ergebnis, das den von ihnen ver-

tretenen Interessen entspricht; darum wollen sie alle etwas konkret Verschiedenes, haben aber alle einen und denselben Zweck: einen Inhalt des Gesetzes festzustellen, der den von einem jeden vertretenen Interessen am wenigsten widerspricht. Im Gesetz ist nicht ein Wille zu finden, sondern seinen Inhalt bestimmen Interessen, deren Vertreter in ihrer Zusammengehörigkeit an der Ausarbeitung des Gesetzes teilnehmen; irgendein Interesse kann im Übergewicht sein, ein anderes nicht in Betracht gezogen werden u. s. w., was aber nur Einzelheiten sind, die dem Gesetz einen Willenscharakter nicht zu verleihen vermögen. Das Gesetz drückt darum nicht einen bestimmten Willen aus, sondern Interessen, die gegenseitig mehr oder weniger ausgeglichen sind. Ist das Gesetz kein Wille, so kann auch die Staatsgewalt, die Macht, kein Wille sein. In der Monarchie ist die Macht stets in der Persönlichkeit des Monarchen konzentriert, und sie kann als direkter, unbeschränkter Willensfaktor gelten. Beim Parlamentarismus ist diese Konzentriertheit verschwunden: es gibt hier eine Reihe höchster Staatsbehörden, alle mit bestimmten Funktionen ausgestattet und voneinander abhängig. Wenn auch das Parlament eine herrschende Stellung einnimmt, so kann es in Hinsicht seiner Macht mit dem Monarchen gar nicht verglichen werden. Darum hat auch die Theorie die Fülle der Macht vom Monarchen auf den Staat oder die Nation übertragen, wodurch die Macht ihre Realität, die sie in der Monarchie zu haben schien, eingebüsst hat.

Die Ausübung der Macht ist beim Parlamentarismus tatsächlich den Staatsbehörden übertragen, vor allem dem Parlament und dem Ministerium. In diesen Behörden wirkt ein Wille; dieser ist nicht der Wille der Behörden, wohl aber der Personen, die die Behörde bilden. Im Parlament haben seine Mitglieder einen Willen, mit Hilfe einer verwickelten Prozedur koordinieren sich die Willen der Abgeordneten, und als Ergebnis einer mehr oder weniger vollkommenen Einigung dieser Willen entsteht der Machtsakt des Parlaments, dem die Einzelwillen sich unterwerfen. In diesem Akt ist beim Parlamentarismus die reale Macht zu finden. Man kann aber darin keinen Willen suchen: der Akt geht vom Parlament aus, aber das Parlament hat keinen Willen; die Abgeordneten haben einen Willen, doch der Akt ist nicht ihr Wille. Dieser Akt ist ein Erzeugnis der Anstrengungen vieler Individualwillen, die bestrebt

und berufen sind, gemeinsam Machttakte zu schaffen. Möglich ist das nur in der Form eines Willenskompromisses, d. h. durch gegenseitige Nachgiebigkeit um eines gemeinsamen Zweckes willen; folglich ändert sich im Akt selbst das anfängliche Wollen der Teilnehmer. Über diesen vielen geänderten Einzelwillen entsteht im Machttakt kein neuer Wille, sondern ein neues Motiv (Beweggrund), das alle Willen bestimmt, die es angeht; in Beziehung auf die Realwillen sind die Machttakte unbedingte Motive, die das Individuum in dem von ihnen gegebenen Sinn zu handeln veranlassen. Die Summe der Machttakte ist die Macht als solche, und für den Individualwillen ist die Macht ein allgemeines Motiv, mit ihren Akten zu rechnen. Da aber der Inhalt der Machttakte einem Interessenausgleich Ausdruck verleiht, so kann man sagen, dass die Macht ein Motiv des bewussten Willens ist, welches aus der Notwendigkeit des Interessenausgleichs entsteht.

Das oben Ausgeführte bezieht sich auf das Gesetz und das Parlament. Aber dasselbe gilt auch von der Regierung und von den Regierungsakten. Die letzteren bezwecken die Ausübung dessen, was das Gesetz vorschreibt; folglich können sie ihrem Sinne nach nicht dem Sinn des Gesetzes widersprechen, und dienen also ebenfalls zum Ausgleich der Interessen. Die parlamentarische Regierung ist schon ihrer Entstehung nach das Ergebnis einer gewissen Interessenkoordination, die auch die ganze Wirksamkeit der Regierung bestimmt. Folglich behält die Staatsgewalt, von der Regierung ausgehend, ihren oben dargelegten Charakter.

Wenn die Macht als Wille verstanden wird, so kann die Macht in der Monarchie, als Wille des Monarchen, mit anderen Willen verglichen und für den höchsten, souveränen, erklärt werden. Beim Parlamentarismus hat man es mit einem Behördensystem zu tun, und die Macht, die von den Behörden ausgeht, ist immer dieselbe, solange sie innerhalb ihrer Kompetenz bleiben. Das Problem der souveränen Gewalt wird eigentlich nur aufgeworfen, wenn die politischen Faktoren um die Macht ringen; in der Tat, der Begriff der Souveränität kam auf während des mittelalterlichen Kampfes des Königs von Frankreich mit den Ständen und der Kirche, und wurde zur Siegeskrone des Königtums, als es in diesem Kampf triumphierte. Das parlamentarische Regime schliesst einen solchen Kampf aus, daher kann die Souveränität

im Innenleben des Staates keinen realen Wert mehr haben, im völkerrechtlichen Verkehr kann sie seine Gesundheit bedrohen und die friedliche Entwicklung erschweren.

Wird die Macht nicht mehr als Wille, sondern als Willensmotiv verstanden, so erscheint die Souveränität als ein unnützes Attribut der Macht. Für den Individualwillen gilt die Macht als ein sehr starker Beweggrund, doch nicht als der einzige und nicht immer als der stärkste. Der Vorstellung von der Souveränität als von einem absoluten unabänderlichen Willen widerspricht der politische Kampf des modernen Lebens, wo die Bestrebungen der Individualwillen die Macht zu erringen, um sie im Sinne dieser oder jener Partei zu beeinflussen, rechtmässig sind. Der Interessenausgleich, der die Grundlage für die Macht als Willensmotiv liefert, kann mehr oder weniger vollständig sein, der bewusste Wille mit mehr oder weniger Bereitwilligkeit dieses Motiv anerkennen; doch der Interessenausgleich ist eine praktisch-politische Frage, nicht ein theoretisches Problem, das sich auf Kennzeichen und Eigenschaften der Macht bezieht. Die Macht ist und bleibt immer dieselbe, unabhängig von ihrer praktischen Wertung. Die Macht und der Staat dienen als sozial-notwendige Funktionen zum Ausgleich der Masseninteressen, und dort, wo man diesen Ausgleich findet, trifft man auch Macht und Staat. Nichts anderes kann diese gesellschaftliche Funktion ausüben, und darum kann von einem Vergleich des Staates und seiner Macht mit irgend etwas anderem überhaupt keine Rede sein — das sind einzigartige Erscheinungen. Darum kann der Souveränitätsbegriff in der Lehre vom modernen Staat als überflüssig erkannt werden.

II. Ähnlich kann auch die landläufige Lehre von der Volksvertretung bewertet werden. Da die Willenstheorie vom Staate und der Macht zurückzuweisen ist, so kann auch keine Rede sein vom Ausdruck des Staatswillens durch die Volksvertretung. Der Sinn dieser letzteren Einrichtung ist nur darin zu suchen, dass sie unter den staatlichen Einrichtungen am meisten befähigt ist, die verschiedenen Masseninteressen auszugleichen und im Staate die Macht zu schaffen. Um dieses zu verstehen, liegt keine Notwendigkeit vor, einen Überwillen des Staates anzunehmen; natürlich gibt es alsdann auch keine Veranlassung, den Volksvertreter zum Verkünder dieses Willens zu stempeln.

Das repräsentative Mandat, wonach der Volksvertreter das ganze Volk vertritt, ist ebenfalls zu verwerfen. Theoretisch wird

hier viel mehr geboten, als tatsächlich verwirklicht werden kann, — das Ergebnis ist eine falsche Stellung des Volksvertreters. Ein jeder Abgeordnete wird von einem kleinen Teile des Volkes gewählt; seine Wiederwahl hängt ebenfalls von jenem Bruchteil des Volkes ab, der ihn tatsächlich wählt. Vollkommen real ist die Verbindung zwischen dem Abgeordneten und seinen Wählern, es gibt aber keine tatsächliche Verbindung zwischen dem Abgeordneten und dem ganzen Volk, welches ihn nicht wählt und ihn nicht einmal kennt. Da wo Listenwahlen oder Proportionalwahlen eingeführt sind, hört auch die Verbindung der Wähler mit der Person des Gewählten auf. Der Volksvertreter ist in diesem Falle bloss der Repräsentant einer Partei, nach deren Kandidatenlisten er gewählt worden ist: seine Eintragung in diese Listen hängt ausschliesslich von den Zentralorganen der Partei ab, und das „Volk“ hat damit gar nichts zu schaffen. Die Abgeordneten sind auch meistens Parteipolitiker, die geneigt sind im Interesse ihrer Partei zu handeln und zu stimmen. Überhaupt geht die Aufgabe das ganze Volk zu vertreten über die Kräfte des Durchschnittsmenschen, der ja der Abgeordnete in den allermeisten Fällen ist. Die landläufige Lehre von der Volksvertretung reisst den Abgeordneten aus seinem Milieu heraus und stellt ihn in eine Lage, die den Bedingungen seiner Wahl gar nicht entspricht.

III. Die menschliche Psychik ist die Grundlage der Herrschaft, der Macht; hier wirken unbewusste Kräfte, wie in der Psychik im allgemeinen. Insofern aber die Herrschaft sich in bewussten Handlungen offenbart, sucht der Verstand für die staatliche Tätigkeit nach einem Prinzip, dem sie untergeordnet werden könnte.

Aus der Vergangenheit weiss man, dass die Herrschaft als göttliche Einrichtung verstanden wurde, und so entstand die Vorstellung vom autoritären Staat. Später setzt sich die rationalistische Doktrin von der Souveränität durch, die aber mit der Festsetzung der repräsentativen Staatsordnung mehr und mehr an Boden verliert und nur formale juristische Konstruktionen inspirieren kann. Kein Wunder, dass man behufs Erklärung der Herrschaft sich zur Krafttheorie wendet, die eigentlich die den sozialen Erscheinungen angepasste mechanische Theorie von der Anziehungskraft der grösseren Körper auf die kleineren ist. Diese Lehre stellt gewisse Tatsachen fest, bietet aber kein Herr-

schaftsprinzip; ihr Aufkommen bedeutet trotzdem den Niedergang des rein autoritären Staates, des obrigkeitlichen Staates nach dem Ausdruck Gierkes. Neue Anziehungskraft erhält aber das assoziative Element im Staate, und mehr und mehr rückt der genossenschaftliche Staat (nach dem Ausdruck Gierkes) in den Vordergrund. In diesem Staatstypus hat das Einigungsmoment vor dem Zwangsmoment das Übergewicht.

Nachdem die rein repräsentative Staatsordnung sich befestigt hat, ist ihre prinzipielle Grundlage dennoch nicht genügend bestimmt formuliert worden; vielleicht auch weil ihr wahrer Charakter sich in der Übergangsform der konstitutionellen Monarchie nicht klar genug offenbarte. Das Einigungsmoment des staatlichen Zustandes war ja immer zu erkennen, und der Gedanke versuchte den positiven Beweggrund herauszufinden, der die Menschen zur staatlichen Vereinigung führt. Hierher kann gerechnet werden die Lehre vom Gemeinwohl, sowie auch die Vorstellung von der Staatsraison oder vom Gemeinwillen.

In der politischen Literatur des vergangenen Jahrhunderts werden immer bestimmter die Interessen als psychologischer Beweggrund des sozialen Lebens erkannt. In der deutschen Publizistik sind es Mohl, Gumplovicz, Jellinek und besonders Lorenz v. Stein, die die Interessen als Grundlage der sozialen Gruppen betonen. Dieser Gedanke findet seinen Ausdruck auch in der Abhandlung Krabbe's über die moderne Staatsidee.

Die ungeheure Bedeutung des Interesses für die soziale Abhängigkeit der Menschen steht ausser Zweifel. Es fragt sich, in welcher thoretischen Beziehung die moderne Staatlichkeit zu diesem psychologischen Faktor steht, oder konkreter gesagt, was müssen vom Standpunkt der gegenseitigen Abhängigkeit der Interessen die Mächte ausdrücken? Es kann darauf dreierlei Antwort gegeben werden.

Erstens kann man die Interessen dem Inhalt nach in allgemeine und besondere einteilen, wobei die Gemeininteressen der staatlichen Tätigkeit anheimgestellt werden. Doch die Vorstellung vom Gemeininteresse ist eigentlich eine Abstraktion, die keinen konkreten Inhalt hat; ein Gemeininteresse ist natürlich ein Interesse, das allen Individuen gemeinsam ist, sonst wäre es ein besonderes Interesse; man kann aber kein solches Interesse nennen — das Leben hat kein Interesse für den Selbstmörder, die Sicherheit für den Bösewicht usw. Im politischen Leben kommt es vor,

dass relativ schwächere Parteigruppen sich zu Trägern des Gemeininteresses aufwerfen wollen, um eine vermittelnde Rolle zwischen den anderen Gruppen zu spielen. Grosse, stark geeinigte Gruppen sind dagegen gern bereit, ihre besonderen Interessen ins Übermässige zu steigern, ohne mit dem Gemeininteresse zu rechnen.

Zweitens kann man in den gegenseitigen Beziehungen der Interessen einen unwiderstehlichen Drang eines jeden Einzelinteresses beobachten, durch Unterdrückung konkurrierender Interessen zur vollen Verwirklichung zu gelangen; als Endresultat würde sich die Herrschaft eines einzigen Interesses oder Interessenkomplexes ergeben. Diese Lehre setzt eigentlich nicht die gegenseitige Abhängigkeit, sondern die Getrenntheit der Interessen voraus. Der Kampf isolierter Interessen schafft keine Bedingungen für den genossenschaftlichen oder assoziativen Staat, sondern wäre ideologisch nur mit der Einsetzung des autoritären Staates in der Fülle seiner unumschränkten Gewalt zu vereinbaren.

Drittens, endlich, treibt die gegenseitige Einwirkung der Interessen die letzteren notwendig zum Ausgleich. Für den repräsentativen Staat ist nur diese Auffassung annehmbar. Oben wurde festzustellen versucht, dass dieses Prinzip — das Ausgleichungsprinzip — in den wichtigsten Äusserungen der staatlichen Wirksamkeit unserer Zeit auch tatsächlich Verwirklichung findet. Wie kann man diese Erscheinung erklären?

Erstens, aus dem Begriff des Interesses. Das Interesse ist eine psychische Regung, die im Drängen zu einem Objekt besteht. Man hat es hier zu tun einerseits mit einer psychologischen Prozedur oder Funktion, und andererseits — mit einem äusseren Objekt. Die Umgangssprache gebraucht das Wort „Interesse“ in beiden Bedeutungen, bald das psychologische Moment („sich interessieren“), bald das objektive („Interessen“) unterstreichend. Diese Trennung wird auch in der vorliegenden Schrift akzeptiert, indem das Interesse als psychologische Regung — Interesse im psychologischen Sinne, und das Interesse als Objekt — Interesse im materiellen oder objektiven Sinne genannt wird.

Das Interesse ist wohl der wichtigste Faktor der individuellen Aktivität; Herbart bezeichnet das Interesse als Selbsttätigkeit des Menschen. Das bezieht sich vor allem auf das Interesse im psychologischen Sinn. Es bleibt als eine psychische Regung, die

freilich verschiedene Spannung haben kann (Aufmerksamkeit — Leidenschaft), doch immer dieselbe Erscheinung, unabhängig vom Gegenstand. Es gibt kein objektives Kennzeichen, wonach ein Interesse in diesem Sinne höher gestellt werden könnte als ein anderes: alle Interessen sind gleich und haben denselben Anspruch auf Verwirklichung. In diesem Falle gibt es keine psychologischen oder rechtlichen Voraussetzungen für die Herrschaft des einen Interesses über das andere. Die moderne Kultur lässt den Interessen, als natürlichen Eigenschaften des Individuums, freies Spiel und stellt keine künstlichen Hindernisse ihrer Verwirklichung entgegen.

Diese Bedeutung des Interesses (im psychologischen Sinn) ist die allgemeine Voraussetzung für eine Organisation der Staatsgewalt auf der Grundlage der Repräsentation. Doch bestimmt die gegenseitige Abhängigkeit der Interessen (im materiellen Sinn) das leitende Prinzip, das in den Machtakten der modernen Staatlichkeit seine Verwirklichung finden soll.

Es gibt Individualinteressen, die nur einem Individuum eigen sind (z. B. das Interesse des Sammlers) und Masseninteressen, oder gleiche Interessen vieler Individuen (z. B. die Kommunikationsmittel; besonders wichtig sind die ökonomischen Interessen). Im sozialen Dasein haben nur die Masseninteressen Bedeutung, denn das soziale Leben selbst ist ein Zusammenleben menschlicher Massen.

Alle Interessen streben zu ihrer Verwirklichung, indem sie den Willen und die Tätigkeit der Menschen bestimmen, und hier ist die Verschiedenheit der Interessen im materiellen Sinn zu beachten.

Bei der Verwirklichung der Interessen ist mit zwei Umständen zu rechnen: einerseits sind die Interessen ihrem Inhalt nach verschieden, nicht selten eines das andere ausschliessend — die innere Behinderung; andererseits sind die Möglichkeiten der Verwirklichung, die Mittel und die Wege dazu beschränkt — die äussere Behinderung. Man kann annehmen, dass wenn die Interessen ihre Verwirklichung in vollkommener gegenseitiger Unabhängigkeit anstreben, in der modernen Gesellschaft ein gänzlich zügelloser Interessenkampf sich entwickeln würde, und alle Wahrscheinlichkeiten sind dafür, dass die Interessen überhaupt nicht zu verwirklichen wären.

Die Verwirklichung der Interessen bedarf, um ihre Behinderungen zu überwinden, zweier neuer Bedingungen, von denen die eine vom Individuum abhängig ist, die andere — vom Milieu. Alle Interessen haben für das Individuum nicht die gleiche Bedeutung: die einen sind notwendig, die anderen — erwünscht, die dritten — beständig, die vierten — zeitweilig usw. Daher schätzt das Individuum in seinem Drange zur Verwirklichung der Interessen die letzteren ab, und, sich selbst beschränkend, entsagt es den einen um die anderen zu verwirklichen. Diese Selbstbeschränkung ist nötig in betreff wie der Individual-, so auch der Masseninteressen, doch nicht immer führt sie zu einem Ergebnis. Die Selbstbeschränkung ist ein einseitiger psychologischer Prozess, der nur auf Interessen sich beziehen kann, die ein und demselben Subjekt eigen sind — dem Individuum oder einer Masseneinheit. Das soziale Leben bietet aber eine Vielheit von Masseninteressen, die verschiedenen Subjekten eigen sind und bei der Verwirklichung miteinander in Kollision geraten. So entsteht hier eine neue Aufgabe: um die Verwirklichung vieler kollidierender Interessen zu ermöglichen, ist es notwendig, die Masseninteressen gegenseitig auszugleichen.

Offenbar kann dieser Interessenausgleich keine einseitige Willensäußerung eines einzelnen Subjektes sein; er liegt überhaupt ausserhalb der individuellen Bestimmung. Hier tut es not, dass die ganze Gesellschaft, das Milieu, an dem Ausgleich teilnehme, die Aktivität muss vom Ganzen ausgehen, und nicht von seinen Teilen — nur wenn das Kollektiv tätig ist, kann ein vernünftiges Ergebnis erzielt werden. Dieser Ausgleich ist kein mechanischer Vorgang, er steht in direkter Abhängigkeit vom Rechtsbewusstsein der Gesellschaft, das die Beziehungen, in welchen die Interessen ausgeglichen werden, bestimmt. Der Ausgleich wird nicht automatisch, ohne Mühe erreicht, sondern nach grossen Anstrengungen und organisiertem Kampf der politischen Faktoren der Gesellschaft. In der modernen demokratischen Gesellschaft hat dieser Kampf die Form von Parteibestrebnungen zum Anteil an der Staatsgewalt angenommen, wobei die Parteien die Träger dieser oder jener Masseninteressen sind. Der modernen Gesellschaft ist eine eigenartige politische Psychik eigen, die durch persönlichen Ehrgeiz und Herrschsucht ausgenutzt werden kann; dennoch kann das Individuelle nicht der Summe der Erscheinungen des sozialen Lebens einen anderen Inhalt geben. Hier tut sich

unaufhörlich, in ihrer ganzen Weite und Breite, mit unaufhalt-samer Kraft die eiserne Notwendigkeit kund, Bedingungen zur gemeinsamen Verwirklichung vieler Masseninteressen zu schaffen. Das kann nur eine organisierte Gewalt erreichen, die die ganze Gesellschaft umfasst und auf das Individuum in allen Äusserungen seiner Lebenstätigkeit einwirkt.

In der Gesellschaft gibt es einen solchen Faktor in der Gestalt der staatlichen Organisation; auf sie fällt auch die Erfüllung der genannten Aufgabe; dadurch erhält aber der Staat zugleich einen neuen Sinn, eine neue Bedeutung im individuellen Bewusstsein: der Staat wird zur sozialen Aktion des Ausgleichs der Masseninteressen eines Volkes.

Die Akte der Staatsgewalt sind notwendig nur insofern, als in ihnen ein Element des Interessenausgleichs enthalten ist; darin liegt der Grund der Verbindlichkeit dieser Akte, und zwecklos wäre es, in ihnen eine Äusserung des autoritären Willens zu suchen.

Die persönliche Autorität der Machthaber kann keine Rolle mehr spielen, weil die individuellen Willensäusserungen der Machthaber vom Standpunkt der modernen Staatlichkeit inhaltslos wären, wenn sie nicht einen Interessenausgleich ausdrückten; letzteres kann garantiert werden nur durch einen komplizierteren Aufbau der staatlichen Organisation, als er in einem Staate möglich wäre, wo die Macht auf persönlicher Autorität beruht. Die Geschichte der letzten Jahrhunderte weist darauf hin, dass die staatliche Organisation beständig komplizierter wird, wodurch sie sich immer mehr der Aufgabe des Interessenausgleichs anpasst. Das Problem der staatlichen Organisation besteht aber darin, eine solche Form zu finden, welche eine treue und vollkommene Äusserung der Masseninteressen ermöglicht und zugleich genügend biegsam ist, um im Ausgleich derselben ihre gegenseitigen Beziehungen festzustellen, wodurch die Verwirklichung dieser Organisationsform in direkte Abhängigkeit von ihrer sozialen Bedeutung und realen Macht gerät.

Im Parlamentarismus muss man die Verwirklichung einer § 3. biegsamen Staatsordnung sehen, die den Interessenausgleich anstrebt. Die zentrale Einrichtung ist bei diesem Regime das Parlament, welches das politische Leben des Landes in sich konzentriert. Alle Gruppeninteressen wollen hier vertreten sein, und im Lande selbst ist eine beständige innere Gährung zu beobachten,

die durch die Betätigung der Interessen entsteht, die sich bald unter den existierenden Gruppen Träger suchen, bald zur Bildung neuer Gruppen treiben.

Wie es für die Betätigung der Interessen keine Grenze gibt, so gibt es auch keine Norm für die Zahl der politischen Gruppen, die die Interessen vertreten und ins Parlament hineinwollen. Die Parlamentswahlen rufen ein Parteigründertum hervor, das für das Funktionieren des Regimes praktische Schwierigkeiten verursacht. Doch ist diese Erscheinung eine logische Folge der individualistischen Vertretung, die für die moderne repräsentative Ordnung charakteristisch ist: wenn ein jedes Individuum nach persönlichem Ermessen wählt und nach eigenem Wunsch als Kandidat auftritt, so müssen alle, die Kandidaten sein wollen, sich auch Wähler suchen, um unter gewissen Bedingungen eine Partei zu gründen; der Freiheit der Wahl entspricht die Freiheit der politischen Führerschaft — ein Kennzeichen der Zeit. Um der Parteidesorganisation zu steuern, sucht man das Wahlsystem zu verbessern; die proportionelle Vertretung soll ein Mittel dazu sein, doch ist sie ungenügend, weil hier nur die Elemente, die an der Wahl teilnehmen, vertreten sind. Die Sichenthaltenden haben überhaupt keine Vertretung, denn bei diesem System wird der Abgeordnete von einer ganz bestimmten Gruppe gewählt und nicht von der Mehrheit, die auch die Minderheit vertritt. Das Proportionalsystem ist eine Annäherung an das System der Interessenvertretung, möglicherweise eine Übergangsform zur reinen Interessenvertretung. Die allgemeine Tendenz der repräsentativen Ordnung zum Interessenausgleich würde einen vollkommenen Ausdruck finden im Aufbau der Volksvertretung auf dem Prinzip des Gruppeninteresses: darum ist die heutige Repräsentation, die grundsätzlich individualistisch ist, eigentlich dem realen Inhalt der repräsentativen Staatsordnung zuwider.

Auf der heutigen Entwicklungsstufe kann der Parlamentarismus selbst nicht ein Parteiparlamentarismus sein, sondern strebt, entsprechend dem staatlichen Bewusstsein der Epoche, zum Interessenausgleich. Daraus erklärt sich auch die Tendenz der politischen Einrichtungen sich zum rein repräsentativen Typus zu entwickeln unter Ausmerzung solcher Elemente, in denen das Prinzip der persönlichen Autorität noch Ausdruck findet.

Das Ausgleichungsprinzip ist in der Tätigkeit wie des Parlaments so auch der Regierung zu finden. Die Regierung muss

das Vertrauen des Parlaments besitzen, lautet die Regel, deren Sinn darin zu suchen ist, dass das Ministerium von demselben Geist und demselben Verständnis für die Interessen durchdrungen sein muss, welches im Parlament massgebend ist. Das Ministerium kann hier nicht als Träger der Grundsätze des autoritären Staates auftreten: eine solche Regierung würde mit der massgebenden Parlamentsmehrheit in Konflikt geraten. In den Klagen über den Mangel einer autoritären Regierungsgewalt äussert sich also eine vollkommene Verständnislosigkeit für den Sinn des Parlamentarismus.

Ist die Opposition beim Parlamentarismus nötig? Die Opposition ist ein Erzeugnis des dualistischen englischen Parlamentarismus: die Minderheitspartei, die aus der Regierung ausgeschaltet ist, kann nur durch Kampf oder Opposition gegen die Mehrheitspartei zur Macht gelangen. Beim kontinentalen pluralistischen Parlamentarismus ist das Bild ein anderes. Hier gibt es im allgemeinen keine Mehrheitspartei; die Bevölkerung bezeichnet durch die Wahlen nicht etwa die Partei, welche das offenbare Vertrauen der Mehrheit der Wähler hat, und darum zum Regieren berufen ist. Die Wahlen lassen die Frage, wer regieren soll, eigentlich offen. Alle Parteien sind in der Minderheit; man könnte sagen, dass mutmasslich alle an der Regierung teilzunehmen berufen sind und keine ausgeschlossen, denn es gibt keine objektiven Merkmale, um die eine oder andere Partei als die Regierungspartei zu erkennen. Erst im Parlament zeigt es sich, welche Parteikombinationen die Regierung übernehmen können. Diese Kombinationen sind ohne feste Dauer und können sich in unvorhergesehenen Richtungen ändern. Auch die Opposition der Parteien ist höchst relativ zu nehmen: der kontinentale Ausgleichsparlamentarismus bedarf eben gar keiner Opposition, denn der ideale Interessenausgleich kennt das Ignorieren mancher Interessen bei Begünstigung anderer nicht. Darum ist keine Partei, oder die durch sie vertretenen Interessen, zur Opposition zu rechnen; und in der Tat, wenn das staatliche Leben den äussersten Erschütterungen preisgegeben ist, hört auch jegliche Opposition da auf, wo der Parlamentarismus sich eingebürgert hat. Wenn Parteien, die auf dem Boden des Parlamentarismus stehen, in prinzipieller Opposition beharren, sich einer positiven parlamentarischen Tätigkeit enthaltend, so hat man es hier mit einem Missverständnis zu tun; antiparla-

mentarisch gesinnte Parteien aber bringen mit ihrer Opposition ins Parlament Kampfmethoden hinein, die dem Geiste des Parlamentarismus als eines Regimes des Interessenausgleichs widersprechen.

Der Parlamentarismus hat in der Gesetzgebung die Trennung zwischen der Volksvertretung und der Regierung, die durch die konstitutionelle Doktrin anfänglich gelehrt wurde, endgültig aufgehoben. Die Regierung besitzt jetzt freilich nicht mehr das Recht der stellvertretenden Gesetzgebung, dafür hat sich aber in der Gesetzgebung die engste Zusammenarbeit zwischen dem Parlament und der Regierung herausgebildet. Ohne Anteilnahme der Regierung ist beim Parlamentarismus eine Gesetzgebung undenkbar, und die Regierung konzentriert die Gesetzesinitiative immer mehr in ihrer eigenen Hand: so ist es in England, so ist es auch in Frankreich. Bei dieser Zusammenarbeit ist es interessant, dass das Ministerium dank seiner Initiative in bedeutendem Masse Führer des Parlaments geworden ist, denn es weist das letztere darauf hin, was es zu tun hat.

Оглавление.

	Стр.
Ессõна лугејале	V
Вступление	1
Глава первая: Суверенитет	3—13
§ 1. О принудительном и объединительном моментах в орга- низациях	3
§ 2. Об обоих вышеуказанных моментах в государственной организации	4
§ 3. О различии учения о государстве в зависимости от того, который из вышеуказанных моментов преимущественно выдвигается теорией	5
§ 4. Об учениях о суверенитете	7
§ 5. Принудительный момент государственного состояния — исходная точка для учения о суверенитете	12
Глава вторая: Представительный строй	14—21
§ 1. О связи между теорией монархического и представи- тельного строя	14
§ 2. Установление современного представительного строя и вытеснение им монархического	19
Глава третья: Парламентаризм	22—36
§ 1. Парламентаризм — современная форма представитель- ного строя	22
§ 2. Английский парламентаризм	24
§ 3. Континентальный парламентаризм	27
§ 4. Континентальный парламентаризм более современен по духу и характеру, чем английский	32
Глава четвертая: Законодательство при парламентаризме	37—60
§ 1. О двух главных функциях власти народного представи- тельства при парламентаризме	37
§ 2. При парламентаризме законодательство представляет собой установление соглашения между партиями пар- ламента	38
I. О делопроизводстве во французской палате депутатов	39
II. Разработка закона о трехлетней службе 1913 г. во французской палате депутатов	48

Глава пятая: Правительство при парламентаризме . .	61—88
§ 1. Отношение между парламентом и правительством: ответственность министров и министерские кризисы .	61
§ 2. О смене министерств во Франции: формальная сто- рона процедуры	65
Глава шестая: Правительство при парламентаризме (продолжение)	89—118
§ 1. О способах разрешения министерских кризисов со- гласно французской парламентской практике	89
§ 2. О том, как слагается большинство палаты для под- держки министерства	101
§ 3. Об основаниях ухода министерств в отставку	108
Глава седьмая: Власть при парламентаризме	119—151
§ 1. Об изложенном в предшествующих главах	119
§ 2. Критика принципов суверенитета государства и пред- ставительного мандата с точки зрения парламента- ризма	122
§ 3. Заключительные замечания относительно парламента- ризма	145
Приложение: Таблица французских министерств 3-ей рес- публики по президентствам и легислатурам, с указанием их партийного и политического характера, продолжительности пребывания у власти и оснований отставки, с 1870 по 1926 год	153
Обзор литературы	169
Referat: Der Parlamentarismus und der souveräne Staat	175

DIE QUELLEN DES ESTNISCHEN VERWALTUNGSRECHTS

VON

STEPHAN v. CSEKEY

II. TEIL

(SEITE 103—134)

TARTU (DORPAT) 1929

I. Wenn die Verfassung des Staates die Rechtsordnung statisch darstellt, ist dieselbe dynamisch nur ein Rechtserzeugungsprozess. Die Verfassung pflegt ein einziges Organ mit der Befugnis der primären Rechtssetzung zu beauftragen. Es führt den Namen „Gesetzgeber“. Die höhere Entwicklung des Staatswesens führt jedoch unausbleiblich zur Einsetzung von sekundären Rechtsquellen. Nach dem Verhältnis zur rechtsschaffenden Macht werden also — wie oben schon dargelegt wurde¹³⁰ — primäre oder unmittelbare und sekundäre oder mittelbare Rechtsquellen unterschieden. Zu einer sekundären Rechtsquelle kann man nur durch eine primäre Rechtsnorm gelangen. Bei der Grenzziehung zwischen primären und sekundären, bzw. unmittelbaren und mittelbaren, Rechtsquellen muss zwischen Staaten mit biegsamer und solchen mit starrer Verfassung unterschieden werden. In den letzteren, zu denen auch Estland gehört, stellt nämlich die „gewöhnliche Gesetzgebung“ nicht die höchste Macht des Staates dar, sondern es gibt eine sog. „Verfassungsgesetzgebung“. In diesen Staaten stehen dann das Verfassungs- oder Grundgesetz und das gewöhnliche Gesetz in einem ähnlichen Verhältnis zueinander, wie in anderen Staaten Gesetz und Verordnung.¹³¹ Die Hierarchie der generellen Rechtsnormen bilden also in Staaten mit starrer Verfassung: Verfassungsgesetz (Grundgesetz), Gesetz und Verordnung.

Dass der moderne Staat die Befugnis der generellen Normsetzung auf verschiedene Organe verteilt, kann auf mannigfache Gründe zurückgeführt werden. Solche sind: Bedürfnisse sachlicher Arbeitsteilung, lokal-territoriale Gliederung u. a. m. Die mit dem Fortschritt immer zunehmende Arbeitsteilung im gesellschaftlichen, vor allen Dingen aber im wirtschaftlichen Leben hat die Verordnung in der Rechtserzeugung zu einer rechtstechnischen Notwendigkeit gemacht.¹³²

Da immer nur eine unmittelbar von einer Rechtsmacht an ihre Untergebenen gerichtete Norm eine primäre Rechtsquelle darstellt, ist die Verordnung immer eine abgeleitete Rechtsquelle.

¹³⁰ S. 4 f.

¹³¹ Vgl. Somló, a. a. O. S. 319. — (Die von Moór besorgte und mit einem Vorwort versehene 2. Auflage [1927] von Somlós Juristischer Grundlehre blieb unverändert.)

¹³² Siehe Merkl, Allgemeines Verwaltungsrecht, Wien u. Berlin 1927, S. 180.

Sie gründet sich immer auf einen unmittelbaren oder mittelbaren Rechtssatz der Verfassung. Teils aus dieser Natur der Verordnung, teils aus dem Grundsatz, dass die normsetzende Tätigkeit die spezifische Befugnis der gesetzgebenden Organe bildet, folgt, dass die verordnende Tätigkeit der vollziehenden Organe nur kraft einer ausdrücklichen Ermächtigung von Seite der ersteren erfolgen kann. Der Rechtssatz bedarf also entweder der Form des Gesetzes oder seiner Grundlage. Die Konstruktion der Verbindung mit der Gesetzesgrundlage kann auf verschiedene Weise erfolgen. So pflegt man von einer Ermächtigung, Delegation, Übertragung, Bezugnahme, Verweisung u. dgl. zu sprechen,¹³³ oder man stellt sich das ermächtigende Gesetz als einen Blankettrechtssatz vor, dessen Ausfüllung dem ermächtigten Organ überlassen wird.¹³⁴ „Formellrechtlich ist die Rechtsverordnung daher Gesetzesvollziehung, ebenso wie der konkrete Verwaltungsakt. Materiellrechtlich dagegen wirkt die Rechtsverordnung ebenso wie ein Gesetz; denn kraft der Ermächtigung, Übertragung usw. wird die durch die Rechtsverordnung geschaffene Norm zur Höhe einer formellgesetzlichen Rechtsnorm erhoben.“¹³⁵

Die Verordnung ist also eine gesetzlich bedingte Rechtsquelle. Sie kann nur auf Grund des Gesetzes erlassen werden. Dieser Begriff wird in den Verfassungen verschiedentlich ausgedrückt. Manche sagen: Verordnungen dürfen nur „auf Grund“¹³⁶ oder „im Rahmen der Gesetze“,¹³⁷ nach anderen wieder „im Einklang mit den Gesetzen“¹³⁸ erlassen werden. Alle diese verschiedenen Ausdrücke sind auf eine einfache Formel zurückzuführen, nämlich, dass zur Erlassung von Verordnungen eine gesetzliche Ermächtigung erforderlich ist. Die Form dieser Ermächtigung kann dagegen, worauf schon hingedeutet worden ist, sehr mannigfaltig sein. Aus den verschiedenen Systemen der Verordnungsvollmacht kommen die folgenden Haupterscheinungsformen in Betracht.

1. Die Methode der allgemeinen Ermächtigung und die der Sonderermächtigung.

¹³³ Vgl. Nawiaskey, a. a. O. S. 339.

¹³⁴ So Kelsen, Hauptprobleme, S. 557.

¹³⁵ Nawiaskey, a. a. O. S. 433.

¹³⁶ Österreichische Verfassung Art. 18.

¹³⁷ Ebenda und tschecho-slowakische Verfassung § 55.

¹³⁸ Estnische Verfassung § 60, Punkt 7.

Die allgemeine Ermächtigung, auch generelle oder Generalermächtigung oder Generaldelegation genannt, stellt eine in der Verfassung selbst allgemein gefasste Kompetenzbestimmung dar. Der Inhalt dieser Kompetenzbestimmung ist, wenn auch verschiedenartig ausgedrückt, der, dass Verwaltungsbehörden auf Grund von Gesetzen innerhalb ihres Wirkungskreises Verordnungen erlassen können. So sagt § 60, Punkt 7 des estnischen GG.: „[die Regierung der Republik] erlässt im Einklang mit den Gesetzen Verordnungen und Verfügungen“. Diese allgemeine Ermächtigung ist von der Vollzugsklausel der einzelnen Gesetze scharf zu unterscheiden.¹³⁹ Die rechtstechnische Funktion der Vollzugsklausel ist nur, eine Kompetenzbestimmung zu treffen, welches Verwaltungsorgan (gewöhnlich Minister) zur Vollziehung des betreffenden Gesetzes zuständig ist. Wenn aber die Vollzugsklausel den Zweck verfolgt, „die schon verfassungsgesetzlich eingeräumte Verordnungskompetenz für einen Sonderfall zu konkretisieren“, ¹⁴⁰ so ist das eine überflüssige Wiederholung. Solche Fälle kommen in estnischen Gesetzen ziemlich häufig vor ¹⁴¹ und machen den Eindruck, als wäre die allgemeine Ermächtigung der Regierung zur Erlassung von Verordnungen der estnischen Verfassung unbekannt. Eine Sonderermächtigung kann bei der Methode der allgemeinen Ermächtigung nur in dem Falle berechtigt sein, wenn die Erlassung von Verordnungen für einen besonderen Fall und mit besonderem Inhalt nicht nur zum Recht, sondern zur Pflicht gemacht werden soll.¹⁴²

¹³⁹ Vgl. oben S. 61.

¹⁴⁰ Merkl, Verwaltungsrecht, S. 181.

¹⁴¹ Um für viele andere ein Beispiel zu nennen, so sagt das zeitweilige Organisationsgesetz vom 20. Mai 1924, betreffend die Vereinigung der Aussen-, Kriminal- und Schutzpolizei (R. T. Nr. 68—1924), im § 2: „Bis zum Inkrafttreten des betreffenden allgemeinen Polizeiordnungsgesetzes wird der Regierung der Republik das Recht eingeräumt, die nötigen Verordnungen zu erlassen und Verfügungen zu treffen zur Errichtung der Zentralpolizeiinstitution und der örtlichen Institutionen der Aussen-, Kriminal- und Schutzpolizei.“ — Ebenfalls besagt § 13 des Gesetzes vom 5. März 1926, betreffend die Zahlung einer Entschädigung für die zur Schaffung eines staatlichen Landfonds enteigneten Ländereien (R. T. Nr. 26 — 1926): „Die Regierung ist berechtigt, zur Ausführung dieses Gesetzes die erforderlichen Verordnungen zu erlassen.“

¹⁴² Um für viele andere ein Beispiel zu nennen, so sagt § 30 des Gesetzes vom 12. Februar 1925, betreffend die Kulturselbstverwaltung der völkischen Minderheiten (R. T. Nr. 31/32 — 1925): „Die Regierung der

Nach der Methode der Sonderermächtigung, auch spezielle oder Spezialermächtigung oder Spezialdelegation genannt, geschieht die Erlassung einer Verordnung nicht auf Grund einer schon in der Verfassung enthaltenen Bestimmung, sondern die Ermächtigung wird erst in einzelnen Sondergesetzen erteilt.

2. Nach einer anderen Einteilung wird als Grundlage der Erlassung von Verordnungen die unterschiedliche Beziehung derselben zum Gesetz betrachtet. Man spricht von selbständigen und ermächtigten Verordnungen.

Unter selbständigen oder verfassungsmässigen Verordnungen, auch unmittelbare, primäre, originäre oder ursprüngliche genannt, versteht man diejenigen, welche an Stelle eines einfachen Gesetzes unmittelbar auf Grund der Verfassung ergehen können. Sie sind selbständig in dem Sinne, dass sie nicht durch ein Gesetz bedingt sind, sondern aus „eigenem Recht“ (*jure proprio*) oder aus „eigener Kraft“ (*motu proprio*) des verordnenden Organs erlassen werden können. Im Verhältnis zum Gesetze pflegt man hier von einer Verordnung *praeter legem* zu sprechen.

Die ermächtigten oder delegierten Verordnungen dagegen ergehen immer auf Grund eines einfachen Gesetzes. Diese werden Ausführungs- oder Vollzugsverordnungen, manchmal auch Durchführungsverordnungen oder überhaupt gesetzvollziehende Verordnungen genannt. Im Verhältnis zum Gesetze bewegen sie sich immer *intra legem*. Ihr Dasein ist also durch ein einfaches Gesetz bedingt.

II. Inbetreff des formellen Verhältnisses zur unmittelbaren Rechtsquelle hat man früher unter den Verordnungen auch eine andere Einteilung vorzunehmen versucht, nämlich die sog. selbständigen und unselbständigen Verordnungen in dem Sinne, dass man unter selbständigem Verordnungsrecht das Recht der Exekutive verstand, Rechtssätze auch ohne verfassungsmässige oder gesetzliche Ermächtigung kraft eigenen Rechtes (*jure proprio*) zu er-

Republik erlässt die nötigen Verordnungen, um die Kulturselbstverwaltungskörperschaften der Minderheiten auf obigen Grundlagen ins Leben zu rufen, zur Veranlagung der Register ihrer Mitglieder sowie auch zur Erfüllung der auf sie bezüglichen Gesetze, zur näheren Ausführung der Grundzüge der auf diesen begründeten Kulturselbstverwaltungskörperschaften der Minderheiten und zur Überwachung der Tätigkeit derselben, orderlichenfalls für jede Minderheit gesondert.“

lassen, sofern diese den Gesetzen nicht widersprachen. Ein Recht also nicht nur *praeter legem*, sondern auch *praeter constitutionem*. Der damals so heftig geführte Streit gegen das selbständige Verordnungsrecht hat erwiesen, zu welchen inneren Widersprüchen die Vermengung politischer Tendenzen mit staatsrechtstheoretischen Erwägungen in der konstitutionellen Staatsrechtstheorie führen musste.¹⁴³ In Monarchien nämlich, deren konstitutionelle Verfassung auf dem monarchischen Prinzip beruhte (z. B. Preussen, Österreich u. a.) — im Gegensatz zu denjenigen Staaten, deren Verfassungen auf der Grundlage der Volkssouveränität aufgebaut waren (z. B. Belgien u. a.) — vertrat man die Ansicht, dass der Monarch, bzw. seine Minister Verordnungen betreffend alle jene Materien erlassen dürfen, deren sich die Gesetzgebung noch nicht bemächtigt habe. Dieses Recht stehe ihnen noch aus jener vorkonstitutionellen Zeit zu, in der ihnen als absoluten Herrschern die allgemeine Rechtssetzungsbefugnis zustand, welche ihnen durch die von ihnen selbst erlassenen Verfassungen nicht entzogen war. Abgesehen aber davon, dass diese Anschauung schon in den Verfassungen der konstitutionellen Monarchie keine positivrechtliche Grundlage fand, „beweist sie doch selbst, dass hier ein stillschweigender Verfassungsgrundsatz angenommen wird, der die Grundlage für das Verordnungsrecht bildet, die Ermächtigung dazu enthält“.¹⁴⁴

Um das Obige klarer verstehen zu können, darf man nicht vergessen, dass nach dem Wesen der absoluten Monarchie die an sich einheitliche und unteilbare Staatsgewalt, die Souveränität des Staates, ganz in der Person des Monarchen vereinigt war. Nur der Monarch als Träger der Staatsgewalt war zur Erlassung von Gesetzen berechtigt. Die Bezeichnung „Gesetz“ wurde sowohl von der Terminologie des absoluten Staates, als auch von der damaligen Staatswissenschaft den rechtssetzenden Akten des Monarchen vorbehalten, und mit dem Terminus „Verordnungen“

¹⁴³ Vgl. Kelsen, Das Verhältnis von Gesetz und Verordnung, S. 393. — Eine neuere Zusammenfassung des einerseits von Adolf Arndt (für Österreich von Zolger), andererseits von Anschütz und Hubrich geführten Streites bei Hatschek, Deutsches Staatsrecht, Bd. II, S. 115 f. — Vgl. noch Stier-Somlo, Die Lehre von der Gewaltenteilung und die neuen deutschen Verfassungen (Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, Jahrg. LXXVII, 1923, S. 30 f.).

¹⁴⁴ Nawiasky, S. 434.

wurden die von den seitens des Monarchen dazu befugten Organen erlassenen allgemein verbindlichen Vorschriften bezeichnet. Abgesehen aber davon, dass dieses Prinzip nicht rein durchgeführt wurde, „hatten sogenannte Gesetze und Verordnungen das gemeinsam, dass sie von Organen ausgingen, die zugleich Gesetzgebungs- und Vollzugskompetenz hatten“.¹⁴⁵ Daher kann man hier zwischen Gesetz und Verordnung keinen festen Unterschied im heutigen Rechtssinne machen, obwohl nicht alle Willenserklärungen des Monarchen rechtlich gleichwertig waren. Sehr charakteristisch sind hierfür die Bestimmungen des Art. 53 der russischen alten Staatsgrundgesetze, welche die autokratische Staatsform im 1. Teil des I. Bandes des *Svod Zakonov* vom Jahre 1832 fixiert haben. Dort heisst es: „Gesetze werden in Form von Gesetzbüchern, Ordnungen, Statuten, Patenten, Beschlüssen, Instruktionen, Manifesten, Verordnungen, Gutachten des Reichsrates und Allerhöchst bestätigten Berichten erlassen.“

Der Übergang vom Absolutismus zum Konstitutionalismus bedeutet nun die Annahme des wichtigsten Grundsatzes, dass dem durch das Parlament vertretenen Volke eine verfassungsmässige Anteilnahme an der gesetzgebenden Gewalt des Staates in der Weise eingeräumt wird, dass die Funktion der Gesetzgebung als die Erzeugung genereller Normen als solche und somit in ihrer Ganzheit vorbehaltlos auf ein in Verbindung von Monarch und Parlament bestehendes Gesetzgebungsorgan übertragen wurde, so dass diese Funktion vom Monarchen nicht mehr allein ausgeübt werden konnte. Folgerichtig bedarf jede Verschiebung der Kompetenz, Rechtssätze zu erlassen; auf ein anderes Staatsorgan, einschliesslich des Monarchen, einer allgemeinen Ermächtigung der Verfassung oder einer besonderen Ermächtigung eines Gesetzes. Von dem Bestehen eines dem Monarchen allein vorbehaltenen Gesetzgebungsrechts, d. i. eines sog. selbständigen Verordnungsrechts in dem Sinne, dass er nicht ausdrücklich auf das alleinige Gesetzgebungsrecht verzichtet hätte, kann hier nicht gesprochen werden.

Dass die Verfassungen demokratischer Republiken ein derartiges Verordnungsrecht nicht kennen, ist um so natürlicher, da es schon mit ihrer Staatsform unvereinbar wäre. Von etwas

¹⁴⁵ Merk l, Verwaltungsrecht, S. 177 f. — Über ähnliche Verhältnisse im vorkonstitutionellen Deutschland siehe Mayer, Otto, Das Staatsrecht des Königreichs Sachsen (Das öffentliche Recht der Gegenwart, Bd. IX), Tübingen 1909, S. 157

Ähnlichem könnte in der Republik Estland um so weniger die Rede sein, da das selbständige Verordnungsrecht auch dem russischen konstitutionellen Staatsrecht fremd war.¹⁴⁶

III. Somit bleibt für die nähere Untersuchung nur die Frage des sog. verfassungsmässigen und die des sog. ermächtigten Verordnungsrechts übrig.

Im ersteren Falle, wenn also die Ermächtigung zum Erlass von Gemeinverordnungen in der Verfassung selbst erteilt ist, wird sie entweder allgemein gehalten, oder sie umfasst bestimmte Gruppen von Verordnungen allgemeiner Natur. In Staaten mit starrer Verfassung können die Notverordnungen, die Ausnahmeverordnungen und die Ausführungs- oder Vollzugsverordnungen als solche Gruppen gelten. Es kommt natürlich alles auf die diesbezügliche Bestimmung der Verfassung an. In Staaten mit biegsamer Verfassung dagegen bilden neben den obigen Gruppen die sog. gesetzvertretenden (-ersetzenden) oder selbständigen Verordnungen eine wichtige Gruppe. Die Grundlage dieser letzten Gruppe von Verordnungen ist allerdings auch immer ein geschriebener oder ungeschriebener Rechtssatz der Verfassung. Sie werden auch von der obersten Rechtsmacht im Staate nicht nur begrenzt, sondern auch bedingt. Sie bewegen sich aber nicht intra, sondern praeter legem.

In England, wo nicht nur die Rechtssetzung für den ganzen Staat, sondern auch die Lokalgesetzgebung durch die sog. „private bills“ im „King in Parliament“ zentralisiert worden ist, spielt die rechtssetzende Befugnis der Regierung, welche als „prerogative of the crown“ bezeichnet wird, keine erhebliche Rolle. Deshalb spricht man dort von einer „subordinate legislation“. Die Lehre von dem selbständigen Verordnungsrecht des Königs von England hat den Sinn, dass er Verordnungen erlassen kann nicht nur auf Grund eines Gesetzes, sondern auch auf Grund des common law.¹⁴⁷

¹⁴⁶ Vgl. Fischelewitsch, Über den Umfang des monarchischen Verordnungsrechts nach den Staatsgrundgesetzen des Kaisertums Russland, unter Berücksichtigung des deutschen Staatsrechts (Heidelberger Dissertation), Borna-Leipzig 1912, S. 19.

¹⁴⁷ „In 1610, however, a solemn opinion or protest of the judges established the modern doctrine that royal proclamations have in no sense the force of law; they serve to call the attention of the public to the law, but they

Nicht so in Ungarn, wo die Abgrenzung des Gebietes der Gesetze und der sog. gesetzersetzenden Verordnungen bisher keine gelöste Frage der Wissenschaft und Praxis ist. So wichtige, in die subjektiven öffentlichen Rechte der Staatsbürger einschneidende Rechte, wie das Vereins- und Versammlungsrecht, das Schubwesen usw., sind durch Regierungsverordnungen, aber ohne gesetzliche Ermächtigung, geregelt. Der Sachbereich dieser seitens der Regierung *jure proprio* erlassenen Verordnungen wird im Allgemeinen folgendermassen festgesetzt. Von der Regierung können ohne gesetzliche Ermächtigung solche Angelegenheiten normiert werden, die von der Gesetzgebung entweder gar nicht oder nur mangelhaft geregelt worden sind, aber nur in dem Fall, wenn der Geist der Verfassung und die öffentliche Auffassung sowie die Rechtsüberzeugung der Nation die Rechtssetzung auf dem Verordnungswege nicht verbieten,¹⁴⁸ und wenn die Verordnungen die Autonomie der Selbstverwaltungskörperschaften nicht verletzen.¹⁴⁹

cannot of themselves impose upon any man any legal obligation or duty not imposed by common law or by Act of Parliament.“ Dicey, a. a. O. p. 51. — Vgl. noch Jellinek, Georg, Gesetz und Verordnung, S. 24 f. — Ilbert, a. a. O. p. 36. — Hatschek, Englisches Staatsrecht, Bd. I, S. 613.

¹⁴⁸ Sie verbieten sie z. B. auf dem Gebiete des materiellen und formellen Privat- und Strafrechts. Vgl. Ferdinandy, Magyarország közigazgatása [Ungarns Staatsrecht], Budapest 1902, S. 652 f. — Grosschmid, a. a. O. S. 183. — Kmety, Közigazgatás [Staatsrecht], S. 51 f. — Tomcsányi, Magyar közigazgatás [Ungarisches Staatsrecht], S. 26. — Während des Krieges und nach dem Kriege hat sich aber die Rolle der Verordnung in der privatrechtlichen Rechtserzeugung Ungarns wesentlich geändert. Bedeutende Teile des Privatrechts fanden verordnungsrechtliche Normierung, und die Bewertung der Verordnung als Rechtsquelle seitens der Gerichte ist bedeutend anders als vor dem Kriege. Man hat den Eindruck, dass die Gesetzgebung in der Regelung der geänderten Verhältnisse den Erfordernissen nicht entsprechen kann, und somit fällt die Aufgabe, die Lücken zu füllen, dem Verordnungsrechte zu. Das bedeutet aber die Aufgabe des klassischen Standpunktes (Grosschmid, a. a. O. S. 163); dass die Verordnung auf dem Gebiete des Privatrechts nicht den Beruf einer gesetzersetzenden Rechtsquelle besitzt. Siehe ausführlicher Meszlény, Új jogszabálytan [Neue Rechtsnormenlehre] (Polgári Jog [Bürgerliches Recht], Jahrg. I, 1925, Nr. 8/9, S. 333 f.). — Vgl. noch Csekey, Nagy Ernő [Ernst Nagy], S. 202 f. — Derselbe, A rendelet elméleti kérdése [Die theoretische Frage der Verordnung] (Magyar Közigazgatás [Ungarische Verwaltung], Jahrg. XLV, 1927, Nr. 4.).

¹⁴⁹ Siehe zu allen diesen ausführlich Molnár, Kormányrendeletek [Regierungsverordnungen], S. 54 f. — Dazu die knappe, aber charakteristische Feststellung von Ereky, a. a. O. Bd. I, S. 260 f.

Diese selbständigen Verordnungen haben keine gesetz-derogatorische Kraft. Ihre verfassungsmässige Grundlage ist im Gewohnheitsrecht verankert. Diesen selbständigen Verordnungen gegenüber stehen die ermächtigten Verordnungen, welche von der Regierung auf Grund besonderer gesetzlicher Ermächtigung auf solchen Gebieten erlassen werden, auf denen diese prinzipiell kein Verordnungsrecht besitzt.¹⁵⁰

Ganz ähnlich ist die Lage in Italien, wo die „ordinanze autonome“ oder „regolamenti indipendenti“ nicht nur Verwaltungsvorschriften darstellen, sondern auch wirkliche Rechtssetzung erfüllen. Ihnen gegenüber stehen die gesetzlich ermächtigten Verordnungen, die „regolamenti autorizzati“.¹⁵¹

Man könnte nicht behaupten, dass diese von der Regierung proprio jure erlassenen Verordnungen eine starke Seite der biegsamen Verfassungen darstellen. Ihre Grundlage greift aber in die historische Vergangenheit zurück, und es gibt Garantien für die Einhaltung der verfassungsmässigen Grenzen. Vor allen Dingen steht es der Gesetzgebung zu jeder Zeit frei, die Angelegenheit selbst zu normieren. Sie kann auch, wenn sie die Rechtssetzung nicht selbst in die Hände nehmen will, der Regierung fest bezeichnete Ermächtigungen für die Normierung erteilen. Schliesslich sind das Budgetbewilligungsrecht und die ministerielle Verantwortung als Mittel zu bezeichnen, um einen Missbrauch des Verordnungsrechts auszuschliessen.

Die theoretisch aufgestellten Arten der Verordnungen sind natürlich in der Praxis nicht immer leicht auseinander zu halten. Sowohl die verfassungsmässigen als auch die ermächtigten Verordnungen weisen jedenfalls die grössten quantitativen Unterschiede auf, die leicht den Schein qualitativer Unterschiede annehmen. Auf diesen bloss quantitativen Unterschied zwischen gesetzvertretenden und gesetzergänzenden Verordnungen wurde

¹⁵⁰ Siehe die Gutachten von Concha und Nagy im Jahrbuch des Ungarischen Juristentages oben in der Ungarischen Literatur S. 45. — Vgl. noch Molnár, Kormányrendeletek [Regierungsverordnungen], S. 90 f.

¹⁵¹ „Regolamenti indipendenti e regolamenti autorizzati. I primi son quelli che si riferiscono a materie non contemplate dalle leggi, i secondi sono quelli che si riferiscono a materie, delle quali il potere legislativo crede opportuno affidare la disciplina giuridica al potere esecutivo.“ Ferraris, Diritto amministrativo, Padova 1922—23, t. I, p. 305. — Vgl. noch Gmelin, Über den Umfang des königlichen Verordnungsrechts, S. 12, S. 28 f. — Romano, Principii di diritto amministrativo italiano, p. 24.

oben ¹⁵² schon hingewiesen. Ebenso kann die Grenze zwischen einer Ausführungs- und einer gesetzergänzenden Verordnung verwischt werden. Eine auch noch so inhaltsarme Vollzugsverordnung kann ja das Gesetz gewissermassen ergänzen, und andererseits weist die gesetzergänzende Verordnung schon beinahe begrifflich in gewissem Sinne die Gesetzesvollziehung auf. Während aber eine Ausführungsverordnung im weiteren Sinne auch das Gesetz ergänzen kann, ist sie im Gegensatz zur gesetzvertretenden (-ersetzenden) Verordnung (also *praeter legem*) nicht nur formell, sondern auch materiell durch das Gesetz determiniert. Eben aus dem letztgenannten Grunde dulden die meisten starren Verfassungen keine gesetzvertretenden Verordnungen, deren Rechtssätze also nicht durch materielle gesetzliche Bestimmungen gedeckt sind, ohne dass sie jedoch formellen Gesetzen derogieren. Sogar die Theorie sieht manchmal in diesen Verordnungen eine Abänderung der Rechtsordnung als Ganzes. So führt Kelsen aus, dass eine Verordnung, die eine bisher nicht durch das Gesetz geregelte Materie normiert, nicht *praeter legem*, sondern *contra legem* ist, da doch die Rechtsordnung eine Abänderung erfährt. ¹⁵³ Diese

¹⁵² S. 62.

¹⁵³ „Unter gesetzändernden Verordnungen sind solche zu verstehen, durch die der durch die bisherigen Gesetze bestimmte Rechtszustand geändert wird; also auch solche Verordnungen, die bisher noch nicht gesetzlich positiv geregelte Materien betreffen, indem sie Rechtspflichten statuieren, wo bisher rechtliche Freiheit bestand (die sogenannten Verordnungen *praeter legem*). Der Begriff der gesetzändernden Verordnungen wird mitunter auch in der Weise umschrieben, dass man von verordnungsmässiger Regelung einer Materie spricht, zu deren Normierung «sonst» oder «im allgemeinen» ein Gesetz erforderlich ist.“ Kelsen, Das Verhältnis von Gesetz und Verordnung, S. 393. -- Sich auf Kelsens Lehre stützend hält MerkI die Verordnungen *praeter legem* für gesetzkräftige Verordnungen, welche zufolge ihrer gesetzderogatorischen Kraft dem Gesetze koordiniert und unmittelbar der Verfassung subordiniert sind. Verwaltungsrecht, S. 182 f. — Ebenso Poetzsch: „Im Rechtsstaat ist kein Lebensverhältnis denkbar, das nicht bereits eine Rechtsregelung gefunden hat und durch diese auch von einer formell-gesetzlichen Norm abhängig ist. Die neue Rechtsatzung, die im Ordnungswege ergehen soll, hat es deshalb nicht bloss mit den Lebensverhältnissen an sich, sondern mit ihrem bereits vorhandenen Rechtsbestande zu tun, dessen grosser Teil unter dem Schutze formeller Gesetzeskraft steht.“ Empfiehlt es sich in die Reichsverfassung neue Vorschriften über die Grenzen zwischen Gesetz und Rechtsverordnung aufzunehmen? (Verhandlungen des Zweihunddreissigsten Deutschen Juristentags, S. 43.) — Vgl. noch Grosschmid, a. a. O. S. 163. — Ebenso meint Weyr, der sich auf die Grundlage der Erkenntnistheorie der normativen Rechtslehre stellt: „Car il est clair que

Auffassung ist aber eine durchaus materiellrechtliche. Von diesem Standpunkt aus betrachtet könnten diese Rechtsnormen Verordnungen *contra legem* im weiteren Sinne genannt werden.¹⁵⁴ Formellrechtlich aber, d. h. nach ihrem Verhältnis zum Gesetz, besitzen sie keine derogatorische Kraft.

IV. Von einer Verordnung *contra legem* im engeren Sinne kann nur in dem Falle die Rede sein, wenn sie inhaltlich zu einem (formellen) Gesetze im Widerspruch steht. Sie stellt also eine Ausnahme aus der verfassungsmässigen Hierarchie der Rechtsquellen dar und bedarf einer Ermächtigung in einer Form, die auch die Verfassung abzuändern imstande ist.

Eine solche Verordnung *contra legem* kann auf verschiedenen Grundlagen beruhen: 1. auf einer ausdrücklichen, in die Verfassung aufgenommenen Ermächtigung (in der Regel zu den sog. Notverordnungen); 2. auf einem Sondergesetz, das aber in Staaten mit starrer Verfassung, um verfassungsmässig zu sein, qualifiziert sein muss; oder 3. auf einem gesetzwidrigen, d. h. sich auf keine gesetzliche Ermächtigung, sondern auf den Notstand stützenden Akt der Regierung.¹⁵⁵

ad 1. Vom Standpunkte der estnischen Verfassung werden Verordnungen *contra legem* grundsätzlich ausgeschlossen. Nach dem § 60, Punkt 7 des GG. müssen die Regierungsverordnungen „im Einklang mit den Gesetzen“ stehen. Dieser Grundsatz hat jedoch, wie oben darauf schon hingedeutet worden ist,¹⁵⁶ abgesehen von dem heute schon ausser Kraft gesetzten § 12-a der estnischen zeitweiligen Regierungsordnung,¹⁵⁷ zwei verfassungsrechtliche Ausnahmen, die sich aus den Sonderbestimmungen der §§ 26 und 81 des GG. ableiten lassen.

l'unité du système cesserait d'exister aussitôt qu'on aurait admis, à l'intérieur d'un seul système juridique, deux ou plusieurs autorités, appelées indépendamment l'une de l'autre à édicter les normes primaires.“ La question de la délégation de puissance législative, p. 79.

¹⁵⁴ Übereinstimmend Krejčí, *Nářízení contra legem* [Die Verordnung *contra legem*] (Knihovna spisů pro politiku a vědy státní [Bücherei von Schriften über Politik und Staatswissenschaften] Bd. I). SA. aus dem „Parlament“ Jahrg. VI, H. 4/5, Praha [Prag] 1927, S. 34 f.

¹⁵⁵ So Duguit, *Traité de droit constitutionnel*, t. IV, p. 779 et s.

¹⁵⁶ S. 69, 73 und 98 f.

¹⁵⁷ Siehe oben S. 96 f.

Obwohl im § 26 des GG., der den Fall des Ausnahmezustandes vorsieht, kein ausdrücklicher Hinweis auf ein Verordnungsrecht contra legem vorhanden ist, kann es insofern abgeleitet werden, als bis zur Erlassung eines Sondergesetzes, welches ein derartiges Verordnungsrecht statuieren könnte, diejenigen Bestimmungen des russischen Gesetzes betreffend den Kriegszustand in Estland anzuwenden sind, in denen ein sog. Ausnahmeverordnungsrecht enthalten ist. Dieses Verordnungsrecht contra legem ist aber an bestimmte Vorbedingungen geknüpft und inhaltlich beschränkt.¹⁵⁸

Die zweite Ausnahme bildet nach der estnischen Verfassung das Fragment eines Notverordnungsrechts, nämlich die Erlassung von das Militär betreffenden Dekretgesetzen und Verordnungen auf Grund des § 81 des GG. und dessen Ausführungsgesetzes vom 6. Dezember 1921 (R. T. Nr. 1 — 1922).¹⁵⁹ Da die „Sammlung der Militärverordnungen“ und die „Sammlung der Marineverordnungen“, welche durch die Dekretgesetze und Verordnungen derogiert und modifiziert werden können, gesetzlichen Charakter haben, so stellen dieselben Verordnungen contra legem dar. Obwohl aber die Regierung bedingungslos (d. h. ohne besondere Voraussetzung, wie sie für die Verhängung des Ausnahmezustandes notwendig ist) zur Erlassung von Militärverordnungen contra legem ermächtigt ist, entbehrt diese Ermächtigung dennoch nicht einer wichtigen inhaltlichen Einschränkung, da sich dieses Recht ausschliesslich auf diejenigen Dekretgesetze und Verordnungen bezieht, welche die im oben angegebenen Sondergesetze taxativ aufgezählten Militärangelegenheiten betreffen.¹⁶⁰

Nach dem Ausgeführten kann also festgestellt werden, dass für die Verordnungen contra legem in der estnischen Verfassung keine grundsätzliche Ermächtigung enthalten ist; im Gegenteil, sie werden durch sie grundsätzlich ausgeschlossen (§ 60, Punkt 7), und in der Verfassung wird nur ausnahmsweise für bestimmte Fälle ein Verordnungsrecht contra legem begründet.

ad 2. Es entsteht aber die Frage, ob die Erlassung einer Verordnung contra legem auf Grund einer sondergesetzlichen Ermächtigung nach dem estnischen Ver-

¹⁵⁸ Siehe oben S. 68.

¹⁵⁹ Siehe oben S. 98 f.

¹⁶⁰ Siehe oben S. 98.

fassungsrecht möglich ist. Das ist also die Frage der Delegation der gesetzgebenden Gewalt, die in der jüngsten Zeit die Theorie und die Praxis so oft beschäftigt hat.

Die herrschende Lehre versteht unter dem Rechtsinstitut der Delegation der gesetzgebenden Gewalt die Möglichkeit, nach der dem gesetzgebenden Organ das Recht zusteht, seine gesetzgebende Gewalt auf ein anderes Staatsorgan hinüberzuwälzen. Sie bedeutet also eine Verschiebung der von der Verfassung festgesetzten Kompetenzsphären zwischen den höchsten Staatsorganen durch ein einfaches Gesetz, in dem der Gesetzgeber auf seine Zuständigkeit verzichtet.¹⁶¹ Andere Schriftsteller sprechen wiederum von der „Ermächtigung der Exekutive“,¹⁶² oder von der „Erweiterung der Kompetenz der Exekutive“,¹⁶³ oder aber von der „Determination der Kompetenz“¹⁶⁴ usw.

Keine dieser Theorien erklärt jedoch die Rechtsgrundlage und die Wirksamkeit der Verordnung *contra legem*, sondern unterscheidet sie in diesem Belange gar nicht von den selbständigen Verordnungen (*praeter legem*), da sie auch diese Art von Verordnungen, manchmal sogar die Ausführungsverordnungen (*intra legem*), durch die Delegation auslegt.

Nach diesen Lehrmeinungen kann nämlich die Delegation auf zweierlei Art verstanden werden.

Die Frage kann darin bestehen, ob durch die Delegation die vollziehende Gewalt ermächtigt wird, Rechtsnormen zu erlassen, die, obwohl sie keine formellen Gesetze sind, doch früheren Gesetzen gegenüber eine derogatorische Kraft haben, so dass das Verhältnis zwischen der vom vollziehenden Organ auf Grund der Delegation erlassenen Norm und der vorangehenden Norm der Legislative (formelles Gesetz) nach dem Prinzip bezeichnet würde: „*lex posterior derogat priori*“. Mit anderen

¹⁶¹ Vgl. Anschütz, Kritische Studien, S. 88. — Kelsen, Hauptprobleme, S. 557. — Giacometti, Ueber das Rechtsverordnungsrecht im schweizerischen Bundesstaate (Festgabe für Fritz Fleiner zum 60. Geburtstag 24. Januar 1927), Tübingen 1927, S. 388.

¹⁶² „L'habilitation, en effet, aurait la valeur d'une telle délégation.“ Carré de Malberg, Contribution à la Théorie générale de l'Etat, t. I, p. 587.

¹⁶³ Rolland, Le Pouvoir réglementaire, p. 556.

¹⁶⁴ „Donec, une fois pour toutes, qu'on écarte l'idée de délégation, et que, si l'on emploie le mot, l'on sache bien qu'il ne signifie pas autre chose que détermination de compétence.“ Duguit, Traité de droit constitutionnel, t. IV, p. 706 et p. 749.

Worten, ob die Gesetzgebung ihre spezifische Kompetenz auf die Exekutive übertragen kann, d. h. dieselbe ermächtigen kann, solche Verordnungen zu erlassen, welche den formellen Gesetzen derogieren können (*Verordnungen contra legem*).

Das ist die wahre Bedeutung der *Delegation* der gesetzgebenden Gewalt. Hier handelt es sich also um ein juristisches Problem, welches von einem anderen scharf zu unterscheiden ist, obwohl der grösste Teil der Schriftsteller das nicht tut. Diese ganz andere Frage lautet nämlich, ob und in welchem Masse die vollziehende Gewalt von der gesetzgebenden ermächtigt werden kann, durch Erlassung von generellen, aber sekundären Normen Materien zu normieren, die durch generelle, aber primäre Normen noch nicht geregelt sind, d. h. ob die Exekutive *Verordnungen praeter legem* erlassen kann.¹⁶⁵

Die *Delegation* der gesetzgebenden Gewalt betreffend sind besonders zwei Theorien zu erwähnen, die deutsche und die französische.

Nach der deutschen Theorie wird die derogatorische Wirkung einer Verordnung im Verhältnisse zum Gesetze entweder in der Weise erklärt, dass durch das Ermächtigungsgesetz auf die Verordnung formelle Gesetzeskraft¹⁶⁶ übertragen wird, so dass sie nur durch ein Gesetz abgeändert werden dürfe;¹⁶⁷ oder aber dass das Ermächtigungsgesetz ein bestimmtes

¹⁶⁵ So richtig Weyr, *La question de la délégation de puissance législative*, p. 82 et s. und Krejčí, *Delegace zákonodárné moci* [Die *Delegation* der gesetzgebenden Gewalt], S. 125 f. — Derselbe, *Narizení contra legem*, S. 34.

¹⁶⁶ Über den Begriff der formellen Gesetzeskraft siehe oben S. 20. — Otto Mayer schreibt: „Das Gesetz ist zugleich die rechtlich stärkste Art von Staatswillen... der in Form des Gesetzes geäußerte Staatswille geht rechtlich jeder anderen staatlichen Willensäußerung vor; das Gesetz kann nur wieder durch Gesetz aufgehoben werden, hebt aber seinerseits alles auf oder lässt gar nicht erst wirksam werden, was ihm widerspräche. Das ist es, was wir den Vorrang des Gesetzes nennen. [In der Anmerkung:] So auch Anschütz... Laband... nennt es die «formelle Gesetzeskraft». Ebenso Jellinek... Bornhak.“ *Deutsches Verwaltungsrecht*, 3. Aufl., München u. Leipzig 1924, Bd. I, S. 68.

¹⁶⁷ „Die formelle Gesetzeskraft kann einem Willensakt des Staates, welcher nicht in der Form des Gesetzes erlassen worden ist, besonders beigelegt werden, nämlich durch die Vorschrift, dass er nur im Wege der Gesetzgebung abgeändert werden könne.“ Laband, *Staatsrecht*, Bd. II, S. 72. — Dasselbe wird von Otto Mayer mit den folgenden Worten ausgedrückt: „Auch diese

Gesetz der Gesetzeskraft entkleidet, so dass gewisse gesetzliche Bestimmungen des letzteren für im Verordnungswege abänderbar erklärt werden.¹⁶⁸

Da die neuere französische Theorie die Delegation der gesetzgebenden Gewalt ablehnt, lässt sie logischerweise die Übertragung der formellen Gesetzeskraft nicht zu und begnügt sich daher mit Erklärungen, die freilich im wesentlichen der deutschen Delegationstheorie nahe kommen.¹⁶⁹ Um den Begriff der Delegation der gesetzgebenden Gewalt zu umgehen, hat die französische Theorie die Ausdrücke der „Dekontstitutionalisation“ (Entkleidung eines Verfassungsgesetzes seines verfassungsmässigen Charakters)¹⁷⁰ und der „Delegalisation“

Kraft des Gesetzes ist übertragbar. Es kann nicht nur eine zu erlassende Verordnung vom Gesetze im voraus mit der Kraft ausgestattet sein, dass sie nur durch ein Gesetz wieder geändert zu werden vermag, sondern es kann auch einer Verordnung und sogar einer Einzelverfügung durch das Gesetz die Macht gegeben werden, ältere Gesetze zu brechen.“ A. a. O. Bd. I, S. 69.

¹⁶⁸ „Es kann andererseits einer in Form des Gesetzes erlassenen Vorschrift die formelle Gesetzeskraft entzogen werden durch die gesetzliche Bestimmung, dass sie im Verordnungswege abgeändert oder aufgehoben werden kann.“ Laband, Staatsrecht, Bd. II, S. 72. — Nach Otto Mayer: „Auch wo der Inhalt des Gesetzes an sich geeignet wäre, rechtlich zu wirken, kann aus dem weiteren Zusammenhang sich ergeben, dass das Gesetz seinen Vorrang dafür nicht vollauf geltend machen will, sondern in der einen oder anderen Beziehung darauf verzichtet. Gewisse entgegenstehende Anordnungen eines geringerwertigen Staatswillens werden etwa nicht aufgehoben, sondern bestehen gelassen. Es gibt sogar Gesetze, welche bereit sind, ihre Bestimmungen durch Anordnungen geringerer Art abändern zu lassen.“ A. a. O. Bd. I, S. 69. — Poetzsch nennt es „die Zerstörung formeller Gesetzeskraft an bereits bestehenden Rechtssätzen.“ (In den Verhandlungen des Zweunddreissigsten Deutschen Juristentags, S. 43.) — Vgl. eingehender Krejčí, Narizení contra legem, S. 35 f.

¹⁶⁹ „Nous nous trouvons donc dès maintenant en présence de l'alternative suivante et c'est tout le problème constitutionnel des «décrets»: les principes juridiques unanimement admis prohibent l'idée de délégation; la réalité, au contraire, montre qu'à tort ou à raison on a estimé indispensable, à certains moments, d'user de procédés qui — nous le montrerons — bien que qualifiés différemment, sont, en réalité, des moyens permettant d'aboutir à une délégation de fait.“ Devaux, Le régime des décrets. Les pouvoirs accordés au gouvernement par la loi du 3 août 1926 et la procédure permettant la réalisation d'économies et de mesures urgentes par décrets, Paris 1927, p. 10.

¹⁷⁰ „Quand le Parlement prévoit cette modification par décret de certaines dispositions législatives, il fait deux choses: 1) il enlève à ces dispositions le caractère de lois et elles acquièrent automatiquement la force inférieure de simples décrets; 2) il précise que ces dispositions, devenues pour un temps au

(Umänderung einer primären in eine sekundäre Norm) geprägt.¹⁷¹

Diesen beiden Theorien gegenüber geht die Auffassung Richard Schmidts noch weiter, nach der die Derogation der älteren gesetzlichen Normen nicht erst durch die Verordnung, sondern schon durch das Ermächtigungsgesetz bewirkt wird.¹⁷² Auf diesen Standpunkt stellen sich auch in der tschecho-slowa-

moins de simples décrets, pourront être modifiées par des décrets. Il se passe, en réalité, exactement ce qui se produit quand une loi constitutionnelle est déconstitutionnalisée." Rolland, Le projet du 17 janvier et la question „des décrets-lois“, p. 60. — „De même que la loi de revision de 1884 a pu déconstitutionnaliser les textes concernant l'organisation du Sénat et qu'elle a ainsi fait naître au profit du législateur la possibilité de modifier les dispositions de ces textes par une loi ordinaire, sans pourtant qu'elle ait, en cela, fait passer ou délégué d'aucune façon le pouvoir constituant au Parlement, de même aussi une loi autorisant l'Exécutif à déroger à un texte législatif en vigueur a pour effet direct d'enlever aux prescriptions contenues dans ce texte leur caractère législatif et leur force formelle de règles de législation... L'abrogation de la loi antérieure ou, tout au moins, du caractère législatif des prescriptions formant son contenu a été effectuée par le Parlement lui-même dans sa loi d'habilitation et n'aura plus besoin d'être opérée par l'Exécutif dans son règlement.“ Carré de Malberg, La question de la délégation de la puissance législative et les rapports entre la loi et l'ordonnance selon la Constitution de Weimar (Bulletin mensuel de la Société de législation comparée, année 1926, p. 31). — Im Auszug mitgeteilt im Parlament, Praha [Prague], année V, 1926, p. 6 et s.

¹⁷¹ „La loi se mouvant ainsi librement dans le choix des matières à réglementer, peut limiter le domaine législatif en «délégalisant» certaines matières et en les faisant passer dans le domaine du règlement.“ Barthélemy — Duez, a. a. O. p. 583.

¹⁷² „Das Prinzip der «Unverbrüchlichkeit des Gesetzes», das einer Abänderung oder Aufhebung einer Gesetzesnorm durch Rechtsverordnung im normalen Rechtszustand entgegensteht, gilt für den Ausnahmezustand seiner Natur nach nicht. Denn dessen Bedeutung beruht ja zum wesentlichen Teil darin, dass der Rechtsschaffung durch Rechtsverordnung freie Bahn geöffnet wird, soweit sie dem Zweck der Wiederherstellung der öffentlichen Sicherheit und Ordnung dient. Das Gesetz, das die bestehenden Einzelgesetze aufhebt, ist in diesem Fall eben der Art. 48 der RV. Wenn also z. B. § 152 der Gewerbeordnung die Einstellung der Arbeit oder die Entlassung der Arbeiter, m. a. W.: den Streik oder die Aussperrung für rechtmässig erklärt, so kann auf Grund des Art. 48, 2 unbedenklich eine Einschränkung des Streik- oder Aussperrungsrechts verfügt werden, da dies nur Suspension eines einfachen Gesetzes, keiner Verfassungsnorm bedeutet.“ Schmidt, Richard, Einführung in die Rechtswissenschaft, 2. Aufl., Leipzig 1923, S. 284.

kischen Literatur Hoetzel¹⁷³ und Neubauer.¹⁷⁴ Nach Weyr handelt es sich bei den Verordnungen contra legem um „formal sekundäre Rechtsnormen, die aber trotzdem — ausnahmsweise und auf Grund erfolgter Delegierung durch den primären Rechtsetzer — materiell primäre Relevanz, d. h. dieselbe Eigenschaft wie eigentliche Gesetze haben.“¹⁷⁵

Neuestens hat Krejčí, der Sekretär des Verfassungsgerichtshofes der Tschecho-Slowakischen Republik, die angeführten Theorien kritisch bewertet und seine Auffassung folgendermassen formuliert: die formelle Gesetzeskraft ist die Gesamtheit der Rechtsfolgen, die eine bestimmte Rechtsordnung ausschliesslich mit einem auf legislativem Wege, d. i. in der Form eines Gesetzes, erlassenen Akte verbindet.¹⁷⁶ Zu diesem Schluss gelangt er aus dem Gegensatz zu Labands Ansicht betreffend die formelle Gesetzeskraft, und zwar stellt letztere nach seiner Meinung einen positiven Rechtssatz und keineswegs eine logische Denkregel dar, wie auch das Beispiel der neuen Staatsverfassung der Republik Chile vom 18. September 1925¹⁷⁷ beweist, nach der für die der Gesetz-

¹⁷³ Hoetzel, Ke sporu o meze moci nařizovací [Zum Streit über die Grenzen der Verordnungsgewalt] (Právník [Der Jurist], Jahrg. LXII, 1923, H. X, S. 391). Auch in S.-A. — Weitere tschechische Literatur angegeben bei Hexner, Generelle Rechtsnormen in der Tschechoslowakischen Republik (Juristen-Zeitung für das Gebiet der Tschechoslowakischen Republik, Jahrg. VIII, 1927, Nr. 10, S. 78). Auch in S.-A. — Vgl. ferner Vernet, Le pouvoir exécutif en droit constitutionnel tchéco-slovaque (thèse), Genève 1922, p. 129 et s. — Carré de Malberg, La question de la délégation, p. 400 et s. (Oben in der Anm. 170 auf S. 118 müssen die Angaben folgendermassen vervollständigt und verbessert werden: année LIV, 1925, nos 10—12, p. 399 et s.) Dieselbe Studie erschien auch in der folgenden Sammlung: Études de droit comparé et d'économie comparée publiées par L'Institut de Droit Comparé et d'Économie Comparée de la Faculté de Droit et des Sciences Politiques de Strasbourg et Le Groupe Strasbourgeois de la Société de Législation Comparée, fascicule 2: L'Allemagne depuis la guerre, 2e sér., Paris et Strasbourg 1925, p. 41—94; die angeführte Stelle p. 68 et s.

¹⁷⁴ Neubauer, a. a. O. S. 46 f.

¹⁷⁵ Weyr, Die Grenzen der Verordnungsgewalt nach dem tschechoslovakischen Verfassungsrecht (Prager Presse vom 27. Februar 1923, Nr. 56). — Derselbe, Soustava československého práva státního [System des tschechoslovakischen Staatsrechts], S. 228. — Derselbe, La question de la délégation de puissance législative, p. 82. — Mit Weyr setzt sich Petržíla (a. a. O.) vom Standpunkt der normativen Rechtslehre auseinander.

¹⁷⁶ Krejčí, Nařizení contra legem, S. 47.

¹⁷⁷ Mitgeteilt von Figueroa, Die neue Staatsverfassung von Chile (Zeitschrift für öffentliches Recht, Bd. V, 1926, S. 596 f.).

gebung nicht vorbehaltenen Gegenstände eine konkurrierende Kompetenz der Legislative des Parlaments und der Verordnungsgewalt des Präsidenten besteht.¹⁷⁸ Eine tatsächliche Übertragung der formellen Gesetzeskraft im Sinne Labands wäre daher nur dann gegeben, wenn ein Gesetz bestimmen würde, dass die Verordnung Gesetzen derogieren könne, selbst aber nur durch Gesetz derogierbar sei.¹⁷⁹ Daher ist es unrichtig, auch in solchen

¹⁷⁸ Vgl. dazu Kelsen, Bemerkungen zur Chilenischen Verfassung (ebenda, S. 617): „Allein daraus, dass der die Gesetzgebungskompetenz des Kongresses umschreibende Verfassungsartikel (44) mit den Worten beginnt: «Nur durch Gesetz ist gestattet» und hierauf eine Reihe von Gesetzgebungsgegenständen aufzählt, und dass die Verfassung im Artikel 71 die Kompetenz des Präsidenten der Republik mit einer Generalklausel umschreibt: «Alles, was gemäss der Verfassung und den Gesetzen die Aufrechterhaltung der öffentlichen Ordnung im Innern und die äussere Sicherheit der Republik zum Ziele hat», muss geschlossen werden, dass der Präsident selbst durch generelle Normen jene Materien zu regeln befugt ist, die von der Verfassung nicht ausdrücklich der Beschlussfassung durch das Parlament vorbehalten sind. Die bereits zitierten Eingangsworte des Artikels 44 müssen wohl so gedeutet werden, dass die nicht vorbehaltenen Gegenstände zwar nicht durch Gesetz (im formellen Sinne) geregelt werden müssen, aber doch geregelt werden können. So dass bezüglich dieser Gegenstände eine konkurrierende Kompetenz der Gesetzgebungsgewalt des Parlaments und der Verordnungsgewalt des Präsidenten besteht; wobei beide Rechtsquellen einander vollkommen gleichstehen und ihr gegenseitiges Verhältnis nach dem Grundsatz: *lex posterior derogat priori* geregelt erscheint. Es wäre gewiss zu wünschen gewesen, dass die Verfassung dies ausdrücklich normiert und die Beantwortung einer so wichtigen Frage nicht einem blossen logischen Schlussverfahren überlässt; zumal da man mit der Möglichkeit einer entgegengesetzten Argumentation rechnen muss, die von der Annahme ausgeht: dass alle generellen Rechtsnormen grundsätzlich nur durch Parlamentsbeschluss erzeugt werden können, verstehe sich von selbst und bedürfe daher keiner ausdrücklichen Normierung in der Verfassung.“

¹⁷⁹ Ein Beispiel dafür wäre der französische Entwurf des Ermächtigungsgesetzes zum finanziellen Wiederaufbau und zur Befestigung der Währung vom 28. Juli 1926, aus dem aber in dieser Form kein Gesetz geworden ist. Dort hiess es: „Le gouvernement est autorisé à procéder par décrets, jusqu'au 31 décembre 1926, à toutes suppressions ou fusions d'emplois, d'établissements ou de services. Lorsque ces mesures nécessiteront soit des modifications à des organisations, formalités ou procédures fixées par la loi, soit des annulations ou transferts de crédits, elles ne pourront être rapportées que par un texte législatif.“ — Die eingehende juristische Analyse des Gesetzes vom 3. August 1926, das anstatt des angeführten Entwurfs erlassen worden ist, siehe bei Devaux, a. a. O. Der letzte Nebensatz heisst nämlich im Gesetzestexte: „elles devront être soumises à la ratification des Chambres dans un délai de trois mois.“ — Vgl. noch Hippel, Die Entwicklung des öffentlichen Rechts in Frankreich seit 1914 (Jahrb. öff. R., Bd. XV, 1927, S. 193).

Fällen von der Übertragung der formellen Gesetzeskraft zu sprechen, wo die Verordnung zwar nicht durch eine gewöhnliche Verordnung abgeändert werden kann, sondern nur durch ein Gesetz, aber selbst nicht gesetzändernd wirkt.

Gegen die andere Konstruktion (ein Gesetz wird durch die gesetzliche Ermächtigung der formellen Gesetzeskraft entkleidet) wendet Krejčí wieder ein, dass danach das durch die Verordnung aufzuhebende Gesetz auch seiner Derogationsfähigkeit älteren Normen gegenüber verlustig ginge. Daher greift Otto Mayer zu der Konstruktion, „dass das Gesetz seinen Vorrang dafür nicht vollauf geltend machen will, sondern in der einen oder anderen Beziehung darauf verzichtet.“¹⁸⁰ Es könnte also auch von der Entziehung der Gesetzeskraft in der einen oder der anderen Beziehung gesprochen werden. Aber auch diese Theorie versagt, sobald es sich um umfangreichere Ermächtigungen handelt. Denn z. B. im Falle des Art. 48 der Weimarer Reichsverfassung wäre ein bedeutender Teil der Rechtsordnung der formellen Gesetzeskraft entkleidet. Und dasselbe gilt auch von der Delegalisationstheorie von Barthélemy — Duez.

Dass es nicht das Ermächtigungsgesetz ist, das das Gesetz abändert oder aufhebt, geht schon daraus hervor, dass tatsächlich die Verordnung auch nur einem Teil der aufgezählten Normen, die auf Grund der Ermächtigung aufgehoben werden können, derogiert, während nach der entgegengesetzten Auffassung schon im Zeitpunkte des Inkrafttretens des Ermächtigungsgesetzes die Aufhebung eines eventuell umfangreicheren Teiles der Rechtsordnung eintreten müsste. Dabei erfolgt die Aufhebung der älteren Gesetze nicht mit dem Zeitpunkte der Rechtswirksamkeit des Ermächtigungsgesetzes, sondern erst mit der Rechtswirksamkeit der Verordnungen, welche inhaltlich mit dem älteren Gesetze im Widerspruch stehen, also contra legem sind. Logisch ist also die Auffassung, dass im Falle einer Ermächtigung die Aufhebung oder die Abänderung des Gesetzes nicht durch das ermächtigende Gesetz, sondern durch die Verordnung herbeigeführt wird.¹⁸¹ Das Ermächtigungsgesetz ent-

¹⁸⁰ Mayer, Otto, a. a. O. Bd. I, S. 69.

¹⁸¹ Die Mehrzahl der Juristen nimmt diesen Standpunkt ein. Ausser den angeführten Stellen bei Laband, Otto Mayer und Kelsen sollen hier noch beispielsweise erwähnt werden: Jellinek, Georg, a. a. O. S. 337. —

scheidet höchstens nur, „ob“ gewisse Gesetzesnormen aufgehoben oder abgeändert werden. Das „Wie“ der Abänderung aber, das eben bei einer Änderung der Norm das wesentlichste ist, wird erst durch die Verordnung bestimmt.¹⁸²

Ohne von Krejčí's diesbezüglichen Ergebnissen Kenntnis genommen zu haben, hat jüngstens Giacometti das Problem der Gesetzesdelegation in einer scharfsinnigen Studie zum Gegen-

Hubrich, Das demokratische Verfassungsrecht des Deutschen Reiches, Greifswald 1921, S. 162. — Adamovich, a. a. O. S. 209. — Fleiner, Bundesstaatsrecht, S. 417 f. — Hatschek — Kurtzig, Lehrbuch des deutschen und preussischen Verwaltungsrechts, 5. u. 6. Aufl., Leipzig u. Erlangen 1927, S. 51. — Jacobi, Die Diktatur des Reichspräsidenten (Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer, H. 1, Berlin u. Leipzig 1924, S. 109). — Anschütz, Die Verfassung des Deutschen Reiches vom 11. August 1919 (Stilke's Rechtsbibliothek Nr. 1), 8. Aufl., Berlin 1928, S. 173. — Duguit, *Traité de droit constitutionnel*, t. IV, p. 757 et s. — Jèze, *Les principes généraux du droit administratif*, t. I, p. 362. — Bonnard, *Précis élémentaire de droit public*, Paris 1925, p. 90. — Berthélemy, *Traité élémentaire de droit administratif*, p. 111.

¹⁸² Der österreichische Verfassungsgerichtshof hat in seinem Erkenntnis vom 19. März 1923, Z. V. 3/23 (Sammlung der Erkenntnisse des Verfassungsgerichtshofes, Neue Folge 3. H., Wien 1923, S. 11 f.) eine Verordnung der Bundesregierung vom 11. Dezember 1922, BGBl. Nr. 900, mit welcher gewisse Zölle des gesetzlichen Zolltarifes geändert wurden, als gesetzwidrig aufgehoben, obgleich eine formellgesetzliche Delegation zu einer solchen Verordnung in dem Bundesgesetz vom 27. November 1922, BGBl. Nr. 843, dem s. g. „Wiederaufbaugesetz“ vorlag. Dieses Gesetz enthielt allerdings, um nicht mit Art. 18, Abs. 2 des Bundes-Verfassungsgesetzes in Widerspruch zu geraten, die Klausel: „Durch die auf Grund dieses Gesetzes zu erlassenden Verordnungen (Artikel 18 des Bundes-Verfassungsgesetzes) können nur die in diesem Gesetze enthaltenen materiell-rechtlichen Bestimmungen näher durchgeführt werden.“ In der Begründung des angeführten Erkenntnisses des Verfassungsgerichtshofes heisst es: „Dies ist jedenfalls gewiss: Dass die Meinung, die im Gesetze selbst über die Natur seiner Bestimmungen zum Ausdruck kommt, nicht entscheidend sein kann. Wenn der Wortlaut des Gesetzes zum Beispiel die beabsichtigte Änderung eines älteren Gesetzes bereits als vollzogen darstellt, ohne selbst diese Änderung zu enthalten, mit dieser Änderung vielmehr eine erst zu erlassende Verordnung betraut, so wird unter dem Schein einer materiellrechtlichen Änderung eine bloss formalgesetzliche Delegation erteilt. Die Berufung darauf, dass die fragliche Änderung des Gesetzes nicht erst durch die Verordnung erfolgt, sondern bereits im Gesetze ausgesprochen sei, bedeutet lediglich, dass man eine unverbindliche theoretische Annahme des Gesetzgebers für verbindlich erklärt.“ — Vgl. dazu Kelsen, Das Verhältnis von Gesetz und Verordnung, S. 395 f. — Derselbe, Österreichisches Staatsrecht, S. 224 f. — Krejčí, *Nařízení contra legem*, S. 58 f.

stand eingehender Forschung gemacht.¹⁸³ Er weist zutreffend darauf hin, dass die Delegation ursprünglich einen zivilrechtlichen Begriff darstellt. Da aber dieser Ausdruck bei der Gesetzesdelegation nur in ganz übertragenem Sinne zu gebrauchen ist, kann die Delegation nicht juristisch (wenn wohl auch tatsächlich) als ein Verzicht des Gesetzgebers auf die Gesetzesform des Rechtsatzes bezeichnet werden, denn verzichten kann man auf subjektive Rechte, nicht aber auf objektivrechtliche Kompetenzen. Aus demselben Grunde kann die Gesetzesdelegation nicht als Begründung eines Stellvertretungsverhältnisses betrachtet werden. Er weist auch auf die Unhaltbarkeit der in der italienischen Doktrin¹⁸⁴ vielfach vertretenen Auffassung hin, wonach das Institut der Gesetzesdelegation eine vorweggenommene Sanktion eines Gesetzes, dessen Inhalt von der Exekutive erst noch festzustellen ist, darstelle. Desgleichen ist seine Bemerkung, dass Hauriou frühere Bezeichnung der Gesetzesdelegation als Inkorporation eines Verwaltungsaktes in ein Gesetz¹⁸⁵ nur eine formalrechtliche und keine wesentliche Lösung des Problems sei, zutreffend. Nach Giacomettis Auffassung ist das rechtliche Wesen der Gesetzesdelegation in einer Verschiebung verfassungsmässiger Kompetenzgrenzen zwischen der gesetzgebenden Gewalt und der Exekutive zugunsten der letzteren auf dem Wege der Gesetzgebung zu erblicken.¹⁸⁶ Diese Auffassung entspricht auch der unseren, es ist nur zu bedauern, dass Giacometti keine scharfe Zäsur zwischen den Verordnungen *contra* und *praeter legem* zieht, ja sogar die Ausführungsverordnungen (*intra legem*) durch die Gesetzesdelegation auszulegen versucht.

Möge aber die Theorie die Ermächtigung, d. h. die Rechts-

¹⁸³ Giacometti, Verordnungsrecht und Gesetzesdelegation (Festgabe zum Schweizerischen Juristentag 1928), Zürich 1928, S. 71—106. Unten wird nach der Einzelausgabe zitiert.

¹⁸⁴ Orlando, *Principii di diritto costituzionale*, Firenze 1915, p. 134 e seg. — Saltelli, *Potere esecutivo e norme giuridiche*, Roma 1926, p. 219 e p. 221.

¹⁸⁵ Hauriou, *Précis de droit constitutionnel*, p. 496, note 2. — In der neueren Auflage gibt Hauriou diesen Standpunkt auf. Seine neue These in dieser Beziehung lautet: „La délégation des formes du pouvoir est impossible, mais la délégation des matières ne l'est pas, à la condition que le pouvoir à qui une matière est déléguée la règle avec la forme de volition qui lui est propre.“ *Précis de droit constitutionnel*, 2e éd., Paris 1929, p. 265.

¹⁸⁶ A. a. o. S. 25 und S. 32.

grundlage zur Erlassung von Verordnungen contra legem, auf diese oder andere Weise konstruieren, so bleibt hierdurch das Wesen der letzteren doch unberührt. Der Verordnung contra legem kommt begrifflich nur ein Teil der formellen Gesetzeskraft zu, d. i. die gesetzändernde Wirkung. Es könnten aber alle die formelle Gesetzeskraft bildenden Erfordernisse auf die Verordnung contra legem übertragen werden. Und trotzdem bestünde z. B. nach französischem Recht, wenn dort das richterliche Prüfungsrecht auch Gesetzen gegenüber anerkannt wäre, jener Unterschied von den Gesetzen, dass auch solche Verordnungen contra legem durch recours pour excès de pouvoir beim Staatsrat anfechtbar wären, nicht aber Gesetze.¹⁸⁷

Aus allen diesen Gründen geht hervor, dass in Staaten mit starrer Verfassung, wo also die Gesetzgebungskompetenz laut dem Verfassungsgesetz einem spezifischen Organ, dem Gesetzgeber, übertragen ist, die Delegation der gesetzgebenden Gewalt an die vollziehende, d. h. die Verschiebung der Kompetenz, auf Grund eines einfachen Gesetzes eine Verletzung der Verfassung bedeutet. Zur Erlassung von Verordnungen contra legem ist also in diesen Staaten ein verfassungsänderndes Gesetz erforderlich.

In Staaten mit Verfassungsgesetzgebung, in denen positivrechtlich Verordnungen nur zur Ausführung von Gesetzen zulässig sind, in denen also die Verfassung nur Vollzugsverordnungen kennt,¹⁸⁸ erscheint jede Verordnung, auch die Verordnung praeter legem, welche also eine Änderung des materiellen Rechts vornimmt, als verfassungswidrige Verordnung contra legem, wenn die materielle Determinierung durch das Ermächtigungsgesetz auch noch so sorgfältig erfolgt sein mag, ja selbst dann, wenn der Inhalt der zu erlassenden Verordnung ganz genau festgelegt ist. „Ergeht hinsichtlich einer Materie“, — schreibt Kelsen treffend, — „die bisher gesetzlich noch nicht geregelt ist, die Verordnung eines Exekutivorganes, so ist diese Verordnung nicht praeter legem, sondern contra legem und zwar im doppelten Sinne. Sie verstösst gegen die Lex der Verfassung, die zur Erlassung dieser generellen Norm nicht ein Exekutivorgan, sondern das Legislativorgan, nämlich das Parlament, beruft. Und sie ist rechtswidrig — wenn auch nicht wider ein Gesetz im formellen

¹⁸⁷ Siehe eingehender Krejčí, ebenda, S. 63 f.

¹⁸⁸ So die österreichische Verfassung, Art. 18 oder die tschecho-slowakische Verfassung, § 55.

Sinn (wenn man von der Verfassung absieht) — denn sie ändert den bisherigen Rechtszustand, indem sie an Stelle rechtlicher Freiheit rechtliche Gebundenheit setzt. Sie versucht das Recht zu ändern, wenn sie auch die bisher erlassenen Gesetze im formellen Sinne unverändert lässt; und gerade darin liegt ihre Verfassungswidrigkeit.“¹⁸⁹

Bei diesem Verfassungssystem also, welches nicht einmal Verordnungen *praeter legem* duldet, kann zwar durch eine sorgfältige Stilisierung des Ermächtigungsgesetzes die verfassungsmässige Inkorrektheit auf ein Minimum herabgedrückt werden, aber die Verordnung selbst bleibt jedenfalls *contra legem*, denn solange sie nicht erlassen ist, kommt es zu keiner Änderung in der Rechtsordnung. Das Ermächtigungsgesetz selbst bewirkt nämlich, wie es schon dargelegt wurde, keine Änderung der Rechtsordnung, es überlässt vielmehr der Verordnung, diese herbeizuführen, wenn es auch genau bestimmt, wie die Verordnung bei der Änderung der Rechtsordnung erfolgen soll, d. h. auch dann, wenn sie nicht eine bloss formellgesetzliche Delegation, sondern eine materiellrechtliche Regelung enthält.

Bei der Erteilung solcher Ermächtigungen wird der Gesetzgeber vor eine sehr schwierige Aufgabe gestellt. Bei dem heute vorwiegend geltenden Verhältnisswahlssystem kann in der gesetzgebenden Körperschaft die zur Erlassung von Verfassungsgesetzen erforderliche qualifizierte Mehrheit nur sehr schwer erreicht werden. Der weniger gewissenhafte Gesetzgeber setzt sich über diese Schwierigkeit in der Weise hinweg, dass er anstatt der Form eines Verfassungsgesetzes in Form eines einfachen Gesetzes die Ermächtigung erteilt. Insbesondere wenn dem Richter von der Verfassung kein materielles Prüfungsrecht Gesetzen gegenüber eingeräumt wird, besteht für den Gesetzgeber nicht einmal die Gefahr, dass der widerrechtliche Vorgang mit rechtlichen Folgen belangt werden könnte. Der gewissenhafte Gesetzgeber dagegen versucht, wenn er gezwungen ist die durch die Verfassung gezogenen Grenzen der Verordnungsgewalt zu überschreiten, die Ermächtigung so zu formulieren, dass sie den Eindruck erweckt,

¹⁸⁹ Kelsen, Das Verhältnis von Gesetz und Verordnung, S. 394. — Die Keime seiner diesbezüglichen Auffassung finden sich schon in seinem früheren Artikel: Zur Lehre vom Gesetz im formellen und materiellen Sinn, mit besonderer Berücksichtigung der österreichischen Verfassung (Juristische Blätter, Jahrg. XLII, Wien 1913, Nr. 20, S. 229 f.).

als bewege sie sich noch im Rahmen der Verfassung. Das tut er übrigens nicht nur im Falle der Ermächtigung zur Erlassung von Verordnungen *contra legem*, sondern auch von solchen *praeter legem*, deren Erlassung nach den meisten Verfassungen ebenfalls unzulässig ist. Im letzteren Falle fällt es nicht schwer, die Ermächtigung so zu begrenzen, dass sich die Verordnung *praeter legem* der Verordnung *intra legem* nähert, d. h. der Ausführungsverordnung, welche die Verfassungen in der Regel gestatten. Noch näher steht die gesetzergänzende (also noch immer *intra legem*) Verordnung der Verordnung *praeter legem*, so dass es nicht möglich ist, die Grenze zwischen ihnen so genau zu ziehen, wie es diejenige zwischen der Verordnung *praeter legem* und der Ausführungsverordnung ist.¹⁹⁰

Was nun das estnische Verfassungsrecht anlangt, so ist das Grundgesetz von Estland das Werk eines Volkes, das sich für souverän erklärt und sich in demselben als oberster Träger der Staatsgewalt bezeichnet hat. Die dem estnischen Volke zustehende Staatsgewalt ist jedoch durch das Grundgesetz auf bestimmte Staatsorgane übertragen worden. Die gesetzgebende Gewalt, d. h. das Recht der Rechtssetzung, übt nach § 35 des GG. mit den in §§ 29—31 festgesetzten Ausnahmen als Vertreter des Volkes die Staatsversammlung aus. Die Aufgaben der letzteren sind in den §§ 52—55 des GG. unmittelbar und in § 60, Ziff.

¹⁹⁰ Krejčí nennt die Ausführungsverordnungen Durchführungsverordnungen im engeren Sinne und die gesetzergänzenden Verordnungen Durchführungsverordnungen im weiteren Sinne. (Nařizení *contra legem*, S. 18 f.) — Er widerlegt die Auffassung von Weyr, nach welcher es vom inhaltlichen Standpunkte keinen Unterschied zwischen der Verordnung *secundum* (oder *intra*) *legem* und der Verordnung *praeter legem* gäbe, da das traditionelle Merkmal, wonach jene nur im einzelnen regelt oder durchführt, was durch das Gesetz schon bestimmt ist, während diese Gegenstände betrifft, welche durch das Gesetz überhaupt nicht geregelt sind, infolge seiner Labilität unbrauchbar ist. Der Unterschied zwischen der Ausführungsverordnung und der Verordnung *praeter legem* ist nun einmal unbestreitbar. Er ist aber auch zwischen der gesetzergänzenden Verordnung und der Verordnung *praeter legem* darin festzustellen, dass die letztere in ihrer typischen Form durch den Mangel der materiellen Determination durch das Gesetz gekennzeichnet ist, während die erstere eine solche Determination unbedingt voraussetzt. Als Beispiel führt Krejčí das von Poetzsch behandelte Gesetz zur Ausführung des internationalen Opiumabkommens an (in den Verhandlungen des Zweihunddreissigsten Deutschen Juristentags, S. 40 f.), dessen erdenkliche Dispositionsformeln Krejčí anschaulich variiert.

1, 3, 4 und 5 mittelbar aufgezählt. Der § 52 weist ihr die Kompetenz Gesetze zu erlassen ausdrücklich zu. Dass die Staatsversammlung diese Kompetenz eigenmächtig auf ein anderes Organ nicht übertragen kann, folgt nicht nur aus der Natur der Verfassung, sondern auch aus der klaren Bestimmung des § 86 des GG., wo es heisst: „Das Grundgesetz ist die unwandelbare Richtschnur für die Tätigkeit der Staatsversammlung und der Gerichts- und Verwaltungsbehörden.“

Für Staaten mit starrer Verfassung haben nun Theorie wie Praxis überall anerkannt, dass ein Staatsorgan nicht das Recht besitzt, seine Kompetenz auf ein anderes Organ zu überwälzen. Wenn nun dieser Grundsatz mit dem Geist und den positiven Bestimmungen der estnischen Verfassung in Verbindung gebracht wird, dann kann man nur zum Schluss gelangen, dass die Delegation der gesetzgebenden Gewalt nach der estnischen Verfassung unmöglich ist. Das will also sagen, dass es nach dem estnischen Verfassungsrecht nicht gestattet ist, seitens der Gesetzgebung durch Delegation die Vollziehungsorgane zur Erlassung von Rechtsnormen (Verordnungen) zu ermächtigen, durch welche die Vorschriften von geltenden Gesetzen geändert werden könnten.¹⁹¹ Als positivrechtliches

¹⁹¹ Auch anlässlich der Verhandlung des estnischen Gesetzes über die Aussenanleihe vom 3. Mai 1927 (R. T. Nr. 58—1927) wurde die Frage aufgeworfen, ob die Gewährung von Vollmachten an die Regierung zum Abschluss einer Aussenanleihe mit der Verfassung im Einklang stehe. Nach dem Wortlaut des § 52 des GG. entscheidet nämlich die Staatsversammlung über die Aufnahme von Anleihen. Den Abschluss kann die Staatsversammlung entweder in der Form eines Spezialgesetzes selbst ausführen, oder in Gesetzesform der Regierung die Blankettermächtigung erteilen, in der wohl die verfassungsmässig geforderte Entscheidung über eine abzuschliessende Anleihe enthalten ist, der Verwaltungsakt des tatsächlichen Abschlusses der Anleihe hingegen dem Träger der vollziehenden Gewalt überlassen bleibt. Hier handelt es sich also nicht — wie mancherseits verlautbart worden ist — um eine Delegalisation, denn dadurch wäre der Regierung das Recht erteilt worden, die Rechtsordnung, die in den geltenden Gesetzen enthalten ist, auf dem Verordnungswege umzugestalten. In der Bevollmächtigung zum Abschluss einer Aussenanleihe jedoch ist ausschliesslich die Befugnis zu einer rechtsgeschäftlichen (und nicht rechtssetzenden) Tätigkeit enthalten. Daraus folgt, dass durch den Akt des Abschlusses der Anleihe als solcher niemals die geltende Rechtsordnung verändert wird, von den bevollmächtigenden Gesetzen ganz abgesehen, denn sie wurden ganz ordnungsgemäss von der Staatsversammlung erlassen. — Vgl. Csekey, Die Verfassungsentwicklung Estlands 1918—1928 (S.-A. aus dem Jahrb. öff. R., Bd. XVI, S. 168—269), Tübingen 1928, S. 202 f.

Verbot könnte auch noch die Bestimmung des § 60, Ziff. 7 des GG. dienen, in dem es heisst, dass die Verordnungen mit den Gesetzen im Einklang stehen müssen. Diese Bestimmung weist auf den Vorrang des Gesetzes deutlich hin. Die Zerstörung formeller Gesetzeskraft an bereits bestehenden Rechtssätzen würde einen Einbruch in den Bestand der formellen Rechtsordnung bedeuten.¹⁹²

Wenn nun die estnische Verfassung die Verordnungen *contra legem* grundsätzlich ausschliesst, entsteht die Frage, wie sie sich den Verordnungen *praeter legem* gegenüber verhält. Im estnischen GG. finden sich keine positivrechtlichen Bestimmungen, welche das Verordnungsrecht nur auf Ausführungsverordnungen beschränkten. Da der § 60, Ziff. 7 des GG. eine Blankettermächtigung enthält, bezieht sich diese nicht nur auf Ausführungsverordnungen, sondern auch auf sog. gesetzergänzende und gesetzvertretende Verordnungen, d. h. auf Verordnungen *praeter legem*, welche bestimmt sind, Anordnungen, die in den Wirkungskreis der Gesetzgebung gehören und von derselben nur mangelhaft oder überhaupt nicht normiert worden sind, ohne besondere gesetzliche Ermächtigung im Verordnungswege zu regeln. In dieser Beziehung unterscheidet sich die estnische Verfassung von den meisten modernen demokratisch-republikanischen Verfassungen, welche die selbständigen oder verfassungsmässigen Verordnungen (*praeter legem*) perhorreszieren und die Rechtssetzung nur in Einzelfällen auf Grund besonderer gesetzlicher Ermächtigung der vollziehenden Gewalt überlassen.¹⁹³

¹⁹² Dieses wurde auch im Erkenntnis des estnischen Staatsgerichts vom 20. Dezember 1924 anerkannt, in dem es heisst: „Was die von der Regierung der Republik am 12. April 1922 erlassene Änderungs- und Ergänzungsverordnung über die Instandhaltung der Wege (R. T. Nr. 52—1922) betrifft, wonach der Staatswald und der Waldgrund von den Naturalwegepflichten befreit sind und nur kostenlos das notwendige Holzmaterial für den Bau von Flössen, Brücken, Geländern usw. liefern, so muss erwähnt werden, dass niemandem eine öffentliche Last auferlegt werden kann anders, als auf Grund eines Gesetzes, und dass ein Gesetz durch eine Regierungsverordnung nicht geändert werden kann (Grundges. § 83).“ Riigikohtu administratiivosakonna toimetused [Redaktion der Verwaltungsabteilung des Staatsgerichts] Nr. 247 I—1924.

¹⁹³ Übereinstimmend Maddison, *Administratiivsete määruste ja korralduste avaldamiskord* [Das Verkündungsverfahren der Verwaltungsverordnungen und -verfügungen] (*Eesti Politseileht* [Estnisches Polizeiblatt], Jahrg. V, 1925,

Auf Grund des Dargelegten habe ich den vierten Leitsatz meines Berichtes auf dem VI. Estnischen Juristentag in Reval (Tallinn) am 22. April 1927 über „Das Recht der Erlassung von Verordnungen nach dem estnischen Grundgesetz“ folgendermassen formuliert:

§ 60, Ziffer 7 des GG. stellt eine allgemeine Ermächtigung der Regierung der Republik zur Erlassung von Verordnungen dar. Diese Blankettermächtigung erstreckt sich sowohl auf die Ausführungsverordnungen (*intra legem*), als auch auf die gesetzergänzenden und gesetzvertretenden Verordnungen (*praeter legem*), während es die Verordnungen *contra legem* grundsätzlich ausschliesst. Es macht aber auch hier zwei Ausnahmen, indem es den Erlass von Verordnungen *contra legem* als Ausnahmeverordnungen (§ 26) und als Notverordnungen in der Gestalt von das Militär betreffenden Dekretgesetzen (§ 81) zulässt. Die Übung, nach der der Regierung der Republik in einzelnen Gesetzen Sonderermächtigungen erteilt werden, ist eine juristisch überflüssige Wiederholung der allgemeinen Ermächtigung, die im § 60, Ziffer 7 des GG. erteilt worden ist.¹⁹⁴

S. 675 f.). — Derselbe, Täidesaatva võimu õigusest määrusandlisel alal [Von der Kompetenz der vollziehenden Gewalt auf dem Gebiete des Verordnungsrechts] (ebenda S. 755 f.). — Derselbe, Seaduste võimu delegatsioon [Die Delegation der gesetzgebenden Gewalt] (ebenda Jahrg. VI, 1926, S. 569 f. und S. 585 f.). — Derselbe, Vabariigi valitsuse liikmete õigustest määrusandluse alal [Von den Rechten der Mitglieder der Regierung der Republik auf dem Gebiete des Verordnungsrechts] (ebenda Jahrg. VII, 1927, S. 313 f.). — Derselbe, Vabariigi valitsuse õigused määrusandlisel alal [Die Rechte der Regierung der Republik auf dem Gebiete des Verordnungsrechts] (ebenda S. 330 f.). — Derselbe und Angelus, Das Grundgesetz des Freistaats Estland vom 15. Juni 1920. Übersetzt und mit Erläuterungen und Sachregister von —. Berlin 1928, S. 66. — Einer anderen Meinung ist Kaiv, Seaduste võimu delegatsioon [Die Delegation der gesetzgebenden Gewalt] (Besti Politseileht [Estnisches Polizeiblatt], Jahrg. VI, 1926, S. 569 f. und S. 585 f.), der das Recht zur Erlassung von Verordnungen *praeter legem* auf Grund des GG. leugnet (S. 587).

¹⁹⁴ Vgl. Csekey, Määruseõigus Eestis [Das Verordnungsrecht in Estland] (Postimees [Der Postbote], Tartu [Dorpat], Jahrg. 1927, Nr. 112). — Derselbe, Määruste andmise õigus Eesti põhiseaduse järel [Das Recht zur Erlassung von Verordnungen nach dem estnischen Grundgesetz] (Õigus [Das Recht],

ad 3. Was endlich die letzte vorkommende Grundlage zur Erlassung von Verordnungen *contra legem* anbelangt, so wäre dies das sog. Staatsnotrecht. Diese Notverordnungen würden also auf einem gesetzwidrigen, d. h. sich auf keine gesetzliche Ermächtigung, sondern auf den Notstand stützenden Akt der Regierung beruhen. Diese Grundlage ist juristisch völlig unhaltbar, so dass die ohne gesetzliche Ermächtigung erlassenen Notverordnungen von den dazu berechtigten Überprüfungsorganen als verfassungswidrig zu stempeln wären. Das zur Rechtfertigung solcher Notverordnungen häufig herangezogene Notrecht¹⁹⁵ fällt ausserhalb des Bereiches des Rechtes.¹⁹⁶

V. Es wurde oben¹⁹⁷ schon darauf hingewiesen, dass die Verordnung *contra legem* sich immer als eine Nebenerscheinung unstabiler politischer und wirtschaftlicher Verhältnisse erweist. Nicht nur die kriegführenden Staaten hatten eine ganze Anzahl von sog. Vollmachtsgesetzen ergehen lassen, sondern sogar neutrale Staaten, wie die Schweiz, waren aus wirtschaftlichen Gründen genötigt, der Exekutive solche Ermächtigungen zu erteilen, auf deren Grund sie imstande war, die verschiedenartigsten Materien mit Gesetzeskraft, d. h. unter Abänderung oder Aufhebung bestehender Gesetze, zu normieren. Das Regieren mittels Notverordnungen ging aber noch weiter. Die infolge des Krieges eingetretene Krisis des wirtschaftlichen Lebens machte die Erlassung von Verordnungen auf Grund der weitgehendsten Vollmachten notwendig. So ergingen im Deutschen Reiche die verschiedenen Ermächtigungsgesetze zur Regelung der Übergangs-

Jahrg. VIII, 1927, Nr. 8, S. 248 f.). — Derselbe, *Le pouvoir réglementaire de l'Administration centrale particulièrement selon le droit estonien* (Rapport général présenté à la 3e section du Troisième Congrès International des Sciences Administratives, Paris — juin 1927, p. 15 et s.).

¹⁹⁵ „Das Staatsnotrecht beruht darauf, dass ausserhalb oder entgegen Verfassungsbestimmungen im extremen, unvorhergesehenen Fall irgendein staatliches Organ, welches die Kraft zum Handeln hat, vorgeht, um die Existenz des Staates zu retten und das nach Lage der Sache Erforderliche zu tun.“ Schmitt, Carl, *Die Diktatur des Reichspräsidenten* (Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer, H. 1, Berlin u. Leipzig 1924, S. 83). — Vgl. Hoerni, a. a. O. p. 759 et s. et p. 18 et s. — Duguit, *Traité de droit constitutionnel*, t. IV, p. 779 et s. — Krejčí, *Nářízení contra legem*, S. 65 f.

¹⁹⁶ Vgl. oben S. 92 f. die Schweizer Autoren und gegen diese mit Recht Jèze, *L'exécutif en temps de guerre*, p. 57 et s. et p. 106 et s.

¹⁹⁷ S. 82 f.

wirtschaft, zur Wiederherstellung der zerrütteten Währungsverhältnisse und zum Wiederaufbau des Wirtschaftslebens, es sei ferner an die Notrechtsgewalt des Reichspräsidenten und der Reichsregierung auf Grund der ausgedehnten Auslegung des Art. 48 der Reichsverfassung erinnert; ¹⁹⁸ ebenso die zahlreichen französischen Gesetze wirtschaftlichen Inhalts der Nachkriegszeit; ¹⁹⁹ auch in Österreich vollzog sich der wirtschaftliche Wiederaufbau auf Grund der Ermächtigung zu gesetzabändernden Verordnungen; ²⁰⁰ ebenfalls in Ungarn hat die Regierung von ihrer Ausnahme-gewalt reichlich Gebrauch gemacht; ²⁰¹ sogar die schweizerische Bundesversammlung erliess 1921 „Bundesbeschlüsse“ über die Beschränkung der Einfuhr und die Abänderung der Zolltarife zum Schutze der nationalen Wirtschaft. ²⁰² Am weitesten ging jedoch Italien in dieser Notstandsgesetzgebung der Nachkriegszeit. Hier wurde die Regierung sogar zur Abänderung des Zivilgesetzbuches, des Strafgesetzbuches, der Strafprozessordnung und der Gerichtsverfassungsgesetze ermächtigt. Hier sind die sog. „decreti-leggi“ insbesondere seit dem Kriege unter der faschistischen Herrschaft zur wichtigsten Form der Rechtssetzung geworden. ²⁰³ Wenn auch nicht in ähnlichem Masse, sind Ermäch-

¹⁹⁸ Siehe oben S. 84.

¹⁹⁹ Siehe oben S. 93 f. — Dazu noch Duguit, *Traité de droit constitutionnel*, t. IV, p. 758 et s. — Barrière, *Le droit public français pendant la guerre ou cinq mois de dictature sous la Troisième République* (thèse), Montpellier 1922. — Hippel, a. a. O. S. 154 f. und S. 192 f. — Bosc, *Les actes de gouvernement et la théorie des pouvoirs de guerre* (extrait de la Revue du Droit public et de la Science politique), Paris 1926, p. 54 et s. — Bonnard, *Les décrets-lois du Ministère Poincaré* (extrait du même), Paris 1927. — Hauriou, *Précis de droit constitutionnel*, p. 448 et s. In dieser 2. Auflage fasst er die diesbezügliche Rechtsmaterie unter der folgenden Überschrift zusammen: *Le pouvoir réglementaire dans les temps anormaux*.

²⁰⁰ Siehe oben S. 122. — Dazu noch Kelsen, *Österreichisches Staatsrecht*, S. 177 und S. 225 f.

²⁰¹ Siehe oben S. 85 f.

²⁰² Siehe oben S. 92 f. — Dazu noch Giacometti, *Über das Rechtsverordnungsrecht im schweizerischen Bundesstaate*, S. 375.

²⁰³ Siehe oben S. 87 f. — Dazu noch Saltelli, a. a. O. p. 219. — Siotto-Pintor, *Die bedeutendsten Wandlungen des Staatsrechtslebens in Italien in den Jahren 1923—1926* (Jahrb. öff. R., Bd. XV, 1927, S. 288). — Derselbe, *La delegazione legislativa, i suoi limiti e il relativo sindacato* (Estratto da „Il Foro Toscano“ Num. 1, Anno III), Firenze 1928.

tigungsgesetze doch auch in Belgien,²⁰⁴ Polen,²⁰⁵ Rumänien²⁰⁶ und in der Tschecho-Slowakei²⁰⁷ vorgekommen.

Die Ermächtigungsgesetze Frankreichs, der Schweiz und der Tschecho-Slowakei sind unter offensichtlicher Verletzung der Verfassung zustande gekommen, da die Ermächtigung auf dem Wege von gewöhnlichen Gesetzen nicht hätte erfolgen können. In den anderen Staaten wurden die Vollmachten auf dem Wege eines verfassungsändernden Gesetzes erteilt (so in Österreich und teilweise in Deutschland), wobei in Staaten mit biegsamer Verfassung auch gewöhnliche Gesetze verfassungsändernde Wirkung hatten ausüben können (so in Belgien, Italien, Rumänien und in den historischen Verfassungen von England und Ungarn).

Die Abbröckelung des Verfassungsprinzips betreffend die Teilung der Gewalten und den Vorrang des Gesetzes, die sich auf Grund der praktischen Bedürfnisse etwa in den letzten fünfzehn Jahren vollzogen hat, hat sich in einer allmählichen Verschiebung der Gesetzgebungsgewalt zu Gunsten der Verordnungsgewalt der Exekutive geäußert. Der neuzeitliche Sprachgebrauch hat für diesen Vorgang neben der „Gesetzesdelegation“ auch den Ausdruck „vereinfachte Gesetzgebung“ geschaffen.²⁰⁸ Ebenfalls

²⁰⁴ Siehe Errera, Das Staatsrecht des Königreichs Belgien (Das öffentliche Recht der Gegenwart, Bd. VII), Tübingen 1909, S. 67 und S. 180. — Vgl. Holstein, a. a. O. S. 360 f.

²⁰⁵ Siehe Schätzel, Entstehung und Verfassung der polnischen Republik (Jahrb. öff. R., Bd. XII, 1924, S. 299 f. und S. 310). — Vgl. Rocco, a. a. O. p. 190.

²⁰⁶ Siehe oben S. 96 und Dutczak, Die rechtliche Bedeutung der Dekretgesetze Rumäniens, Cernăuți [Czernowitz] 1922, S. 13 f. und S. 25 f.

²⁰⁷ Siehe oben S. 80. — Krejčí, Delegace zákonodárné moci, S. 111 f. — Weyr, La question de la délégation de puissance législative, p. 76. — Hexner, a. a. O. S. 100 f.

²⁰⁸ Auch „abgekürzte Gesetzgebung“ genannt. Vgl. Poetzsch, Vom Staatsleben unter der Weimarer Verfassung, S. 206 f. — In Frankreich sprach man in der Poincaréschen Ära der Kriegszeit und Nachkriegszeit von Ermächtigung (autorisation) der Regierung und von „décrets-lois“. Als aber einige Poincarésche Ermächtigungsgesetze vom Kabinett Herriot unter Berufung auf demokratische Ideen zu Fall gebracht worden waren (besonders durch das Gesetz vom 10. März 1925, Art. 40), sprach die Presse, als Herriot selbst etwas Ähnliches brauchte, von „certaines libertés indispensables pour lui donner les moyens de redresser le franc“. Für die Periode Herriot wurde also für Ermächtigungsgesetze (décrets-lois) der Ausdruck „libertés“ geprägt, während man sich in den Zeiten Briands zum Schluss des weniger diktatorischen Begriffs „délégation“ bedient hat. Vgl. Hippel, a. a. O. S. 192 f. — Hauriou, Précis de droit constitutionnel, p. 448 et s.

neuen Inhalt hat der Begriff der sog. „Rahmengesetzgebung“ und „Blankettgesetzgebung“ erhalten. Unter *Rahmengesetzen*²⁰⁹ versteht man diejenigen, welche nur die Prinzipien aufstellen, während die praktische und unmittelbare Regelung der Materie der Verordnung überlassen wird. Die *Blankettgesetze* dagegen enthalten keine materiellrechtliche Normierung, sondern ermächtigen die Exekutive auf einem mehr oder weniger eng umschriebenen Gebiete zur Normsetzung. Beide Arten können sich auf eine Verfassungsvorschrift, oder auf eine besondere Gesetzesermächtigung stützen.

Die Rahmengesetzgebung, wie sie durch die Ereignisse des Weltkrieges begünstigt wurde, stellt nicht eine grundsätzlich neue Form der Rechtsetzung dar. Nur dort, wo in der Rahmengesetzgebung eine Gesetzesdelegation, d. h. die Ermächtigung zum Erlass von Verordnungen *contra legem*, enthalten ist, handelt es sich um etwas grundsätzlich Neues. Dass dagegen zwar nicht das Rahmengesetz, wohl aber das Blankettgesetz immer eine Gesetzesdelegation, d. h. die Ermächtigung zum Erlass von Verordnungen *contra legem*, enthält — wie es *Giacometti* behauptet²¹⁰ — lässt sich nicht aufrecht erhalten. In der Blankettermächtigung des § 60, Ziff. 7 des estnischen GG. findet sich z. B. ausschliesslich eine Ermächtigung zum Erlass von Verordnungen *intra* und *praeter*, nicht aber auch *contra legem*.

VI. Im obigen wurde der Begriff der Verordnung *contra legem* im engeren Sinne beleuchtet, wie sie und insbesondere die Rechtsgrundlage zu ihrer Erlassung allgemein in der Theorie und der Praxis aufgefasst wird. Es handelte sich also stets um eine Art von Verordnungen, deren Inhalt mit dem Gesetze im Widerspruch steht. Aber gerade in dieser Beziehung traten die Hierarchie der Rechtsquellen und die daraus entstehenden Folgerungen am klarsten zutage. Im folgenden müssen nun die verfassungsrechtlichen Grundlagen zur Erlassung von Verordnungen *intra* und *praeter legem* geschichtlich, theoretisch und in der Praxis untersucht werden.

²⁰⁹ Vgl. dazu *Weyr*, Rahmengesetze. Studie aus dem österreichischen Verfassungsrechte (Wiener Staatswissenschaftliche Studien, Bd. XI, H. 3), Wien u. Leipzig 1913.

²¹⁰ *Giacometti*, Verordnungsrecht und Gesetzesdelegation, S. 9.

Da den Verfassungen der modernen Staaten das konstitutionelle Prinzip zugrunde liegt, sind sie bestrebt gewesen, die grundsätzliche Verteilung der materiellen staatlichen Funktionen entsprechend der Theorie von der Trennung der Gewalten zu verwirklichen. Auf diese Weise wurde die Zuständigkeit der Gesetzgebung prinzipiell einem besonderen Organ, der Legislative, übertragen. Da jedoch der Grundsatz der Trennung der Gewalten sich nicht ganz schroff durchführen lässt, werden auch andere, sekundäre Organe mit der Normsetzung betraut.

Wenn man nun die Verfassungen der modernen Staaten betrachtet, so ergibt sich, dass deren überwiegende Mehrzahl — von ganz geringen Ausnahmen abgesehen ²¹¹ — sich damit begnügt, die Legislative zu organisieren und ihr die eine oder die andere spezielle Zuständigkeit zuzuweisen, ohne den Gegenstand dieser Rechtssetzungskompetenz, d. h. den Begriff des Gesetzes, zu bestimmen. ²¹² Es blieb nun eine Aufgabe der Theorie und der Praxis, den Gesetzesbegriff auszubilden. Besonders interessant ist es in dieser Hinsicht, auf die Entwicklung der deutschen und der französischen, als zweier typischer Doktrinen, einen kurzen Blick zu werfen.

Die deutsche Theorie hat ursprünglich mit der französischen übereinstimmend das Wesen des Gesetzes inhaltlich in seiner Allgemeinheit erblickt. ²¹³ Dieser Rechtssatzbegriff

²¹¹ So enthalten die badische (§ 29), bayrische (§ 3, Abs. 1 in Verbindung mit § 44 und § 74, Abs. 1) und hessische Verfassung (Art. 7) sowie auch diejenige des Kantons Uri in der Schweiz (Art. 52 und 53) zugleich den Begriff des Rechtssatzes. Vgl. dazu Nawiasky, a. a. O. S. 11 f. — Giacometti, Verordnungsrecht und Gesetzesdelegation, S. 4 f. — Am charakteristischsten sagt § 29 der badischen Verfassung:

„Der Landtag kann sich mit allen von ihm selbst zu seiner Beratung für geeignet erachteten Gegenständen beschäftigen. Er übt die Gesetzgebung und Vollziehung nach Massgabe dieser Verfassung aus.

Der gesetzlichen Regelung bedürfen allgemeine Anordnungen, welche die Freiheit der Person oder das Eigentum betreffen oder bestehende Gesetze ändern, erläutern oder aufheben.

Alle Staatsverträge bedürfen zu ihrer Gültigkeit der Gesetzesform.“

²¹² Vgl. Thoma, Der Vorbehalt des Gesetzes, S. 173. — Giacometti, a. a. O.

²¹³ Vgl. dazu die sehr interessanten und frappanten Ausführungen bei Heller, Der Begriff des Gesetzes in der Reichsverfassung (Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer, H. 4, Berlin u. Leipzig 1928, S. 104 f.). — Schmitt, Carl, Verfassungslehre, München u. Leipzig 1928, S. 141 f.

THALÈS BERNARD

LITTÉRATEUR FRANÇAIS

ET

**SES RELATIONS AVEC LA POÉSIE POPULAIRE
ESTONIENNE ET FINNOISE**

PAR

ELEMÉR VIRÁNYI

TARTU (DORPAT) 1928

I. Thalès Bernard et son oeuvre. Le rôle qu'il a joué dans la vie littéraire de la France au milieu du XIX-e siècle.

„Thalès Bernard est bien oublié aujourd'hui, et c'est justice“¹⁾.

C'est par ce jugement sévère, mais peut-être injuste, que Henri Girard pousse encore plus décidément vers l'oubli cette personnalité intéressante, voire un peu excentrique, de la vie littéraire en France dans la deuxième moitié du XIX-e siècle.

Henri Girard le caractérise bien en disant ce qui suit: „Il n'y avait d'intéressant dans cet esprit ouvert, mais fumeux, terrible touche à tout, que sa conversation spirituelle, abondante, et c'est cette curiosité inlassable, qu'enchantaient les grâces de la poésie populaire et les trésors encore peu connus de la poésie russe et hongroise, qui lui avait attiré la protection de l'auteur du *Romancero*. Plus érudit que poète, et encore érudit à la diable, si l'on peut dire, il faisait partie du groupe des amis excentriques... autour d'Emile Deschamps“²⁾.

On peut reconnaître, d'après cette citation, la qualité du talent de Thalès Bernard, et voir quels amis étaient les siens. Il semble, que le destin tragique de Thalès Bernard ait été que le poète avait tué en lui le savant, comme le savant avait rendu impossible le libre développement du poète. Conformément à son origine coloniale, il ne sera qu'un objet d'art exotique dans le célèbre salon littéraire d'Emile Deschamps, isolé singulièrement au milieu des gens de lettres français de son époque. Néanmoins, quelques-uns des meilleurs poètes d'alors sont ses amis intimes. Car, malgré son esprit indiscipliné, malgré ses originales opinions

1) Henri Girard: *Un bourgeois dilettante à l'époque romantique*: Emile Deschamps, Paris, 1921; v. p. 493.

2) Ibid.

littéraires qui lui appartenaient exclusivement, on sentait partout en lui l'homme de talent qui, dans un autre pays ou dans une autre époque, mieux compris, aurait pu arriver à une plus grande célébrité. Tout de même, malgré l'insuccès de ses intentions, il prenait une part assez active dans la vie littéraire française à son époque, se mêlant intimement par des liens solides à deux mouvements littéraires. Il s'est attaché au „mouvement félibrien“ par ses principes esthétiques, par ses opinions sur la mission de la littérature, surtout de la poésie populaire, et à celui des poètes parnassiens, par ses amitiés.

Les amis sont morts, couverts d'une gloire, dont la splendeur répand aujourd'hui encore, quelques rayons sur la personnalité oubliée de Thalès Bernard. Mais ses principes incompréhensibles en France, il y a trois quarts de siècle, ne sont pas morts, et c'est précisément en nous basant sur eux, que nous pensons être redevables d'une sorte de réhabilitation à la mémoire de Thalès Bernard. Il a reconnu en France, et avec un très grand enthousiasme, la valeur de la poésie populaire, de même que l'importance qu'elle joue dans le développement de la littérature. Et par cela même, l'importance de Thalès Bernard ne peut être purement passagère.

Faute d'une biographie précise et détaillée, on sait peu de chose sur la vie de Thalès Bernard. D'après Henri Girard, il serait né vers 1820, d'une famille originaire de l'île de la Réunion. Son grand-père, Jacques-Claude Bernard (1762—1794), prêtre de vocation et vicaire à S-te Marguerite, eut une part assez active dans la révolution française, étant membre du Conseil de la Commune. Il quitta même la soutane, se maria et fut un des municipaux, chargés de conduire Louis XVI à l'échafaud où il finit d'ailleurs aussi sa vie, avec tout le Conseil de la Commune, le 9 thermidor 1794.

Etienne Charavay nous donne quelques renseignements plus précis¹⁾. Ayant eu jadis entre les mains une partie des papiers de Thalès Bernard, il y a trouvé une pétition adressée en 1848 au Ministère de l'instruction publique, en commun avec Leconte de Lisle, pour obtenir les deux chaires vacantes au Collège National de l'île de la Réunion. Selon cette péti-

1) V. l'article „Lettres de Michelet et de Leconte de Lisle“ dans la Revue d'Histoire littéraire de la France, t. 2, 1895, pp. 229—232.

tion, Thalès Bernard était né à Paris, le 15 mai 1821, d'une famille originaire de la Réunion — si nous croyons à sa pétition, remarque Charavay sceptiquement. Le document nous révèle aussi que Thalès Bernard avait pour prénoms Charles-Gabriel-Thalès, dont on ne retient d'ordinaire que le dernier.

Ce qui importe pour nous de ces faits, c'est l'amitié intime qui liait Leconte de Lisle et Thalès Bernard. Etienne Charavay nous renseigne ainsi sur l'origine de cette amitié : „En 1847 un jeune créole de l'île de la Réunion, Charles Leconte de Lisle vint se fixer à Paris¹⁾. Il y rencontra un compatriote d'origine, Thalès Bernard, employé au ministère de la guerre, qui s'était lancé dans la littérature et venait de traduire de l'allemand le Dictionnaire mythologique universel d'E. Jacobi. Il se lia avec lui et, quand éclata la révolution de 1848, les deux amis l'accueillirent avec enthousiasme“²⁾. Étant pauvres tout les deux, et la littérature n'étant qu'une médiocre ressource pour eux, ils se décidèrent à retourner dans leur patrie et à y occuper les deux chaires vacantes du Collège National, Bernard celle de philosophie et Leconte de Lisle celle d'histoire.

Les deux amis s'appuient, dans leur requête, sur la protection d'une foule de représentants du peuple, ainsi que sur celle du poète Béranger et du philosophe Auguste Comte, ces derniers étant leurs protecteurs les plus dévoués. Les jeunes gens insistent avec une sorte de fierté sur ce fait, que leurs protecteurs sont tous des „hommes de conséquence“. Mais, malgré la haute protection acquise, la demande des deux amis ne fut pas agréée. „La pétition fut renvoyée à la marine et s'enfouit dans les cartons ministériels“, remarque Etienne Charavay³⁾, circonstance heureuse pour la littérature française, Leconte de Lisle étant obligé de rester à Paris et devenant la gloire de la poésie française. De même, les trois nations hongroise, estonienne et finnoise, filles de la famille finno-ougrienne, doivent trouver heureux pour elles ce hasard, parce que Thalès Bernard, resté à Paris, deviendra l'un des plus fervents commentateurs, en France, de leurs littératures ou bien de leurs poésies populaires.

La carrière de Thalès Bernard ne sera pas si brillante que

1) Leconte de Lisle était alors un des rédacteurs de la Revue Indépendante avec Pierre Leroux et George Sand.

2) V. l'article d'Etienne Charavay, p. 231.

3) Ibid., p. 232.

celle de son compatriote et cher ami. Mais il convient de dire quelques mots, remarque Etienne Charavay, du „compagnon de candidature“ de Leconte de Lisle, „auquel le génie et la fortune n'ont pas été à beaucoup près si favorables“¹⁾. Il est vrai que Thalès Bernard „cultiva la poésie et s'exerça dans le roman et dans l'histoire, mais il ne put dépasser dans ces divers genres les limites d'une honnête médiocrité, malgré la protection de Béranger, qui le prisait fort“²⁾. La correspondance de Thalès Bernard contient plusieurs lettres, qui rendent témoignage de l'amitié et de la bienveillance du célèbre chansonnier envers lui.

C'est donc sous les auspices du chansonnier populaire, Béranger, et en compagnie de Leconte de Lisle, que Thalès Bernard commence sa carrière littéraire. Baudelaire, Claude et Louis Ménard sont aussi ses meilleurs amis. C'est surtout l'intérêt pour la mythologie grecque et l'amour de la philosophie et de la poésie antiques qui forment le lien d'amitié le plus solide entre eux³⁾. Mais d'une toute autre importance ou, si l'on veut, d'une bien plus grande utilité sont pour Thalès Bernard la faveur et la bienveillante amitié du célèbre „dilettante“ Emile Deschamps.

Étant pendant toute sa vie amateur passionné des arts et des lettres françaises et étrangères, esprit cultivé sinon profondément, du moins largement et richement, Emile Deschamps s'intéressa vers la fin de sa vie surtout à la poésie populaire et aux littératures étrangères. C'est sur ce point que ses opinions approchent celles de Thalès Bernard qu'il accueillit avec empressement dans son „salon littéraire“. Henri Girard écrit à cet égard ce qui suit: „Républicain... intransigeant..., idéologue passionné..., Thalès Bernard amusait Emile Deschamps par ses paradoxes, et nous retrouvons un écho des entretiens par lesquels il réussissait à distraire notre vieux poète, retiré à Versailles, dans ses *Lettres sur la poésie*³⁾. Il y exprime certaines idées chères à Emile Deschamps et qui, reprises par de véritables poètes, entrè-

1) Ibid., p. 232.

2) Philippe Berthelot: Louis Ménard, *Revue de Paris*, 1901, 1-er juin, p. 591.

3) Allusion faite à deux articles de Thalès Bernard: *Lettres sur la poésie*. Préface aux *Poésies* de M-me Edmée Burguerie. Paris, l'auteur, 1868, pp. 8; *Lettres sur la poésie*. Rénovation de la poésie. Projet de fondation d'une Académie de littératures étrangères. Paris, C. Vanier, 1857, pp. 8.

rent, comme parties intégrantes, dans la doctrine littéraire de l'école parnassienne¹⁾.

C'est au milieu de ces amis et protecteurs que vivait Thalès Bernard. On peut distinguer, entre eux, les représentants de deux courants littéraires. Béranger, Deschamps, Bernard représentent les idées qui trouvent leur origine à l'époque romantique, tandis que Baudelaire et Leconte de Lisle seront les maîtres de l'avenir. Béranger, vieilli, déchu de sa gloire, ne pouvait plus servir de soutien aux principes professés par Thalès Bernard. C'est en Emile Deschamps qu'il allait trouver le protecteur qui lui était nécessaire. Le vieux „dilettante“ patronnait les lettres étrangères en France, comme il s'intéressait au rayonnement de la littérature française en Europe, et, surtout, il n'était pas indifférent non plus au mouvement qui entraînait alors les esprits vers la poésie populaire, vers la remise en valeur des précieuses antiquités de la province française. Thalès Bernard, par son activité nullement insignifiante, se dévoue entièrement à la réalisation de ces principes et de ces projets littéraires.

Sa lutte a été difficile. Toujours réduit à la faveur des protecteurs et dépendant de l'opinion des puissants, il mène une vie précaire. Il ne peut pas non plus obtenir la sanction de ses principes par les autorités littéraires françaises. Le plus grand honneur qu'on lui fit en France, fut de l'élire membre correspondant de la Société Littéraire de Lyon. Il est mort le 10 janvier 1873. Etienne Charavay dit: „Son nom et ses oeuvres sont également oubliés, et c'est grâce à sa liaison avec Leconte de Lisle que nous rappelons aujourd'hui sa mémoire“²⁾. D'autre part, c'est un jeune savant hongrois, qui a attiré l'attention sur son nom et ses oeuvres, lors du centenaire du poète hongrois, Alexandre Petöfi³⁾.

* * *

Le romantisme a suscité partout les sentiments nationaux et l'intérêt pour la poésie populaire. En France les circonstances étaient différentes: le sentiment national y existait depuis long-

1) Henri Girard, ouvr. cité, p. 494—495.

2) Etienne Charavay, article cité, p. 232.

3) Béla Tóth: Un apôtre français de Petöfi: Thalès Bernard, Revue des Etudes Hongroises et Finno-Ougriennes, Paris, III-e année, 1925, Nos 1—2.

temps ; pourtant un mouvement d'intérêt pour la poésie populaire s'y fait aussi sentir. Thalès Bernard, nous semble-t-il, est un attardé du romantisme, par la glorification outrée de la poésie populaire. Mais il a, bien avant les autres, frayé la voie au folklore français. Il marque aussi un progrès par la découverte de peuples et de poésies populaires jusqu' alors inconnus, ou peu connus non seulement en France, mais dans l'Europe entière.

Avant de nous occuper plus en détail des principes esthétiques et des opinions littéraires de Thalès Bernard, il faut dire quelques mots sur la lutte acharnée, qu' il a menée contre l'esthétique de la „tour d'ivoire“, contre celle du Parnasse et de Théophile Gautier. Ainsi on comprendra bien, pourquoi il s'est détourné de la littérature d'art, qu'il trouvait trop compliquée, sans sincérité et desséchée. Il s'est donc tourné vers la poésie populaire plus simple, mais sincère et pleine de force vitale.

Une lettre de Leconte de Lisle, adressée à Emile Deschamps, nous donne quelques renseignements, qui font sauter aux yeux les avis contraires régnant dans les deux camps littéraires. Il faut remarquer, que c'est par l'intermédiaire de Leconte de Lisle que Thalès Bernard a fait la connaissance d'Emile Deschamps. Donc, il en est d'autant plus intéressant de connaître ce que le grand poète écrit sur son compatriote : „J'ai lu avec beaucoup d'intérêt vos deux feuilletons sur Millien et sur Thalès Bernard. Ce dernier est un de mes plus vieux amis, et, bien que nous ne nous entendions nullement en fait d'art et de poésie, en théorie et en pratique, j'ai la plus haute estime pour son intelligence et sa vaste instruction. Je regrette plus que jamais qu'il ne tente pas de concentrer ses forces, au lieu de les disperser un peu de tous côtés, à la recherche des jeunes poètes provinciaux, armés d'une plume, et non de l'ébauchoir et du burin. Comme rien n'existe de la vie de l'Art que par le style et la perfection des formes, malheur à la plume qui n'est pas aussi un ébauchoir et un burin“¹⁾.

Le poète, armé „d'une plume et non de l'ébauchoir et du burin“, est l'idéal de Thalès Bernard, le poète qui exprime les sentiments de son coeur débordant et non le poète qui cherche les raffinements de la forme pour des raisonnements froids. Il exige

1) Henri Girard, ouvr. cité, p. 510 : Lettre de Leconte de Lisle à Emile Deschamps, Paris le 15 mai 1862 ; Jean Dornis : Essai sur Leconte de Lisle, Paris, 1909, p. 324.

la chaleur, l'exaltation métaphysique de l'âme du poète dont le résultat est une poésie de sentiments: le naturisme, comme l'appelle Thalès Bernard. Donc, il ne tarde pas à déclarer: „Finiſſons-en avec la poésie sculptée et peinte, finiſſons-en avec l'orfèvrerie de la phrase, posons l'ébauchoir et le burin pour prendre la plume“¹⁾.

Henri Girard trouve que c'est un „intéressant essai de réaction lamartinienne au moment où le Parnasse allait triompher“²⁾. Mais on peut croire, qu'au temps où vivait Thalès Bernard, on n'a pas encore senti aussi fortement qu'aujourd'hui, cette „réaction lamartinienne“. On était alors plus proche de l'époque romantique, dont on subissait encore, par endroits, l'influence. Il ne faut que lire le compte-rendu de Louis Ernault, lors de l'apparition d'un recueil de poésies publié par Thalès Bernard, pour se convaincre que le „sentimentalisme lamartinien“ de l'auteur a trouvé les sympathies des contemporains. „M. Thalès Bernard — écrit Louis Ernault — rend un culte pieux à la muse des beaux vers: la nature même de ses ouvrages indique une âme noble et un esprit désintéressé. C'est assez pour que nos sympathies lui soient acquises“³⁾. Ce censeur bienveillant loue surtout le sentiment délicat qui révèle avec une grâce touchante la beauté de la femme, il met en relief l'importance que la mélancolie joue dans les poésies de Thalès Bernard, surtout dans les imitations de certaines poésies populaires. „M. Thalès Bernard nous a également donné quelques imitations très heureuses de chants souabes, hongrois et livoniens. Le souffle qui passe sur les Karpathes frémit encore et soupire dans ces vers mélancoliques comme les coteaux de la Moldavie ou les landes fauves et désertes de la Transylvanie“⁴⁾. Mais, remarque Louis Ernault, les poésies de Thalès Bernard, pleines de nobles sentiments, ne sont pas irréprochables au point de vue de la forme. „La rime en est un peu négligée; et l'expression même n'a pas toujours cette exactitude rigoureuse des maîtres du style, mais le sentiment en est profond et vrai, et ici, comme partout, quel que soit le jugement porté sur la forme

1) Henri Girard, ouvr. cité, p. 510.

2) Ibid. p. 511.

3) *Mémoires pastorales, Feuilles de poésies*, par M. Thalès Bernard. Article de Louis Ernault, dans la *Revue Contemporaine* et *Athénæum français*, 1-er janvier 1857, pp. 622—623.

4) Ibid.

de M. Thalès Bernard, il faut bien reconnaître et saluer en lui l'âme d'un poète¹⁾.

Si nous mettons à côté de ce jugement bienveillant d'un contemporain l'opinion sévère de nos jours, exprimée par Henri Girard, sur les poésies de Thalès Bernard, il paraît que Leconte de Lisle avait parfaitement raison de dire: „malheur à la plume qui n'est pas aussi un ébauchoir et un burin“. Car, selon Henri Girard, „il suffit de parcourir cette suite indéfinie de poèmes aux formes variées pour reconnaître la facilité déplorable de ce singulier ami de Leconte de Lisle et aussi son abondance d'idées et, si j'ose dire, son dada“²⁾.

Or, le „dada“ de Thalès Bernard n'est autre chose, que l'amour fervent des poésies étrangères. Henri Girard trouve que les titres de plusieurs poésies de Thalès Bernard sont „significatifs“ à cet égard³⁾. Leur nomenclature montre que, malgré les efforts d'Emile Deschamps, qui cherchait à concilier les exigences de l'art, selon la conception de l'époque (selon celle de Théophile Gautier surtout) et selon la liberté d'inspiration, pour retenir son ami sur la voie des extravagances, Thalès Bernard refusa opiniâtement d'entrer dans la „tour d'ivoire“ du Parnasse. Son esprit large, curieux et accessible aux impressions les plus diverses et les plus nombreuses, préfère rester „extra muros“, errant à son aise dans les prés arcadiens des peuples les plus singuliers et les plus inconnus. Ces peuples vivaient avec leurs richesses poétiques depuis des siècles, attendant leur renouveau et leur entrée dans la société des peuples civilisés. Thalès Bernard l'a pressenti.

* * *

L'étude attentive des ouvrages esthétiques et des recueils de poésies publiés par Thalès Bernard⁴⁾ nous montre leur auteur en

1) Ibid.

2) Henri Girard, ouvrage cité, p. 494.

3) Voici quelques titres de poésies, choisis par Henri Girard, qui doivent être „significatifs“ pour le dada de Thalès Bernard: A la muse hongroise; En Camargue; Le Petit Ange, chant souabe; Le Crépuscule, chant livonien; Aux poètes hongrois: G. Czuczor, provençal; Augusti Chastan; A. M-lle V., de Matanzas (île de Cuba); A. M-me Staaff, d'après un chant suédois; Mon génie, d'après Petoeffi; Le moulin, imité de Lisznyai; A un petit provençal; Un conte d'Andersen; A l'Arménie, regrets, imité de l'arménien.

4) Thalès Bernard: Histoire de la poésie, Paris, Dentu, 1864,

pleine opposition avec le caractère réaliste et bourgeois de la littérature de son époque, le Second Empire. Nous pensons y avoir trouvé la cause de son impopularité et du profond silence qui règne sur lui dans l'histoire de la littérature française.

Thalès Bernard est de l'avis que la poésie de son époque est en péril. Pour la sauver, il recommande d'aller aux sources de la poésie populaire et d'imiter les littératures slave, hongroise, roumaine, en général celles de l'Europe orientale et septentrionale. Il reprend la théorie, connue déjà depuis longtemps, que les seuls peuples qui inventent encore sont ceux à l'état sauvage. L'homme individuel n'invente rien, seules les masses sont douées du génie poétique. On peut toujours observer que les époques cultivées sont réduites à l'imitation. Ainsi, Thalès Bernard met en relief, spécialement en ce qui concerne le XVIIe siècle en France, la grande inspiration gréco-romaine, et, pour le romantisme, l'absorption de civilisations différentes : celle de l'Espagne, de la Grèce, de l'Orient et des littératures celtiques et germaniques.

Le point de départ de la théorie de Thalès Bernard est la conviction que la littérature française est réduite à un état d'imitation. Voulant chercher une nouvelle direction pour la développer, il s'adresse à la poésie populaire française, de même qu' à celle de différents peuples européens peu connus. Il n'est pas conduit seulement par le désir d'y trouver de l'exotisme, de nouvelles matières poétiques, mais il est beaucoup plus inspiré par un esprit d'érudition. Il tâche de faire valoir ses principes littéraires par la ferme conviction scientifique qu' il apporte au monde lettré un système nouveau, et que son activité représente une tendance nouvelle. Ce qu' il veut c'est, au fond, faire reconnaître une discipline littéraire moderne : le folklore. Sa théorie, élargir encore „la géographie littéraire“ par l'annexion de jeunes peuples orientaux et septentrionaux en Europe, et recourir, en reprenant les thèmes exploités par les romantiques, à une érudition que ces derniers ont négligée, nous montre la différence qui existe entre les tendances instinctives des romantiques et les plans systé-

pp. 855; *Poésies nouvelles*, Paris, C. Vanier, 1857, pp. XII + 312; *Poésies mystiques*, Paris, C. Vanier, 1858, pp. VIII + 303; *Lettres sur la poésie*, Paris, l'auteur, 1868, pp. 8; *Lettres sur la poésie*, Paris, C. Vanier, 1857, pp. 8; *Mélodies pastorales*, Paris, Taride, 1856; *Nouvelles mélodies pastorales*, Paris, C. Vanier, 1858, pp. 8; *Adorations*, Paris, Krabbe, 1855, pp. XI + 244.

matiques conçus par Thalès Bernard. Il est convaincu, d'accord avec son ami Leconte de Lisle, que le devoir du poète est d'être philosophe et historien aussi, et c'est en savant qu'il doit étudier la poésie populaire universelle.

Par cette profession de foi littéraire Thalès Bernard a vu bien profondément le caractère essentiel du folklore et de cette littérature nouvelle, désirée par lui, qui doit pousser sur le riche sol de la poésie populaire. On ne peut pas affirmer que l'idéal du „poète populaire“, selon la conception de Thalès Bernard, soit un chansonnier, même à la Béranger. Il ne trouve rien de désirable en France, où la poésie populaire, florissante partout ailleurs, est réduite à „d'ineptes plaintes“. On peut donc comprendre qu'il trouve son idéal à l'étranger, dans la personne du poète hongrois Alexandre Petöfi, et que son recueil *Poésies nouvelles* soit consacré à la mémoire de ce poète. Avec l'apparition du poète provençal, Frédéric Mistral, s'accomplissent les désirs les plus fervents de Bernard. Que son choix ait été juste, c'est ce que prouve le jugement de l'allemand Hermann Grimm, le célèbre commentateur de Goethe, selon l'avis duquel Homère, Dante, Shakespeare, Goethe, Petöfi et Mistral sont des incarnations procédant du même esprit poétique.

Henri Girard tient pour son devoir, par contre, de sauver l'honneur de la poésie populaire française. A son avis, Emile Deschamps lui-même a trouvé que son ami, Thalès Bernard „devait manquer de mesure“. Il est bien connu que certains poètes français du XVIII-e siècle ont subi fortement l'influence des inspirations de la poésie populaire de leur pays. Les noms de Gérard de Nerval, Glatigny, Gabriel Vicaire, Brizeux et Mistral prouvent aussi que la poésie populaire allait reflleurir encore, et qu'à cet égard la France n'a rien à envier aux autres peuples. C'est donc à tort que Thalès Bernard se plaignait. Les idées embrassées par lui ont été toujours celles d'Emile Deschamps, qui, comme Bernard, pressentait surtout dans la littérature russe une source nouvelle de poésie populaire, mais qui croyait à la nécessité de la récrire. De même, un esprit beaucoup plus distingué que Thalès Bernard — selon l'avis de Henri Girard — le traducteur de Heine, Edouard Gremier, amateur et connaisseur des littératures et des poésies étrangères, développait aussi, dans le salon d'Emile Deschamps, et avec plus de succès, ses opinions sur la poésie populaire, idées chères au vieux dilettante.

On voit nettement la situation isolée de Thalès Bernard. Il a renié la littérature française et déprécié la poésie populaire de son pays. L'opinion littéraire en France l'a renié et déprécié aussi, aujourd'hui encore. Il se trouve seul au milieu des luttes et des mouvements littéraires. C'est avec une espèce d'amertume et de désillusion qu'il s'écrie : „J'affirme une chose, c'est que notre poésie, même celle du XIX-e siècle, a souvent un caractère factice et conventionnel qu' on ne rencontre pas dans les littératures du Nord“. Henri Girard, quoiqu' il trouve cette affirmation exagérée, est obligé de remarquer : „Néanmoins on peut reconnaître que notre littérature, dans son ensemble, a été peut-être à l'excès l'expression de la société polie “¹⁾.

Nous croyons avoir trouvé dans cette assertion une autre cause de l'oubli parfait dans lequel est sombré Thalès Bernard en France, de même que l'explication de l'insuccès de ses aspirations. La littérature française se développe, à savoir, sur des traditions classiques. Elle est favorisée par la cour royale, et devient avec le temps, vraiment à l'excès, l'expression de la société polie. Il est bien difficile, presque impossible, que la littérature en France, après le XVII-e et le XVIII-e siècle, fasse un retour vers la poésie populaire et que celle-ci puisse être prise pour base d'un développement futur. C'aurait été non seulement un abaissement pour la littérature française, mais une réaction contre nature. Le développement de la littérature hongroise, d' où est issu Petöfi, a été toujours d' un caractère beaucoup plus démocratique, comme c'est le cas, en général, chez les nations où existe une poésie populaire florissante.

Il faut avouer — et c'est ici que Thalès Bernard a raison — qu' une littérature devenue trop artistique et savante, arrivée à son apogée, ne peut plus offrir beaucoup de possibilités pour des développements nouveaux et doit chercher des aliments rafraîchissants. Le classicisme fortement accentué dans la littérature française l' a menacée de finir dans une sorte d'ossification. Toutefois, le sain instinct vital de l'âme française commençait à pousser les racines d'une littérature nouvelle, plus fraîche, plus prime-sautière que n'était l'ancienne. Une réaction spirituelle tout à fait compréhensible commençait à se développer dans les provinces, une lutte de la mentalité plus naïve de celles-ci contre l'esprit différencié de la capitale.

1) Henri Girard, ouvr. cité, pp. 495—496.

La France se développait dans son plein caractère national, l'état et le peuple français étant strictement unifiés déjà depuis des siècles. Les principes du romantisme littéraire et politique qui allaient éveiller une foule de peuples divers à la civilisation et à l'indépendance nationale ne devaient ni ne pouvaient donc y jouer un rôle important. Tout de même, dans le romantisme tardif, le fait ne manque pas. En France s'éveillent aussi quelques germes de nationalités: les nuances de peuple au sein même de la nation française unie.

En Provence un poète de génie, Frédéric Mistral se rencontre parmi le peuple des félibres. Avec le mouvement du félibrisme c'est une race, une langue et toute une littérature qui renaît. De même la poésie populaire bretonne inspire aussi d'importants travaux. L'intérêt naît en France pour la poésie populaire, quoique ses adversaires ne manquent pas non plus. Ainsi, par exemple, Sainte-Beuve surtout se prononce contre le „mouvement provincial“¹⁾. Cependant, la victoire de l'idée ne peut pas être entravée. Sa voie mène, bien qu'indirectement, jusqu'au „provincialisme“ ou „régionalisme“ fortement accentué dans la littérature française de nos jours.

C'est dans ce développement et dans cette histoire des idées que nous rangeons Thalès Bernard, qui avait pris une part si active dans la culture et dans l'avancement de la poésie populaire française. Avec Emile Deschamps il est un admirateur dévoué de Mistral et il étudie la langue bretonne pour en pouvoir goûter la richesse poétique²⁾. Mais ne s'arrêtant pas à la frontière française, il exige également la connaissance des littératures et des poésies populaires étrangères, dont il s'évertue à développer l'influence dans sa patrie. A son époque c'était une tentative hardie. On l'accusait même de vouloir germaniser les Français. De nos jours — connaissant le vif intérêt que la France montre pour la vie intellectuelle de l'Europe entière — on comprendrait peut-être mieux ses intentions. Mais, malheureusement pour lui, Thalès Bernard est venu trop tard pour le romantisme et trop tôt pour l'époque moderne.

1) Sainte-Beuve: *Nouveaux Lundis*, t. X, p. 168.

2) Henri Girard, *ouvr. cité*, p. 493: lettre de Thalès Bernard à Emile Deschamps, avril 1870.

II. L'intérêt de Thalès Bernard pour la poésie populaire et les littératures étrangères. Son amitié avec le poète livonien „allemand-russe“ — Jégor von Sivers.

Une pensée règne dans l'oeuvre diffuse de Thalès Bernard, lui prêtant une sorte d'unité, mais sans arriver jamais à un système précisément conçu. C'est la foi dans la force régénératrice de la poésie populaire, dont la mission doit être d'exercer une influence fécondante sur la littérature d'art. Voici la thèse principale de Thalès Bernard : „La poésie moderne est usée, avariée, perdue, réduite à néant... Les jeunes poètes n'ont plus de base pour appuyer leurs inspirations“ ¹⁾. Les poètes deviennent des orfèvres littéraires, maniant le burin et l'ébauchoir, ou bien ils s'abaissent dans un matérialisme brut, sans parler de ceux qui racontent en vers les impressions de leur âme médiocre. Ce sont ces causes qui font que l'ancienne poésie est épuisée ; pour la ranimer, il lui faut un „aliment nouveau“.

Pour Thalès Bernard, la question qui se pose, et qu'il pose pour la littérature, est de savoir quel est cet aliment nouveau et où il faut l'aller chercher. En France il ne trouve rien, ou peu de chose, puisque un élément nécessaire, selon lui, le sentiment de la nature, manque dans la poésie populaire française. Thalès Bernard est de l'avis que sans le sentiment de la nature il ne peut pas exister une vraie poésie populaire, poésie que justement la civilisation et la vie politique vont anéantir partout. Plus la civilisation d'un peuple se développe, plus ce peuple ressent un penchant pour la vie politique, et moins sa poésie populaire devient importante, se mêlant bientôt avec la littérature d'art. Ce sont „les peuples d'une civilisation avortée“ qui ont une poésie populaire florissante, comme les Celtes, les Basques, les Estoniens, les Serbes ou les Grecs. Si la France possède aussi quelque chose à cet égard, „ce serait abuser de l'esprit de nationalité, que de mettre les chants populaires de la France à côté

1) Thalès Bernard : Histoire de la poésie, p. 823.

de ceux de la Savoie ou de l'Estonie¹⁾, remarque Thalès Bernard. Il veut donc faire connaissance avec des peuples jeunes et il tâche de découvrir des civilisations naissantes, opposées à la haute culture de l'Occident, où il aperçoit — idée très en vogue de nos jours — le commencement de la décadence. Mais, voulant entraver ce développement décadent, Thalès Bernard est un des premiers qui, avec une ferme conviction, réagissent contre lui dans le monde littéraire de l'Occident.

Pour arrêter le déclin littéraire de l'Occident, il s'adresse, dans une oeuvre spéciale, à l'étude de la poésie populaire „qui est comme une aurore de la poésie moderne“. Ce n'est qu'elle qui peut servir de base et d'aliment nouveau pour un développement futur, puisque c'est elle qui se montre de même à l'origine de nos civilisations. Par cette thèse Thalès Bernard appartient à ces utopistes, si fréquents au XIX-e siècle, qui veulent renouveler toute la civilisation européenne. Le moyen le plus conforme d'y arriver, en matière de littérature, est justement l'étude attentive de la poésie populaire comparée. „La poésie populaire — dit-il — étouffée jusqu'ici par la lourde science des érudits, va descendre bientôt dans le domaine public pour raviver l'imagination de la foule et lui fournir de tendres rêveries“²⁾. L'imagination de Thalès Bernard, du moins, ne tarde pas à être ravivée par elle et il ne se montre pas indocile non plus à accepter l'influence de ces tendres rêveries.

Tout d'abord, il tient pour nécessaire la transformation de la poésie en France, en y voulant introduire „un genre nouveau“. Pour donner une preuve de la sincérité de ses intentions, il publie son recueil intitulé *Poésies nouvelles*, qu'il consacre „à la mémoire du poète hongrois Alexandre Petöfi, tué en combattant les Russes, le 31 juillet 1849“. En choisissant le nom de Petöfi comme étendard, Thalès Bernard veut aussi souligner qu'il ne présente pas seulement, avec ses avis, n'importe quel programme littéraire, mais, avant tout, une tendance nouvelle. Donc, après avoir étudié les poésies populaires de divers pays européens, il tient pour son devoir, de faire connaître en France le genre nouveau, qu'il apprécie tant. C'est pour cela qu'il publie, dans le recueil ci-dessus mentionné, des compositions jusqu' alors

1) Thalès Bernard, *ibid.* p. 797.

2) Thalès Bernard: *Poésies nouvelles*, Préface.

inédites, parmi lesquelles trente imitations empruntées des chansons populaires d'Allemagne, d'Ecosse, de Russie, de Finlande, d'Estonie, de Hongrie, de Roumanie, du Béarn et de Bretagne. Mais c'est surtout à la poésie populaire des peuples „finno-letto-slaves“ (terme plutôt géographique qu'ethnographique) — „lugubres races dont la voix plaintive se mêle aux mugissements de la Baltique“¹⁾ — qu'il emprunte le plus volontiers.

Pour créer la nouvelle civilisation européenne, Thalès Bernard a une pensée qu'on peut désigner d'un nom en vogue de nos jours : la coopération intellectuelle. Il tâche de réaliser une sorte de coopération littéraire, ce à quoi doit servir la poésie populaire, puisqu'elle exprime quelque chose de commun à tous les peuples. Voilà pourquoi il estime les poètes sortis du sol de la poésie populaire. „Petöfi en Hongrie, Trueba en Espagne, Burns en Ecosse, Uhland en Allemagne, Hebel en Suisse ont exprimé des sentiments communs à toute l'humanité, ce qui rend leur poésie susceptible, malgré son cachet local, d'être comprise et admirée partout“²⁾. Selon Thalès Bernard, la poésie se divise en poésie antique et en poésie moderne. Depuis le XVIII-e siècle c'est une troisième, la poésie populaire, qui commence à occuper une place devenant toujours de plus en plus importante. Celle-ci ne se restreint pas à certaines provinces, mais elle embrasse aussi l'universalité de l'Europe, où „elle est née spontanément comme la verdure sur le sol“³⁾.

Par la poésie populaire pourrait se créer le rapprochement fraternel des divers peuples, grâce auquel chaque culture nationale ne pourrait que gagner. En France aussi, „il se créerait une armée d'écrivains qui ne craindraient plus d'être frappés d'un injuste dédain, parce qu'ils aiment mieux étudier le breton ou le servien (le serbe) que d'écrire de méchants vaudevilles ; et ce mouvement invincible, qui tend à rapprocher tous les peuples en une seule famille, s'accomplirait avec une plus grande rapidité, parce qu'il aurait la poésie pour principal mobile“⁴⁾. De ce désir, unir les divers peuples, est né spontanément un projet de Thalès Bernard : à la rénovation de la poésie rien ne peut mieux

1) Ibid.

2) Thalès Bernard : Histoire de la poésie, p. 834.

3) Ibid., p. 576.

4) Thalès Bernard : Lettres sur la poésie, 1857, p. 8.

contribuer que la fondation d'une „Académie de littératures étrangères“ ¹⁾.

Par la création d'un tel institut Thalès Bernard veut combler, tout d'abord, le fossé qui sépare les Latins des Germains „ou pour mieux dire les Français du reste de l'Europe“ ²⁾. Il n'est pas le seul à soutenir ce point de vue, puisqu' il remarque: „Cette idée de fonder une Académie de littératures étrangères qui aurait pour principale mission de faire communiquer les peuples entre eux et de rajeunir la poésie en la retenant à ses sources, a été adoptée par les hommes les plus compétents“ ³⁾. Les partisans zélés de ce projet ont dû être, outre les membres du salon littéraire d'Emile Deschamps, les écrivains étrangers qui ont fait connaître à Thalès Bernard la poésie populaire de leurs pays et avec qui il a eu des relations amicales.

* * *

On peut saisir, d'après ce qui précède, les deux idées générales de Thalès Bernard: unir les peuples et raviver la civilisation, et avant tout la littérature, en se servant, comme moyen, de la poésie populaire. Il est un des premiers qui, au cours du siècle passé, prévoient le tableau culturel de l'Europe d'aujourd'hui, en appelant l'attention des contemporains sur les productions littéraires de peuples très peu connus par eux. C'est un homme d'occident qui jette un coup d'oeil vers l'orient, un Français qui découvre et reconnaît la valeur des trésors spirituels de l'étranger. Mais, malgré cette sorte de „cosmopolitisme littéraire“, c'est dans l'intérêt de la littérature française qu'il agit. „Si j'ai réussi à indiquer — dit-il — que la poésie étrangère n'a pas été complètement explorée par nos écrivains; que, non seulement la poésie russe, mais encore toutes les littératures du Nord, contiennent des germes dont on pourrait tirer profit pour une évolution nouvelle de l'intelligence, il faut se hâter de produire un résultat si désirable; et, pour donner à la poésie française la simplicité qui lui manque, se tourner vers trois sources d'inspiration: la poésie populaire, les poèmes du moyen âge, intimement liés avec celle-ci, et la poésie étrangère, qui s'y rattache encore“ ⁴⁾.

1) Ibid.

2—3) Thalès Bernard: *Poésies mystiques*. Préface, pp. III—V.

4) Thalès Bernard: *Lettres sur la poésie*, 1857, p. 6.

Malgré ses intentions patriotiques, son dessein de rattacher les Français plus intimement à la solidarité européenne a provoqué une accusation grave contre Thalès Bernard. On lui a reproché de vouloir germaniser la littérature française. Il proteste énergiquement. Ce n'est pas dans la poésie populaire allemande qu'il puise, mais plutôt dans la poésie populaire slave et lithuanienne, puis surtout dans le fonds des chants estoniens, finnois et hongrois. „Or, ces trois derniers peuples — remarque Thalès Bernard — appartiennent à la famille Tatare. On a donc commis en France une erreur philologique en m'accusant de germaniser“¹⁾. Ranger les peuples finno-ougriens, les hongrois, les finnois et les estoniens, parmi les Tatares — c'est, également, une erreur philologique que Thalès Bernard a commise. En tout cas, il est convaincu qu'il ne vise pas à faire valoir une influence allemande en France. „Si je m'appuie — s'excuse-t-il — sur l'Allemagne pour prêcher mes réformes, c'est que ce pays sert depuis un siècle d'entrepôt intellectuel pour toutes les régions du Nord“²⁾. On ne peut pas nier que la poésie populaire de ces peuples septentrionaux soit beaucoup mieux connue en Allemagne qu'ailleurs, ni même que surtout les peuples „finno-letto-slaves“ de la Baltique soient assez considérablement imbus de l'esprit allemand, à cause des circonstances politiques et géographiques. Mais, le seul point essentiel à établir est, selon Thalès Bernard, que „tout le Nord et l'Orient de l'Europe est rempli d'une poésie divine, encore inculte, qu'il faut faire arriver en France par l'intermédiaire de l'Allemagne“³⁾, ce qui donne un autre caractère aux intentions de Thalès Bernard.

Or, c'est cette „poésie divine“ des régions étrangères qui possède les qualités propres à renouveler la poésie: le sentiment de la nature et la sincérité. En France, Thalès Bernard ne trouve qu'en Bretagne et en Provence quelque chose de semblable. Pour féconder la poésie d'art devenue stérile, il étudie les richesses poétiques encore inexploitées de l'énorme foule des peuples slaves; il estime profondément les Hongrois, indépendants et originaux d'esprit, riches de talent; il aime les Lithuaniens, les Lettons, les Estoniens et les Finnois, petits peuples baltes, mais présentant une aptitude infinie pour la poé-

1) Thalès Bernard: *Poésies mystiques*. Préface, p. VII.

2—3) Ibid.

sie. Ces peuples, qui s'étendent en masses énormes entre la Baltique et la Mer-Noire, entre l'Elbe et l'Oural, sont, il est vrai, différenciés par la race et par les mœurs, tout de même leur poésie offre une apparence uniforme, et, en général, elle est composée dans le même mètre, c'est-à-dire le trochée de quatre pieds, non rimé. Et, ce qui captive le mieux l'attention de Thalès Bernard, ce sont les études antérieures qui ont rapproché étroitement les chants de la Bretagne et de la Provence de ceux des Slaves, des Lettons et des Finnois.

Thalès Bernard porte donc un intérêt très vif à la poésie de tous ces peuples. Mais c'est sur les Estoniens, peuple presque inconnu en son temps et peu connu même de nos jours, qu'il écrit le plus, avec une profonde sympathie et avec un enthousiasme extraordinaire dans ses oeuvres, surtout dans son *Histoire de la poésie*. Nous en trouvons les raisons dans les faits suivants: d'abord, il essaie de retrouver une certaine ressemblance entre les chants populaires des Celtes, surtout des Bretons, et ceux des Estoniens; ensuite, il a eu des informateurs distingués, surtout l'excellent poète allemand-russe de Livonie, Jégor von Sivers, devenu son ami intime. C'est Thalès Bernard lui-même qui mentionne que Jégor von Sivers l'a soutenu dans ses desseins et lui a donné des renseignements utiles et nécessaires se rapportant à la poésie estonienne¹⁾. Mais avant Sivers il a connu déjà le poète russe Basilius Jacowleff, qui a le premier mis sous ses yeux „les admirables chants de l'Estonie“. Thalès Bernard a profondément estimé Basilius Jacowleff; voici ce qu'il écrit sur lui: „la publication de son *Mélodion* l'a placé au premier rang parmi les poètes philosophes et les sincères amis de l'humanité“²⁾.

L'amitié et l'estime ressenties par Thalès Bernard pour ces poètes, ont été étendues à la poésie populaire estonienne aussi. Sans révoquer en doute la valeur poétique des chants populaires estoniens, ce n'est que par cela qu'on peut expliquer les éloges que leur adresse Thalès Bernard. Il a, avant tout, une profonde estime pour la poésie des Bretons et des Provençaux. Il déclare: „dans la poésie lyrique, les Celtes prennent la première place“³⁾ — et puis: „c'est sans doute ce riche passé littéraire, qui donne aux chants populaires de la Bretagne une physionomie aussi frappante“⁴⁾. Aussitôt après eux, Thalès Bernard range

1—2) Thalès Bernard: *Poésies mystiques*, pp. III—IV.

3—4) Thalès Bernard: *Histoire de la poésie*, p. 598.

les Estoniens. „Nous n'hésitons pas à placer les chants estoniens immédiatement après les chants celtiques, bien qu'ils soient moins vigoureux; mais leur sensibilité est si émouvante, leur coloris si vrai et si riche, qu'ils arrivent au niveau de la grande poésie“¹⁾. Ce que Thalès Bernard reproche aux chants populaires celtiques, c'est d'avoir „moins de sensibilité que les chants d'Estonie“²⁾, tandis que les Estoniens, comme toutes les nations entre la Baltique et la Mer-Noire, entre l'Elbe et l'Oural, „se font remarquer par une grande puissance de sentiment. On trouve dans leurs inspirations une tendresse virginale, une fantaisie intarissable, toujours au service de l'improvisation, et qui vient ennoblir les moindres circonstances de la vie vulgaire“³⁾.

Par ce qui suit, Thalès Bernard a bien exprimé l'élément tragique et le sort dur des peuples estonien et similaires, circonstances heureuses, d'autre part, puisqu'elles expliquent l'aptitude poétique de tous ces peuples. „Opprimés par la domination étrangère, l'esclavage ne leur a servi qu'à développer davantage leur âme, et l'on est surpris que des races sans culture puissent avoir une telle abondance d'impressions. Il semble que la nature ait voulu les dédommager de la servitude en leur accordant les plus riches dons de la poésie, et, en effet, ils se consolent de leur développement imparfait ou de leur abaissement, par une inspiration spontanée, qui, toute vague qu'elle est souvent dans ses contours, sait, quand elle le veut, observer la nature avec exactitude“⁴⁾. C'est pourquoi nous trouvons que „chez les peuples finno-letto-slaves... la poésie populaire est plus intime et exprime une sorte de panthéisme naturel avec une grande puissance d'émotion. Cette sensibilité de la poésie populaire ne doit pas étonner, puisque la majeure partie de ces chants sont composés par des femmes qui se plaisent à y verser les trésors de leur imagination et de leur cœur“⁵⁾. La poésie populaire est surtout en Estonie plus tendre qu'ailleurs et on pourrait la qualifier, comme celle des Lettons, „la poésie des larmes“⁶⁾.

En résumé, les traits saillants de la poésie populaire des

1) Ibid. p. 600.

2) Ibid. p. 398.

3) Ibid. p. 601.

4) Ibid.

5) Thalès Bernard: *Lettres sur la poésie*, 1857, p. 2.

6) Thalès Bernard: *Histoire de la poésie*, p. 603.

peuples finno-letto-slaves en général, et des Estoniens en particulier, sont constatés par Thalès Bernard dans le sentiment de la nature et le coloris vrai, dans la sincérité, la sensibilité émouvante et la tendresse virginale. La fantaisie intarissable, l'abondance d'impressions, l'observation exacte de la nature mènent au panthéisme. Les poètes qui s'occupent de la transformation métaphysique de la matière première offerte par la poésie populaire, ce sont des „poètes-philosophes“.

* * *

C'est un tel poète, Jégor von Sivers, que les Estoniens ont eu pour représentant. „Né dans le pays, cet écrivain a su utiliser à son tour les mélodies populaires avec un goût parfait, qui lui a valu les éloges de toute l'Allemagne“¹⁾. Pour prouver la justesse de cette opinion, Thalès Bernard cite une poésie de Sivers, dont la base doit être une „improvisation“ d'un chanteur estonien. La poésie porte le titre „Mythe“²⁾. Connaissant l'intérêt de Thalès Bernard pour la mythologie, de même que pour la poésie populaire, on peut comprendre son enthousiasme pour ce poème et pour son auteur: „Pourrait-on soutenir qu'une poésie semblable, née au contact du talent individuel et de la poésie populaire, n'est pas délicieuse, presque divine? . . . Je pense, au contraire, qu'elle aurait la plus salutaire influence sur l'esprit de notre pays, qu'on a accusé d'avoir quelque chose de sec et de gonflé à la fois“³⁾.

Le poète idéal, selon Thalès Bernard, doit ennoblir la poésie populaire, en identifiant son génie avec celui de la nation; il doit reproduire la poésie populaire, sous une forme plus variée et plus élégante, tout en imaginant ses sujets⁴⁾. Plus un poète copie la poésie populaire, plus il est puissant. Seulement, les modèles doivent être modifiés, en mêlant un grain de philosophie transcendante à toute poésie. Jégor von Sivers est un poète au goût de Thalès Bernard. Ce qu'est Burns en Angleterre, Béranger et Mistral en France, Petöfi en Hongrie, — il prétend l'avoir

1) Thalès Bernard: *Lettres sur la poésie*, 1857, p. 4.

2) Ibid. Cette poésie y est publiée avec quelques changements et beaucoup d'abréviations. Nous la citerons ci-après pp. 33—37.

3) Ibid.

4) Thalès Bernard: *Histoire de la poésie*, p. 686 (écrivant sur Petöfi).

découvert en Estonie. Quoique Jégör von Sivers soit loin d'avoir accompli cette noble mission que Thalès Bernard lui attribue, nous devons, tout de même, garder sa digne mémoire en le ressuscitant de l'oubli. C'est lui qui a fait connaître l'Estonie à Thalès Bernard, ces deux poètes devenant les propagateurs zélés du riche folklore de ce pays.

Jégör von Sivers¹⁾ est né le 1-er novembre 1823, à Heimthal, en Livonie (aujourd'hui Estonie du sud). Il fréquente l'école à Võru-Werro, puis étudie à l'université de Tartu-Dorpat les sciences naturelles et l'économie politique (1843—1845). Dans les années suivantes, il surveille l'exploitation de ses terres paternelles à Heimthal et fait en 1850—1853 un grand voyage, visitant l'Amérique Centrale, les îles des Indes Occidentales, l'Amérique du Sud, ensuite l'Angleterre, la Belgique et la France. Après avoir séjourné dans les diverses contrées de l'Allemagne, il rentre en Livonie et gère à Planhof, près de Wolmar et après son mariage à Raudenhof (ces lieux se trouvent aujourd'hui en Lettonie) ses propriétés en bon gentilhomme campagnard. S'occupant de littérature et de science, il n'interrompt pas ses relations intellectuelles avec l'Europe occidentale et surtout avec l'Allemagne, où il compte parmi ses amis le célèbre Alexander von Humboldt. Il prend aussi une part active à la vie publique de sa province, comme membre de plusieurs sociétés scientifiques et agricoles de même que de la diète (Landtag) livonienne. Le Baltisches Polytechnikum à Riga l'appelle en 1873 comme professeur d'agriculture. C'est là qu'il meurt le 12 avril 1879²⁾. Il mérite une place éminente dans l'histoire de la littérature allemande des pays baltiques par son recueil critico-poétique: *Deutsche Dichter in Russland*³⁾. Un grand nombre des idées sur la littérature et sur la poésie populaire ex-

1) Dans les éditions allemandes: Jégör von Sivers.

2) Cf. sur sa vie: Jégör von Sivers: *Deutsche Dichter in Russland. Studien zur Literaturgeschichte*, Berlin, E. H. Schroeder, 1855, pp. LXXX + 680; v. p. 652 et Jeannot Emil Freiherr von Grotthusz: *Das baltische Dichterbuch*, Reval, Franz Kluge, 1894, pp. XLVIII + 432; v. pp. 395—396.

3) Grotthusz écrit sur cet ouvrage: „... dieses Werk [ist] für alle späteren Arbeiten auf dem Gebiete deutschen Geisteslebens in Russland von bleibender Bedeutung“. Ibid.

primées dans la préface de cette oeuvre, montrent une identité parfaite, (elles sont souvent traduites mot à mot), avec celles de Thalès Bernard. Les ouvrages de l'écrivain français étant postérieurs, il faut croire que c'est lui qui est l'emprunteur¹⁾.

L'activité de Jégór von Sivers est multiple. La littérature, l'histoire, la politique, les sciences naturelles, l'agriculture l'intéressent également. Ses oeuvres écrites d'une plume spirituelle et émouvante témoignent de sa profonde culture et de sa connaissance du monde, de même que de sa haute mentalité et de son patriotisme fervent. Des penchants démocratiques et libéraux le distinguent aussi. Dans sa jeunesse, il accueille avec un enthousiasme sincère les nouvelles sur la révolution de février, 1848²⁾. Profondément influencé par les idées du libéralisme, il exige la réforme du Landtag livonien, et la réforme agraire pour améliorer la situation sociale des paysans lettons et estoniens³⁾. Par l'abolition des privilèges de la noblesse, il veut réaliser „le salut du pays entier“. D'autre part, il lutte contre le journalisme russe qui veut engager le gouvernement à russifier les provinces de la Baltique⁴⁾, et veut sauvegarder, même corroborer la supériorité de la civilisation „germano-protestante“ dans ces parties de l'empire russe⁵⁾. Ses écrits politiques révèlent un de ces nobles champions du progrès social et culturel qui s'efforçaient de conduire le sort des peuples de la Russie „asiatique“ vers un ave-

1) Nous pensons surtout à l'Histoire de la poésie de Thalès Bernard.

2) V. la poésie *Morgengruss an den freien Westen* (Bei der Nachricht vom 24. Februar 1848) aux pages 80—81 du recueil *Aus beiden Welten. Dichtungen von Jégór von Sivers*, Leipzig, Carl Fr. Fleischer, 1863, pp. IV + 144.

3) *Livländische Lebensfragen von einem Landtagsverpflichteten*, Riga, Nicolai Kymmel, 1864, pp. 16.

Zur Revision der livländischen Verfassung von Jégór von Sivers, 1869, pp. 31.

4) *Appell an die europäische Oeffentlichkeit gegen die russischen Zeitungen von einem Deutschen*, Leipzig, A. Edelmann, 1865, pp. VIII + 24, en traduction française: *Appel à la publicité européenne contre le journalisme russe au sujet des tentatives faites à Moscou et à Saint-Petersbourg pour engager le gouvernement à russifier les provinces de la Baltique*, par un Allemand qui étant natif de la Livonie, appartient politiquement à la Russie, Paris, E. Dentu, 1867, pp. 39.

5) Cf.: Jégór v. Sivers: *Humboldt und die deutsche Bildungsquelle in Livland*, Leipzig, 1869, p. 9; v. p. 8: „Wahren wir

nir européen. Son nom restera dans l'histoire du libéralisme en Russie. Il a même pressenti le triste sort qui est échu à cet empire après plus d'un demi-siècle. Son activité politique a été vue d'un mauvais oeil par les autorités, de même que son ami français, Thalès Bernard n'a pu réaliser ses projets en matière de littérature.

C'est l'esprit libéral de Jégor von Sivers et sa bienveillance pour les peuples estonien et letton — subjugués alors par la noblesse balte et les autorités russes — qui expliquent son intérêt pour la poésie populaire de ces peuples. Il publie plusieurs recueils de poésies, parmi lesquels il faut nommer, avant tout, „Palmen und Birken“¹⁾ (Palmiers et bouleaux), qui contient quelques chants estoniens, en traductions allemandes. Les poésies de ce recueil excellent — selon Grotthusz — par la forme du langage nullement vulgaire, ce qui fait que le contenu a toujours une certaine importance et réveille l'intérêt.

C'est aussi ce recueil qui appelle surtout l'attention de Thalès Bernard, toujours à l'affût de poètes nouveaux et de poésies populaires inconnues, sur les Estoniens. Il fait, après l'apparition des Palmiers et bouleaux, la connaissance de Jégor von Sivers, vraisemblablement quand le poète balte voyageait en France. Se mettant d'accord avec Sivers en ce qui concerne la littérature et les principes esthétiques, Thalès Bernard commence à étudier avec ferveur et enthousiasme la poésie populaire, les traditions épiques et la mythologie des Estoniens. Un recueil de poésies, *Litterarisches Taschenbuch der Deutschen in Russland*²⁾, publié par Sivers en 1858, paraît avec la collaboration de Thalès Bernard, contenant trois poésies, ou mieux

um den höchsten Preis die Quelle unserer Bildung —: Gewissensfreiheit, Sprache, Recht! —

Dass wir deutschen Baltiker jedoch bei solchen Grundsätzen mit diesen Waffen der Humanität und Bildung unsere estnischen und lettischen Landsleute nicht angreifen, sondern vor jeder Vergewaltigung wie uns selbst schützen werden, bedarf wohl keiner ausdrücklichen Versicherung“.

1) *Palmen und Birken. Dichtungen von Jegór von Sivers*, Leipzig, J. J. Weber, 1853 (deuxième édition, augmentée), pp. XII + 244. La première édition parut en 1852.

2) *Litterarisches Taschenbuch der Deutschen in Russland*. Herausgegeben von Jegór von Sivers, Riga, N. Kymmel, 1858, pp. XII + 330; Musikbeilagen pp. 7. (I. Seitdem, de Sivers; II. Lettische Volksmelodien). Avec des poésies françaises par Thalès Bernard pp. 118—128.

des „imitations des Thalès Bernard“ sur des sujets estoniens, avec la traduction française d'une poésie de Jégor von Sivers, mise en musique par H. Truhn.

Sans connaître la langue, Thalès Bernard imite le style de la poésie populaire estonienne et devient ainsi le collaborateur d'un poète allemand-russe. Il n'y a pas à s'étonner de la méthode employée par Thalès Bernard. C'est sa manière accoutumée de regarder les chants populaires seulement comme une matière première, envers laquelle le poète cultivé a certains devoirs. Il doit „transformer le genre qui lui servait de base, en y introduisant un élément intellectuel : l'agitation de la pensée en face de la nature, et son élan vers les étoiles où doivent s'accomplir nos destinées“¹⁾. Il propose ce procédé à tous ses confrères : „contentons-nous donc de créer, d'après la poésie populaire, une poésie cultivée, dans laquelle nous conserverons les ravissantes inspirations de la première, en les fécondant par un élément intellectuel et religieux qui leur donne plus de force“²⁾.

Thalès Bernard salue en Jégor von Sivers un confrère selon son goût. Dans son enthousiasme, et pour exprimer son estime amicale, il lui adresse une poésie — manière ordinaire de Thalès Bernard, d'honorer les poètes étrangers — que voici :

Au poète russe Jégor von Sivers³⁾.

Ah ! si tu la voyais quand le soir elle rêve,
Appuyant doucement son beau front sur sa main,
Et regardant les cieux, et paisible comme Ève,
Avant que le serpent n'eût paru dans l'Eden ;

Si tu voyais sa lèvre où le charmant sourire
Éclôt comme une fleur au souffle parfumé,
Quand dans ses yeux baissés mes yeux cherchent à lire
Un nom mystérieux, celui du bien-aimé ;

La contemplant ainsi par son rêve embellie,
Comme un bouton qui penche et commence à s'ouvrir,
Tu redirais tout bas le doux nom d'Ophélie,
Et ton coeur languissant se laisserait mourir !

1) Thalès Bernard : Poésies nouvelles. Préface, p. 2.

2) Thalès Bernard : Lettres sur la poésie.

3) Thalès Bernard : Poésies nouvelles, p. 116.

Cette poésie, dans laquelle Thalès Bernard s'efforce d'écrire dans le style de Jégor von Sivers et dans l'esprit de la poésie populaire, est une de ces nombreuses adaptations avec lesquelles il a voulu renouveler la poésie d'art. Mais, comme on peut en juger, il a manqué du talent suffisant pour réaliser ses principes. Ce poème reste loin du véritable esprit et caractère de la poésie populaire, il est plutôt savant et maniéré. La naïveté, la fraîcheur d'impressions, qui rend immortels, par exemple, les poèmes de Petöfi, sont étouffées par le théoricien que fut Thalès Bernard.

Il y a plus de sincérité dans le sonnet suivant, adressé, comme nous croyons, à Jégor von Sivers, lors de la séparation des deux amis :

A un poète voyageur¹⁾.

Ami, n'oubliez pas quand la mer incertaine
Bercera votre barque au gré du flot chanteur,
Celui qui, sans prévoir une heure encor lointaine,
Se plut à vous aimer, et vous donna son coeur.

Vainement, loin de moi, le hasard vous enchaîne ;
Et qu'importe, après tout, que le Destin moqueur
Jette l'un sur la mer et l'autre dans la plaine,
De l'espace et du temps l'Esprit reste vainqueur.

Quand, au sein de la nuit, perçant son chaste voile,
Nous verrons sur nos fronts luire la même étoile,
Qu' un même sentiment nous rapproche tous deux ;

Et que nos coeurs jumeaux, s'élevant sous la nue,
Comme ces purs rayons d'une flamme inconnue,
Séparés ici-bas, s'unissent dans les cieux !

L'intérêt commun pour la poésie populaire, la recherche du sentiment de la nature et de l'exaltation métaphysique créent une solide amitié entre Thalès Bernard et Jégor von Sivers. Leurs relations ne sont pas seulement passagères. Thalès Bernard fait connaître son ami à des poètes français, qui, comme Achille Millien, portent un intérêt à la poésie populaire²⁾. Il rend

1) Thalès Bernard : *Adorations*, p. 236.

2) J'ai découvert les ouvrages de Thalès Bernard, pourvus de la dédicace de l'auteur, parmi les restes de la riche bibliothèque de Jégor von

même quelques services utiles à Jégor von Sivers, quand celui-ci séjourne à Paris, en 1870, obtenant pour lui la protection d'Emile Deschamps. Nous avons déjà mentionné l'intérêt du vieux dilettante pour les littératures étrangères. Il comptait parmi ses amis plusieurs Russes d'une haute culture et de la haute société de Paris (M. Mestcherski, M-me Swetchine, le comte Schouwloff). C'est par eux qu'il se documentait sur les Russes et la Russie. S'intéressant surtout aux peuples slaves, c'est vraisemblablement pour cela qu'il protégeait à Paris, pendant la guerre de 1870, Jégor von Sivers qu'on prenait toujours, malgré son nom, pour un Russe. Une lettre, adressée par Thalès Bernard à Emile Deschamps, nous révèle les débuts de la connaissance entre Deschamps et Sivers : „Cher et excellent maître, ... J'ai eu avant-hier la visite du poète russe Jégor von Sivers, qui m'a longuement parlé de vous, en me manifestant le désir d'aller vous voir à Versailles. Je ne sais s'il a exécuté sa résolution. Je l'ai longuement entretenu de vous et il a pris une part si sincère aux calamités qui vous ont frappé. Ce qu'il connaît surtout de vous, ce sont vos belles imitations et il en a apprécié tout le mérite. Car lui-même a lutté surtout contre des difficultés du même genre en traduisant en allemand des chants estoniens dans ses *Palmiers et bouleaux*...“¹⁾.

Or, ce recueil de poésies *Palmen und Birken*, avec une dédicace adressée au célèbre savant allemand Alexander von Humboldt, contient ces poésies sur des sujets estoniens qui sont la source la plus abondante des adaptations de Thalès Bernard, et c'est d'après elles qu'il va formuler ses opinions esthétiques, en définissant le caractère de la poésie populaire estonienne.

Le recueil de Jégor von Sivers se compose de six parties. La troisième, les Feuilles septentrionales — *Nordische Blätter*, écrite en 1844—1849, est la plus étendue. Nous y trouvons, d'une part, l'utilisation poétique des impressions que

Sivers, qui à la suite de la révolution russe sont venus échoués entre les mains d'un antiquaire à Tartu, Monsieur H. Martinson. Dans cette bibliothèque se rencontre aussi un recueil d'Achille Millien — *Premières poésies* — avec une poésie intitulée A Thalès Bernard (p. 38), témoignage de l'amitié qui liait ces trois poètes.

1) Henri Girard, ouvrage cité, p. 492, lettre de Thalès Bernard à Emile Deschamps, le 18 avril, 1870.

la patrie septentrionale inspirait au poète, d'autre part, les poésies que Jégor von Sivers écrivait sous l'influence des chants esto-niens. La nomenclature de ces dernières est la suivante :

„Dämmerungscene“. (Von Pleskauschen Esten),	p. 131—132
„Klage des Leibeigenen“. (Von Plesk. Esten),	p. 133—134
„Der Sänger“. (Estnisches Volkslied aus Strand-wierland),	p. 135—137
„Der verlorene Bruder“. (Aus der Gegend von Pernau),	p. 138
„Die Bestrafte“. (Volkslied der Strandesten bei Pernau),	p. 139—141
„Einsame Liebesklage“. (Estnisches Volkslied bei Fellin),	p. 142—143
„Heimlicher Gast“. (Estn. Volksl. bei Fellin),	p. 144
„Die Brautwerbung“. (Estnisches Volkslied bei Fellin und Pernau),	p. 145—147
„Estnisches Brautlied einer Waisen“ (aus Wierland),	p. 148—151
„Wannemunne's Sang“. Eine estnische Volksage,	p. 152—154
„Mythe“ in neun Gesängen (frei nach Ueberlieferung eines Volksängers)	p. 155—167

Outre Palmiers et bouleaux, ce sont les recueils Balladen und Lieder, Deutsche Dichter in Russland, Aus beiden Welten, publiés par Jégor von Sivers, qui peuvent être désignés comme les sources utilisées par Thalès Bernard. C'est par ces quatre recueils qu' il a eu l'occasion de connaître, surtout dans des remaniements allemands de Jégor von Sivers, la poésie populaire estonienne.

Le recueil Balladen und Lieder¹⁾ contient deux légendes estoniennes (parmi les poésies de -r-, ce qui est le signe de Jégor von Sivers):

1. Wannemunne's erster Sang, p. 18—26.
2. Wannemunne's letzter Sang, p. 27—34.

Ces légendes se rencontrent dans deux autres recueils de Jégor von Sivers: la première n'est pas autre chose que Wannemunne's Sang dans Palmiers et bouleaux

1) Balladen und Lieder von -r-, S-h, C. Glitsch, A. W. v. Wittorff, C. Stern, Dorpat, Franz Kluge, 1846, pp. VI + 256.

(pp. 152—154), tandis que le recueil *Aus beiden Welten*¹⁾ contient la deuxième, sous le titre :

„Der Sängerkampf“. (Estnische Volksage), pp. 27—32.

Dans le même recueil se trouve

„Soea-laul“²⁾. (Altes estnisches Krieglied), pp. 33—42.

En ce qui concerne l'anthologie *Deutsche Dichter in Russland*, Thalès Bernard en a utilisé la préface (*Geschichtliche Einleitung*) et peut-être la poésie de Minna von Maedler-Witte :

„Koit und Aemmarik“. (Morgenroth und Abendroth). Estnische Volksage, pp. 358—361.

Ces quatre recueils contiennent encore quelques remaniements de l'estonien, mais dont nous n'avons pas retrouvé les correspondants chez Thalès Bernard. On peut dire, par conséquent, que c'est des poésies citées ci-dessus qu'il a tiré des matières pour ses adaptations. Il est possible qu'il connaissait aussi les *Ehstnische Volkslieder*³⁾ de Heinrich Neus, en tout cas il a eu connaissance de l'activité de ce collectionneur de poésies populaires estoniennes.

Dans le chapitre suivant nous allons expliquer la correspondance des „imitations“ et des traductions de Thalès Bernard avec les poésies publiées dans les divers recueils de Jégor von Sivers. Il est évident, que les imitations et traductions de Thalès Bernard diffèrent par le caractère, la forme et le contenu des chants populaires estoniens, Thalès Bernard s'étant servi de textes remaniés par Jégor von Sivers et d'autres poètes allemands des pays baltiques.

Thalès Bernard a traduit, mot pour mot, quelques poésies à sujets estoniens de Jégor von Sivers ; il en a remanié librement d'autres, et il a composé même quelques imitations, des poésies plus ou moins originales, dans le genre estonien. Dans leur nombre il y a quelques-unes que le triste passé de ce peuple lui a inspirées.

1) *Aus beiden Welten*. Dichtungen von Jégor von Sivers, Leipzig. Carl F. Fleischer, 1863, pp. IV + 144.

2) Selon l'orthographe d'aujourd'hui : *Sõjalaul* = Chanson de guerre.

3) *Ehstnische Volkslieder*. Urschrift und Uebersetzung von H. Neus, in drei Abtheilungen, Reval, Kluge und Ströhm, 1850—1852, pp. XX + 477.

III. Les opinions de Thalès Bernard sur la poésie populaire estonienne. Les traductions et les imitations faites par Thalès Bernard, des poésies aux sujets estoniens, de Jégor von Sivers.

En faisant connaître les déclarations de Thalès Bernard qui se rapportent à la poésie populaire estonienne, il faut avouer que son enthousiasme pour la patrie et le peuple de Jégor von Sivers vient surtout de ce qu' ils lui rappellent la Bretagne. „L'Estonie ne manque pas d'une certaine analogie avec notre Bretagne“ — dit-il. „Aussi comme la poésie armoricaine, la poésie estonienne est-elle sombre et triste, tout en laissant jaillir quelques éclairs empruntés à l'Orient. Son caractère saillant est une tendance panthéistique qu' on ne retrouve point dans les autres littératures européennes“¹⁾.

Le panthéisme est un courant qui entraîne Thalès Bernard. Il est donc heureux de pouvoir aussi le découvrir dans la poésie populaire. Il compare celles de divers peuples et constate, au point de vue du panthéisme, ce qui suit: „Dans les poésies de la Bretagne, dans celles de la Servie, dans celles de la Grèce le sentiment chrétien domine le panthéisme; mais les chanteurs estoniens, bohémiens, finnois détournent leurs yeux de la croix du Sauveur pour regarder la cime de la montagne ou la longue flèche du sapin. Il circule dans toute la végétation une âme invisible qui se révèle indistinctement par les suaves parfums, par les fraîches nuances des corolles, par les bruits mystérieux des feuillages; le poète populaire l'absorbe et cadence dans ses rythmes tout ce qu' il a pris à la nature; comme il est l'enfant de celle-ci, puisqu' il est né, comme la fleur, du milieu de la lande, il aspire à retourner en elle; la mort n'est rien pour lui; la destinée qu' il désire, c'est d'enfermer son souffle dans les rameaux du tremble, c'est de frémir le soir dans les vagues argentées du lac, dans les vapeurs éclairées par la lune. L'âme et la

1) Thalès Bernard: Histoire de la poésie, p. 606.

nature apparaissent ainsi, dans les compositions primitives, mêlées l'une à l'autre . . .“¹⁾).

En un mot, c'est un penchant pour le panthéisme qui s'exprime dans les poésies estoniennes et finnoises, ce qui augmente leur valeur aux yeux de Thalès Bernard, lui aussi ayant de semblables penchants. Pour illustrer sa thèse, que la poésie populaire peut contenir les germes du panthéisme, il cite le fragment suivant, traduit de l'estonien: „Oh! que puis-je? Oh! que puis-je? moi pauvre porteur de soucis! Je dois bientôt mettre ma tête fatiguée sur le tronc vert du saule, et mon corps vieilli dans l'herbe, et mon pied dans la racine rugueuse. Allons penser aux choses passées, allons renaître en forêt de bouleaux: je veux me mouvoir en souffle de vent, avec les rameaux qui s'abaissent et les rameaux qui s'élèvent“²⁾).

L'esprit panthéiste, mêlé au sentiment exquis de la nature, la tendance à la personnification de celle-ci, sont les traits caractéristiques de la poésie estonienne; telle est la conviction de Thalès Bernard. Il les explique par l'influence du climat et de la nature septentrionaux. Il pénètre profondément dans la connaissance de l'âme des habitants du Nord, en esquisant le tableau suivant: „On croirait peut-être que l'affection qui confond l'homme avec la nature doit se manifester dans le Midi plutôt que dans le Nord. Le sentiment opposé est plus vrai. Dans les contrées mélancoliques, l'homme, ayant besoin d'aimer davantage pour combler le vide de son coeur, entoure la nature d'une tendresse plus grande“³⁾).

L'homme du Nord est intimement lié avec la nature. „Ces forêts aux mornes ombres, ces eaux pesantes où nagent les cygnes, sont lugubres sans doute pour l'oeil qui les contemple; mais elles ont une existence moins agitée que celle de l'homme; aussi ce dernier s'éprend-il d'amour pour elles. Quelle joie de déposer son corps fatigué et de se laisser bercer à toutes les brises, comme les ondes de ces lacs tranquilles, de mener au sein des bois une vie ignorée et silencieuse! Il semble que cet avenir d'immobile béatitude convienne mieux à l'esprit de courage qu' un Eden rempli de voluptés divines. C'est donc vers la nature que se tourne l'âme lorsqu' elle est cruellement frappée.

1) Ibid., p. 576.

2) Ibid. p. 606. L'original de ce fragment m'est inconnu.

3) Ibid. p. 607.

L'orpheline qui n'a plus d'oreille amie pour entendre ses plaintes, s'adresse aux arbres de la forêt! Cependant le panthéisme des Estoniens n'est pas toujours aussi sombre. Avec les trois mois d'été, qui viennent embraser le ciel de la Finlande, s'éveille dans l'homme une activité fiévreuse. Cette rêverie vague que produit la solitude des bois, ces attendrissements qui semblent s'élever des plaines où dorment les lueurs de la lune, ont besoin de revêtir une forme positive. La nature a creusé un vide dans le coeur, c'est la femme qui le remplira. Vainement, en Estonie comme en Bretagne, un ciel lugubre, une mer irritée dirigent habituellement la pensée vers de graves sujets de méditation. Il faut que la jeunesse ait son heure de prospérité, son entier épanouissement. Alors le coeur ne voit plus la nature qu' à travers celle qu' il aime; le monde extérieur ne sert plus à rien qu' à lui fournir des couleurs pour peindre les sentiments qui agitent l'amoureux. Cette transformation est visible dans la poésie suivante, due à un écrivain estonien, M. Jégör von Sivers, qui l'a publiée, en 1854, à Leipsick dans son recueil intitulé „Palmiers et bouleaux“. Cette composition présente quelques idées modernes; mais le fond est tiré d'un chant du pays et les images appartiennent toutes à la poésie estonienne¹⁾.

Pour montrer la justesse de cette peinture des Estoniens, peuple du Nord, et de leur poésie, Thalès Bernard cite traduit en prose le poème intitulé „Mythe“²⁾ de Jégör von Sivers, que ce dernier prétend avoir écrit lui-même en remaniant des traditions apprises d'un chanteur populaire.

Mythe.

„Je te salue, ô bénie; ta taille est comme un sapin qui s'élève entre de jeunes bouleaux; en grâces tu égales le chevreuil qui bondit sur la rive boisée du fleuve; ta chevelure est belle comme l'herbe, quand elle ondule sous la brise. Ta joue est fleurie comme le rosier qui s'épanouit sous ma fenêtre. Ton oeil est la limpide source de mes

1) Ibid. p. 607—609.

2) Cf. Jégör von Sivers: *Palmen und Birken* pp. 155—167. „Mythe“, in neun Gesängen (frei nach Überlieferung eines Volkssängers). Le texte publié par Thalès Bernard est une traduction mot pour mot de la poésie de Sivers avec la différence que celle-ci est divisée en neuf chants et écrite en vers libres. Dans le texte français, chaque alinéa répond à un chant chez Sivers.

joies, et au-dessus de la source s'arrondissent des ponts à la courbe hardie. Ton front est comme l'image de la nue reflétée dans un étang tranquille. Tes lèvres sont formées d'ambre qu'ont bercé les vagues caressantes, et tes dents sont des perles, des perles précieuses, qu'ont travaillées les huîtres industrieuses. Ton oreille est comme une violette qui a surpris aux fleurs des mots d'amour quand elles s'ouvrent pour répandre leurs arômes. Aucune fille ne pare un cou beau comme le tien, et ton sein est rempli de secrets charmants. Ton souffle est embaumé comme le parfum de l'oeillet. Ta voix est plus suave que le murmure des tilleuls en fleurs. Tes paroles sont douces comme le miel; pures comme l'or sont tes pensées. Ton esprit jaillit comme la source d'Orro. Ton imagination est plus enchanteresse que la voix du rossignol, s'élevant des buissons chargés de fleurs odorantes, plus riche que tous les trésors du monde. Quand je te vois t'avancer c'est une déesse qui marche. Quand tu dors, tu es charmante comme une nuit de mai, et ton rêve est doux comme la prière d'un ange. Tu souris, et le soleil triomphe; tu pleures, et la lune s'afflige. Tu agis, la divinité te regarde; tu te reposes, le temps s'arrête aussitôt. Quand tu pries, chacun s'empresse de te servir, et ce que tu as défendu, qui oserait l'entreprendre? Celui que tu hais, meurt, et celui que tu aimes, reste toujours jeune en toi.

„Pourquoi m'as-tu abandonné, toi en qui j'espère? Où t'arrêtes-tu encore? J'étais beau comme l'aurore, dans mes yeux brillait ta victoire. Je poussais des cris de joie comme la jeune hirondelle, et ma lèvre était la source de tes louanges. A présent mon oeil est un étang solitaire, et les cils pendent dessus comme un saule pleureur. Ma lèvre est comme le rossignol qui se désole de la mort de sa compagne. Lorsque tu étais encore avec moi, je te disais: qui peut nous séparer? La mort elle-même nous conduira ensemble dans une étoile heureuse. A présent je suis triste comme le jour qui va mourir, parce que le soleil l'abandonne.

„Mon âme était affligée, et j'étais couché à la source d'Orro, semblable à un orme renversé par l'orage. J'étais couché comme un frêne tombé sous la hache du bûcheron. Les boucles de mes cheveux pendaient dans le courant, et les vagues frémissantes jouaient avec elles, comme avec les feuilles d'un frêne renversé. Alors retentit à mes oreilles un chant. Je crus que c'était un rêve. Je reconnus une chanson, et je pensai que la bien-aimée était là. Cependant, lorsque je levai les yeux, j'eus un grand mouvement de crainte, car sur une pierre contre la mousse, était assise une vierge séduisante comme une matinée de

printemps, fraîche comme les flots qui jouaient à ses pieds. Elle chantait d'une manière si charmante, que les poissons se soulevaient pour baiser son pied. En même temps elle peignait ses cheveux et les parait¹⁾. Elle me regarda avec un charme irrésistible, et ses yeux parlèrent. Moi je m'élançai et je criai : Tu n'es pas celle que j'aime ! veux-tu m'abuser, nymphe méchante ? En beauté tu égales le couchant, et ta voix ravit comme le chant d'un dieu. Cependant tes dents sont de fer, et tes embrassements donnent la mort. Ainsi je criai ; mais elle disparut plaintive dans le sein des vagues.

„Je suis parti pour te chercher ; où pourrais-je retrouver mon âme ? J'ai demandé aux sapins élancés : Où est celle dont la taille est comme la vôtre ? Ils ne m'ont pas compris. Au gazon que le vent agite j'ai demandé : Où est celle dont la chevelure est comme la tienne ? Mais le gazon n'a rien su dire. J'ai demandé à la rose sous ma fenêtre : Où est celle dont la joue est fleurie comme toi ? La rose a exhalé son arôme et n'a point parlé. Au jeune chevreuil, sur la rive brisée du fleuve, j'ai demandé : Où est celle qui t'égale en grâce ? Mais le chevreuil a eu peur et s'est enfui. J'ai été sur la montagne au point du jour, mais le matin n'a pas écouté mon appel. Quand le soir est venu, j'ai été dans la vallée et j'ai pleuré, car le soir, lui non plus, n'a pas pris garde à ma voix. Vers la forêt je me suis dirigé et j'ai crié : Dois-je donc toujours chercher en vain ? En vain a répondu l'écho, et il a raillé mes larmes. J'ai voulu interroger la joie ; mais elle était bien éloignée et ne me connaissait plus. J'ai interrogé la douleur, et elle est restée muette. Par les chemins j'ai cherché, mais sans succès. J'ai visité les châteaux, tu n'y étais pas. J'ai erré dans les villes ; mais là, nulle trace de toi. J'ai regardé par les fenêtres, j'ai franchi les portes ; mais tu n'es pas venue au-devant de moi. Les hauteurs n'ont rien su de toi ; rien de toi les vallées !

„Par delà la mer, j'ai voulu chercher mon salut. Je suis monté dans un vaisseau, et les vents ont soufflé du sud. J'étais assis dans un char, et neuf chevaux me tiraient, neuf chevaux marins à la peau luisante. Ils se montraient toujours plus ardents à mesure que nous avançons et frappaient la vague de leurs sabots, bleus comme l'acier. Et lorsque le rivage fut loin derrière moi, je vis le dieu du tonnerre qui chevauchait sur un coursier de nuage. Il tira son épée formidable et il cria d'une voix qui retentit au loin : Neuf chevaux pour un char ? C'est trop ! Et il frappa leur dos avec son épée, qui étincela et reten-

1) Le motif de Lorelei. Cf. M. J. Eisen : *Estnische Mythologie*, Leipzig, 1925, p. 88—89.

tit bruyamment. Les chevaux se cabrèrent avec épouvante, leurs crinières tourbillonnèrent sous un vent d'orage. Ils disparurent tous les neuf, et de la vague il en sortit un seul, plus grand que tous les neuf ensemble. Il soufflait la vapeur et l'écume, ses yeux roulaient comme des globes de feux, et ses piaffements faisaient retentir la mer. Quand il frappait du sabot, nous étions inondés de la tête aux pieds. Tel était le coursier qui traînait l'esquif chancelant. Je me réjouissais de sa force, car il m'emportait vers la bien-aimée. Et lorsque nous approchâmes de la côte, l'orage s'apaisa, parce qu'un dieu l'ordonna ainsi.

„J'ai gagné la terre et j'ai commencé à chercher ma bien-aimée, au milieu des hommes. Et ils m'ont demandé qui je suis et quel emploi j'exerce? J'ai répondu: je suis un aveugle qui regarde avec surprise la beauté du monde, un pigeon fasciné par les chants d'une déesse, je suis plein d'un tendre sentiment, mais rien ne m'émeut. Je suis un souffle qui ne sait où il va. Je suis un riche qui a perdu fortune et biens. Je suis un pasteur qui désirerait retrouver son troupeau. Je suis une énigme qui cherche son mot. Oh! vous, chers étrangers, dites si vous avez vu ma vierge? Oh! vous, belles femmes, révélez-moi où s'est cachée ma bien-aimée! Ainsi j'ai parlé; mais les hommes m'ont jeté un regard étrange, et les femmes ont chuchoté entre elles. Mais je ne me suis pas reposé: il faut me précipiter à sa recherche.

„Dois-je parler de tout ce que j'ai rencontré! Je suis parvenu jusqu'à des côtes éloignées; j'ai voyagé sur des mers inconnues. J'ai honoré des divinités étrangères, et elles m'ont protégé. J'ai combattu un génie des montagnes qui avait des serpents pour cheveux; je me suis défendu contre de méchants esprits qui se dressaient devant moi, et j'ai été vainqueur, car le Tonnant était à mon côté avec un glaive rouge. Les dangers que j'ai surmontés sont sans nombre; les terres que j'ai parcourues, incommensurables. Je veux retourner dans ma patrie, et habiter de nouveau à Orro. Orro a de riches champs de blé qui font ondoyer leurs épis. A Orro murmurent les ormes sacrés. Les tilleuls ont là de douces ombres. Sous les tilleuls je veux me coucher, quand ils sont en fleurs, et je veux penser à mon amour, quand ils embaument. Les abeilles viendront de la forêt, elles viendront, en bourdonnant, tirer le miel des fleurs. Et moi, je dormirai et j'oublierai mes chagrins, mes chagrins j'oublierai, et je ne penserai plus à mon pèlerinage. Les anciens jours renaîtront, et de nouveau je rêverai d'elle. Mon âme brillera de joie, comme un feu que les pêcheurs allument la nuit sur le rivage. Mon cœur bondira comme un agneau qui foule pour la première fois la prairie verdoyante.

„Salut, ô ma patrie! Mon coeur te salue, Orro béni! Tu es charmant comme une parole d'amour, désiré comme la première alouette au printemps! Le soleil, oeil aux cils d'or, éclaire encore une fois la montagne et la forêt. Déjà la lune me salue d'un sourire amical. Les cimes s'inclinent mystérieusement tantôt vers moi, tantôt vers elle. Au bas de la vallée coule le ruisseau tranquille, du sein des eaux s'élèvent des brumes qui voltigent et disparaissent. Dans les joncs résonne le cri de la caille semblable à la prière du soir. Sur le sommet du bouleau la grive chante en mélodies solennelles, la louange de la Divinité!

„J'étais assis sous les bouleaux; le vent du soir agitait leurs branches, et comme je regardais à l'horizon, une émotion me saisit, si étrange, si délicieuse! j'entendis venir des pas légers: c'était comme si le soleil fût descendu dans mon coeur. Je regardai, et . . . c'était elle, celle que je cherchais, la seule, l'unique que j'aime; elle venait tranquille comme un nuage au couchant, et mon âme la salua avec ivresse. Elle venait tranquille comme un nuage à l'aurore. A peine osai-je la saluer. Elle posa un doigt sur sa lèvre, et m'ordonna de parler bas, pour ne pas rompre le charme. Je me tus, car j'étais heureux. Sa voix résonna, et je tressaillis. Elle commença à parler, et mon âme faillit mourir au son de sa voix: Tu m'as demandée et tu m'as cherchée, mais ta fatigue était vaine. J'étais près de toi pour te protéger, et tu ne l'as pas su. Je t'ai suivi pour te guider sans que tu l'aies pressenti. Comprends à présent et n'oublie pas les paroles de ta bien-aimée: qui me cherche ne me trouvera pas, je viens sans être appelée, quand personne ne le sait. Aujourd'hui j'arrive, car c'est mon heure“¹⁾.

Thalès Bernard a remanié librement aussi, en vers, la même poésie, avec la différence qu' il a omis le chant V du texte de Jégor von Sivers. Cette variation a paru, sous le titre *La Bien-aimée*, dans le recueil *Literarisches Taschenbuch*²⁾, six ans avant l'édition de l'*Histoire de la poésie* qui contient la variation en prose. Voici le texte du remaniement en vers:

1) Thalès Bernard: *Histoire de la poésie*, pp. 609—616.

2) *Literarisches Taschenbuch der Deutschen in Russland*. Imitations de Thalès Bernard: 3. *La Bien-aimée*, pp. 119—129, avec la remarque du rédacteur (J. v. Sivers): *Nachahmung der „Mythe“ in acht Gesängen von Jégor von Sivers „Palmen und Birken“*. 2. Aufl. SS. 155—167. C'est une erreur, la poésie „Mythe“ contenant dans la deuxième édition des Palmiers et bouleaux neuf chants.

La Bien-aimée.

I.

Mon coeur te salue, o Divine,
Charmante comme le bouleau
Que la brise de la colline
Indolemment berce sur l'eau !

Tu ressembles au faon timide
Qui, gracieux, court et bondit
Venant boire à la rive humide
Où le gazon toujours verdit !

Comme la mousse parfumée,
Tes cheveux frémissent au vent,
Ta joue est la rose embaumée,
Tes yeux sont un cristal vivant !

Ton beau front est comme l'image
Qui flotte dans le lac d'azur,
Lorsqu' au printemps un blanc nuage
Frissonne au milieu du ciel pur !

Tes lèvres sont l'ambre qui passe
Bercé par le flot souriant,
Et quand tes dents brillent, s'efface
L'éclat des perles d'orient !

Ton oreille est la violette
Qui confuse, au déclin du jour,
Près du ruisseau qui les reflète
Surprend aux fleurs des mots d'amour !

Ton menton sourit, o charmante,
Et dans ton sein est le secret
Qui ravit d'extase ou tourmente,
Ton souffle est un parfum d'oeillet !

Ta voix semble le doux murmure
Du vert tilleul chargé de fleurs ;
Comme l'or, ta pensée est pure,
Tes mots sont doux comme des pleurs !

Quand tu soupîres, le ciel change ;
Souris-tu ? revient le soleil ;
Comme la prière d'un ange
Est le rêve de ton sommeil !

O vierge, si ta lèvre ordonne,
Chacun s'empresse à te servir,
Celui que tu chéris, rayonne,
Celui que tu hais, va mourir !

II.

Bénie, en qui j'espère encore,
Dis, pourquoi m'as-tu délaissé ?
Ah ! j'étais beau comme l'aurore
Quand ton oeil vainqueur m'eut blessé !

Gai comme la jeune hirondelle,
Je chantais mon amour heureux.
Ton nom sur ma lèvre fidèle
Montait de mon coeur amoureux !

Mes yeux sont un lac solitaire
Qu' habite la morne douleur,
Les cils pendent de ma paupière
Comme fait un saule pleureur !

Ma lèvre est l'oiseau sans compagne¹⁾
Qui, désolé par le chasseur,
Pleure la nuit, dans la campagne
Sa douce maîtresse et sa soeur !

Je disais, parole menteuse !
„Nos coeurs qu' on ne peut désunir
Iront dans une étoile heureuse
Quand viendra l'heure de mourir !“

Mais à présent je sais me plaindre,
A présent je suis accablé,
Comme le jour qui doit s'éteindre
Parce que l'astre s'est voilé !

1) Dans le texte du *Taschenbuch* se trouve, par faute d'impression *campagne*, au lieu de *compagne*.

III.

Mes yeux versaient larme sur larme,
Près du torrent j'étais couché
Comme le tronc blessé du charme
Que la cognée a détaché !

J'étais là, gisant au rivage :
Avec mes cheveux le flot clair
Jouait, comme avec le feuillage
D'un chêne frappé par l'éclair !

Comme avec la feuille flétrie
D'un orme, qui, déraciné,
Tombe dans la verte prairie
Quand sur lui la hache a tonné !

A mon oreille une voix tendre
Tout à coup murmura tout bas,
Comme si l'amour m'allait rendre
Celle que je n'espérais pas !

Un chant bruissait plein d'harmonie
Pendant que mon coeur écoutait,
Je pensais t'entendre, o bénie !
C'était une autre qui chantait !

Assise là, sur une pierre,
Charmente comme un frais matin,
Une fée à blanche paupière
Jetait sa voix dans le lointain !

Le chagrin m'ayant fait débile
J'eus un frisson, et cependant
Tous les poissons de l'eau tranquille
Venaient baiser son pied charmant !

Elle peignait ses tresses blondes,
Et tout à coup me regardant
La nymphe des rapides ondes
Me fit signe d'un oeil ardent !

Mais je criai dans ma colère :
„Espères-tu donc m'abuser ?
„Tu n'es pas celle qui sait plaire
„Au coeur qu' elle a voulu briser !

„Belle comme le crépuscule,
„Le Sage, à l'esprit calme et fort
„Devant toi s'effraie et recule,
„Car tes baisers donnent la mort!“

Lorsque j'eus dit, la pâle fée
Sans répondre à mes sombres mots,
Poussant une plainte étouffée,
Disparut dans le sein des flots!

IV.

J'ai voulu retrouver mon âme
Infatigable, j'ai cherché,
Et me plaignant comme une femme
Du bouleau me suis approché!

„Pâle enfant du bois solitaire,
„Oh! guéris mon coeur désolé!
„As-tu vu celle qui m'est chère?“
Mais le bouleau n'a point parlé!

Aux gazons humides qui tremblent,
J'ai dit: „Avez-vous aperçu
Les blonds cheveux qui vous ressemblent?“
Mais le gazon n'en a rien su!

Aux rosiers dont le souffle embaume
J'ai dit: „Celle qui m'a surpris
„A pour haleine votre arôme!“
Mais le rosier n'a pas compris.

Au faon j'ai dit: „Tu connais celle
„Qui court charmante comme toi,
Pied léger, conduis-moi près d'elle!“
Le faon s'est enfui plein d'effroi.

A l'aurore sur la montagne
J'ai couru porter mon appel;
Le soir dans la brune campagne
J'ai prié la reine du ciel!

Mais le matin n'a rien pu dire,
La lune a méprisé ma voix,
Alors plus haut je l'ai fait bruire,
J'ai crié son nom dans les bois.

„Est-ce en vain que mon coeur implore
„Celle dont les yeux m'ont perdu,
„En vain que je la cherche encore?
„En vain!“ l'écho m'a répondu.

J'ai voulu parler à la joie,
Mais elle m'avait oublié,
Le chagrin où mon coeur se noie
Vainement je l'ai supplié;

J'ai suivi les routes lointaines,
Je suis allé dans les châteaux,
J'ai visité les tours hautaines
Qui dominent les verts coteaux!

Les villes ont vu mon passage,
Aux fenêtres j'ai regardé,
Mais nulle part son doux visage
Souriant, ne m'a salué!

Rien d'elle n'ont su les vallées
Où j'ai cherché ce que j'aimais,
Et sous les voûtes étoilées,
Rien d'elle, les hardis sommets!

V¹⁾.

Aux hommes qui peuplent la terre,
J'ai demandé ma route aussi:
„Où vit la vierge qui m'est chère,
A-t-elle habité près d'ici?“

Mais sans accomplir ma prière:
„Que fais-tu? m'ont ils répondu,
„Ta voix est pleine de mystère,
„Parle, voyageur éperdu!“

Je leur ai dit: „Pigeon tranquille,
„Un chant divin m'a fasciné;
„Berger, je cours d'un pied agile
„De mes chèvres abandonné!

1) Cf. le bel épisode marin (cinquième alinéa du texte en prose, p. 35) qui manque dans cette variation.

„Aveugle, la beauté du monde
„Enfin a brillé sous mes yeux,
„Je parcours la campagne blonde
„Pour un trésor mystérieux !
„N'avez-vous pas vu ma maîtresse ?
„Parlez, parlez, hôtes chéris !
„O femmes, un chagrin m'opprime,
„Dites un mot et je guéris !“

Ils m'ont fixé d'un oeil étrange,
Et les femmes ont chuchoté . . .
Mais ne crains pas que mon coeur change,
Toi vers qui mon coeur s'est porté !

VI.

Ce que j'ai vu, comment le dire ;
Océans, pays désolés,
Pour calmer mon coeur qui soupire
Partout mes pas s'en sont allés !

La nuit, sur les mers inconnues,
M'ont accablé mille dangers,
Gravissant des montagnes nues,
J'ai touché des cieux étrangers !

Demain, je veux avec l'aurore,
Cesser un voyage fatal
Et sous le rayon qui le dore,
Retourner au pays natal !

Dans Orro l'épi se balance,
Là, tremblent mes ormes chéris,
Là, murmurent dans le silence
Les rameaux des tilleuls fleuris !

Auprès des blancs ruisseaux qui fument,
Je veux, dans un calme bonheur,
Sous les tilleuls qui me parfument,
Penser au songe de mon coeur !

Sous mes yeux viendront les abeilles
Demander le pur miel aux fleurs
Qui s'arrondissent en corbeilles
Mariant leurs fraîches couleurs !

Je veux dormir, suivant mon rêve,
Loin des angoisses d'autrefois,
Écoutant le chant qui s'élève
Mélodieux, au fond des bois.

Et de la douleur qui me ronge
Oubliant enfin le tourment,
Je te reverrai dans un songe,
O douce amie, au front charmant !

D'ivresse brillera mon âme
Sous l'extase de son bonheur,
Comme la nuit brille la flamme
Qu' à la rive allume un pêcheur !

Dans mon coeur se pressant en foule,
Bondiront les plus douces voix,
Comme un agneau bêlant qui foule
Le pré pour la première fois !

VII.

Je te salue, o ma patrie,
O mon pays, salut encor,
Doux comme une lèvre chérie,
Comme une plaine aux épis d'or !

Mon coeur te bénit, calme terre,
Plus charmante après si longtemps,
Comme le baiser d'une mère,
Comme l'alouette au printemps !

Le blanc soleil sur la vallée,
Disque argenté, brille toujours,
Et la lune à demi voilée
Me sourit comme aux premiers jours !

Pour saluer ma tête blonde,
S'incline le tronc des bouleaux,
Le vent rêveur agite l'onde,
Une vapeur monte des eaux !

Le flot murmure sur la rive,
Et commençant un chant de feu,
Sur le tremble agité, la grive
Chante les louanges de Dieu !

VIII.

En moi portant toujours ma peine,
J'étais couché sous un tilleul,
Mes yeux regardaient dans la plaine,
Mon cœur me dit : „tu n'es plus seul !“

Un souffle, un sentiment étrange,
Dans mon âme avait frissonné,
J'entendis les doux pas d'un ange :
Je levai mon oeil fasciné !

Je vis en moi le ciel descendre,
Car c'était elle qui venait,
Elle marchait heureuse et tendre,
Comme un ami qu' on reconnaît !

Elle venait douce et charmante
Ainsi qu' un nuage au couchant,
Dans l'air que le soleil argente
Ainsi qu' un nuage au levant !

Mon âme allait au devant d'elle,
Timide, j'allais lui parler :
Je contins ma lèvre fidèle,
Le charme aurait pu s'envoler !

Enfin résonna sa voix sainte
Pendant que mon cœur remuait,
Et moi, plein d'amour et de crainte,
Je l'écoutai, calme et muet !

„Oh ! vainement tu m'as cherchée,
„Dans ton espoir toujours déçu ;
„De toi je me suis approchée,
„Mais tes yeux n'ont rien aperçu.

„Je t'ai suivi moi, dans ta route,
„Sans que tu pusses voir mes pas,
„Aujourd'hui je te parle, écoute :
„Je resterai ! va, ne crains pas !

„Qui me cherche, vaine souffrance!
„Se prépare plus d'un tourment,
„Car, laissant mourir l'Espérance,
„Je viens sans qu'on sache comment!

„Nulle prière qui m'obtienne!
„Mais, quittant mon ciel inconnu,
„Je pose ma main dans la tienne . . .
„Aujourd'hui l'instant est venu!“

Nous n'avons pas réussi à retrouver l'original estonien de la poésie de Jégor von Sivers qui admet lui-même avoir composé librement sa poésie d'après les traditions d'un chanteur populaire estonien et non pas avoir utilisé une poésie populaire. Le mot allemand „Ueberlieferung“ ne peut guère signifier autre chose qu'une tradition, un récit en prose. Il paraît donc que nous avons à faire à un remaniement savant et assez libre, sinon à une fiction poétique, de sorte qu'on peut affirmer que la poésie intitulée „Mythe“ est une oeuvre toute personnelle de Jégor von Sivers lui-même. Comme éléments empruntés incontestablement de la poésie populaire estonienne on ne peut considérer que les questions adressées à l'aurore et à la lune, tandis que le motif de Lorelei est emprunté aux contes populaires estoniens¹⁾.

C'est donc de ces points de vue qu'il faut envisager les deux poésies citées plus haut. Comme elles, tous les remaniements, imitations ou traductions publiés dans notre ouvrage montrent des qualités analogues: elles sont pour la plupart des oeuvres personnelles de Sivers et de Bernard où, quelquefois, l'élément estonien joue un rôle assez insignifiant. Mais, malgré le délayage sentimental de Jégor von Sivers, où l'influence du romantisme allemand²⁾ ne manque pas, et „la transformation intellectuelle et métaphysique“ de Thalès Bernard, on ne peut pas contester que tous ces précis sont bien choisis et contiennent des détails charmants. Aujourd'hui on ne les prendrait plus comme modèles pour constater le caractère de la poésie populaire

1) Des renseignements oraux, donnés par le Professeur Walter Anderson, folkloriste distingué à l'université estonienne de Tartu.

2) Le programme et l'activité de Herder ont été bien connus par Sivers, de sorte qu'on le peut regarder comme un disciple de Herder.

estonienne, mais pour Thalès Bernard elles étaient une belle preuve de l'âme poétique du peuple estonien. C'est pourquoi il l'appelle „peuple . . . admirablement doué pour la poésie sentimentale“¹⁾.

* * *

De même que pour la poésie lyrique, Jégor von Sivers a éveillé aussi l'intérêt de Thalès Bernard envers la tradition épique des Estoniens. Il ne tarde pas à exprimer son admiration pour elle : „on croirait à peine qu' un peuple aussi admirablement doué pour la poésie sentimentale, puisse connaître la poésie épique, sans être sorti de l'état sauvage. Les Estoniens possèdent pourtant une épopée, le Kalevipoeg, dont la valeur littéraire est considérable“²⁾.

Voici ce que Thalès Bernard écrit sur le Kalevipoeg, qui est, à juste titre, la fierté nationale des Estoniens : „On savait depuis longtemps qu' il existait à l'état fragmentaire dans le pays, lorsqu' en 1857, grâce aux soins du docteur Kreutzwald et à ceux de la société estonienne à Dorpat³⁾, les érudits en ont pu lire les premiers chants. Le docteur Kreutzwald a réussi, avec des fatigues infinies, à recomposer une oeuvre littéraire qui n'avait jamais été écrite. Il a retrouvé ce poème morceau par morceau, en errant à travers le pays, en s'asseyant dans les cabanes des pêcheurs, en écoutant les chansons des jeunes mères, et, après avoir comparé tout ce qu' il avait recueilli, il est parvenu à obtenir une épopée suivie, dont il a dû cependant remplir de nombreuses lacunes, en versifiant ce qui ne lui avait été raconté qu' en prose. Mais, avec cette candeur qu' apportent toujours les Allemands⁴⁾ dans les travaux de cette nature, il a distingué, par des marques spéciales, ce qu' il a littéralement transcrit de la bouche du peuple, de ce qu' il a été obligé de mettre en vers. On voit donc comment se font les Iliades. Elles naissent spontanément dans une contrée, comme la végétation, comme la langue, et elles

1) Thalès Bernard : Histoire de la poésie, p. 617.

2) Ibid.

3) Thalès Bernard pense à la Société Savante Estonienne — Gelehrte Estnische Gesellschaft à Tartu-Dorpat, fondée en 1838.

4) Malgré son nom allemand, Kreutzwald (= Rist mets en estonien) a été Estonien. Beaucoup d'Estoniens portent même de nos jours des noms allemands, qui leur ont été jadis imposés par les seigneurs baltes.

subsistent avec mille variantes, jusqu' au jour où un Homère leur donne une forme définitive¹⁾.

Le Français, Thalès Bernard est un des premiers à l'étranger, qui ait reconnu la valeur de l'épopée estonienne. Il voit même dans la composition du Kalevipoeg un exemple récent, expliquant la naissance des grandes épopées naïves. Mais il va trop loin en attribuant aux soins et aux efforts du docteur Kreutzwald le talent et l'importance d'un Homère. Il est reconnu, en général, que le talent poétique, surtout en ce qui concerne la versification et le maniement de la langue, a manqué au compositeur du Kalevipoeg. D'autre part, les études récentes, surtout celles du savant finnois, Karttunen²⁾, ont éclairé l'origine véritable de cette épopée. Les marques spéciales employées par Kreutzwald induisent en erreur le lecteur, puisqu'il publie souvent en marques spéciales des vers qui sont inventés incontestablement par lui-même. Il faut même bien noter que le peuple estonien ne connaît pas de chansons épiques sur Kalevipoeg, mais seulement des légendes en prose sur ce personnage mythique. Les sources véritables du Kalevipoeg sont — outre ces légendes prosaïques — d'autres légendes et contes en prose, mais qui ne se rapportent pas à Kalevipoeg; des chansons lyriques et lyrico-épiques qui, de même, ne se rapportent pas à Kalevipoeg; le Kalevala finnois et, enfin, la propre imagination de Kreutzwald.

Thalès Bernard donne la caractéristique suivante de cette épopée: „Le Kalevipoeg — dit-il — terme qui veut dire fils de Kalev, raconte la mort du vieux Kalev et les aventures de ses fils. Il y a des scènes délicieuses dans ce poème. On y trouve une parfaite sensibilité, des peintures marines d'une vérité frappante, et des récits très animés de batailles et de festins. Un passage est surtout remarquable, c'est lorsque le fils de Kalev, voyageant à la recherche de sa mère, entend, au milieu de la nuit, une jeune fille moduler un chant passionné dans lequel elle s'adresse à son bien-aimé. Pour la séduire, le héros élève lui-même la voix, et toutes les richesses de la poésie estonienne sont déployées dans ce chant alterné, qui est d'une grande simplicité. Un mérite semblable caractérise le passage où le héros

1) Thalès Bernard. Histoire de la poésie, pp. 617—618.

2) Cf. U. Karttunen: Kalevipoegin kokoonpano (La composition du Kalevipoeg), Helsinki, 1905, pp. 103 + XXIV.

conjecture, d'après un rêve, que sa mère n'est plus de ce monde. Au contraire, l'énergie de l'épopée éclate dans le sixième chant, qui dépeint le héros se choisissant une épée. La joie du festin qui suit la célébration du marché, le trouble que cause l'ivresse, les querelles et les massacres qu' elle amène, tout cela est traité magistralement, et fait du Kalevipoeg un des plus curieux monuments de l'ancienne poésie¹⁾.

Pour relever l'originalité de l'épopée, Thalès Bernard en cite le passage où une vieille femme indique au héros, d'une manière qu' un homme de nos jours ne retiendrait pas aussi facilement, le chemin qu' il doit suivre pour arriver à la forge où il trouvera son épée²⁾. Voici ce passage: „Tu peux sûrement te rendre sans guide à la forge. Pour cela tu traverses d'abord la lande, puis le petit bois de sapin; tu suis le cours du fleuve pendant une journée, pendant deux journées, peut-être pendant trois. Tu te tournes alors vers le couchant, et tu rencontres une montagne, une haute montagne sur la route. Tu la côtoies jusqu' à ce que tu trouves à gauche, un sentier qu' il faut suivre; une petite rivière se présente sur la droite, il la faut côtoyer aussi tant que tu n'auras pas rencontré l'endroit où grondent trois cascades. En tournant le dos à celle-ci, tu aperçois une vallée; c'est à l'extrémité de cette vallée que se trouve, ombragée par d'épais buissons et cachée au fond d'une grotte, située au bas d'un versant très-élevé, la forge du célèbre armurier“³⁾.

Il faut bien remarquer aussi les opinions élogieuses de Thalès Bernard, quand il compare le Kalevipoeg avec d'autres épopées naïves, en premier lieu avec le Kalevala finnois. Il prise le premier plus fort, et voici ce qu'il dit: „Il y a quelques analogies entre le Kalevipoeg et le Kalevala; mais je préfère le premier, parce que, comme la bizarre mythologie des Finnois y figure moins souvent, il a un air plus simple et plus naturel. Au fond, le fils de Kalev est un paladin analogue au Toldi hongrois, au Marko servien, et s'il emploie un chêne en guise de massue, c'est un exploit qu' on retrouve mentionné dans nos vieux romans

1) Thalès Bernard. Histoire de la poésie, pp. 618—619. .

2) Cet épisode — Kalevipoeg chez le forgeron finnois — n'est pas d'origine purement estonienne, puisqu' il est emprunté au Kalevala des Finnois.

3) Ibid. p. 620.

de chevalerie“¹⁾. Thalès Bernard s'essaie à trouver des types analogues à Kalevipoeg en Hongrie, en Serbie et en France. Il est superflu de dire qu' il n' existe aucune parenté entre les héros cités.

Un beau passage du premier chant du Kalevipoeg, le mariage de la vierge Salm e avec le fils des étoiles a été remanié librement par Thalès Bernard, qui se servait, comme source, du texte d'un poème de Jégór von Sivers „Die Brautwerbung“²⁾.

Le fils des Etoiles.

Un beau matin, fillette sage,
Sortant de sa blanche maison,
Trouva, courant sur le gazon,
Une poule au brillant plumage;

Sans plus tarder, elle l'emporte,
Une enfant rose naît ainsi,
Elle est belle, et déjà voici
Plus d'un prétendant sur la porte!

Etoiles, blond soleil et lune
Ont envoyé leur fils tous trois,
Qui, joyeux, débouchant du bois,
S'en viennent tenter la fortune.

Le fils de la lune est très pâle,
Mais il porte un casque d'acier
Et quand il pique son coursier,
Un éclair luit sur son front mâle,

Pourtant Salmé, la fille blonde,
Le repoussant d'un air mutin,
Lui dit: „le soir et le matin,
Tu répands la brume à la ronde!“

1) Ibid. p. 620.

2) Cf. Jégór von Sivers: *Palmen und Birken*, pp. 145—147; et: *Kalewipoeg, aus dem Estnischen übertragen von F. Löwe... herausgegeben von W. Reiman, Reval, Franz Kluge, 1900*, pp. XXXII + 343; *Erster Gesang*, pp. 10—20; chez Neus (ouvr. cité) v. pp. 9—23, *Salm e* (variations A-B-C-D). La variation A montre une ressemblance avec la poésie de Sivers.

Au fils du soleil qui s'avance,
Ses yeux pourraient bien profiter,
Mais Salmé, pour le rebuter,
Lui dit tout haut ce qu' elle pense :

„Retourne-t-en seul chez ton père,
Sur mon âme, il se conduit mal ;
C'est lui qui, d'un rayon fatal,
Au mois d'août brûle la terre.

„Lorsqu' on va prendre les faucilles,
On trouve le sol desséché ;
Le pois sur sa tige est couché,
C'est toi qui flétris les lentilles !“

Mais enfin le fils des étoiles
Apparaît sur un cheval d'or,
Son harnais seul vaut un trésor,
Et Salmé rougit sous ses voiles.

Dans sa ferveur hospitalière
Elle crie au palefrenier :
„Verse l'avoine du panier,
Mets du foin frais dans la litière.

„Et toi, fils de l'étoile blanche,
A notre table il faut t'asseoir ;
Pour faire le repas du soir,
Nous avons du pain sur la planche.

„Sur le banc où le coq sautille,
Place-toi vite, hôte béni,
Et mange dans le plat verni
Le rôti fumant qui pétille !“

Mais le futur préfère attendre ;
Il refuse de s'attabler,
Disant qu' il ne veut pas parler
Si Salmé n'est là pour l'entendre !

Et Salmé criant à voix haute
En voyant qu'il ne voudra pas
Commencer tout seul son repas,
Du grenier cause avec son hôte.

„Laisse le temps à l'orpheline,
Pardonne-lui de s'attarder;
Sa mère, hélas! ne peut l'aider,
Car elle dort sur la colline.

„O blond futur, autre moi-même,
Ta promise veut t'adorer,
Mais permets-lui de se parer
Pour mieux plaire à celui qu'elle aime!“¹⁾.

Ce remaniement de Thalès Bernard est traduit avec quelques modifications, négligeant plusieurs motifs qui se trouvent dans le poème de Jégor von Sivers. Ainsi, par exemple, chez Sivers ce sont les vieilles femmes du village qui aident Salmé à s'habiller, tandis que celle-ci exhorte le fiancé impatient, d'attendre qu' elle soit habillée et parée. Ce motif, d'ailleurs, rappelle un passage du chant de l'Orpheline que nous allons citer plus bas.

* * *

Outre le Kalevipoeg, Thalès Bernard a choisi un autre précis de la tradition épique des Estoniens qu' il publie dans son „Histoire de la poésie“²⁾. Il veut prouver que la poésie héroïque prend quelquefois, chez les Estoniens, un caractère peu belliqueux, ce qui s'explique par la destinée malheureuse du peuple. Le poème que Thalès Bernard remercie également Jégor von Sivers de lui avoir communiqué, paraît être assez ancien et a reçu sa forme actuelle vers le XVI-e siècle, remarque Thalès Bernard. Il s'y agit d'une jeune fille qui se bat sous des vêtements d'homme, tandis que les jeunes gens du village ne sont pas trop courageux. Thalès Bernard découvre une version de ce sujet dans une poésie grecque, parue parmi les chants grecs d'un certain Marcellus. Cette poésie épique estonienne, dont nous allons publier l'adaptation en prose par Thalès Bernard, peut être mise en parallèle avec la poésie intitulée Soea laul³⁾ (Chan-

1) Thalès Bernard: *Mémoires pastorales*, VIe livraison, 1869, p. 4.

2) V. *ibid.* pp. 621—628.

3) J. v. Sivers: *Aus beiden Welten*, pp. 33—42: Soea laul — selon l'orthographe actuelle Sõjalaul — (Altes estnisches Kriegslied).

son de guerre) de Jégor von Sivers, dont elle n'est qu'une traduction mot à mot. Le récit de Sivers est un libre remaniement d'une poésie populaire estonienne. Le motif principal est exprimé dans le quatrain cité par Sivers en tête de sa poésie¹⁾. Comme source, Jégor von Sivers a dû se servir de la chanson épique „Altes Kriegslied“ publiée par Neus²⁾, malgré la différence qu'on peut trouver entre le texte de Sivers et de Neus. Le quatrain cité par Sivers est, en tout cas, emprunté à la version de Neus. Voici la traduction de Thalès Bernard :

I.

„Les chants de guerre roulent et retentissent à travers les plaines ; à l'appel de l'aigle, ils se sont abattus sur les campagnes. L'angoisse s'empare des jeunes filles ; la pâle crainte glace les épouses.

„Amis et frères, venez en hâte tenir conseil auprès du chef. Qui de nous ira au combat, qui suivra la bannière, là où les épées commencèrent la danse, où les mousquets leur répondent ?

„Oh ! puisse la fille de notre oncle mort, puisse l'orpheline présenter la pointe de son bonnet devant la hache, et opposer sa robe à l'orage ! Le havresac pressera son dos fatigué, et l'épée suspendue au baudrier, son flanc délicat. Si l'ennemi aperçoit la débile vierge, la compassion le saisira et le disposera à la paix. Donc, vous hommes, restez à la maison, fort rempart pour les faibles vieillards, pour les femmes, pour les enfants, et dans la forêt silencieuse, soyez un mur de fer.

„O vous vieillards à l'esprit débile, chefs dont le cerveau prudent s'est troublé, envoyez à la guerre la jeune vierge, petit oiseau qui goûtera le sang, colombe qui couvrera le carnage ; un havresac presse son dos élégant, nul prétendant ne s'approche d'elle ! Une lourde

-
- 1) „Ei olle soean naine armas, „Dans la bataille la femme n'est pas
chère,
Naine armas, kasai kallis, La femme ni la bien-aimée. [épée,
Soean on armas allas moega, Dans la bataille c'est la tranchante
Kallis kange paeae hobbone !“ Le cheval à la tête vigoureuse !“

2) H. Neus: *Ehstnische Volkslieder*, pp. 312—321: *Altes Kriegslied*. Cf. la variation A, p. 320 :

„Ei ole sõas naine armas,
Naine armas, kaasa kallis.
Sõas armas haljas mõek,
Kallis kangepää hobune“.

ceinture enferme son sein. Certes nul enfant ne lui pourrait réussir ! Elle entend le bruit du mousquet, elle croit que les murailles s'écroulent, elle croit, quand les lointaines épées étincellent, qu'elles lui entaillent déjà le cou. Elle voit brandir une hache de combat, elle croit qu'elle lui apporte la mort !

II.

„Et la vierge partit pour la guerre ; elle choisit avec joie le sentier de la haine, à cause de son frère bien-aimé ! Fusil sur l'épaule, épée au flanc, elle se rend vers les tentes.

„Lorsqu'elle se fut jointe à l'armée, à tous les combattants, il lui tombe des doigts un bel anneau d'or, et pour le ramasser, elle se baisse jusqu'à terre dans la poussière. Oh ! brille alors la frange de sa chemise ornée d'une broderie élégante et au dessus s'arrondit son mollet plein et rond, avec sa jarretière tendue et son genou si délicat et si charmant. Hélas ! le secret de sa tunique a trahi son sexe !

„Le chef s'en aperçoit et le fait remarquer au maréchal d'armée ; celui-ci parle à la jeune fille : „que pourrait une femme dans le combat, que peut son bonnet sous la bannière, à côté des haches et des épées. Ouvre les ailes, petite colombe, retourne au logis, blonde petite fille ! afin que l'ennemi altéré de sang, afin que l'éclair de l'épée ne te trouve pas sur son chemin. Va vite, les bambins te demandent, va bercer les marmots ! Ni épouses, ni filles ne trouvent grâce devant le combat. La nourriture des guerriers, ce n'est pas du lait, c'est du sang, c'est lui qui humecte nos aliments. Equipe donc ton frère pour le combat, envoie le bras vigoureux dans la bataille, prépare son cheval au hardi soldat.

III.

„Et la fille s'en retourna en pleurant au logis, dans la cour de l'oncle, plantée d'aulnes. Avec angoisse la voit revenir sa mère ; elle se hâte au devant d'elle, et elle tient conseil avec le père sur l'ordre qui a été donné ! Blottis dans le coin de la chambre, les marmots écoutent la discussion.

„Pendant que le frère se prépare, que la mère lui dispose sa tunique, que le père lui selle son cheval, qu'un hôte lui polit ses éperons, la soeur adoptive lui parle en pleurant :

„O toi, mon frère, mon bien-aimé, lorsque couvert de ton bouclier, tu quitteras le camp pour suivre dans la bataille sanglante les combattants armés de haches, ne te mets jamais au premier rang, ne te place pas non plus à l'arrière-garde. Mets-toi au milieu de tous les

bataillons, tiens-toi contre le drapeau. Car l'avant-garde comme l'arrière-garde aura beaucoup à souffrir, le carnage frappera les deux flancs. Tiens-toi donc toujours dans le corps du milieu, celui-là seulement reviendra au logis".

IV.

Pendant sept années sévit la guerre cruelle. Une vapeur bleuâtre cache le ciel, le feu rouge dévore villages et forêts; le sang des combattants arrose les plaines; le lâche gémit accablé de fers. Les Russes traînent après eux et le sang et le meurtre. Et cependant les héros aiment mieux mourir en combattant; ils aiment mieux périr au milieu des bataillons ennemis plutôt que de languir dans les tortures sur un lit de douleur, plutôt que d'être consumés par la vieillesse. Heureux qui a trouvé la mort dans le combat, qui est tombé au milieu de la danse des épées, qui s'est glacé frappé par le dard de l'arbalète. Il ne se tordra pas en soupirant, sans trouver le sommeil sur une couche douloureuse; il ne succombera pas au poids de ses angoisses! C'est une belle mort que d'expirer sur le champ de bataille; alors la bien-aimée nous pleure et s'écrie: „Mon fiancé est tombé dans la plaine, plus hardi qu'aucun des combattants!" — Mais, hélas! on ne voit plus de prétendants s'approcher des jeunes filles; partout les plaintes, partout les sanglots des veuves!

V.

„Il revient, enfin, après la victoire, le frère, le hardi héros, il chevauche vers la cour plantée d'aulnes, il fait hennir bruyamment son cheval, il fait résonner ses éperons. Les chiens s'élancent furieux: „Viens me saluer, ô ma mère, moi qui suis le fruit bien-aimé de ton sein! Mais le père, la mère ne veulent pas reconnaître l'étranger. „Viens, ô ma soeur, ô bien-aimée du coeur, viens reconnaître ton frère!" L'amour de la soeur a reconnu le frère, l'oeil de la soeur, l'oeil de l'amour! elle l'a reconnu à son ardente pression de main, elle l'a reconnu au collier de son cheval, à la selle, au ceinturon d'argent, à l'épée, aux éperons dorés qui luisent, à la chemise qu'elle a brodée, au havresac qu'elle a attaché.

VI.

„Elle lui a préparé le bain et elle a ranimé son corps en lui offrant des aliments. „Goûte de ce poisson, de ce beurre, de ces oeufs fraîchement bouillis!" et s'asseyant à son côté, elle parle à l'ami et elle l'interroge. „Frère de mon coeur, mon doux ami, comment cela se

passé-t-il à la guerre? Dans le combat un époux pense-t-il à son épouse? — „Soeur chérie, amie aux yeux bruns, lave mes armes couvertes de sang, purifie le bouclier de sa rouille, et ensuite je parlerai de la guerre“.

Elle obéit à son indication et il lui dit: „Soeur de mon coeur, fleur à la tige frêle, fleur embaumée, désir d'amour dans les bras du fiancé, pendant le combat l'épouse n'est plus rien, l'épouse ni la bien-aimée! Ce qu' il faut alors, c'est le tranchant de l'épée, c'est un cheval aux reins vigoureux!“¹⁾. La bien-aimée reprend aussitôt: „Y avait-il beaucoup de combattants?“ — „Soeur de mon coeur, amie aux yeux bruns, il y avait autant de têtes d'hommes dans la plaine qu' on voit dans le marais de touffes de gazon!“ La bien-aimée demande encore: „Beaucoup de sang a-t-il coulé dans le combat?“ — „Soeur bien-aimée, amie aux yeux bruns, regarde là-bas du côté du moulin, de même le sang a coulé en ruisseau dans la plaine, le sang des Saxons qui nous montait jusqu' à la selle, le sang des ennemis qui nous venait jusqu' au ceinturon. Quant au sang de nos compatriotes, je ne l'ai pas mesuré. — Il était intarissable! Mais ne me demande plus, ô ma vie, ce qui s'est passé encore, car ce que la guerre renferme dans son sein n'est pas fait pour les oreilles des vierges“.

Le même sujet, l'histoire de la jeune fille qui combat sous des vêtements d'homme, se rencontre chez Thalès Bernard dans une autre variation aussi remaniée librement et en vers, sous le titre „Salmé“²⁾.

Salmé.

A Victor Fournel.

I.

Le renard effrayé glapit dans la tanière,
 Le cri de l'aigle a résonné;
 Car avant le combat, saluant la bannière,
 Déjà le mousquet a tonné.
 En tout lieu retentit la menace ou la plainte,
 Honte sur toi, rude ennemi:
 Les vierges aux yeux bleus, succombant sous la crainte,
 Depuis trois jours n'ont pas dormi!

1) Le détail principal et d'origine populaire de cette chanson de guerre.

2) Thalès Bernard: Poésies nouvelles, p. 155 et suivantes. Salmé est un nom de femme très fréquent chez les Estoniens. Il se rencontre aussi dans le Kalevipoeg. Cf. Le fils des étoiles.

Ce n'est pas le moment de nous mettre en prières :
Arrachons-nous au lourd sommeil,
Et gagnons le coteau que les frères bruyères
Recouvrent d'un manteau vermeil.
Qui de nous, saisissant la cuirasse et la lance,
Suivra les hardis bataillons
Qui, cachés par la nuit, cheminent en silence,
Broyant le blé dans les sillons ?
Ah ! puisse au lieu de nous s'éloigner l'orpheline,
L'enfant par notre oncle adopté,
Et que, pour le combat, brille sur sa poitrine
Le sabre au reflet argenté !
En la voyant ainsi défaite et toute en larmes,
Porter le havre-sac épais,
Nos ennemis, peut-être, abaisseront leurs armes,
Et voudront bien signer la paix !
Ainsi donc, ô vous tous que la guerre épouvante,
Ne partez-pas au rendez-vous :
Pour sauver le village, en muraille vivante,
Dans la forêt unissons-nous !
Mais vous, faibles vieillards, vous dont l'âme est troublée,
A la vierge ôtez son fuseau,
Et qu' elle aille, pour nous, affrontant la mêlée,
Goûter le sang comme un oiseau !
Qu' elle avance, hardie, au milieu de la guerre ;
Seule, elle peut nous protéger,
La fille aux cheveux blonds qui, joyeuse naguère,
Ouvrait le bal d'un pied léger !

II.

Et la vierge aussitôt s'éloignant du village,
Car son frère à l'appel manquait,
Pour le sauver oublie et son sexe et son âge,
Et soulève le lourd mousquet !
Elle est charmante encor, mais nul ne la courtise :
Sous le sabre qui la défend,
Son ventre virginal, que le ceinturon brise,
Ne pourrait point porter d'enfant !
Elle suit le sentier, blanche comme une étoile ;
Mais tout en chantant elle a peur,

Car l'horizon lointain, que la forêt lui voile,
Est plein d'une rouge vapeur !
Son regard s'éblouit aux éclairs de la hache,
Elle croit voir en frémissant
Sa tête aux boucles d'or, que le sabre détache,
Rouler à terre avec son sang !
Pourtant, épée au flanc et fusil sur l'épaule,
Son courage la fait marcher ;
Plus pâle que la feuille au vert rameau du saule,
Elle commence à s'approcher.
Pour saluer le chef elle franchit la plaine
Où les héros sont réunis,
Et regarde en passant, sur le sommet du chêne,
Les oiseaux trembler dans leurs nids.
Mais, hélas ! de sa main, si charmante et si douce,
Voici qu' une bague a roulé ;
Salmé pour la saisir s'incline sur la mousse,
Sa robe indiscreète a parlé !
Le dur chef qui s'étonne a vu ses jambes rondes,
Il a vu son genou charmant ;
Tout est perdu pour toi, guerrière aux tresses blondes,
Tu n'a pu sauver ton amant !
„Ouvre ton aile rose, ô timide colombe,
Lui dit le chef en souriant,
Regarde le couchant, déjà le soleil tombe,
L'étoile monte à l'orient !
Au foyer maternel va retrouver ton gîte ;
Sans toi l'enfant blond doit gémir ;
Sur sa couche paisible il se lève et s'agite,
C'est toi qu' il attend pour dormir !
Evite le mousquet et l'éclair des épées,
A l'ombre du toit qui t'est cher ;
Frêle orpheline, ici nos mains sont occupées
Jour et nuit à travailler la chair !
Ni fumeux hydromel, ni lait ne nous abreuve ;
Fiers vautours fondants des sommets,
Nous buvons le sang rouge épanché comme un fleuve,
Et les cadavres sont nos mets !
Pauvre Salmé, fais donc partir pour la bataille,
Ton frère, le hardi soldat ;

L'homicide mousquet siéra mieux à sa taille ;
C'est lui qu' il faut pour le combat !"

III.

Alors vers la maison s'en revient l'orpheline,
Les deux mains humides de pleurs ;
Elle a senti son coeur mourir dans sa poitrine,
Et sans les voir foule les fleurs.
Elle passe les vieux puits qu' un châtaignier abrite
Et sent redoubler son chagrin
En voyant à ses pieds sa poule favorite,
Pour lui parler quitter le grain.
Elle se jette enfin dans les bras de sa mère,
Disant l'ordre qu' elle a reçu,
Lorsque le chef hautain, sur la rouge bruyère,
De sa ruse s'est aperçu !
La famille en tremblant s'assemble et se recueille ;
L'enfant blond que sa couche attend,
Sur le luisant parquet roulant comme une feuille,
Parfois s'arrête en écoutant !
Il te faut donc partir, ô frère, ô fils unique !
Que servirait de supplier ?
Ta mère en sanglotant t'apporte ta tunique,
Ta soeur te rend ton bouclier ;
Ton père, près de toi, se levant de la table,
Fait sonner tes éperons d'or,
Et la cigogne alors, s'éveillant dans l'étable,
Pour te suivre prend son essor !
Écoute les conseils de ta soeur adoptive
Qui, t'embrassant sur le chemin,
Elève dans la nuit sa voix tendre et craintive,
Et pose sa main sur ta main :
„Oh ! quand il te faudra, frère, quitter la tente,
Te couvrant de ton bouclier,
Avant de te jeter dans l'arène sanglante,
Prends garde de rien oublier !
Au premier rang surtout ne choisis point ta place,
Car ceux-là sont trop exposés ;
Ils ont tant à frapper, leur main est vite lasse,
Et bientôt ils tombent brisés !

Aux imprudents aussi laisse l'arrière-garde,
S'il faut fuire, elle est en danger!
Malheur à l'homme vain qui marche et se hasarde
Sans rempart pour le protéger!
Oh! frère, mets-toi donc où le drapeau voltige
En étincelants tourbillons,
Pour garder l'étendard ondulant sur sa tige
Là se pressent les bataillons!"

IV.

Douze lunes sept fois ont vu rugir la guerre
Posant partout son pied cruel;
Les cadavres au loin s'entassent sur la terre,
Une vapeur cache le ciel.
Le sang des combattants rougit les vertes plaines,
Tous les villages sont en feu,
Et les vieillards pressés dans les églises pleines
Ne savent comment prier Dieu!
Bienheureux le blessé qui tombe sur le sable,
Et voyant ses jours révolus,
Aux clameurs des corbeaux change un corps périssable
Pour la couronne des élus!
Il ne trouvera pas regagnant son village,
A la place où fut sa maison,
La femme qu' il aimait, spectre au pâle visage,
Dormant morte sur le gazon!
Hélas! tout est douleur, ou carnage, ou ruine,
Les filles n'ont plus d'amoureux,
Les veuves, en pleurant, se frappent la poitrine;
Qui se souvient des jours heureux?

V.

Le voici qui revient, calme après la victoire,
Le frère, hardi combattant,
Monté comme autrefois sur la cavale noire,
Chercher sa maison qui l'attend!
Il s'avance, troublé, sous l'ombre des grands aulnes,
Un frisson arrête ses pas,
Car il entend hurler les dogues aux poils jaunes,
Qui ne le reconnaissent pas.

„Accourez m'embrasser, ô mon père, ô ma mère,
Saluez votre enfant chéri,
Depuis que notre chef est parti pour la guerre
Vos regards ne m'ont pas souri !
Je suis bien votre enfant, votre douce espérance,
Moi, le jeune ami du foyer ;
Hélas ! Un coeur de mère, après sept ans d'absence,
Aurait-il donc pu m'oublier ?“
En l'entendant parler, mais sans le reconnaître,
Les deux vieillards l'ont regardé,
Et chacun d'eux, surpris, au bord de la fenêtre,
En le fixant reste accoudé.
„O toi, du moins, Salmé, pauvre fille orpheline,
Reconnais-moi, je suis bien Lui !“
Et la vierge a senti se gonfler sa poitrine,
Un éclair dans ses yeux a lui.
Oh ! oui, la soeur aimante a deviné le frère ;
La soeur, colombe au coeur constant,
Le reconnaît de suite à sa démarche fière,
A son baudrier éclatant ;
Elle reconnaît bien sa chevelure blonde
Et sa cavale au poil brillant,
Dont un large manteau couvre la croupe ronde,
Et son oeil tendre et souriant !
Auprès du frère aimé l'orpheline s'empresse,
Rougissant comme au premier jour,
Et l'accueille, confuse, avec une caresse,
Salut du fraternel amour.

VI.

Devant l'âtre enfumé disposant la chaudière,
Elle a pour lui chauffé le bain,
Et de ses doigts charmants, sur la table de pierre,
Préparé les mets et le pain :
„O frère bien-aimé, bois, mange et te repose
A ton aise près du foyer.“
Puis sur le banc de chêne elle s'assied et cause,
Empêchant les chiens d'aboyer.
C'est lui ! je le revois, l'ami de ma jeunesse,
Au coeur d'or, ô frère adoré,

Il semble en t'écoutant que mon âme renaisse,
Pour toi, vois-tu, j'ai tant pleuré !
Sept fois la sorbe verte a mûri sur la branche
Depuis le moment de l'adieu,
Et sept fois à l'hiver j'ai vu la neige blanche
Couvrir d'un voile le ciel bleu.
Mais mon coeur te chérit et t'est resté fidèle.
Ah ! que de fois, sur le chemin,
Les yeux rouges de pleurs, j'ai dit à l'hirondelle :
L'as tu vu ? Viendra t-il demain ?
Pour moi j'ai bien gardé notre antique demeure,
La cour a ses arbres touffus,
Et poules et pigeons, toujours à la même heure,
Dans mes deux mains se sont repus,
Car je disais souvent : Il faudra qu' il retrouve
Dans la maison, comme autrefois
Le pigeon qui gémit, et la poule qui couve,
Joyeux, répondant à sa voix !
Éloigné trop longtemps de la douce retraite
Où notre oncle s'est endormi,
Ni le pigeon déçu, ni la meute distraite
N'ont su reconnaître un ami.
Mais dans mon coeur, ô frère, a vécu ton image,
Et le soldat qui s'en revient
Demander le repos aux murs de son village
Trouve une soeur qui se souvient".
Et lui, silencieux comme doit être un homme,
Sans sourire et sans soupirer,
N'ose pas regarder celle que son coeur nomme,
Car il aurait peur de pleurer.
„Oh ! mon unique ami, mon frère, lui dit-elle,
Fais moi connaître, le veux-tu ?
Comment, pour triompher dans la guerre cruelle,
Chacun de nous a combattu.
Le soldat belliqueux à la mâle pensée,
Qui sous la bannière est parti,
Revoit-il dans son coeur sa chère fiancée,
Quand la trompette a retenti ?"
„— Charmante fiancée, ô soeur au regard d'ange,
Lave d'abord mon bouclier,

Lui répond le héros qui s'abreuve et qui mange,
La rouille en a terni l'acier".
Et la soeur aussitôt se mettant à l'ouvrage
Sur la table va s'accouder,
Frottant le bouclier où frissonne une image
Qu' elle s'oublie à regarder.
„Fleur au calice d'or, répond enfin le frère,
Fraîche rose au parfum si doux,;
Quand le rauque clairon a déchaîné la guerre,
La femme n'est plus rien pour nous.
Il n'est pas de soldat qui songe à sa promesse,
C'est le glaive tranchant qui sied,
C'est le sabre acéré, c'est la hache qui brise,
C'est la lance au brillant acier".
„— Au milieu du combat, ô bien-aimé, mon frère,
Les héros étaient-ils nombreux?"
„— O soeur au front d'argent, les touffes de bruyère
Dans la lande étaient moindres qu' eux!"
„— Au milieu du combat, ô frère, dis encore,
Beaucoup de sang a-t-il coulé?"
„— S'élançant du rocher où vient blanchir l'aurore,
Les corbeaux par troupe ont volé.
Le sang des égorgés montait jusqu' à la selle,
Le sang noir, le sang des Saxons!"
„— Mais nos morts bien-aimés, ô frère, reprit-elle,
Combien sont-ils dans les buissons?"
„— Laisse en paix, ô Salmé, reposer qui sommeille,
Ta bouche ici doit se fermer,
Déjà trop de carnage a blessé ton oreille:
La femme est faite pour aimer!"

Il ressort de ces deux versions du même sujet que le type de la femme-héroïne a beaucoup inspiré Thalès Bernard, essayant de créer de Salmé une héroïne nationale — une Jeanne d'Arc estonienne — qui prend part aux combats acharnés des Estoniens contre les Russes et surtout contre les chevaliers Saxons, les conquérants des Estoniens païens. Cette „chanson de geste“ doit donc être d'origine très ancienne, les combats contre les Allemands ayant eu lieu au XIII-e siècle. Malheureusement, des données historiques plus précises manquent même dans le texte publié

par Neus, ce qui fait croire — comme le pense aussi un connaisseur distingué de la poésie populaire estonienne, le professeur M. J. Eisen — que le texte de Neus n'est pas tout entier d'origine populaire, mais qu'il est plutôt un remaniement savant, excepté le quatrain également cité par Jégor von Sivers. C'est ce quatrain qui devait inspirer la chanson de guerre publiée par Neus de même que la poésie de Sivers.

* * *

Les deux poésies épiques : Chanson de guerre et Salmé, servent, selon Thalès Bernard, à illustrer le caractère des chants belliqueux estoniens. Ce genre enrichit la poésie populaire estonienne, dont nous avons mentionné déjà un trait caractéristique, c'est-à-dire qu'elle est empreinte d'une nuance panthéiste-mythologique. (Cf. Mythe.) Thalès Bernard distingue une troisième sorte de poésies populaires estoniennes, plus courtes que les précédentes. „Fidèles à leur nature aimante — dit-il — les Estoniens ont remplacé les chants de guerre par des chants élégiaques, dans lesquels la mythologie ne joue aucun rôle¹⁾. C'est une autre particularité, propre surtout à la poésie populaire bretonne, la mélancolie, qui s'y révèle; dans les chants populaires de l'Estonie, il est vrai, moins vigoureusement, mais plus délicatement²⁾. Thalès Bernard cite une de ces poésies populaires dont il existe plusieurs versions et qu'il considère comme la plus belle. C'est la poésie intitulée l'Orpheline³⁾, traduite mot à mot d'après l'Estnisches Brautlied einer Waisen⁴⁾ de Jégor von Sivers. Le même sujet se trouve aussi chez Neus⁵⁾, dans la poésie Altes Waisenlied.

L'Orpheline.

„Je suis seule comme l'hirondelle, et cependant l'hirondelle a son petit mari! Je suis seule comme la poule de bruyère, et cependant la poule de bruyère a un compagnon! Je suis solitaire comme la

1) Thalès Bernard: Histoire de la poésie, p. 628.

2) Thalès Bernard: Adorations, Préface, p. IX.

3) Thalès Bernard: Histoire de la poésie, pp. 629—632.

4) Jégor von Sivers: Palmen und Birken, pp. 148—151; Estnisches Brautlied einer Waisen (aus Wierland).

5) H. Neus, ouvr. cité, pp. 139—143: Altes Waisenlied. A.

grue, et cependant la grue ne voyage point seule ! Seule je suis et délaissée ! Ma mère repose au cimetière, mon père dort dans la tombe profonde. Ce sont les loups qui m'ont bercée pendant mon sommeil, les ours ont pris soin de moi dans les bois, et dans mes jeux les chevreuils m'ont servi de compagnes.

Chacun a sa maison et son foyer qu' il aime ; mais où aller, moi qui suis sans père ? Où me rendre, moi qui suis sans mère ? Où me réfugier, moi qui suis sans frère ? Dans la montagne ou dans la forêt, dans le sein de l'aulne au tronc élancé, sous le feuillage du bouleau, ou sous l'ombre du tremble argenté ? A qui dévoiler mes chagrins ? Qui peut comprendre mes plaintes ? Est-ce le rocher qui est sur le chemin de l'Eglise ? Mais un rocher pourrait-il donc parler ? Il ne comprend pas mon langage, ni les prières des jeunes fiancées. Me plaindrai-je à toi, ô jaune souci ? T'adresserai-je mes prières, ô bleue campanule ? Pleurerai-je sur le jeune gazon ? Mais s'ils entendent mes lamentations, s'ils prêtent l'oreille à mes sanglots, la campanule doit se flétrir, le jaune souci perdra ses feuilles, et le gazon mourra dans la vallée.

Dimanche, j'ai été, pauvre orpheline, avec ma petite soeur à l'église, un voile blanc sur la tête, dans les mains de blancs mouchoirs humides de larmes. Allons au tombeau de notre mère, suis-moi à la fosse de notre père ! Des profondeurs s'est élevée une voix : „Quel pas retentit sur le sable et résonne au bord du tombeau ?“ J'ai répondu avec un soupir : „C'est ta fille qui marche sur le sable, c'est son pied qui heurte le bord du tombeau. Oh ! relève-toi, père aimé, oh ! reviens, chère mère ! Il faut parer ma tête, comme celle des fiancées, il faut disposer les présents de noce, et les mettre en ordre dans le coffre“.

Du tombeau a répondu la mère : „Pauvre enfant, je ne puis venir, il faut que je dorme du sommeil de la tombe. Un gazon soyeux germe sur la terre qui me recouvre, une herbe molle pousse sur mon tombeau. Sur mes yeux sont des fleurs sauvages, à mes pieds des bouquets d'ormes, à ma tête les parfums du tilleul ; que Dieu pare ta tête comme celle d'une jeune épouse, que la Vierge Marie tire du coffre les présents de noce pour t'en revêtir“.

„Mère, mère, écoute ma prière, ne laisse pas ton enfant sans consolations !“ — „Chère fille, mon sommeil est éternel ! Amène les taureaux sur la colline, fais y paître les boeufs, un tel gazon rend les boeufs plus forts, une telle herbe les taureaux plus grands“.

Oh ! s'il y avait aujourd'hui une résurrection, si je pouvais briser les tombeaux ! j'irais chercher une bèche, à la ville je prendrais

la meilleure, au marché je prendrais la plus belle, j'écarterais le sable et le gravier. Au loin je jetterais la terre, le gravier sur la route de l'église et le sable au delà de la ville.

Mais il n'y a pas de résurrection; on ne se réveille point de la tombe. Jamais je ne pourrai revoir ceux qu'autrefois j'ai mis en terre.

La même poésie est citée par Thalès Bernard, mais en forme de „vers“ et avec quelques changements insignifiants, dans la Préface de son recueil de poésies intitulé *Adorations*¹⁾. La poésie est même continuée et Thalès Bernard cite un autre dénoûment de cette charmante composition où le drame est disposé sous une forme plus vive. La mère mourant laisse l'orpheline sans consolation:

La mère inclina sa tête pour mourir

Et l'Amour sortit devant elle;

On emporta la mère de la maison,

Et l'Amour sortit de la cour.

On emporta la mère par le chemin,

Et l'Amour la suivit au long de la haie,

Pendant que regrets et larmes marchaient au bord de l'étang.

Lorsqu' on creuse la terre pour la mère,

L'Amour s'assit au fond de la fosse,

Et, quand on ensevelit la mère,

L'Amour se cache dans les profondeurs.

Nous marchons à présent, nous, pauvres orphelins,

Toi sans père et moi sans mère;

Et nous essayons mutuellement les larmes

Qui tombent de nos yeux,

D'où s'écoulent des ruisseaux

Qui se gonflent en fleuves

Et s'étendent en lacs,

Où viennent boire les troupeaux du village.

Ici, suit un dialogue entre la mère et la fille. La fille n'appelle pas sa mère pour disposer sa parure de noce, elle veut la revoir, parce qu'elle sent avec douleur qu'elle est seule au monde:

1) Thalès Bernard: *Adorations*, Paris, Krabbe, 1855, pp. XI + 244. Cf. *ibid.*, pp. XIV—XVI. Les lignes 7—8: „Je suis seule comme le cygne, Et cependant le cygne a une amie qu'il aime!“ y sont ajoutées; après la 49-e ligne manquent les paroles: „Oh! relève-toi, père aimé“; dans la 60-ème ligne se trouve: „sur ma tête“, au lieu de „à ma tête“.

Monte, ma mère, de ton tombeau,
Viens à moi, qui suis de tous oubliée.
Regarde! le corbeau est là dans ma chambre
Et la neige blanche couvre mes coffres.
Monte, ma mère, de ton tombeau!

La pièce se termine par une résurrection miraculeuse qui donne à cette poésie, selon Thalès Bernard, un caractère de balade allemande:

A présent, la mère se réveille:
— Allons-nous-en maintenant, ô mère,
Allons-nous-en travailler ensemble
Toutes les nuits au clair de lune,
Et faire résonner le bruyant métier,
En tissant la trame aux fils d'or
Avec la chaîne aux fils d'argent!¹⁾

La deuxième version de cette poésie estonienne, le remaniement en „vers“, se rencontre aussi dans le recueil de Thalès Bernard intitulé *Poésies nouvelles*²⁾. Le dénouement de la même version est mentionné aussi dans l'*Histoire de la poésie*, après le texte cité en prose³⁾.

* * *

La tendance à transformer la „matière poétique“ que les chants populaires estoniens, ou pour mieux dire les poésies de Jégor von Sivers, ont inspirée à Thalès Bernard, a fait naître quelques poésies qui sont des remaniements plus indépendants. Par elles, se basant sur ses principes esthétiques, le littérateur français veut imiter le goût et le style des poésies populaires estoniennes. Nous allons reproduire une telle poésie, où il s'agit de Kalèv, le héros légendaire des Estoniens. Cette poésie a pour titre: *La tombe de Kalèv*⁴⁾ et montre une certaine ressemblance avec le poème de Sivers intitulé *Klage des Leibeigenen*⁵⁾. Pour

1) Thalès Bernard: *Adorations*, préface, pp. XVII—XVIII.

2) V. pp. 62—68.

3) V. p. 629.

4) Thalès Bernard, *Poésies nouvelles*, p. 148.

5) Jégor von Sivers, *Palmen und Birken*, pp. 133—134, *Klage des Leibeigenen* (von Pleskauschen Esten).

voir la divergence entre les deux poésies, nous citons celle de Sivers à la suite de celle de Thalès Bernard. Le poème de Sivers peut, d'autre part, être lui-même reconnu dans une poésie esto-nienne, publiée par Neus¹⁾.

La tombe de Kalèv.

Sous les bois où la lune expire,
J'ai porté mon cœur désolé;
Oh! frère, si je pouvais dire
Comment la forêt m'a parlé!

Dans la mousse où Kalèv sommeille
Le vent du soir vient soupirer:
J'ai frissonné, car mon oreille
Entendait les rameaux pleurer!

Lorsque la brume tombe en pluie,
Faisant se plaindre la forêt,
De ces larmes que nul n'essuie
Mon cœur a surpris le secret.

Oh! ce que m'ont dit les étoiles,
Quand la nuit a troublé mes yeux!
Oh! ce qui chante sous tes voiles,
Quand tout s'endort, ciel radieux!

Mais ta parole est un mystère,
Qui le découvre, doit mourir;
Creuse donc une tombe, ô frère,
Où ma mère viendra gémir!

Klage des Leibeigenen.

(Von Pleskauschen Esten.)

O! Herzensbruder, lass mich sinnen
Auf des alten Haines Kunde.
Unter Kalew's Grabeshügel
Ruht der Vorzeit heilige Stunde.

1) Cf. H. Neus, ouvr. cité, pp. 135—136, Die Tage der Unter-jochung.

O! Was die Nacht mir offenbarte,
Was ich hört im Mondenlichte,
Will ich singen, will ich sagen!
Hätt ichs doppelt im Gedichte!

O! Hätt ichs dreifach mir gesammelt,
Gäb es Freude, gäb es Wonne,
Und der Quell der Wundersagen
Wäre nicht so bald verronnen.

O! Doch den leichtbeschwingten Geistern,
Schattenreiches stummen Kindern,
Ist der Zungenklang gebunden,
Jede Botschaft zu verhindern.

O! Warte, Bruder, lass mich sinnen,
Lass der Vorzeit mich gedenken.
In den Lauf der künftigen Zeiten
Mögen Götter sich versenken.

O! Horch! was ich dir künden werde:
Zwiefach hauste Tod im Lande!
Sommers herrschte arges Sterben:
Eines war der Seuche Bande;

Oh! Doch das Andre Feindesschwerter.
Fremde zwangen uns in Ketten,
Hiessen uns dem Sieger folgen,
Nichts kann aus der Knechtschaft retten!

O! Brüderchen, was soll ich klagen?
Nur von Thränen kann ich sagen,
Muss ja Sklavenfessel tragen!

La poésie suivante, intitulée *La Délaissée*¹⁾, exprime les languissements de Linda, femme de Kalèv, et doit être une poésie originale — une „imitation“ — puisque son correspondant ne se rencontre pas parmi les poésies de Jégor von Sivers.

1) Thalès Bernard: *Poésies nouvelles*, p. 189.

La Délaissée.

Pourquoi me consumer sans cesse?
Hélas! les regrets ni les pleurs
Ne peuvent calmer la tristesse,
La tristesse par qui je meurs!

O blond Kalèv, à mon oreille
N'arrive point ton nom chéri,
Et pourtant le sapin s'éveille,
Pourtant l'étoile m'a souri.

Ravivant sa lointaine flamme,
Elle me dit: „Il t'aime encor!“
L'aube m'appelle sa chère âme,
Le lac d'argent, son poisson d'or.

Mais le sapin je le délaisse,
Du lac mon coeur s'est détourné,
Car dans le chagrin qui m'opprime
Tout me fait mal, ô bien-aimé!

Doux fiancé, toi que j'adore!
Sur ton sein je voudrais pleurer;
Si tu savais comme à l'aurore
Un regret me vient dévorer!

Je vois se dessécher les herbes
Où jadis nous courions tous deux,
Et déjà le faneur en gerbes
A lié les blés onduleux.

Si tu tardes encor, la neige
Va tout cacher, bois et champs verts.
Hélas! sans toi comment pourrai-je
Supporter les mornes hivers?

La poésie plus ou moins originale de Thalès Bernard intitulée „Le crépuscule¹⁾“, chant livonien“, est écrite par lui dans le but d'exprimer la beauté des paysages septentrionaux. Elle est influencée par une poésie de Jégor von Sivers, *Dämmerung-*

1) Thalès Bernard: *Méodies pastorales*, 1856, pp. 7—8.

scene¹). Le sentiment de la nature, exprimé assez vaguement et d'une manière générale, au lieu d'une vivacité et d'une fraîcheur qui caractérisent si singulièrement la nature des pays du Nord, se mêle dans cette poésie à un certain mysticisme douceâtre. C'est presque un jeu champêtre entre des gnomes, des esprits et des bergers, situé dans un milieu romantique.

Le même sujet se rencontre, d'ailleurs, chez Neus dans la poésie intitulée *Das Spiel der Elfen*²).

Le crépuscule.

Chant livonien.

Voici l'heure du crépuscule,
Le bois s'épaissit et fait peur,
Car dans la tremblante vapeur
Le soleil sans cesse recule.

Sur les cimes des larges monts
Il éclaire les brumes roses,
L'air de la nuit ferme les roses
Et les boeufs rentrent aux vallons.

Assis à l'ombre du vieux tremble
Le pasteur aux douces chansons
Regarde sortir des buissons
Les esprits que le soir rassemble.

Joyeux sous leur tranquille abri,
Ils glissent de l'orme et du frêne,
Apportant pour trône à leur reine
Un coussin de gazon fleuri.

Gnomes s'élancent sur les pentes,
Elfes bondissent dans les eaux,
Lutins se bercent aux roseaux,
Follets aux lianes grimpantes.

1) Jegór von Sivers: *Palmen und Birken*, p. 131—132. Puisqu'il ne s'agit pas d'une traduction mot à mot, nous publions la poésie française, de même l'allemande.

2) Cf. H. Neus, ouvr. cité, pp. 50—51, *Das Spiel der Elfen*.

Et leurs voix grêles s'unissant
A travers les profondeurs sombres
Où la nuit agrandit les ombres,
Viennent effrayer le passant.

„Qu' as-tu ? blonde enfant, ô bergère !
Dit le pasteur en accourant,
As-tu glissé près du torrent ?
T'es-tu blessé à la fougère ?“

Les esprits courent effarés
Du pâtre fuyant la colère,
Et la lune qui les*éclaire
Les voit se perdre aux noirs fourrés !

La sombre forêt les accueille,
Dans son sein repris de nouveau,
Ils tremblent avec le bouleau,
Ils murmurent avec la feuille !

Et la fille essuyant ses pleurs
N'ose tourner sa main peureuse
Vers la forêt mystérieuse
D'où sortent des rires moqueurs :

„Berger, ma douleur est amère,
Car le fils du roi des esprits,
Dit-elle, d'un baiser m'a pris
Ce que m'avait donné ma mère !“

Dämmerungscene.

(Von Pleskauschen Esten)¹⁾.

In der kühlen Schummerstunde
Lauschte spät der Hirtenknabe
Mit dem sanggeweihten Munde.

1) N. B. Thalès Bernard appelle sa poésie „chant livonien“, tandis que Jégor von Sivers désigne comme source, la poésie des Estoniens vivant aux environs de Pleskau, ce qui n'est pas la même chose. Il s'agit ici des Sétous, tribu estonienne de confession grecque, vivant dans la région sud-est de l'Estonie actuelle, dans l'arrondissement de Petseri (Petschory), qui appartenait autrefois au gouvernement de Pleskau (nom allemand de la ville de Pskow en Russie).

Horch! da brachte noch der Abend
Zu den Saiten goldne Kunde:
Aus dem Hainesdunkel schwebten
Geister her im Windeshauche,
Hüpften auf bethauten Halmen
Durch die weissen Dämmerungnebel,
Und begannen lose Scherze
Mit dem einzigen Kind des Elfen,
Rasenmutter's Pflögetochter.
Herzens Kind im Goldtalar
Fürchtete die Zwielihtsöhne,
Rief um Beistand in Gefahr.
Birkenfrau im weissen Kleide
Und im blossen Hemd die Weide
Eilten zu dem Streit der Elfen,
Um dem schwachen Kind zu helfen.
Sieh, da flohn die Geister alle
Flüchtigen Fusses in die Forsten,
In die lockre Ackerkrume,
In die stille Baumeshalle.
„Warum riefst du, Töchterlein?
Wolltest vor der Zeit erschrecken?“
„Geisterknaben, halbe Leute,
Heimatlose Halbgeschöpfe
Kamen, um die Maid zu necken!“
„Junges Mädchen! scheuche nimmer
Furchtsam körperlose Tröpfe.
Körperschelme, die sind schlimmer.
Wahr dein mütterliches Erbe“.
Doch die Tochter schluchzte herbe:
„Erles Söhnlein grünbelaubt
Hat mein Kränzlein schon geraubt!“

* * *

Nous allons publier, enfin, quelques poésies populaires estoniennes, traduites ou remaniées par Thalès Bernard, où l'amour joue le rôle principal. Expriment le languissement des amants séparés, il est naturel que la mélancolie s'y révèle d'une manière délicate.

Une traduction mot à mot est la poésie de Thalès Bernard, qui commence par le vers: Les vagues ont emporté mon trésor¹⁾, d'après l'original de Jegor von Sivers: Einsame Liebesklage²⁾. Pour la source de Sivers on peut désigner la poésie publiée par Neus: Schmerz der Trennung³⁾.

Les vagues ont emporté mon trésor,
Les flots l'ont emmené en Russie,
Les vents au pays des Turcs⁴⁾,
Les nuages l'ont envoyé en Pologne,
Les brouillards au rivage allemand.

O vent, portez-lui la prospérité;
O nuage, donnez-lui une longue existence;
Vous, ciel, une âme fidèle;
O grêles, jetez-lui mes lettres;
O brouillards, portez-lui mes baisers,
Et de nombreux, nombreux saluts de coeur.

Durant des semaines ne jamais te voir!
Durant des lunes ne jamais entendre parler de toi!
Combien de forêts nous séparent,
Combien de hauts sorbiers,
Combien de pommiers sauvages!

Là où ton coursier s'arrête,
Qu'une petite maison s'élève du sol,
Là où il chancelle fatigué,
Qu'on dispose la mangeoire!
Là où il se détourne,
Qu'une église amie s'élève!
Dieu te protège dans ton sommeil;
Oh! si je pouvais parer ta couche
Et presser ta main, mon bien-aimé.

1) Thalès Bernard: Adorations, Préface, pp. XVIII—XIX.

2) Jegor von Sivers: Palmen und Birken, pp. 142—143. Einsame Liebesklage (Estnisches Volkslied bei Fellin).

3) H. Neus, ouvrage cité, pp. 161—163, Schmerz der Trennung. A.

4) Chez Sivers: „Lüfte wehten ihn nach Harjen,
Winde zu dem Türkenlande.“

Thalès Bernard n'aura pas su ce que c'est que „Harjen“. Or, c'est un arrondissement de l'Estonie, Harjumaa, au coin nord-ouest du pays.

Un remaniement indépendant, fait par Thalès Bernard sur le même sujet, est publié, sous le titre *Le trésor*, dans *Literarisches Taschenbuch der Deutschen in Russland*¹⁾. Le voici :

Le trésor.

Les vagues de la mer lointaine,
Les vagues ont pris mon trésor ;
L'avez-vous vu, forêt ou plaine,
En vain je le demande encor.

Les larmes baignent mon visage,
O toi qui traverses l'éther,
Porte-lui mes pleurs, blanc nuage,
Porte-lui mes plaintes, o mer.

O vents, menez sur votre aile
Les soupirs de mon triste cœur ;
Dites-lui qu'il reste fidèle
A sa bien-aimée, à sa soeur !

Les mois coulent et moi je pleure,
O doux ami, ne point te voir,
Jamais n'entendre en ma demeure
Ton pas léger quand vient le soir.

Combien de mers aux noirs rivages
Déroulent leurs flots entre nous ;
Parlez-moi de lui, bois sauvages,
Qui nous serviez de rendez-vous !

Ah ! Si, pour préparer ta couche,
J'étais encore à ton côté,
Si je pouvais, pressant ta bouche,
Te voir mourir de volupté !

Cette version, de même que les poésies *La tombe de Kalèv*, *La Délaissée*, *Le crépuscule*, montrent le

1) Anthologie publiée par Jégor von Sivers ; v. pp. 118—119. N. B. au lieu de *Poésies de Thalès Bernard* il faut mettre *Imitations de Thalès Bernard*. Cf. le corrigé des fautes d'impressions, p. XII. Ce recueil allemand contient trois poésies françaises, par Thalès Bernard.

procédé de remaniement si volontiers employé par Thalès Bernard. La deuxième poésie française, publiée dans *Literarisches Taschenbuch*, intitulée *Le rendez-vous*¹⁾, est aussi une „imitation“ de ce genre. Pour pouvoir les comparer, nous publions le texte français de Thalès Bernard et celui de Jegor von Sivers, en allemand, qui porte le titre *Heimlicher Gast*²⁾. L'original estonien de cette poésie est publié par Neus³⁾.

Le rendez-vous.

Hier, brûlant d'amour, o chère Catherine,
 Dans le sentier désert j'ai longtemps attendu ;
 Sans te voir le soleil a quitté la colline,
 Et, triste, j'ai pleuré mon rendez-vous perdu !

Aujourd'hui je ne peux retourner vers le frêne,
 Car sous mon toit, hélas, les hôtes sont nombreux.
 Il faudra tout un jour, loin du cœur qui m'enchaîne,
 Boire l'hydromel jaune et parler avec eux !

Mais à l'heure où le taon dans l'herbe encore humide
 Commence à s'agiter tout chargé de sommeil,
 En sortant par le pré, demain, fille timide,
 Tu pourras voir mes boeufs saluer le soleil !

Heimlicher Gast.

(Estnisches Volkslied bei Fellin.)

„Als ich ein kleiner Knabe war,
 Starb ich schier um wälsche Nüsse.
 Da ich grösser nun geworden,
 Sterb ich schier um Mädchenküsse ...“

Ungarisches Volkslied.

„Schatz, ich komme!“ Heute, Käthchen,
 Heute nicht, mein holdes Mädchen !
 Gestern harrt ich sehnend deiner,
 Einsam blieb die weite Runde.
 Heute warten Gäste meiner ;

1) Ibid. p. 119.

2) Jegor von Sivers : *Palmen und Birken*, p. 144.

3) Heinrich Neus, ouvr. cité, pp. 241—242, *Alte Liebeslieder. A.*

Morgen doch in frühster Stunde,
 Herzchen, will ich dich erwarten.
 Wenn im Thau die Käfer summen,
 Schlüpf herüber durch den Garten.
 Drauf beim ersten Sonnenstrahle
 Fähr die Heerden ich zu Thale.

Une traduction mot à mot de la poésie de Jégör von Sivers *Die Bestrafte*¹⁾ est la poésie de Thalès Bernard qui commence par le vers „Je n' avais qu' un seul frère“. Elle est publiée dans le recueil *Adorations*²⁾. La poésie estonienne qui correspond à celle de Sivers, est publiée par Neus³⁾.

Je n'avais qu' un seul frère ;
 Seul et sans femme il voulait vivre,
 Sans compagne à la maison.
 Mais cela ne pouvait longuement durer,
 Car un homme peut-il se passer d'épouse ?
 Un jour il alla donc en quête,
 Et quand il revint au foyer,
 Il jeta ses gants sur la table,
 Il jeta son chapeau par terre,
 Et il s'assit en sanglotant.
 — Quoi, tu t'affliges ? dit la mère ;
 Quoi, tu sanglotes, garçon ?
 — Si je pleure, ô mère de mon âme !
 Nulle ne veut me prendre pour mari,
 Ni devenir ta bru :
 Tu as trop de filles !
 Jette les enfants dans l'eau,
 Abandonne-les à la vague,
 Fais périr les plus jeunes dans la source,
 Alors seulement pour toi viendra une bru,
 Et pour moi viendra une épouse.
 Et la mère, saisie par la démence,
 Suivit le criminel conseil ;

1) Jégör von Sivers: *Palmen und Birken*, pp. 139—141, *Die Bestrafte* (Volkslied der Strandesten bei Pernau).

2) Thalès Bernard: *Adorations*, Préface, pp. XIX—XX.

3) Cf. Heinrich Neus, ouvrage cité, pp. 37—38, *Das Strafgericht*.
 Variation B.

Elle jette les enfants dans l'eau,
Elle fait périr les plus jeunes dans la source,
Elle abandonne ses filles à la vague.

Maintenant le fils a une épouse,
Maintenant la belle-mère a une bru.

Va chercher de l'eau, dit la vieille femme,
Mais il lui faut prendre elle-même le seau,
Car la riche et paresseuse épousée
Étendait encore ses membres délicats
Entre les draps moelleux du lit doré.
La vieille mère ayant pris le seau,
Nouvellement travaillé de bois d'orme,
Cerclé d'argent, à l'anse dorée,
S'en alla à la mer puiser de l'eau.
Du rivage que la vague arrose,
Elle crie à sa fille, en clignant de l'oeil :
— Sors de l'eau, ma sirène !
Mais la fille lui répondit de loin :
— Ma petite mère, je ne reviendrai jamais ;
Jamais je ne reviendrai à terre.
Il est mieux pour moi de rester ici sous les vagues,
Où j'habite avec les poissons.
Et toi, as-tu déjà un petit enfant d'or
De la petite femme d'argent et de ton fils,
Laquelle a gagné ton coeur maternel,
Et s'en va puiser de l'eau pour toi à la source ?

Enfin, la traduction française d'un joli chant de Jégor von Sivers intitulé *Seitdem* est ajoutée à l'original dans *Literarisches Taschenbuch*¹⁾ sous le titre *Depuis*.

Depuis.

Depuis que ta lèvre a parlé,
Depuis que j'ai vu ton visage,
Plaine, forêt, ciel, étoilé,

1) Ibid. Musikbeilagen. I. *Seitdem*. Poesie von Jegór von Sivers, französisch von Thalès Bernard; Musik von F. H. Truhn, pp. 321—325.

Tout me retrace ton image ;
Et quand je rêve au fond des bois
J'entends ta voix, j'entends ta voix !

\ C'est elle qui charme mes jours,
Elle est si douce, elle est si pure,
Que mon coeur de toi pour toujours
A rempli toute la nature.
Pour l'apaiser, donne en retour
Un mot d'amour, un mot d'amour !

Ah ! si tes yeux m'ont ébloui,
Je sens pourtant que, dans mon âme,
Un soleil plus brillant a lui,
L'éclairant d'une ardente flamme,
D'une ardente flamme,
Par lui,
Bois, plaine, azur des cieux,
N'ont qu' une image pour mes yeux.

C'est par ces poèmes que nous finissons l'échantillon des poésies, traduites ou remaniées en français par Thalès Bernard, d'après les originaux de Jégor von Sivers. Si les précis cités diffèrent beaucoup et essentiellement de l'esprit et du caractère de la poésie populaire estonienne, nous en trouvons la cause en ce que Thalès Bernard, ne connaissant pas la langue, ni la forme originale des chants estoniens, a été réduit à la matière prêtée à lui par Sivers, soit par les recueils de poésies de ce poète livonien, soit par voie de conversation. Il ne s'agit donc pas d'un emprunt immédiat ou bien d'une influence exercée directement sur Thalès Bernard par la poésie populaire estonienne.

En ce qui concerne les sources de Jégor von Sivers lui-même, on les peut retrouver, pour la plupart, dans le recueil de poésies populaires estoniennes publié par Heinrich Neus. Les textes des poésies de Sivers montrent une ressemblance évidente avec ceux de Neus. Mais il faut admettre que Jégor von Sivers a remanié, assez souvent, librement la matière première tirée de la poésie populaire estonienne. Etant né dans le pays, il devait connaître sa poésie populaire. Mais, d'autre part, en se servant d'elle, il lui a donné un cachet tout personnel. Nous croyons pouvoir désigner comme sources d'inspiration de l'activité de

Sivers tout d'abord ses impressions personnelles, surtout celles de sa jeunesse. Il aura pu écouter, dès son enfance, avec une attention particulière les chants des servants et paysans estoniens de son père. Plus tard il a été influencé par l'activité des premiers folkloristes estoniens, surtout de Kreutzwald et de Neus, qui commençaient à attirer l'attention du monde savant sur la poésie populaire estonienne.

Or, il est parfaitement connu, que Kreutzwald de même que Neus, conformément aux tendances générales d'un faux romantisme — ce qui n'est pas rare en Europe à cette époque-là — ont transformé d'une manière considérable les poésies populaires estoniennes. Jégor von Sivers est un collaborateur allemand, qui s'associe à cette activité poétique des collectionneurs estoniens en contribuant à la création d'une poésie estonienne „pseudo-populaire“. Thalès Bernard est un confrère français, et les poèmes présentés par lui en France montrent déjà le troisième état de transformation des poésies populaires estoniennes.

Indépendamment de tout cela, le fait essentiel qui nous reste à constater est que Thalès Bernard a hautement apprécié la valeur poétique de la poésie populaire estonienne. Il s'en est servi très souvent, non seulement dans ses remaniements ou ses imitations, mais aussi pour prouver la justesse de ses principes esthétiques et pour réaliser ses projets littéraires.

En résumé, le tableau suivant nous montre les rapports qui existent entre les poésies citées ci-dessus :

I.

A) Mythe.	Thalès Bernard.
La Bien-aimée.	Jégor von Sivers.
B) Mythe.	Remaniement d'après la tra-
C) ?	dition orale d'un chan-
	teur populaire estonien ¹⁾ .

II.

A) Le Fils des Etoiles.	Thalès Bernard.
B) Die Brautwerbung.	Jégor von Sivers.
C) Salme. Variation A.	Neus.
Kalevipoeg, Ch. I.	Kreutzwald.

1) Dans un recueil de Sivers (manuscrit!) se trouve la remarque suivante : „Einem Esten (biffé: Nationalen) nachgedichtet“.

III.

A) Chanson de guerre.	
Salmé.	Thalès Bernard.
B) Soea laul.	Jégor von Sivers.
C) Altes Kriegslied.	
Variation A.	Neus.

IV.

A) L'Orpheline.	
a) Histoire de la poésie;	
b) Adorations;	
c) Poésies nouvelles.	Thalès Bernard.
B) Estnisches Brautlied	
einer Waisen.	Jégor von Sivers.
C) Altes Waisenlied.	
Variation A.	Neus.

V.

A) La tombe de Kalèv.	Thalès Bernard.
B) Klage des Leibeigenen.	Jégor von Sivers.
C) Die Tage der Unter-	
jochung.	Neus.

VI.

A) La Délaissée.	Thalès Bernard.
B) ?	
C) ?	

VII.

A) Le crépuscule.	Thalès Bernard.
B) Dämmerungscene.	Jégor von Sivers.
C) Das Spiel der Elfen.	Neus.

VIII.

A) Les vagues ont em-	
porté mon trésor.	
Le trésor.	Thalès Bernard.
B) Einsame Liebesklage.	Jégor von Sivers.
C) Schmerz der Trennung.	
Variation A.	Neus.

IX.

A) Le rendez-vous.	Thalès Bernard.
B) Heimlicher Gast.	Jégor von Sivers.
C) Alte Liebeslieder.	
Variation A.	Neus.

X.

A) Je n'avais qu' un seul frère.	Thalès Bernard.
B) Die Bestrafte.	Jégor von Sivers.
C) Das Strafgericht.	
Variation B.	Neus.

XI.

A) Depuis que ta lèvre a parlé.	Thalès Bernard.
B) Seitdem.	Jégor von Sivers.
-

IV. Les autres informations de Thalès Bernard sur les Estoniens. Ses relations avec la poésie populaire finnoise.

Les Estoniens, par leur triste passé, mais où l'intrépidité et l'espoir ferme dans un avenir plus heureux ne s'éteignent jamais, montrent un exemple sympathique, même digne et utile à suivre par tous les peuples, qui, vivant sous le joug de conquérants étrangers, s'efforcent de soutenir leur civilisation et leur particularité nationales. Le sort du peuple estonien est une preuve évidente pour la thèse que les nations subjuguées développent particulièrement leur vie culturelle et économique. Voici les paroles de Thalès Bernard à cet égard: „Menacés dans leur existence politique, les Estoniens ont cherché un refuge dans la poésie, qui est devenue pour eux un asile sacré. Leur pays appartiendra toujours à la Russie, sa noblesse sera toujours allemande, mais le génie poétique de la contrée a triomphé de la cruauté de l'histoire¹⁾“. Or, la république estonienne, issue de la débâcle de l'empire russe, n'appartient plus à la Russie et on a aboli, par des réformes sociales très radicales, les privilèges de la noblesse allemande. Les Estoniens jouissent de nouveau de leur ancienne liberté, perdue il y a 700 ans. Un des facteurs les plus importants qui ont soutenu et conservé le peuple estonien dans sa lutte grave pour l'existence nationale, est incontestablement la poésie populaire, et Thalès Bernard a eu parfaitement raison, en disant que „le génie poétique de la contrée a triomphé de la cruauté de l'histoire“. Le réveil national des Estoniens est intimement lié à l'activité des premiers folkloristes du pays, au milieu du XIX-e siècle, et ce furent même plus tard les gens de lettres qui ont préparé la voie pour l'indépendance actuelle.

Thalès Bernard est optimiste, en ce qui concerne le sort du peuple estonien, même à l'époque de la domination étrangère, Jetant un coup d'œil sur le passé de ce peuple, il y découvre

1) Thalès Bernard: Histoire de la poésie, pp. 628—629.

des moments qui permettent de conclure à un meilleur avenir. Il en appelle à Brocmann, littérateur du pays, qui déjà vers 1640 prédisait la régénération de la langue estonienne. „Que d'autres — dit-il — cherchent un sentier différent; moi, j'ai voulu écrire en estonien. On parle estonien dans la plaine, on parle estonien au rivage, on parle estonien dans les villes; les paysans, les nobles, les savants, les dames elles-mêmes, ceux qui sont venus d'Allemagne, tout le monde parle estonien. Les sages muses elles aussi aiment la langue estonienne; c'est pour cela que j'ai écrit en estonien.“ Cette citation est assez fidèlement traduite d'après un verset publié par Sivers¹⁾. „Depuis lors — continue Thalès Bernard — le conseil de Brocmann a été suivi; Neus et von Sivers ont recueilli et traduit les chants populaires, pendant que deux journaux paraissent aujourd'hui dans le dialecte de la contrée, à Pernau et à Dorpat²⁾.“

En général, l'intérêt de Thalès Bernard est toujours excité et multiple pour les Estoniens et les Finnois. Il fait une juste remarque sur l'orthographe du nom des Estoniens. En Allemagne, „dans ce pays d'exactitude scrupuleuse“, on écrit régulièrement le nom du pays avec un *h*, mais c'est superflu³⁾.

Thalès Bernard connaît même les peuples-frères des Estoniens et leur origine. Il souligne que les Estoniens et les Finnois n'appartiennent pas à la famille des peuples indo-européens, comme les autres peuples baltiques. Il cite l'opinion de quelques savants qui regardent les Estoniens comme un peuple de race celtique. Or, Thalès Bernard voudrait accepter volontiers cet avis, puisqu'il constate plusieurs fois, et avec un très grand enthousiasme, la parenté intime qui existe entre la poésie populaire des Estoniens et celle des Celtes. Mais, d'autre part, il ne manque pas de rétablir la vérité, c'est-à-dire que la langue estonienne est soeur des langues finnoise et hongroise, toutes les trois „appartenant à la famille tatare“ (ce qui est une erreur de sa part, comme nous l'avons déjà mentionné). Voici ce que dit Bernard sur le rapport des langues estonienne et finnoise: „L'idiome actuel des Estoniens

1) Cf. Jegór von Sivers: *Deutsche Dichter in Russland*, Geschichtliche Einleitung, p. XXXVI. Cette préface montre, en général, une grande ressemblance avec les idées littéraires exprimées dans les oeuvres de Thalès Bernard.

2) Thalès Bernard: *Histoire de la poésie*, p. 629.

3) Ibid. p. 603.

est un dialecte du finnois, cette langue si souple et si harmonieuse bien qu'elle n'ait pas encore reçu tout son développement¹⁾.”

Thalès Bernard fait connaître aussi ce qu'il sait sur l'ethnographie et sur l'origine du peuple estonien. Les Estoniens habitent actuellement — dit-il — la Livonie, mais ils y sont venus, en quittant déjà depuis longtemps l'Asie, leur première patrie²⁾. Tacite et Strabon sont les premiers qui les mentionnent, si les Aestii dont parle Tacite ne sont un peuple de race germanique, remarque Bernard. Strabon parle d'un peuple maritime, habitant le rivage de la mer, plus vers le Nord que les Scythes mêmes. Il les appelle „Melanchlaenes“ (peuple portant des manteaux noirs). Or, selon les archéologues de la province, les Estoniens portent toujours encore des manteaux d'un brun sombre. Les robes de leurs femmes sont de la même couleur et elles sont rehaussées de brodures de pourpre³⁾.

Intéressante est la description ethnique du peuple estonien par Thalès Bernard. „Les Estoniens, dit-il, sont d'une haute taille, avec de longs cheveux blonds, qui tombent dans leurs cous.“ Il rend compte de leurs coutumes en ce qui suit : „La cornemuse est leur instrument favori. Ils ont gardé quelques traits de leur origine orientale ; ainsi les femmes attachent leurs vêtements avec de grandes fibules ou agrafes de métal, sur lesquelles sont représentées le soleil, la lune et les étoiles, divinités des cultes sabéiques, et l'on distingue dans leurs poésies qu'ils ont vu luire des astres plus brillants que ceux qui éclairent les brumes de la Baltique⁴⁾.”

Bien poétique est la description géographique du pays des Estoniens : „La contrée qu'ils occupent a un profond caractère de mélancolie. Une mer aux flots lugubres qui mugit sur d'arides plages, des lacs et des marais dont les eaux mornes attristent l'oeil, des bouleaux et des sapins qui dessinent l'hiver sur un ciel pâle leurs cônes de neige, et, çà et là, de fertiles plaines où ondulent les tiges du blé et du lin, pendant que les cloches des troupeaux se marient au murmure lointain des grèves, et que des

1) Ibid. p. 603.

2) On ne saurait plus accepter cette assertion aujourd'hui, la première patrie des peuples finno-ougriens ayant été située en Europe, entre les fleuves de Volga, de Kama et les monts d'Oural.

3) Thalès Bernard : Histoire de la poésie, p. 604.

4) Ibid.

volées de cygnes se perdent dans un horizon décoloré : tel est l'aspect général du pays. Le fleuve sacré des Estoniens est l'Emmajoggi, dont Dieu lui-même a tracé le cours, rassemblant sur ses rives tous les peuples de la terre, pour leur enseigner l'usage des langues ; c'est là aussi que le célèbre Väinamöinen, dieu du chant, descendit du ciel pour initier les hommes et les animaux à la connaissance de son art ; c'est là enfin que Koit et Aemmarik, l'aube et le crépuscule, s'unissent dans de longs embrassements, durant les chaudes nuits de mai ; désireux de prolonger leurs amours, ils sont cependant désunis par le Père de tous, qui les renvoie chacun à son emploi, ordonnant à la jeune fille d'aller conduire la lune, au jeune homme de veiller sur le soleil, et de rallumer l'astre chaque matin pour qu'il puisse éclairer le monde. Un jour, racontent les Estoniens, le peuple ayant osé, à la fête du chant, mépriser les accords de Väinamöinen, et ayant décerné le prix à une vieille femme, le Dieu disparut dans un orage et les Estoniens durent payer leur ingratitude. Gaîté, chants joyeux, légendes, tout s'est évanoui. A peine entend-on encore quelques accents du bon vieux temps, car la colère de Väinamöinen ne s'est pas apaisée depuis lors¹⁾."

En ce qui concerne la belle description du pays où Thalès Bernard n'a jamais voyagé, il a puisé, vraisemblablement, des conversations personnelles, qu'il a eues avec Jégor von Sivers, ses renseignements. La deuxième partie de cette citation (à partir „Le fleuve sacré“ jusqu'à la fin) est traduite, presque mot à mot, d'après Jégor von Sivers²⁾.

A l'époque où le peuple estonien menait encore une vie dure sous la domination étrangère, un écrivain français et un poète allemand-balte ont rendu témoignage de la plus belle, de la plus pure solidarité humaine. Les trésors spirituels d'un peuple

1) Ibid., pp. 604—606.

2) Cf. Jégor von Sivers : „Palmen und Birken“, p. 244. Pour Emmajoggi, Väinamöinen, Koit et Aemmarik v. les poésies suivantes : Wannemunnes Sang, ibid., pp. 152—154 ; Der Sängerkampf (Estnische Volkssage), par Jégor von Sivers : „Aus beiden Welten“, pp. 27—32 ; les deux mêmes poésies sont contenues aussi dans „Balladen und Lieder“ Gedichte von -r- : Zwei Esthnische Sagen : 1) Wannemunne's erster Sang, pp. 17—26 ; 2) Wannemunne's letzter Sang, pp. 27—34. — „Deutsche Dichter in Russland“ : Koit und Aemmarik (Morgenroth und Abendroth), Estnische Volkssage, pp. 358—361, par Minna von Maedler.

insignifiant, les trésors culturels uniques des Estoniens à cette époque-là, ont excité leur attention, créant ainsi entre eux une amitié cordiale, et, d'autre part, approfondissant leur estime et protection pour ce peuple, devenu depuis indépendant. On ne peut donc que souhaiter un développement favorable aussi dans l'avenir à cette nation industrielle, et rendre nos hommages respectueux à Thalès Bernard et à Jégor von Sivers, témoins bienveillants du réveil national estonien.

* * *

Inspiré par l'espérance de pouvoir contribuer au rajeunissement de la littérature, Thalès Bernard se met en contact avec les représentants littéraires des peuples européens. Il cherche à augmenter le nombre des membres de son Académie des littératures étrangères, quoique la réalisation de celle-ci ne lui ait guère réussi. Il est donc compréhensible, que son intérêt ait été aussi excité par les Finnois, peuple possédant une riche poésie populaire.

En ce qui concerne la Finlande, Thalès Bernard puise ses renseignements dans l'oeuvre d'un certain savant suédois, nommé C. Zetterquist¹⁾, sur l'activité duquel il écrit ce qui suit: „Mr. Zetterquist, de Stockholm, a fait à la poésie finnoise l'honneur d'en choisir un échantillon, pour en publier la traduction en cinq cents langues, et former ainsi le plus précieux ouvrage de philologie comparée, qu' on ait jamais possédé²⁾.“ Outre le recueil de Zetterquist, Bernard connaît aussi le recueil du capitaine suédois Staal, qui contient aussi des poésies populaires finnoises.

Connaissant la parenté qui existe entre la langue des Estoniens et des Finnois, et puisqu'il a traité assez largement la poésie populaire estonienne, Thalès Bernard tient pour superflu de faire la même chose avec la poésie populaire finnoise. „Les deux peuples, s'il faut s'en rapporter à la langue, dérivent d'une même souche, dit-il, car ils parlent chacun une variété de l'idiome suomi³⁾.“ Les deux poésies populaires montrent aussi beaucoup d'analogie, et, en outre une mythologie commune.

Mais, si Thalès Bernard est assez laconique sur la poésie finnoise, on en trouvera certainement la cause en cela, qu'il lui

1) Thalès Bernard: *Poésies mystiques*, p. III.

2) Thalès Bernard: *Histoire de la poésie*, p. 634.

3) Thalès Bernard: *ibid.*, p. 632.

a manqué un informateur finnois semblable à Jégor von Sivers. Malgré cela, il consacre dans son *Histoire de la poésie* un chapitre à part aux chants finnois, où il fait connaître surtout la mythologie finnoise. Ses avis sur les Finnois, en général, ne sont pas empreints d'un tel enthousiasme que ceux prononcés sur les Estoniens. Le manque de sources suffisantes et d'un commentateur aussi zélé que fut Jégor von Sivers, ami sincère des Estoniens et de Bernard aussi, se fait sentir en cela. Il sera intéressant de mentionner que Thalès Bernard — quoique étranger — aperçoit une certaine différence dans l'esprit de ces deux peuples frères.

De même que les Estoniens, les Finnois aussi — explique Bernard — possèdent une grande épopée, le *Kalevala*, publié pour la première fois par le Dr. E. Loennrot en 1835 et puis en 1849. L'épopée complète se compose de 50 chants, contenant 22.793 vers en trochées de quatre pieds et non rimés. Avant l'estonien Kreutzwald, le finnois Loennrot a déjà accompli la lourde tâche de visiter le pays entier pour découvrir le *Kalevala*, cette épopée intéressante. La traduction française du *Kalevala* publiée par Léouzun-le-Duc devait être connue par Thalès Bernard, puisqu'il remarque même, que, cette traduction étant faite d'après la première édition, il serait nécessaire de la compléter.

A cause de son intérêt pour la mythologie en général, Thalès Bernard va traiter la mythologie originale des Finnois. Les dieux qui y figurent, sont „Jumala, le dieu du ciel; Ukko, le dieu du tonnerre; Ahto, le prince des eaux; Tuoni, le dieu de la mort“. . . . „On voit même figurer à la fin du poème sous un nom à peine altéré, la Vierge Marie avec l'enfant Jésus. Vainamoïnen, le dieu national des Finnois, veut tuer l'enfant Jésus; mais Ukko nomme celui-ci roi de Karjala: Vainamoïnen irrité s'élance dans sa barque, comme ces sauvages Américains qui ne peuvent supporter la civilisation, et disparaît à l'horizon¹⁾.“

Thalès Bernard résume ses jugements portés sur la mythologie et l'épopée finnoises de la manière suivante: „L'intrigue même du *Kalevala*, si l'on peut employer ce mot, manque absolument de clarté. La magie y joue un grand rôle, et l'on croit voir qu'il y

1) Thalès Bernard: *Histoire de la poésie*, p. 633. Pour la fin du *Kalevala* cf. le remaniement de Leconte de Lisle: *Poèmes barbares*: „*Le Runoia*“, pp. 81—95.

est question d'une lutte entre les deux principes, dont le mauvais est personnifié par les Lapons. Le poète fait jouer un rôle bizarre à une espèce de mortier, un moulin enchanté appelé Sampo. On a beaucoup discuté sur ce point étrange, mais en se rappelant que le Rig-Véda contient une hymne adressée au mortier qui sert à broyer le soma on ne s'étonnera pas de voir les Finnois attribuer tant d'importance à leur Sampo. Le fond de cette composition est nuageux comme le ciel du Nord; mais cet inconvénient est racheté par des scènes d'une sensibilité profonde et des descriptions d'une poésie exquise. La littérature classique ne possède rien de supérieur à un passage de la quinzième Runa, dans laquelle l'hôtesse de Pohjola se sépare de sa fille. La naïveté des conseils qu'elle lui donne prend un certain piquant, lorsqu'elle les termine en lui annonçant que son époux, afin de lui former le caractère, ira dans la forêt cueillir une branche de bouleau, et s'en servira pour lui assouplir les épaules¹⁾.

C'est donc la naïveté que Thalès Bernard met en relief, comme un des caractères les plus saillants de la poésie populaire. Il le constate²⁾ déjà dans les „chansons de puits“ des Hébreux, dans les „chansons du Moulin“ des grecs classiques. Mais, puisque la poésie populaire des anciens peuples s'est exprimée surtout dans l'épopée, Thalès Bernard cherche les cas semblables plus récents, qui peuvent exister. Il les trouve dans la poésie populaire épique des Grecs modernes, comme dans celle des habitants de l'Albanie, de la Bretagne, de l'Estonie, de la Finlande et dans celle des Basques et des Serbes. Il cite, pour prouver cette naïveté populaire, des vers serbes, où la mère donne des conseils à sa fille Smilje, qui va se séparer de la maison maternelle. Ces fragments portent un haut caractère de naïveté et d'antiquité. Les conseils y exprimés rappellent par leur vérité, leur naïveté et simplicité ceux que, dans le Kalevala, l'hôtesse de Pohjola donne à sa fille. Thalès Bernard, d'après la traduction de Léouzun-le-Duc, publie le détail suivant du Kalevala

„Jamais pendant ta vie, lorsque la lune d'or brillera dans le ciel, ne visite imprudemment une autre terre, ni la maison d'un autre homme sans ton mari. Le peuple s'informe de ce qui se fait, l'homme sonde le caractère.

1) Thalès Bernard: Histoire de la poésie, pp. 633—634.

2) Thalès Bernard: Adorations, Préface.

„Prends garde aussi avec soin au menton creux et aigu du vieillard, à la langue de pierre de ta belle-mère, aux froides paroles de ton beau-frère, aux gestes moqueurs de ta belle-soeur.

„Si le vieillard avait la fureur du loup, si la vieille était farouche comme l'ours, si le frère de ton mari était perfide comme le serpent, si sa soeur était aiguë comme le clou de la porte, souviens-toi cependant que tu dois montrer le même respect, la même humilité qu'autrefois dans la maison de ta mère, sous la garde de ta nourrice ; même soumission envers le vieillard, même respect envers le beau-frère.

„Écoute, jeune fille, mes paroles, écoute ce que ta vieille mère te dit : que ton oreille soit fine comme celle de la souris, que tes pieds soient légers comme ceux du lièvre, que ton coeur soit tendre et souple, que ton cou pur se plie, comme la cime du jeune prunier, comme les rameaux du genévrier !

„Ne marche point sans vêtements, ne va point hors de ta maison sans tunique, ne marche point sans souliers.

„Écoute encore mes paroles, ô jeune fille, écoute ce que ta vieille mère te dit : Fais-moi une tunique d'un seul flocon de laine, fais la bière avec un seul grain d'orge, et fais-la cuire avec deux morceaux de bois.

„Lave les bancs matin et soir, la table au milieu du jour, le pavé à la fin de la semaine.

„Écoute encore mes paroles, jeune fille, écoute ce que ta vieille mère te dit : La maîtresse d'une maison ne doit pas toujours rester dans sa demeure, il faut qu'elle marche dans les sentiers tortueux du kuja¹⁾, qu'elle soigne les étables, après quoi elle doit rentrer dans le tupa²⁾ où l'enfant commence à pleurer.

„L'enfant enveloppé dans les langes ne peut parler, il ne peut dire s'il a faim ou s'il a froid, jusqu'à ce qu'un ami lui arrive, ou qu'il entende la voix de sa mère.

„Écoute encore mes paroles, jeune fille, écoute ce que ta vieille mère te dit : Compte les vases de ta maison, que les chats ne rôdent point autour, que les oiseaux de l'air ne les enlèvent point. Que les sorbiers de la cour te soient sacrés, que leurs fruits te soient encore plus sacrés.

1) kuja signifie en finnois „rue de village“, et

2) tupa „la chambre“.

„Et toi, époux, instruis celle-ci sous ton toit, les portes-clo-ses: la première année par la parole, la seconde par le signe des yeux, la troisième en lui pressant légèrement le pied.

„Si elle résiste à tes leçons, si elle ne t'obéit point, prends un jonc et châtie-la avec une verge enveloppée de laine.

„Si elle résiste encore, si elle ne t'obéit point, coupe un rameau dans le bois, une branche de bouleau dans la vallée, et cache-la sous tes vêtements, afin que personne ne la voie, frotte-lui les épaules, assouplis-lui le dos. Mais ne la frappe ni sur les yeux, ni sur les oreilles, car le frère pourrait demander, le beau-frère pourrait penser: Est-ce le loup qui l'a déchirée? Est-ce l'ours qui l'a mordue? — La vierge soupire, le chagrin oppresse sa poitrine, les larmes ont enflé ses yeux¹⁾.”

Thalès Bernard découvre aussi dans le Kalevala un caractère spécifique de toutes les poésies populaires: une certaine nuance panthéiste, qui „assimile l'homme à la nature, avec une étonnante propriété de termes“. On a vu déjà la même chose dans la poésie estonienne. Pour prouver la justesse de son opinion, Bernard cite le passage suivant de la Runa XXII: „La route par terre est la plus sûre, disent ceux, qui naviguent; la mer est le séjour de la mort. Ils ajoutent que la tempête les y frapperait, que le choc des vents les y renverserait, que leurs doigts seraient changés en rames et leurs mains en gouvernails²⁾.” Le passage suivant est choisi de la Runa VII: „Quand le fils de Tuoni abat son adversaire, d'un seul coup il partage son corps en huit parties; de sa tête il fait un tertre de gazon, il change ses pieds en rameaux de saule, sa chaire, en racine corrompue, ses yeux, en plante de marais, ses cheveux, en faisceaux de paille³⁾.” La Runa X contient cet exemple frappant: „Lorsque Väinämöinen va trouver Vipunen, l'habile chanteur, celui-ci était depuis longtemps sous la terre, et le peuplier avait crû sur ses épaules, le bouleau blanc sur ses tempes, l'aulne sur ses joues, le sapin sur son front, le pin sauvage dans ses dents⁴⁾.”

1) Thalès Bernard: Adorations, pp. VII—IX; Kalevala, XV-e Runa, traduction de Léouzun-le-Duc. Dans l'original finnois v. le chant XXIII.

2) Thalès Bernard: Histoire de la poésie, pp. 606—607.

3) Ibid.

4) Ibid.

Outre leur tradition épique, les Finnois possèdent de nombreux chants populaires, dont les qualités remarquables, d'après l'opinion de Thalès Bernard, sont le coloris pittoresque et la sensibilité d'une tendresse extraordinaire. Il cite une Runa, que Zetterquist lui-même a adoptée pour base de son travail, et qu'il apprécie aussi beaucoup: „Ah! si mon bien-aimé voulait venir, celui que je voyais jadis, s'il voulait reparaitre, à l'instant je mettrais un baiser sur sa bouche, quand même elle serait tachée par le sang du loup! je lui presserais la main, quand même un serpent serait roulé autour de ses doigts! Oh! si le vent avait de la raison, la fraîche haleine du printemps, si elle se hâterait avec des nouvelles entre deux amants! Je me passerais des mets les plus raffinés, j'oublierais plutôt le rôti de la table du prêtre, avant d'abandonner le chéri de mon coeur, celui qu'en été je m'attache, celui que j'enchaîne pendant l'hiver¹⁾.”

C'est, à grands traits, tout ce que Thalès Bernard publie sur la mythologie, la poésie épique et lyrique finnoises.

S'il attribue, en résumé, un rôle important aux poésies populaires des Estoniens et des Finnois, c'est surtout à cause de leur richesse et de leur originalité en matière poétique. Voilà pourquoi il les tient capables d'exercer une influence fécondante sur la littérature d'art devenue stérile.

Mais non seulement les immenses trésors matériels, entassés en elles, doivent être utilisés, leur forme poétique peut aussi présenter quelque nouveauté, puisque les chants estoniens et finnois sont écrits également en trochées de quatre pieds non rimés, avec de fréquentes allitérations. C'est un procédé rythmique qui produit sur les autres peuples — dit Thalès Bernard — un effet étrange, puisqu'on y est peu habitué. Tout de même, on a essayé de le reproduire dans quelques oeuvres modernes. Comme telles il mentionne plusieurs chants de la „Légende de Frithiof“ du poète suédois Tegnér²⁾.

* * *

Il faut admirer, qu'un écrivain français ait une si grande estime et une sympathie si profonde, au milieu du XIX-e siècle, pour la poésie populaire d'une nation qui ne commence qu'alors

1) Ibid., pp. 634—635.

2) Ibid., p. 635.

son existence culturelle, comme les Estoniens, ou même pour celle des Finnois, déjà, il est vrai, plus avancés.

Thalès Bernard attend de l'instinct poétique, de la simplicité naturelle, de la vigueur et de la naïveté saine de l'âme estonienne et finnoise, une contribution à l'assainissement des littératures de l'Ouest en décadence. Ces forts et rudes gens du Nord lui en imposent. Exprimant envers eux son admiration, il accentue, en même temps, les devoirs qui les attendent dans cette tâche.

Nous citons donc les trois dernières strophes d'une poésie de Bernard, intitulée „Les Normands“, où se trouve caractérisée, sous une forme symbolique, la différence qui existe entre le Midi fatigué et l'esprit plein de sève du Nord, qui menace d'anéantir le premier :

Quels horizons lointains nous attendent encore,
La Neustrie imprudente ou le brûlant Midi !
O torrides cités que le soleil dévore,
Sous votre air embrasé le sang est engourdi !

Mais nous, qui de bonne heure endurcis par nos pères,
Sur les neiges avons roulé nos membres nus,
Nous qui broyons du doigt les têtes des vipères,
Et brisons les ours entre nos bras charnus ;

Nous venons saluer, en agitant la lance,
Votre drapeau déjà par le nôtre vaincu ;
Tremblez, hommes du sud, quand le Normand s'élance,
La framée étincelle, et vous avez vécu !¹⁾.

De même que les hardis combattants Normands l'ont emporté, jadis, sur les peuples affaiblis du Sud, de même on doit espérer — Thalès Bernard en a été convaincu — que dans l'avenir la vitalité des jeunes peuples du Nord et de l'Orient apportera des énergies nouvelles, pour raviver la civilisation occidentale et préparer ainsi un nouveau progrès en Europe.

1) Thalès Bernard : Poésies nouvelles, p. 178.

V. La mission de la poésie populaire selon la conception de Thalès Bernard. L'influence de ses idées.

L'importance que Thalès Bernard attribue à la poésie populaire, cherchant les directions dans lesquelles la littérature semble ou doit se développer, est exprimée d'une manière détaillée et assez systématique dans la préface de son recueil de poésies *Adorations* sous le titre: „Les destinées de la poésie“¹⁾.

Tout d'abord, Thalès Bernard reconnaît quatre espèces de poésie: la poésie épique, dramatique et lyrique, qui jaillissent toutes les trois de la quatrième, c'est-à-dire de la poésie populaire. Puisque les trois premières sont assez connues, il ne s'agit que de définir la dernière. Or, celle-ci peut contenir en soi du drame, du lyrisme et de l'épopée. Les créations qu'elle embrasse sont spontanées, sans éléments philosophiques et sans un but particulier. „Pour la juger — dit-il — il n'est pas besoin de courir aux bibliothèques et de faire descendre l'esthétique dans la pure érudition.... Le caractère général de cette poésie est d'être libre, spontanée, absolument involontaire. Il n'est question là... de conception réfléchie; le chant jaillit d'un fait ou d'une impression. C'est peut-être la poésie la plus excellente et la plus vraie²⁾.“

Si Thalès Bernard s'est adonné à l'étude de la poésie populaire avec un soin particulier, c'est parce que celle-ci a une importance au point de vue de l'histoire de la civilisation. La poésie populaire nous reporte vers un état d'enfance de l'humanité. „Nous contemplons — dit-il — dans le fidèle miroir de la poésie populaire l'image de ce que nous fûmes, nous peuples d'Europe, avant que notre front se fût ridé à voir les civilisations s'entasser sur les civilisations et les philosophies sur les philosophies³⁾.“ La science nous opprime, il faut donc quitter les „campagnes

1) Thalès Bernard: *Adorations*, Paris, Krabbe, 1855, pp. XL + 224.

2) *Ibid.*, Préface, p. III.

3) Thalès Bernard: *Histoire de la poésie*, p. 579.

métaphysiques où le penseur au vaste front, le sceptique Goëthe se promène, flétrissant les fleurs de son regard; voici la poésie populaire qui nous conduit par la main dans des prairies plus riantes où nous n'entendons parler ni d'entité, ni de fatalité¹⁾."

L'intérêt de Thalès Bernard est donc attiré par les pays et par les peuples où la poésie populaire est florissante, comme la Biscaye, l'Écosse, le pays de Galles, l'Armorique, la Bourgogne, le Languedoc, la Grèce, l'Italie, l'Espagne, les pays germaniques, la Serbie, la Russie, la Bohême, la Roumanie, la Lithuanie, la Lettonie, la Pologne²⁾, et surtout la Hongrie, l'Estonie et la Finlande. Il veut faire connaître les morceaux les plus intéressants de la poésie populaire de ces peuples. Tout publier, cela n'est pas nécessaire, puisqu'il existe, au fond de toutes les poésies populaires, un caractère général. C'est seulement le climat qui cause les différences, en exerçant son influence déterminante sur les hommes et sur la poésie. „Les Estoniens sont indolents et rêveurs, les Serviens aiment l'éclat et la parure; c'est assez dire que les poésies de ces deux races se distingueront par des caractères spéciaux, mais de même les poésies populaires de chacune de ses deux contrées ont une physionomie analogue, provenant de ce qu'elles se sont produites dans un même âge intellectuel³⁾."

En d'autres termes, Thalès Bernard est d'avis que c'est une sorte d'égalité culturelle qui cause la ressemblance des poésies populaires chez n'importe quelles nations. En opposant, d'autre part, la poésie populaire à la littérature d'art, il trouve qu'une constante unité de style et de goût en est la cause, que la ressemblance est organique dans la poésie populaire des peuples primitifs les plus divers, tandis qu'elle est artificielle chez les poètes cultivés. Le développement croissant de la civilisation mélange sans cesse les idées et les sentiments. A l'aide des livres et des recueils périodiques, il se forme une littérature européenne, qui se sert des mêmes images à Pétersbourg qu'à Palerme — remarque Bernard⁴⁾.

Si, par exemple, un poète finlandais, nourri de la poésie du Midi, chante par ouï-dire un printemps qu'il ne connaît pas, à

1) Ibid., p. 580.

2) Ce serait un autre sujet d'études d'examiner les rapports de Thalès Bernard avec les poésies populaires de tous ces pays-ci.

3) Thalès Bernard: Histoire de la poésie, p. 581.

4) Ibid.

la manière d'un poète italien, c'est maniéré, artificiel, comme l'est toute la littérature d'art européenne. A l'époque de la poésie populaire cette relation est d'un autre caractère. L'avènement de la civilisation fait disparaître la poésie populaire, qui rend avec une exactitude absolue et les ressemblances et les différences entre la poésie des divers peuples. „Le poète cultivé chante ce qu'il sait, le poète populaire ne chante que ce qu'il voit, et ses pensées se trouvent ainsi nous indiquer, comme une horloge arrêtée, quel était, dans le cours des siècles, l'état intellectuel de la nation à laquelle il appartenait¹⁾.“

Certains „poètes cultivés“ ont choisi pour base d'inspiration la poésie populaire de leur pays. Tels sont, entre beaucoup d'autres, Jégor von Sivers en Estonie et Petöfi, le poète idéal selon la doctrine de Bernard, en Hongrie. Cela s'est passé, parce que tous ces poètes ont senti, Thalès Bernard en est convaincu, que la poésie populaire est la plus parfaite, la plus pure poésie. Examinant et comparant entre elles les poésies populaires des diverses nations, Bernard trouve partout des traits communs, puisque ce sont des qualités propres à toute l'humanité qui s'y révèlent. La poésie populaire contient les germes de l'épopée, du drame et de la poésie lyrique. Qu'on choisisse donc des spécimens „dans des sociétés primitives, comme les peuplades estonienne ou bretonne, qu'on les recueille chez des races retombées à l'état spontané, comme les Grecs modernes, on trouvera les mêmes caractères sous les mêmes climats, une communion intime avec la nature, communion d'autant plus profonde que la civilisation sera plus éloignée, une ravissante naïveté d'images, une absence presque complète de finesse et de subtilité, une surprenante énergie, une tristesse navrante. Toutes ces qualités sont d'ailleurs mises en oeuvre à l'orient comme à l'occident, au nord comme au midi, dans la sphère des créations surnaturelles²⁾.“

Par la dernière phrase Thalès Bernard fait allusion à une qualité caractéristique qu'on peut découvrir dans les poésies primitives, et c'est la tendance à la création d'une mythologie. On comprend cela bien facilement, puisque les peuples, vivant dans un état de nature, ne connaissent pas les lois physiques qui

1) Ibid., p. 582.

2) Thalès Bernard: Adorations, pp. XX—XXI.

régissent l'univers. C'est la personnification anthropomorphologique, issue du libre essor de l'imagination, qui cherche à expliquer les phénomènes physiques. Les pays de tous ces peuples sont donc peuplés de revenants, de bons et de mauvais esprits ; c'est la sorcellerie qui y règne. Semblables à ces autres peuples „derrière ses rochers, le crédule paysan d'Estonie entend mugir les vagues du lac des Plaintes. Les mines servent de demeure aux Kobolds ; l'écho qui résonne sous leurs voûtes est le bruit des marteaux que soulèvent des génies invisibles“¹⁾.

C'est la vraie, c'est la juste poésie, produit de l'époque où le peuple croit encore, parce que c'est alors que les mythes naissent. Hélas, „à mesure que les races se mettent en contact avec des peuples plus avancés, leurs créations se modifient et peuvent devenir railleuses, mais alors la poésie naturelle est à demi-morte“²⁾. En Occident, la décomposition commence déjà au moyen-âge. „Ce n'est plus le peuple qui chante, ce sont les étudiants des universités“ — remarque Thalès Bernard, et non sans raison³⁾.

Car, selon lui, c'est toujours le peuple, la grande masse qui produit la poésie : l'âme collective. „Il est vrai — accepte-t-il — que le génie individuel est indispensable pour que l'Iliade ou le Kalevala puisse exister. Mais il est aussi certain que les poètes, malgré leur puissance, n'inventent rien, si ce n'est au détriment de leur génie, et que le fonds de leurs compositions leur est fourni par le sentiment populaire“⁴⁾. Aux temps modernes en France, ce fut Béranger qui créa la chanson, créant lui seul ce que partout l'âme collective des peuples primitifs a produit. Malheureusement, deux traits essentiels aux yeux de Thalès Bernard, manquent à Béranger : „la poésie de la nature“ et „le souffle religieux“, en conséquence de quoi sa poésie est plutôt individuelle que spontanée.

La poésie populaire, elle-même, par le progrès de la civilisation, a subi aussi une crise difficile. Bernard rappelle l'opinion des frères Grimm, déclarant impossible la création d'une poésie populaire ; la ferait-on, il serait impossible de la faire accepter. La crise s'est attaquée, par conséquent, à

1) Ibid., p. XXII.

2) Ibid., pp. XXII—XXIII.

3) Ibid., p. XXIII.

4) Thalès Bernard : Histoire de la poésie, Prolégomènes.

toute la littérature. Les genres principaux, l'épopée et le drame, sortent de la poésie spontanée, c'est-à-dire populaire. Mais puisque la dernière pourra — malgré l'exemple des Grecs modernes. — à peine renaître chez les nations civilisées de l'Europe, Thalès Bernard est obligé de tirer des conclusions pessimistes. „Partout où la science a passé, elle a substitué des idées aux images et des lois aux libres fantaisies de l'imagination. Les peuples européens des deux Amériques n'ont pas, ne peuvent pas avoir de poésies spontanées; il se sont détachés trop tard du tronc. Pour l'Europe, elle perd la sienne à mesure que la science se répand; on trouve ça et là des chants populaires comme on rencontre des fossiles indiquant des espèces perdues; mais il ne s'en fait plus guère dans le monde. La poésie passe . . . du coeur de l'homme dans le cerveau“¹⁾. — „La grande poésie est morte!“ — s'écrie amèrement Thalès Bernard. Avec la poésie populaire disparaît l'épopée, et avec elles la nature, Dieu lui-même, les grands mythes héroïques et les légendes religieuses. Dieu, qui fut jadis tout, est déchu. Rien n'est divin de nos jours pour la poésie, pas même Dieu. La mythologie païenne a disparu, et la science anéantira la mythologie chrétienne aussi. Les formes et les légendes, issues de la riche imagination du moyen âge, sont oubliées. La même crise se montre dans la poésie dramatique moderne, issue jadis également du culte de la divinité. Les dieux en ont disparu; avec Euripide et Aristophane commence le règne de l'homme et la poésie disparaît.

Toute protestation contre cette réalité des faits est inutile. „Depuis six-cents ans, tous les poètes ont vécu dans un état convulsif, parce qu'ils se sentaient devenir un hors d'oeuvre dans la création“²⁾. . . . „d'un côté la poésie savante, profonde, hérissée; de l'autre, la poésie humble, incomplète, sordide souvent et repoussée par les intelligences d'élite; voilà où ont abouti les trois mouvements spontané, épique ou dramatique, sans qu'ils puissent jamais renaître; car la spontanéité et la réflexion, la poésie et la science forment deux termes inconciliables; à mesure que la seconde s'étend, la première doit se restreindre“³⁾. Le progrès de la science a fait disparaître les secrets de la nature,

1) Thalès Bernard: Adorations, p. XXV.

2) Ibid., p. XXX.

3) Ibid., pp. XXXII—XXXIII.

et avec cela la possibilité de créer une mythologie. Auprès de la poésie est née la science, mais „jamais l'art et la science n'ont pu vivre de pair depuis Platon. On a rencontré des poètes instruits et des savants mystiques, mais rien de plus“¹⁾.

L'étude des littératures anciennes et modernes démontre que la poésie épique et dramatique ont altéré l'idée religieuse, en conséquence de quoi elles ont dû s'affaiblir. La poésie lyrique est la seule qui doive et puisse subsister, étant née du sentiment populaire, avant l'épopée. Tandis que l'épopée et le drame se développent dans le sens de la décadence, une progression inverse se montre dans la poésie lyrique, la seule qui doive parler toujours à Dieu et de Dieu. „La poésie lyrique est, avec l'architecture et la musique, l'unique forme religieuse . . . insaisissable dans son unité multiple aussi bien que la cathédrale ou la symphonie, elle convient par là-même à toutes les âmes“²⁾.

Depuis les temps les plus reculés, à travers tous les poètes de tous les temps, on peut distinguer dans la poésie lyrique, jusqu'aux poètes de nos jours, un progrès continu. „Les poésies de Byron, de Hugo, de Lamartine, le René de Chateaubriand ont dépassé tout ce que l'antiquité, le moyen-âge et la renaissance ont pu produire“³⁾. Mais il faut craindre que la conception religieuse, avilie et souillée, n'évoque bientôt une nouvelle poésie, la poésie métaphysique, défallante et glacée. La poésie lyrique doit donc être aussi surveillée.

Après avoir examiné et comparé les poésies populaires de toutes les nations, on parviendra aux conclusions suivantes. Dans l'art catholique, quoique le danger ait été le même, la poésie n'a pas dénaturé les conceptions religieuses aussi fortement que ceci s'est passé dans l'art païen. Toutefois, une certaine décomposition analogue à celle de la poésie épique et dramatique s'est produite, substituant les fantaisies humaines aux idées de Dieu. Ainsi, pour la littérature, il ne reste que trois grandes formes : au lieu de l'épopée le roman, le drame réaliste au lieu de l'antique tragédie, et „la poésie lyrique qui a grandi et qui grandira toujours. Sur elle la science ne peut rien non plus que sur l'Architecture et la Musique“⁴⁾.

1) Ibid., p. XXXIV.

2) Ibid., pp. XXXIV—XXXV.

3) Ibid., pp. XXXV—XXXVI.

4) Ibid., p. XXXVIII.

Malgré les chances propices qui attendent dans l'avenir la poésie lyrique, elle se trouve aussi dans un état de crise, pour avoir un peu trop abusé du monde subjectif, et s'être trop étendue sur un vieux fonds. Soucieux de l'avenir de la poésie lyrique, Thalès Bernard pose la question: „comment donc et où devra-t-elle renaître, elle qui est douée d'immortalité?“ Or, „elle ne peut s'élever aujourd'hui dans l'Europe occidentale. Les nations latines semblent assoupies; la race germanique, comme faisait le Jupiter Olympien, ne regarde plus la terre qu'à travers un nuage; et la race celtique n'a jamais accordé beaucoup d'importance à cette forme d'art. Il reste donc l'Orient, la Russie et l'Amérique“¹⁾.

L'Orient ne peut pas exciter nos espérances. En Chine, c'est l'athéisme qui entrave le développement; les peuples de l'Islam n'ont produit que des oeuvres insignifiantes en ce genre. „C'est donc en Russie ou en Amérique — croit Thalès Bernard — que le premier grand poète devra naître.“ ... Mais „si la Russie est plus favorisée d'un côté parce qu'elle est moins éloignée de la vie de la nature, d'autre part elle manque de netteté; les idées et les idiomes des Slaves, des Allemands, des Tatares, des Finnois se croisent sur son sol. L'Amérique, aussi religieuse que la Russie, est mieux douée sous le rapport de la précision, et, si l'on en croit certains indices, il y aura bientôt une explosion intellectuelle. Or, quand celle-ci se produira, on peut assurer qu'elle ne sera pas mesquine et bornée“²⁾.

L'Europe occidentale doit donc se tourner vers l'Amérique et vers la race slave, avec toutes ses espérances, n'oubliant pas non plus les peuples finno-ougriens, pour demander „une grande manifestation de la poésie religieuse.“ La littérature récente de l'Amérique, de la Russie, de même que l'essor littéraire de la Hongrie, de la Finlande et de l'Estonie dans les dernières dizaines d'années, semblent réaliser les présages de Thalès Bernard, prononcés au milieu du siècle passé.

Si la poésie lyrique a surmonté la crise qui la menaçait, ç'a été parce que le genre populaire a eu sa victoire chez divers peuples. C'est un genre nouveau, puisque l'antiquité, dans le sens d'aujourd'hui, ne le connaissait pas. Elle est la

1) Ibid.

2) Ibid., p. XXXIX.

quatrième grande forme littéraire, une poésie „qui s'est produite par le mélange de l'influence chrétienne avec le génie des Slaves, des Germains, des Finnois, des Espagnols etc. ...“¹⁾ et qui „n'est pas autre chose qu'une fusion du naturel des peuples barbares avec la sensibilité éveillée dans l'âme par le christianisme“²⁾. Mais il manque encore un trait essentiel, qui est de transformer la poésie populaire par la philosophie. Avec la réalisation de cette proposition, on suivrait, selon Thalès Bernard, la juste direction, marquée par la nature, pour arriver au renouvellement de la poésie. Les représentants de ce genre, Petöfi, Trueba, Burns, Uhland, Béranger etc., „malgré leur brillant génie“, restent à un degré inférieur, parce qu'ils n'ont point ce génie métaphysique, qui rayonne dans Goëthe et dans Alighieri... Une poésie qui pourrait réunir la vigueur intellectuelle de ces deux maîtres, à la noble simplicité et à la fraîcheur des inspirations primitives, serait l'idéal de l'art“³⁾.

* * *

Le programme en faveur duquel Thalès Bernard déploie son activité pendant toute sa vie, est de réformer la littérature, et d'y introduire un esprit plus sain que la poésie populaire doit fournir. Pour arriver à son but, cet écrivain français cherche des partisans dans les cercles littéraires de la France et des amis dans l'Europe entière. Il entre en relations avec les poètes et les littérateurs des pays les plus éloignés. En faisant cela, il ne veut pas seulement faire connaître les poésies populaires étrangères en France, mais il s'efforce aussi de faire connaître la littérature française en dehors des frontières de sa patrie.

Son travail n'a pas été tout à fait vain. Son idée de fonder une Académie de littératures étrangères, pour faire communiquer les peuples entre eux, et de rajeunir la poésie en la retrempeant à ses sources, a été acceptée par plusieurs poètes étrangers. Ainsi — dit-il — „M. Louis de Baecker, l'infatigable représentant de la littérature flamande; M. Ernest Lafond, l'ingénieux traducteur de Lope de Vega; M. C. Zetterquist, de

1) Thalès Bernard: Histoire de la poésie. Prolégomènes.

2) Achille Millien: La Moisson, avec une préface par Thalès Bernard, 1860, Paris-Nevers, C. Vanier-P. Bégat, pp. 302. Cf. p. 9.

3) Thalès Bernard: Histoire de la poésie, p. 835.

Stockholm, qui prépare un ouvrage philologique en cinq cents langues; le pasteur André Hedner, d'Asby en Suède; la baronne de Reinsberg, connue autant par ses charmantes poésies que par ses gracieuses imitations des chants de la Bohême; le célèbre auteur de Carlo Zeno, Rudolph Gottschall; le poète estonien Jégor von Sivers, m'ont tous, soit appuyé dans mes tentatives, soit fourni de précieux renseignements. M. Féodor Wehl, qui dirige aujourd'hui à Hambourg le journal *Jahreszeiten*, non content de traduire quelques-unes de mes poésies en langue allemande, est revenu à plusieurs reprises sur mes idées de cosmopolitisme. M. Edmond Delière a fait à Genève une vigoureuse propagande dans le même but. Le Dr. Karl Rosenkranz m'a fortement engagé à germaniser la poésie française, et son excellente *Histoire de la Poésie*, où nos écrivains sont appréciés avec une si noble impartialité, m'a été d'un secours continuel. M. Kertbeny, de Pest, m'a transmis tous les renseignements dont j'avais besoin pour m'approprier la poésie hongroise; un autre poète magyar, Paul Jambor, (recte: Jám-bor), m'a également fourni des informations de diverses natures. Après avoir mentionné le poète russe Basilius Jacowleff, qui a mis le premier sous les yeux de Bernard „les admirables chants de l'Estonie“, il continue: „Les journaux même de l'Amérique du sud ont bien voulu servir la cause du cosmopolitisme en exposant mes idées dans leurs colonnes, et deux poètes hispano-américains, Don Narciso de Foxa et Don Juan Maria Gutierrez, se sont mis à ma disposition avec une obligeance sans bornes“¹⁾.

Cette nomenclature rend témoignage des relations internationales de Thalès Bernard et montre les sources d'où il a puisé ses idées et ses matières poétiques. D'autre part, l'influence de ses idées est remarquable dans les pays scandinaves, où elles servirent à la propagande française. A cet égard, il faut nommer un ouvrage du major suédois Staaß, qui publia à Stockholm, sous le titre „*Urval ur Franska litteraturen*“ (2 volumes, 1859—1861), une histoire littéraire, qui est pourvue d'une anthologie visant à faire connaître la littérature française au Nord. La composition de ce recueil montre l'influence des idées de Thalès Bernard. C'est surtout la poésie populaire française qui y est largement représentée. Le major Staaß a fait connaître par des traductions partielles les poètes

1) Thalès Bernard: *Poésies mystiques*, pp. IV—V.

du Béarn, de la Provence, de la Gascogne, et du Languedoc. En 1867—1873 parut une édition française de ce recueil suédois, considérablement augmentée au point de vue bibliographique et pourvue de notices biographiques, de sorte que cette édition est pour l'étude des poètes mineurs français du XIXme siècle jusqu'à 1870 un ample répertoire de renseignements¹⁾.

Non moins sensible a été l'influence de Thalès Bernard en France, sur un certain groupe de poètes. Connaissant même l'amitié qui le liait avec son ami et compatriote Leconte de Lisle, nous croyons que c'est sous l'influence de Thalès Bernard que l'attention de ce poète s'est tournée vers la poésie finnoise. Deux poésies du recueil intitulé *Poèmes barbares* traitent de sujets finnois: *Les larmes de l'ours* et *Le Runoïa*²⁾. Il paraît même que ce recueil de Leconte de Lisle est un chef-d'oeuvre qui montre des tendances analogues à celles que professait Thalès Bernard.

Malgré la rigueur de la littérature officielle envers Thalès Bernard, autour de lui se forme tout de même une sorte d'école poétique, un cercle de disciples français. Ce sont pour la plupart des poètes de province, oubliés aujourd'hui, comme leur chef, qui s'identifient avec les idées de Bernard, les suivent et tâchent de les réaliser. Thalès Bernard est pour eux le maître, et ils lui adressent de nombreuses poésies, imbues d'un enthousiasme fervent, pour l'honorer. D'autre part, Bernard écrit des louanges sur les oeuvres de ces jeunes poètes, qu'il fait connaître aussi à ses amis étrangers. Les recueils de poésies publiés par exemple par Achille Millien et Adolphe Paban, qui se trouvent, pourvus de dédicaces amicales, dans la bibliothèque de Jégor von Sivers, prouvent l'amitié de tous ces poètes, qui travaillaient dans le même sens que Thalès Bernard.

Un disciple particulièrement dévoué de Bernard semble avoir été Adolphe Paban, dont le recueil intitulé *Mes tablettes*³⁾ contient les poésies suivantes, dédiées ou adressées même à Thalès Bernard: 1) *A Monsieur Th. B.* (pp. 70—71); 2) *Tempête et calme*, à M. Th. B. (pp. 142—143); 3) *A Monsieur Th. B.* (pp.

1) Cf. Henri Girard, ouvrage cité, Appendice V, p. 546.

2) Leconte de Lisle: *Poèmes barbares*, pp. 79—80 et 81—95.

3) Adolphe Paban: *Mes tablettes*, 1858—1866, poésies, Paris, C. Vanier, 1866, pp. IV + 240.

189—199). Le recueil de Paban qui porte le titre *Les souffles*¹⁾ contient: 1) A Monsieur Th. B. (pp. 31—36); 2) A Monsieur Thalès Bernard (pp. 65—68).

Un véritable panégyrique du disciple dévoué est la poésie suivante de Paban adressée à Thalès Bernard que nous allons publier, pour montrer l'estime qui fut vouée au maître par ces poètes mineurs:

A Monsieur Th. B.

O poète charmant! quel ange à la blanche aile
Te révélant tout bas le langage des cieux,
Enlace, en se jouant, la rose à l'immortelle,
La tristesse à la joie, en tes vers gracieux?

Quelle muse te rend ces suaves murmures
Qui, s'élevant pour toi des antiques forêts,
Au concert des oiseaux, sous les vertes ramures,
Ont bercé tes amours et partant tes regrets?

Où trouves-tu ce rythme, à l'allure si douce,
Qui caresse la lyre et craint de se poser,
Lent comme un frôlement de robe sur la mousse,
Plaintif comme un soupir et frais comme un baiser?

Oh! quel coeur de quinze ans enivré de t'entendre,
N'envirait la Diva qui fait couler tes pleurs,
Et pour qui chaque jour ton souvenir plus tendre,
En des chants inspirés, dresse un autel de fleurs?

Pour moi, tout imprégné des arômes mystiques
Qu'on respire en lisant ces feuillets précieux,
Où la nature parle, ainsi qu'aux temps bibliques,
J'ai rêvé de l'Eden et j'ai fermé les yeux²⁾.

Dans toutes ces poésies se trouve exprimé le programme littéraire confessé par Thalès Bernard, et adopté par ses disciples français, dont fut Paban. L'intérêt de ce poète est excité même par les Lapons, peuple finno-ougrien qu'il a chanté dans son:

1) Idem: *Les souffles*, poésies, Aigues-Marines, sonnets normands, Wolf, conte fantastique, Paris, C. Vanier, 1868, pp. 140.

2) Adolphe Paban: *Mes tablettes*, pp. 70—71.

Chant national du Finmark.

Si j'habite les monts ceints de neige éternelle,
Où l'agile Lapon poursuit l'élan sauteur,
Où le gris ptarmigan dans l'herbe bat de l'aile,
Où la source en pleurant descend de la hauteur ;

Je chante, et les échos annonçant mon approche,
Un sauvage troupeau sort de chaque ravin,
Et d'un seul coup le renne abattu sur la roche
Va payer pour longtemps mes vivres et mon vin.

La cime du rocher, d'où le sapin s'élance,
Est la demeure auguste où l'homme libre est roi ;
Jamais sur ces hauts lieux, qu'habite le silence,
La rumeur des humains n'arrive jusqu' à moi.

Si je demeure au fond de la verte vallée,
Qu'une rivière lente enrichit de son eau,
Où mon salon agreste est un toit de feuillée,
Où mes prés voient bondir le boeuf avec l'agneau ;

Je me tiens satisfait de mon luxe commode :
La campagne nourrit le maître diligent,
Et riant, à part moi, des soucis de la mode,
Je ne désire pas accroître mon argent.

Mon paisible vallon m'abrite en son enceinte,
Je vois tomber les grands, du seuil de ma maison,
Et je vide mon verre à quelque amitié sainte,
Assis en sûreté sur mon banc de gazon.

Si je vis sur le bord de l'Océan sauvage,
Où des oeufs sont épars dans le sable nacré,
Où, tournant sur les flots, les oiseaux du rivage
Poursuivent la sardine et le hareng doré ;

Que là, grâce au destin, je remplisse ma barque,
Si fort que l'aviron peine à toucher le bord,
Je me sens plus heureux et plus gai qu'un monarque,
Et nul contre le sien n'échangerait mon sort.

Le riche peut se plaindre, en son avare fièvre :
Un seul mets suffit bien, quand la joie est au cœur ;

Moi, je ne veux avoir que ce toste à la lèvre ;
Que le poisson longtemps nage pour le pêcheur !

Chantons les fiers sommets, les vallons et la côte :
Ne nous comblent-ils pas de leurs trésors divers ?
L'or nous vient des rochers de la montagne haute,
Le pain de la vallée et le poisson des mers.

Que les forts boivent l'eau : mes compagnons, alerte,
Remplissez le cristal du vin que nous aimons :
La Norwège n'est point une terre déserte :
Buvons à la vallée, au rivage, à nos monts !¹⁾

Un poète mieux connu, Achille Millien, devient aussi le compagnon d'armes de Thalès Bernard, et il lui adresse aussi des poésies. Les Premières poésies de Millien en contiennent une sous le titre A Th. B. (p. 38), tandis que dans le recueil intitulé La moisson se trouve le poème A Thalès Bernard (pp. 24—25). En outre, la préface de ce dernier recueil est écrite par Thalès Bernard lui-même.

Les tendances qui unissent les membres de ce groupe d'écrivains, ce sont la défense et le culte de l'esprit chrétien, la propagation du „naturisme“, la lutte contre l'influence de la capitale dans la littérature et avec cela la défense du provincialisme d'où dérive le culte de la poésie populaire. Ces poètes sont les adversaires de cette civilisation moderne qui est créée par le progrès technique. En conséquence, il s'évertuent à négliger dans la poésie l'élément technique, le raffinement de la versification, et se tournent plutôt vers la simplicité. Ils se sentent près de la nature et de Dieu, ce par quoi ils ont tous un penchant naturel pour le panthéisme et le mysticisme.

Thalès Bernard est de l'avis qu'il y a „une chose plus sainte encore que la poésie, c'est le mouvement religieux qui entraîne les peuples les uns vers les autres : et les écrivains qui oublient leur rôle personnel pour travailler à la réalisation du genre humain en famille chrétienne, méritent les honneurs dûs à l'apostolat“²⁾. Malgré son intérêt pour le panthéisme et pour le mysticisme,

1) Adolphe Paban : Les souffles, pp. 47—50. Le Finmark est une province de la Norwège septentrionale, située à la frontière finnoise et habitée par les Lapons.

2) Thalès Bernard Poésies mystiques, préface, pp. V—VI.

Thalès Bernard tient pour le plus important le culte du sentiment chrétien. Il est „chrétien dans l'acception réelle du mot“, dit de lui un de ses amis¹⁾. Bernard apprécie hautement le recueil de Millien, intitulé *La moisson* justement pour avoir poursuivi le même but, et il écrit dans la préface de ce recueil: „Dans le Fou, qu' on croirait écrit par le Hongrois Petöfi, règne la plus exquise sensibilité; c'est un dialogue de l'âme avec les fleurs, un échange fraternel entre l'univers et la créature, mais qui n'est pas orageux comme les convulsions du panthéisme, et qui découle en droite ligne du sentiment chrétien. On sait que la poésie populaire n'est pas autre chose qu'une fusion du naturel des peuples barbares, avec la sensibilité éveillée dans l'âme par le christianisme. L'auteur est fidèle à cette tradition“²⁾.

Le naturisme éloigne ces poètes de la vie des villes, de la science qu'on enseigne dans les chaires universitaires, de tout ce qui n'est pas simple et primitif. Achille Millien mérite les louanges de Thalès Bernard, puisqu'il a enveloppé la métaphysique dans une forme agreste. Sur l'esprit primitif exprimé d'une manière saisissante dans la poésie intitulée *la Nuit*, Thalès Bernard remarque ce qui suit: „On aime à écouter ces rudes accents, qui nous transportent loin des discours académiques et des froides périodes des professeurs de littérature“³⁾.

L'esprit chrétien, le naturisme et l'opposition avec la mentalité de la capitale font d'Achille Millien un poète digne aux yeux de Thalès Bernard. Voilà comment il le caractérise: Achille Millien a débuté dans la France littéraire, journal qui paraît à Lyon, sous la direction de M. Adrien Peladan, „un chrétien convaincu, poète enthousiaste“. Or, dit Bernard, „M. Achille Millien ne pouvait manquer d'écouter la voix énergique de M. Peladan, qui convie la province à s'affranchir du joug littéraire de la capitale. Qu'est-il besoin, en effet, pour écrire des vers, de demeurer rue de Bourgogne ou près de l'Institut? Le séjour des villes était nécessaire aux poètes classiques; c'est la campagne qu'il faut à la nouvelle école pastorale, qui prétend

1) Louis de Laincel: *La poésie est-elle encore possible?* Paris, E. Dentu, 1865, pp. 69. V. p. 13.

2) Achille Millien: *La moisson*, avec une préface par Thalès Bernard, Paris-Nevers, C. Vanier-P. Bégat, 1860, pp. 302. Cf. p. 9.

3) Ibid., p. 10.

donner à la foule une véritable poésie populaire, en échange des repoussantes plaintes de nos départements français¹⁾.

Adolphe Paban exprime nettement la direction qu'il faut suivre: il faut lutter contre l'industrialisme au nom du naturisme. „La terre nous convie à de nouveaux hymens“ et „la nature suspend une idée, une strophe à chaque touffe de graminées“, la nature, qui est „douce pour le rêveur et pour le philosophe“. Il conseille donc, dans sa poésie intitulée *A un poète*²⁾:

Laisse là la cité pour les champs et l'espace,
Et ce flot discordant qui se heurte et qui passe,
Meute aux appétits lourds que l'or met aux abois;
Loin des vulgaires soins où la tourbe s'essouffle,
Tu pourras avec moi respirer à plein souffle
Le panthéisme des grands bois.

Paban appelle même le maître, Thalès Bernard, à quitter Paris, dans la poésie suivante³⁾ qui laisse apercevoir les principes poétiques de Paban, et nous le montre comme un poète français qui a subi l'influence du romantisme allemand:

A Monsieur Th. B.

Eh quoi! depuis six mois, sans fraîcheur et sans arbres,
De toute la lourdeur de ses palais de marbre
Paris pèse sur vous, sans étouffer vos chants?
Quel trésor avez-vous de grâce et de jeunesse,
Pour que votre cœur garde, aux fanges de Lutèce,
L'éternelle idylle des champs?

Vous souvient-il encor des grands horizons libres?
Ne voulez-vous plus voir les joncs aux vertes fibres,
Ni les vergiss-mein-nicht dans la mousse enfouis,
Ni, la nuit, quand les bois bercent toutes leurs palmes,
Sur la fluidité des eaux tristes et calmées,
Les clairs de lune épanouis?

Venez, maître, venez, c'est la saison du barde;
Sur les derniers rameaux que l'automne lui garde,
La grive aux laboureurs a dit les premiers froids;

1) Achille Millien: *La moisson*, Préface, p. 11.

2) Adolphe Paban: *Mes tablettes*, p. 221.

3) Adolphe Paban: *Mes tablettes*, pp. 198—199.

Les toits de chaume aimés de la muse allemande
Offriront à vos yeux, loin des moeurs de commande,
Les types francs des villageois.

Nous poursuivrons de l'oeil la fille aux blondes nattes ;
Nous noterons tous deux les dernières sonates
Que la nature égrène, et, pour porter défi
Au style de ce temps qu'on prône sans vergogne,
Nous parlerons des noms de la pauvre Pologne,
Des Csuczor et des Petoefi.

Puis, quand nous reviendrons de voir la plaine grise,
Dans ces repas charmants que la verve électrise,
Nous pourrions mettre encor les Muses de moitié ;
Sous le regard d'un dieu, comme aurait dit Laprade,
Nos verres tinteront avant chaque rasade,
Du cliquetis de l'amitié.

Une autre poésie de Paban, intitulée et adressée également
A monsieur Th. B.¹⁾, qui parle de „la morbidezza d'un monde
au déclin“ et rappelle le maître de Paris à la campagne, contient
des idées semblables. Nous en citons les dernières strophes :

Ou plutôt, amant des modernes grèves,
L'élan de tes rêves
Fuit-il pas l'Hellade et son ciel serein ?
Bleus vergiss-mein-nicht penchés sur les sources,
Dans ses folles courses
N'appelle-t'il pas les vierges du Rhin ?
Ne voles-tu pas, loin de notre meute,
Où Bürger et Goethe
Charmaient tout un peuple aux songes enclin,
Où l'esprit rêveur de Dresde ou de Prague
Berce d'un chant vague
La morbidezza d'un monde au déclin ?
N'écartes-tu pas les parures lourdes,
Dont nos muses sourdes
Affublent encor la beauté sans frais,
Et ne sens-tu pas dans l'air, plein d'arome,
Un autre idiome
Fuire avec ta voix, comme un souffle frais ?

1) Adolphe Paban: Les souffles, pp. 31—36; cf. pp. 33—36.

Oh! viens; à Paris la Nuit t'enveloppe;
Moderne Cyclope,
Le Progrès prendra ton front sous l'étau;
Le char de Vulcan roule sur ses orbes;
Au chant des théorbes
Vas-tu préférer le chant du marteau?
Là-bas l'Industrie a bâti son temple,
Et ton oeil contemple
Le feu qu'au Titan le ciel dénia;
Ici, dans les bois, c'est bien autre chose,
La Nature expose
L'écrin merveilleux de Titania.
Viens. Ici, la Muse a sous les ramées,
Ses chansons aimées.
Ici les ruisseaux te diront des vers;
Viens, au lieu du bruit des crics et des mouffles,
Ecouter les Souffles
Qui passent si doux dans les iris verts!

On pourrait donc caractériser ce groupe de poètes comme les champions dans la lutte contre le matérialisme au nom d'un certain idéalisme attardé, et qui trouve ses origines dans le romantisme allemand. Un pressentiment singulier de la décadence causée justement par le progrès technique, le machinisme et l'industrialisme, se montre dans les oeuvres de tous ces poètes. Les phrases suivantes de Millien font méditer le lecteur même de nos jours: „Aujourd'hui notre activité fiévreuse s'acharne surtout à poursuivre le progrès dans la matière, et l'on ne peut nier les merveilleux succès qui ont récompensé les efforts de la science industrielle. Toutefois, si l'abaissement des caractères devait résulter de notre culte du bien-être, si, toujours occupés d'intérêts d'un ordre inférieur où s'émousse le sens moral, nous perdions le vouloir et la faculté de nous élever jusqu' à ces hautes régions que n'atteignent ni la puissance des machines ni l'élan de la vapeur, il faudrait s'effrayer, comme d'une réelle décadence, de ce progrès dont on est si fier!

A Dieu ne plaise qu'il en soit ainsi!“¹⁾.

1) Achille Millien: *Légendes d'aujourd'hui*, poèmes suivis de *Lieds et sonnets*, Paris, Garnier frères, 1870, pp. III + 226. Cf. Préface, p. II.

Comme toute la vie intellectuelle, la poésie elle-même est aussi en crise. La machine fait ses progrès, et avec cela le matérialisme. Le moment est arrivé de commencer la lutte contre ce mouvement funeste. Le feu sacré de la poésie, qui ne peut mourir tandis que la nature gardera ses splendeurs et le coeur humain son essence, doit être ravivé. „Des maîtres éprouvés, des jeunes gens qui seront des maîtres un jour, répondent victorieusement aux esprits moroses qui doutent de la vitalité de la poésie...“ „Si la foule n'écoute plus les poètes, un auditoire d'élite les comprend, les aime, les console et les couronne, toujours prêt à applaudir aux essais les plus modestes, quand ils sont sincères“¹⁾.

Espérant les applaudissements du public, Millien fait son coup d'essai dans le nouveau genre, et attire par cela du moins ceux de Thalès Bernard, qui écrit sur lui, dans la préface du recueil intitulé *La moisson*, ce qui suit: „Ce volume est la plus complète justification de la théorie qui prétend asseoir la poésie moderne sur la poésie populaire“²⁾.

Ce que cette théorie demande à la poésie, c'est la simplicité du style, l'ingénuité du sentiment, la fraîcheur des images, les gracieux contours des tableaux, afin qu'on les puisse opposer à ces formes conventionnelles qu'on trouve aussi bien dans le romantisme que chez ses adversaires. Thalès Bernard exprime le point de vue contraire du mouvement basé sur la poésie populaire de la manière suivante: „Nous reconnaissons beaucoup d'habileté aux poètes de ces dernières années: il savent ciseler des phrases et rimer sur deux ou trois syllabes, mais ce qui ne leur est pas donné, c'est de plaire et de toucher le coeur; les jeunes gens ont donc raison d'abandonner la mosaïque et le plâtrage littéraires, pour se tourner vers la nature. Comme ils ne veulent plus ni des momies de l'antiquité, ni des épouvantails du moyen-âge, et qu'il leur faut cependant, par une nécessité invincible de l'esprit humain, se rattacher à une tradition, ils se dirigent vers la poésie populaire, ce qui ne les éloigne pas de la nature, et ainsi, voilà une nouvelle direction de l'intelligence qui se dessine, voilà un nouveau genre de poésie qui s'est fondé“¹⁾.

Cette tentative n'est pas seulement une utopie. Elle sert à

1) Ibidem.

2) Achille Millien: *La moisson*, préface, p. 7.

1) Ibid., pp. 7—8.

résoudre un problème important, puisque la poésie imaginée par elle est capable de plaire également à la foule et aux esprits cultivés. Le peuple n'entend rien ni aux nymphes, ni aux satyres, en conséquence les pastorales écrites par des poètes trop raffinés ne l'intéressent pas. Le nouveau genre, la poésie populaire, a besoin de „la nature toute simple, dans ce qu'elle a de beau, mais revêtu de formes élégantes qui servent de filets pour prendre les esprits cultivés“¹⁾. C'est ainsi que ce problème est accepté par tout le monde, aujourd'hui, dit Thalès Bernard²⁾.

Achille Millien, l'auteur du recueil intitulé *La moisson*, „a la gloire d'être le premier qui accuse franchement ce genre nouveau. Il ne s'embarrasse pas d'érudition, mais il rejette également les informes plaintes écrites en langue française; c'est dans les chants de la Bretagne, de la Hongrie³⁾, de l'Estonie, etc., qu'il étudie la poésie populaire; puis, quand il a ainsi tracé au fond de son âme de vagues linéaments, il regarde la nature, l'inspiration jaillit, et il écrit d'un trait des compositions charmantes, dont la vérité frappe et séduit“⁴⁾.

Nous n'avons mentionné que ces deux poètes français qui ont travaillé dans un sens analogue à celui de Thalès Bernard, ou qui ont subi l'influence de ses idées. Il est possible qu'il en existe encore d'autres. L'éloignement géographique et la brièveté de notre séjour en France nous ont empêché de faire des recherches plus minutieuses à cet égard.

* * *

Outre quelques panégyristes et disciples, Thalès Bernard a trouvé même un esthète qui s'est occupé particulièrement de lui, de ses principes et de sa poésie. Le cri d'alarme „la poésie est en crise“, a fait écrire à Louis de Laincel une brochure intitulée „La poésie est-elle encore possible?“ Ce travail

1) Ibid., p. 12.

2) Cf. ce que dit le poète de l'école nationale-populaire en Hongrie, Jean Arany: Le véritable caractère populaire de la poésie consiste en cela, de présenter les suprêmes beautés artistiques de la littérature dans une forme compréhensible même par le bas-peuple.

3) Millien a été un partisan zélé de la poésie hongroise, surtout de celle de Petöfi.

4) Achille Millien: *La moisson*, Préface, p. 8.

se compose de deux études, dont l'une s'occupe de Thalès Bernard, l'autre d'Achille Millien.

Laincel remarque, que Thalès Bernard n'est pas le premier poète qui ait sondé la riche mine des poésies populaires étrangères; mais il ne s'est pas attaché, comme les autres, à un peuple particulier. Son génie est cosmopolite, et il s'est plu „à considérer toutes les nations du monde comme faisant partie d'une immense famille où, en dépit de la diversité des races, il y a eu à certaines époques des accents identiques“¹⁾, constituant la poésie populaire. Mais c'est le mérite de Thalès Bernard „d'avoir mieux défini cette poésie, de l'avoir fait connaître par de belles imitations, et de lui avoir fixé une place, historiquement parlant, entre la poésie antique et la poésie moderne, dont elle forme le point intermédiaire“²⁾.

En France, avant Thalès Bernard, on n'a pas traité ni mentionné la poésie populaire telle que la comprend Thalès Bernard. En conséquence, des difficultés l'attendaient. Selon Thalès Bernard la poésie populaire serait basée sur le sentiment de la nature; or, „les Français ont dans l'esprit des tendances qui les empêchent peut-être de posséder réellement le sentiment de la nature“³⁾. D'autre part, Thalès Bernard „devait surtout rencontrer de l'opposition dans les rangs des professeurs de l'Université qui, de peur de froisser leur mise correcte, aiment les chemins larges, frayés depuis longtemps, bien macadamisés et bordés de peupliers en manches à balai“⁴⁾.

Les professeurs, devenus selon Laincel des journalistes, qui vont de leur chaire au bureau d'un journal, ne comprennent pas, d'autre part, le sentiment de la nature, le point de départ de la poésie populaire, puisqu'ils se sont longtemps préoccupés de racines grecques, ni le sincère attachement de Thalès Bernard, de ce „chrétien dans l'acception réelle du mot“, à la religion. Chez Thalès Bernard l'esprit religieux se mêle avec le sentiment de la nature; s'il „veut représenter une âme accablée par le sentiment de son néant, une âme qui, après avoir traversé les philosophies, en revient à l'adoration de la croix du Sauveur, c'est au milieu d'un désert que cette croix se dressera. Le rêveur y sera conduit au moment où le soleil couchant fait déborder ses laves rouges

1—2) Louis de Laincel: La Poésie est-elle encore possible? p. 7.

3—4) Ibid., p. 6.

dans la plaine. Un large horizon plaît toujours à l'âme, et ce n'est pas seulement la mer qui fait songer à l'Infini: une plaine étendue, morne et silencieuse, a ce même pouvoir. A l'aspect de la mer celui de la plaine se trouve réuni, et ces immenses étendues sont dominées par le ciel, où des étoiles, en scintillant, semblent inviter le cœur à chercher des régions plus heureuses¹⁾.

Ami de la nature, Thalès Bernard attribue une large part à la description dans la poésie. D'autre part, il écrit, sans réduire la poésie à des procédés purement techniques. Il est en opposition avec la vie fatigante et maniérée des villes. Il fait beaucoup plus „l'effet de l'un de ces chrétiens qui, aux jours du moyen-âge, cherchaient un refuge dans les cloîtres situés au fond des vertes forêts. Sa muse a pris en horreur les grandes villes, où les vices et les crimes agitent leurs drames. Elle se plaît dans les lieux sauvages, elle se choisit des oratoires sous les arbres épais, au bord des torrents dont l'écume bondit. Elle a des retraites sur le flanc des collines, et de là, sa vue embrassant l'horizon, elle apprend à remonter jusqu'au Créateur par le spectacle des choses créées. C'est pour être régénérée que cette poésie se transporte dans les bois²⁾.

En correspondance avec le besoin d'être régénérée se présente la question de l'originalité de la poésie. Thalès Bernard nie l'originalité dans la poésie; les poètes ont toujours „pris leur bien, où ils l'ont trouvé“ — comme disait Molière. „On aurait donc raison — dit Laincel — de s'inspirer des chants populaires de divers pays, puisque aujourd'hui classiques et romantiques sont au bout de tous leurs efforts, et que l'école à la fois matérialiste et réaliste ne saurait rien produire de grand ni élevé. Ceux qui appartiennent à cette école déplorable ne veulent voir de la nature que ses tristes côtés, ils recherchent l'horrible“¹⁾.

L'opposition esthétique de l'école Bernardienne avec la littérature de l'époque est exprimée strictement et d'une conviction ferme par la thèse suivante, qui peut, à juste titre, exciter de l'étonnement de nos jours: „Evidemment — dit Laincel — on ne peut que considérer comme un service immense rendu aux lettres françaises toute tentative visant à éloigner les intelligences de l'idéal qui a inspiré les Fleurs du Mal et d'autres recueils

1) Ibid., p. 11.

2) Ibid., p. 15.

pires encore. Il serait temps que le niveau se relevât, et que la littérature mise en circulation par certains spéculateurs devînt l'objet de répugnance et de dégoût²⁾.

Louis de Lancel réclame donc aussi l'assainissement et le renouveau dans la poésie, dont le développement dans le sens décadent et moralement destructif lui cause des angoisses. Il regarde par delà les frontières françaises et il cite un ancien proverbe comme motto de son livre : „Pour faire un bon tempérament, il faut meslanger le plomb d'Allemagne avec le vif-argent de France.“ Lancel voit donc avec un grand contentement l'entrée en scène de Thalès Bernard, qui „au lieu de suivre des errements fâcheux et de s'appliquer à la reproduction des laideurs physiques et morales, . . . a étudié toutes les langues et toutes les civilisations ; mais des résultats, il est remonté aux sources, de la poésie cultivée il l'est à la poésie populaire³⁾. En Corse, en Ecosse, en Albanie, chez le peuple basque, en Estonie, „où il a découvert une poésie nouvelle, pleine de tendresse et de sensibilité“, en Hongrie, et partout ailleurs il a recueilli des chants. „C'est un monde immense : on passe des tristesses que surplombent les brumes de la Baltique aux joies qui s'épanouissent en même temps que les fleurs du jasmin sous le ciel bleu de l'Andalousie“⁴⁾.

Lancel démontre l'influence que la poésie populaire a exercé sur Thalès Bernard et que nous avons traitée dans cette étude. Lancel estime surtout l'Histoire de la poésie, un résumé de vingt années de recherches faites par Bernard. Cette oeuvre sert à démontrer que la littérature doit arriver à la poésie populaire pour se renouveler. Les chants populaires habilement choisis dans ceux de toutes les nations donnent à la troisième partie de cet ouvrage un attrait et un charme particulier, puisqu'on y trouve des citations de poésies jusqu' alors à peu près entièrement inconnues en France.

Lancel cite la poésie intitulée *Excelsior* du poète américain Longfellow, parce qu'elle lui semble représenter la même pensée, qui, en général, inspire les travaux de Thalès Bernard. Ce littérateur français n'est donc pas le seul qui professe de telles idées,

1—2) Ibid., pp. 22—23.

3) Ibid., p. 23.

4) Ibid., p. 24.

et son activité n'est pas restée inconnue. „Les journaux, soit en France, soit à l'étranger, se sont maintes fois occupés de M. Thalès Bernard et de sa manière poétique — dit Laincel. C'est justice, car la notoriété est la seule récompense que ce poète ait retirée jusqu' à présent de ses efforts et de ses immenses travaux“¹⁾. Laincel lui-même se déclare un partisan zélé des intentions propagées par Thalès Bernard. Elles sont utiles, parce que les citations qu'il a publiées „donnent une variété de tons qui a un attrait inexprimable pour celui qui sur les bancs du collège n'a pu connaître que les oeuvres de nos classiques. Et, certes, je ne voudrais pas que l'on pût supposer de ma part une pensée de dédain pour ceux-ci, mais si l'on doit admirer un jardin dessiné par un artiste habile, pourquoi ne pourrait-on pas se plaire également au milieu d'un site inculte et sauvage où la nature a réuni des contrastes magnifiques?“²⁾.

En somme, Louis de Laincel est d'avis que „les déductions que l'auteur de l'Histoire de la Poésie a tirées de ses longues études, peuvent soulever des objections, mais ce qui ne saurait être discuté et mis en doute, c'est l'érudition qui soutient cette oeuvre d'un bout à l'autre, la rend substantielle et forte et la maintient au niveau des meilleurs travaux publiés dans ce genre. Le savoir, en effet, y marche constamment en ligne parallèle avec une haute philosophie. — Ce qui est une nouveauté dans ce livre, c'est d'avoir fait comparaître devant un tribunal littéraire toutes les nations à la fois, celles qui ont illustré les traditions aussi bien que celles qui étaient à peine connues et que, généralement parlant, on croyait en France absolument étrangères à l'art et aux lettres“³⁾.

L'activité de Thalès Bernard a, selon Laincel, une valeur esthétique et un mérite moral dans la lutte qui se donnait pour but d'épurer et de renouveler la littérature. Laincel croit que „l'oeuvre de M. Thalès Bernard, par la façon dont elle embrasse l'universalité de la littérature depuis l'origine du monde jusqu' à nos jours, . . . répond à tous les besoins et à toutes les exigences . . . Donc, abstraction faite des idées particulières et du système de l'auteur, son oeuvre est positivement bonne et utile, elle consti-

1) Ibid., p. 31.

2) Ibid., p. 34.

3) Ibid., p. 36.

tue un véritable service rendu aux lettres, elle ne peut que contribuer à répandre des notions générales qui, de plus en plus, deviennent nécessaires; . . . On y rencontre à chaque page d'excellentes appréciations, . . . si quelques-uns des jugements portés par M. Thalès Bernard paraissent sévères, tout au moins on ne saurait nier qu'ils partent d'une conscience droite et que les points de vue pris pour l'observation d'une oeuvre quelconque, sont toujours élevés. L'idée religieuse et une pensée morale ne cessent point d'inspirer l'écrivain, et ceci n'est pas à dédaigner dans un temps où tous les dévergondages de plume se donnant libre carrière, corrompent les moeurs¹⁾.

Le dégoût de la vie vicieuse des villes qui pousse vers la décadence toute la structure sociale et culturelle de l'Europe, c'est ce qui inspire l'activité de Bernard et de ses disciples. Ils veulent s'adresser à la naïveté, à la vigueur et à la santé que les peuples primitifs ont encore gardées. Laincel lui-même publie son étude mentionnée pour „ardemment contribuer à propager le plus possible tout ce qui tend à relever les intelligences de la prostration où elles sont entraînées maintenant par les publications qui pullulent et semblent converger vers un même but“. — Or ce but douteux n'est autre chose que „l'extinction du moindre rayon qui, reflet divin, serait susceptible de faire prévaloir de nobles idées et de ramener l'humanité au souvenir de l'horizon où réside la poésie, prête à verser dans les coeurs des pensées saintes et généreuses“²⁾.

* * *

Malgré l'oubli qui s'étend aujourd'hui sur Thalès Bernard, à son époque quelques amis sincères et des disciples zélés lui ont été attachés. Malgré la résistance et l'animosité des cercles officiels de la littérature française, il a gagné le coeur de quelques-uns de ses contemporains et le poème de Paban, intitulé *A Monsieur Thalès Bernard*, démontre, sous quels points de vue a été considérée et estimée sa poésie. Nous en citons quelques lignes caractéristiques:

J'ai lu ces beaux chants, cadencés sans peine,
Où l'idéal saint par toi règne encor,
Où ta Poésie, habile sirène,

1) Ibid., p. 37—38.

2) Ibid. . 39.

Fait sonner les mots, comme un timbre d'or.
 Mon regard séduit de marges en marges
 A volé longtemps, et, tout l'univers,
 Découvrant pour moi ses horizons larges,
 Comme en un miroir, m'a lui dans tes vers.

— — — — —

La nature et l'homme, opposés sans cesse,
 Alternent chez toi leurs mouvants tableaux,
 L'une avec ses lois que rien ne transgresse,
 L'autre plus troublé que ne sont les flots ;

— — — — —

Poursuis, chantre aimé, poursuis donc ta route !
 Tout humble qu'il est, mon coeur sait le tien.¹⁾

Bien juste et frappante est la comparaison faite par Achille Millien sur la poésie de Thalès Bernard, dans une de ses poésies, intitulée *A Thalès Bernard*²⁾:

C'est que mon coeur, amant de la belle nature,
 Aspirait le printemps, poète, dans tes vers,
 En écoutant chanter, maîtresse des hivers,
 Ta „blanche poésie éclore sans culture“.

„La blanche poésie éclore sans culture“, „la maîtresse des hivers“ fait une allusion à l'intérêt de Thalès Bernard envers la poésie populaire des peuples primitifs du Nord, comme l'étaient alors les Estoniens et les Finnois.

Nous croyons donc avoir trouvé une certaine importance dans l'activité littéraire de Thalès Bernard. En France, son activité est semblable à celle de Herder en Allemagne, et il cherche dans son *Histoire de la poésie* également à exprimer ce que voulait Herder dans les *Stimmen der Völker in Liedern*. Lui-même, ainsi que ses confrères, montrent d'ailleurs une grande „germanophilie“, qui se révèle dans leurs poésies de même que dans leurs points de vue esthétiques. Thalès Bernard et ses partisans dérivent du romantisme allemand; ils montrent l'influence qu'ils en ont subi et forment une petite école égarée en France.

1) Adolphe Paban: *Les souffles*, pp. 65—68.

2) Achille Millien *La moisson*, pp. 24—25.

C'est par l'intermédiaire de la vie intellectuelle allemande, qu'ils entrent en relations avec les diverses nations peu connues. Si nous avons voulu contribuer à la réhabilitation de Thalès Bernard dans l'histoire littéraire, c'est justement au nom de ces nations vers lesquelles il s'était tourné avec une sympathie sincère et avec un intérêt purement littéraire, que nous exprimons nos gratitude.

Thalès Bernard appartient aux théoriciens dont les principes sont plus compréhensibles à un certain degré plus avancé du développement. L'avenir a justifié beaucoup de ses opinions. Quoique la littérature des peuples primitifs, mentionnés comme modèles par lui, ne soit pas restée au degré de la poésie populaire, mais se soit approprié partout un caractère cultivé et artistique, il faut convenir tout de même que ces littératures jeunes se sont développées sur la base des aliments nourriciers dont l'importance a été reconnue et constatée par Thalès Bernard.

Son regard s'est porté vers l'avenir. S'il vivait de nos jours, il ne serait pas contraint de retirer ou de changer ses opinions, ni même de renier la justesse de beaucoup de ses principes que ses contemporains et compatriotes n'ont pas voulu reconnaître. Les intentions les plus nobles ont inspiré Thalès Bernard, cet individu enthousiaste, zélé, et qui a été d'un caractère sympathique, malgré ses bizarreries, ses qualités quelquefois excentriques et son esprit indiscipliné.

Pour fixer sa nature et comprendre toutes ses intentions, nous ne saurions mieux faire que citer ses propres mots: „Le sage n'a rien à faire au milieu des rumeurs de la vie; il cherche à concilier les nécessités de la science avec les impulsions du coeur, et, par une suite d'évolution successive, il s'élève de la femme à l'humanité, de celle-ci à la nature, et de la nature à Dieu, qui répand dans toute la création sa force vivifiante. Les jours passent, les années s'écoulent, entraînant avec elles les individualités et les empires; il ne reste debout que ce qui est vraiment divin: la science, la poésie et la vertu“¹⁾.

1) Thalès Bernard: Lettres sur la poésie, p. 8.

Conclusion.

I. Thalès Bernard, littérateur français, doué d'un talent créateur assez médiocre, mais possédant une grande curiosité littéraire, est, au milieu du XIXme siècle, un romantique attardé en France. A l'époque du romantisme, le sentiment national a suscité partout des poésies populaires florissantes, ou il a attiré l'intérêt sur elles. Thalès Bernard montre les qualités d'un poète populaire et romantique.

Il est en pleine opposition avec le caractère bourgeois et réaliste de la littérature et de l'esthétique de son époque, avec celles du Parnasse.

Selon sa thèse, la poésie est en danger. La littérature française elle-même est réduite à un état d'imitation, où le formalisme et la raison règnent, au lieu de la spontanéité et du cœur. En élargissant „la géographie littéraire“, c'est-à-dire par l'annexion littéraire de jeunes peuples orientaux et septentrionaux de l'Europe, on pourra gagner de nouveaux aliments poétiques pour contribuer à l'assainissement et à la renaissance de la littérature en décadence. Mais pour arriver à ce but, la poésie populaire doit être transformée d'abord par les poètes cultivés, les „poètes philosophes“.

II. Thalès Bernard s'est adressé à l'étude attentive des poésies populaires des divers peuples. Il pense à la création d'une nouvelle civilisation européenne, qui soit plus fraîche que n'était la précédente, desséchée au cours des siècles. Par le culte de la poésie populaire pourrait se créer un rapprochement fraternel des peuples, auquel chaque culture nationale ne pourrait que gagner et qui permettrait à une nouvelle civilisation de se former. Aussi, rien ne peut mieux contribuer à la rénovation de la poésie que ce culte, et la fondation d'une „Académie de littératures étrangères“.

La poésie populaire possède les qualités propres à renouveler la poésie : le sentiment de la nature et l'esprit religieux. Entre autres, la poésie populaire des Estoniens et des Finnois possède un immense fond de matières poétiques, qui doivent être exploitées.

Ce sont le poète russe Basilius Jacowleff et le poète allemand-balte Jégor von Sivers qui attirent l'attention de Thalès Bernard sur la poésie populaire estonienne. Ce sont surtout

les recueils de poésies *Palmen und Birken*, *Literarisches Taschenbuch der Deutschen in Russland*, *Balladen und Lieder*, *Deutsche Dichter in Russland*, publiés par Sivers, qui contiennent les poésies étudiées par Thalès Bernard. La poésie populaire estonienne est hautement appréciée par lui, il l'estime même particulièrement, puisqu'elle lui rappelle, par ses qualités analogues, la poésie populaire de la Bretagne.

III. Thalès Bernard traduit plusieurs poésies de Jégor von Sivers, plus ou moins librement. Le sort et l'histoire du peuple estonien lui inspirent quelques poésies originales. Pour exprimer son amitié envers Sivers, Bernard lui adresse aussi des poésies. Outre la poésie lyrique, la tradition épique des Estoniens, l'épopée intitulée *Kalevipoeg* et la mythologie estonienne excitent aussi son intérêt.

Né d'une famille du pays, Sivers a trouvé dans ses impressions personnelles de jeunesse les sources de ses poésies traitant de l'Estonie et des Estoniens. L'activité de l'Estonien *Kreutzwald*, compositeur du *Kalevipoeg*, et de *Neus*, qui a publié des poésies populaires estoniennes, lui a été bien connue. Les poésies de Sivers aux sujets estoniens et adoptées en français par Bernard peuvent être retrouvées, presque toutes, dans le recueil de *Neus Ehstnische Volkslieder*. Sivers peut être considéré comme un collaborateur allemand s'associant à l'activité poétique des collectionneurs de chants populaires estoniens, et contribuant ainsi à la création d'une poésie estonienne pseudo-populaire. Thalès Bernard est leur confrère français, et les poésies populaires estoniennes présentées par lui en France, montrent déjà le troisième degré de transformation. On ne peut donc pas parler d'une influence directe exercée par la poésie populaire estonienne sur Thalès Bernard.

Thalès Bernard a hautement apprécié la valeur poétique de la poésie populaire estonienne. Il n'en a pas fait seulement des remaniements ou des imitations, mais il s'en est servi aussi pour démontrer par elle la justesse de ses principes esthétiques et pour réaliser ses projets littéraires.

IV. C'est à une fin identique qu'il traite de la poésie populaire finnoise. Toutefois, ses informations à cet égard sont moins nombreuses. Il les puise dans les oeuvres du savant suédois *Zetterquist* et du capitaine suédois *Staal*. La tra-

duction française de l'épopée populaire finnoise, le *Kalevala*, faite par Léouzun-le-Duc a été aussi connue par lui. Il est d'avis que la poésie populaire finnoise montre beaucoup d'analogies avec celle des Estoniens, puisque ces peuples sont des nations soeurs. Malgré la parenté de ces peuples, Thalès Bernard, découvre dans leur esprit et leur caractère une certaine différence.

Thalès Bernard a été convaincu que dans l'avenir la vitalité des jeunes peuples du Nord et de l'Orient apportera des forces nouvelles pour raviver la civilisation occidentale et préparera ainsi un nouveau progrès dans la vie intellectuelle de l'Europe. Les Estoniens et les Finnois y auront aussi une digne part.

V. Ce procédé est d'autant plus nécessaire que la grande poésie est morte, et que la littérature se trouve en crise. La poésie lyrique seule a surmonté cette crise, qui la menaçait aussi, parce que le genre populaire a eu son épanouissement chez divers peuples. C'est un genre nouveau, le genre populaire, la quatrième grande forme littéraire, une poésie qui s'est produite par le mélange de l'influence chrétienne avec le génie des Slaves, des Germains, des Finno-Ougriens et d'autres peuples barbares. La poésie populaire, selon Bernard, n'est pas autre chose que la fusion naturelle des peuples barbares avec la sensibilité éveillée dans l'âme par le christianisme. Par la transformation de la poésie populaire à l'aide de la philosophie on suivrait la juste direction, pour arriver au renouvellement de la poésie.

Pour réaliser ses principes littéraires, Thalès Bernard est entré en relations avec des représentants des peuples les plus divers. Son activité a été attaquée ou passée sous silence dans la vie littéraire de la France, mais à l'étranger on s'est occupé assez largement de ses intentions. En France, le célèbre dilettante Emile Deschamps, les poètes Béranger, son compatriote Leconte de Lisle, Baudelaire et plusieurs autres le considérèrent comme leur ami. On peut supposer que ce fut sous l'inspiration des recherches de Thalès Bernard que Leconte de Lisle écrivit les deux poésies aux sujets finnois, publiées dans les *Poèmes barbares*. L'influence des idées de Thalès Bernard est très sensible dans une anthologie française publiée en 1859—1861, en langue suédoise, par le major Staaff.

Quelques poètes français, comme Achille Millien et Adolphe Paban, s'associèrent à Thalès Bernard, le regardant comme leur maître et écrivant des poésies en son honneur.

Louis de Laincel résume et apprécie les principes de Thalès Bernard, au point de vue esthétique. Ce qui caractérise ce groupe de poètes, amis de Bernard, c'est la lutte contre le matérialisme au nom d'un idéalisme qui trouve ses origines dans le romantisme allemand. Un pressentiment singulier de la décadence causée par le progrès technique, par l'industrialisme, se révèle aussi dans les oeuvres de tous ces poètes. Leur tendance est donc la défense et le culte de l'esprit chrétien et religieux en général, la propagation du naturisme, la lutte contre l'influence outrée de la capitale dans la littérature et avec cela le culte du provincialisme, d'où dérive l'intérêt pour la poésie populaire. Ces poètes sont les adversaires de cette civilisation moderne qui est créée par le progrès technique. En conséquence ils veulent négliger aussi dans la poésie l'élément purement technique, les raffinements de la versification, et se tournent vers les formes réduites à une sorte de simplicité qui n'exclut pas la beauté esthétique. Ils se sentent près de Dieu et de la nature, par quoi ils ont tous un penchant naturel pour le panthéisme, le mysticisme et le naturisme.

C'est à travers la vie intellectuelle allemande que Thalès Bernard et ses partisans entrent en relations avec les peuples étrangers. Aussi, ils remontent avec leurs opinions au romantisme allemand, dont ils montrent l'influence exercée sur eux, et forment ainsi une petite école égarée en France, dans la deuxième moitié du XIXme siècle.

D'autre part, les idées démocratiques de ce siècle, surtout les événements de 1848, ont touché aussi ces poètes, et expliquent leur intérêt pour la poésie populaire. Jégor von Sivers, disciple fervent de Herder en littérature, montre une grande sympathie pour les révolutions de 1848. Étant libéral et démocrate dans ses convictions politiques, c'est par cela que l'intérêt de ce seigneur allemand-balte s'éveille pour le peuple estonien. Thalès Bernard lui-même saluait avec un grand enthousiasme la révolution de février en 1848. Les idées politiques qui suscitérent les révolutions de 1848 se manifestèrent le plus résolûment et le plus opiniâtrément dans la lutte héroïque de la guerre d'indépendance hongroise en 1848/49. Il est donc compréhensible que l'intérêt de Thalès Bernard ait été excité particulièrement par ce pays et par le poète hongrois Alexandre Petöfi, qui montre, d'après Bernard, l'incarnation la plus parfaite et la plus classique du mouvement littéraire basé sur la poésie populaire.

L'amitié de Thalès Bernard et de Jégor von Sivers est donc explicable par leur intérêt mutuel pour les idées démocratiques qui ont bouleversé en 1848 l'Europe, et c'est la conséquence logique de leur mentalité qu'ils se soient adonnés à l'étude de la poésie populaire. Jégor von Sivers l'a fait au milieu de ses paysans estoniens et lettons. Thalès Bernard, vivant à Paris, dans la capitale intellectuelle du monde, s'est adressé à tous les peuples, au nom de ce noble cosmopolitisme qui lui fit considérer toutes les nations du monde comme faisant partie d'une immense famille.

Bibliographie.

A. Gallica :

- 1) Bernard, Thalès: Histoire de la poésie, Paris, Dentu, 1864, pp. 855.
- 2) Bernard, Thalès: Adorations, Paris, Krabbe, 1855, pp. XL + 244.
- 3) " " Mélodies pastorales, Paris, Taride, 1856 et 1867.
- 4) " " Nouvelles mélodies pastorales, Paris, C. Vanier, 1858, pp. 8.
- 5) Bernard Thalès: Poésies nouvelles, Paris, C. Vanier, 1857, XII + 312 pp.
- 6) Bernard, Thalès: Poésies mystiques, Paris, C. Vanier, 1858, pp. VIII + 303.
- 7) Bernard Thalès: Lettres sur la poésie, Poésies de Mme Edmée Burguerie, Paris, l'auteur, 1868, pp. 8.
- 8) Bernard Thalès: Lettres sur la poésie. Rénovation de la poésie. Projet de fondation d'une Académie de littératures étrangères. Paris, C. Vanier, 1857, pp. 8.
- 9) Berthelot, Philippe: Louis Ménard, Revue de Paris, 1-er juin 1901, p. 591.
- 10) Charavay, Etienne: Lettres de Michelet et de Leconte de Lisle, Revue d'histoire littéraire de France, 1895, t. 2, pp. 229—232.
- 11) Dornis, Jean: Essai sur Leconte de Lisle, Paris, 1909.
- 12) Ernault, Louis: Mélodies pastorales, Feuilles de poésies, par M. Thalès Bernard, Revue Contemporaine et Athénæum français, 1-er janvier 1857, pp. 622—623.
- 13) Girard, Henri: Un bourgeois dilettante à l'époque romantique, Emile Deschamps, Paris, Honoré Champion, 1921, pp. XLIV + 575.
- 14) Laincel, Louis de: La poésie, est-elle encore possible? Paris, E. Dentu, 1865, pp. 69.
- 15) Leconte de Lisle: Oeuvres de Leconte de Lisle, Poèmes barbares, Paris, Alphonse Lemerre, pp. 368.
- 16) Millien, Achille: Premières poésies (1859—1863), Paris, Alphonse Lemerre, 1877, pp. IV + 391.
- 17) Millien, Achille: La moisson, Paris, C. Vanier — Nevers, P. Bégat, 1860, pp. 302.
- 18) Millien, Achille: Légendes d'aujourd'hui, Paris, Garnier frères, 1870, pp. III + 226.
- 19) Paban, Adolphe: Mes tablettes, 1858—1866, poésies, Paris, C. Vanier, 1866, pp. IV + 240.

- 20) Paban, Adolphe: Les souffles, Paris, C. Vanier, 1868, pp. 140.
- 21) Sainte-Beuve: Nouveaux lundis, t. X.
- 22) Tóth, Béla: Un apôtre français de Petöfi: Thalès Bernard, Revue des études hongroises et finno-ougriennes, Paris, H. Champion, III-e année, 1925, No. 1—2, pp. 21—35.
- 23) Tóth, Béla: Magyarbarát költői iskola Franciaországban, Napkelet, Budapest, 1925, IV. sz., 404—406 ll.

B. Baltica:

- 24) Grotthusz, Jeannot Emil Freiherr von: Das baltische Dichterbuch, Reval, Franz Kluge, 1894, SS. XLVIII + 432.
- 25) M. J. Eisen: Estnische Mythologie, Leipzig, 1925.
- 26) U. Karttunen: Kalevipoegin kokoonpano, Helsinki, 1905, SS. 103 + XXIV.
- 27) L. Löwe — W. Reimann: Kalewipoeg, aus dem Estnischen übertragen, Reval, 1900, Franz Kluge, SS. XXXII + 343.
- 28) Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 14 osa: Kalevala, Helsingissä, 1913, 13:s painos (uuden Kalevalan), pp. X + 338.
- 29) H. Neus: Ehstnische Volkslieder, Urschrift und Uebersetzung, I—III, Reval, Kluge und Ströhm, 1850—1852, SS. XX + 477.
- 30) Jegór von Sivers: Deutsche Dichter in Russland, Studien zur Literaturgeschichte, Berlin, E. H. Schroeder, 1855, SS. LXXX + 680.
- 31) Jegór von Sivers: Literarisches Taschenbuch der Deutschen in Russland, Riga, N. Kymmel, 1858, SS. XII + 330.
- 32) Jegór von Sivers: Palmen und Birken, 2. Aufl., Leipzig, J. J. Weber, 1853, SS. XII + 244.
- 33) Jegór von Sivers: Aus beiden Welten, Leipzig, Carl Fr. Fleischer, 1863, SS. IV + 144.
- 34) -r-, S-h, C. Glitsch, A. W. v. Wittorff, C. Stern: Balladen und Lieder, Dorpat, Franz Kluge, 1846, SS. VI + 256.
- 35) Jegór von Sivers: Livländische Lebensfragen von einem Landtagsverpflichteten, Riga, Nicolai Kymmel, 1864, SS. 16.
- 36) Jegór von Sivers: Zur Revision der livländischen Verfassung, 1869, SS. 31.
- 37) Jegór von Sivers: Appell an die europäische Oeffentlichkeit etc., Leipzig, Alexander Edelmann, 1865, SS. VIII + 24.
- 38) Jégór von Sivers: Appel à la publicité européenne etc., Paris, E. Dentu, 1867, pp. 39.
- 39) Jegór von Sivers: Humboldt und die deutsche Bildungsquelle in Livland, Leipzig, 1869, SS. 9.
- 40) A. R. Cederberg etc.: Eesti Biograafiline Leksikon, II. Tartu, Loodus, 1927, 145—304 lk.

Table des matières.

Chapitres	Page
I. Thalès Bernard et son oeuvre. Le rôle qu'il a joué dans la vie littéraire de la France au milieu du XIX-e siècle	3
II. L'intérêt de Thalès Bernard pour la poésie populaire et les littératures étrangères. Son amitié avec le poète livonien „allemand-russe“ Jégor von Sivers	15
III. Les opinions de Thalès Bernard sur la poésie populaire estonienne. Les traductions et les imitations faites par Thalès Bernard, des poésies aux sujets estoniens, de Jégor von Sivers	31
IV. Les autres informations de Thalès Bernard sur les Estoniens. Ses relations avec la poésie populaire finnoise	83
V. La mission de la poésie populaire selon Thalès Bernard. L'influence de ses idées	94
VI. Conclusion	120
VII. Bibliographie	125

MERCI

à mon cher ami Béla Tóth, qui, étudiant la relation de Thalès Bernard avec la poésie d'Alexandre Petöfi, a bien voulu attirer mon attention sur certaines „traces estoniennes“ dans les oeuvres de Bernard. Je remercie aussi MM. les professeurs Louis Villecourt, Lucien Rudrauf et Walter Anderson de l'obligeant concours, qu'ils m'ont prêté pour la correction des épreuves de cette étude, de même que les professeurs M. J. Eisen et W. Anderson de m'avoir donné plusieurs renseignements oraux sur la poésie populaire estonienne.

E. V.

Elmiste köidete sisu. — Contenu des volumes précédents.

A I (1921). 1. A. Paldrock. Ein Beitrag zur Statistik der Geschlechtskrankheiten in Dorpat während der Jahre 1909—1918. — 2. K. Väisälä. Verallgemeinerung des Begriffes der Dirichletschen Reihen. — 3. C. Schlossmann. Hapete mõju kolloiidide peale ja selle tähtsus patoloogias. (L'action des acides sur les colloïdes et son rôle dans la pathologie.) — 4. K. Regel. Statistische und physiognomische Studien an Wiesen. Ein Beitrag zur Methodik der Wiesenuntersuchung. — 5. H. Reichenbach. Notes sur les microorganismes trouvés dans les pêches planctoniques des environs de Covda (gouv. d'Archangel) en été 1917. — **Misc.** F. Bucholtz. Der gegenwärtige Zustand des Botanischen Gartens zu Dorpat und Richtlinien für die Zukunft.

A II (1921). 1. H. Bekker. The Kuckers Stage of the Ordovician Rocks of NE Estonia. — 2. C. Schlossmann. Über die Darmspirochäten beim Menschen. — 3. J. Letzmann. Die Höhe der Schneedecke im Ostbaltischen Gebiet. — 4. H. Kaho. Neutraalsoolade mõjust ultramaksimum-temperatuuri peale *Tradescantia zebrina* juures. (Über den Einfluss der Neutralsalze auf die Temperatur des Ultramaximums bei *Tradescantia zebrina*.)

A III (1922). 1. J. Narbutt. Von den Kurven für die freie und die innere Energie bei Schmelz- und Umwandlungsvorgängen. — 2. A. Томсонъ (A. Thomson). Значение аммонійныхъ солей для питания высшихъ культурныхъ растений. (Der Wert der Ammonsalze für die Ernährung der höheren Kulturpflanzen.) — 3. E. Blessig. Ophthalmologische Bibliographie Russlands 1870—1920. I. Hälfte (S. I—VII und 1—96). — 4. A. Lüüs. Ein Beitrag zum Studium der Wirkung künstlicher Wildunger Helenenquellensalze auf die Diurese nierenkranker Kinder. — 5. E. Öpik. A statistical method of counting shooting stars and its application to the Perseid shower of 1920. — 6. P. N. Kogerman. The chemical composition of the Esthonian M.-Ordovician oil-bearing mineral „Kukersite“. — 7. M. Wittlich und S. Weshnjakow. Beitrag zur Kenntnis des estländischen Ölschiefers, genannt Kukersit. — **Misc.** J. Letzmann. Die Trombe von Odenpäh am 10. Mai 1920.

A IV (1922). 1. E. Blessig. Ophthalmologische Bibliographie Russlands 1870—1920. II. Hälfte (S. 97—188). — 2. A. Valdes. Glükogeeni hulka vähendavate tegurite mõju üle südame spetsiifilise lihassüsteemi glükogeeni peale. (Über den Einfluss der die Glykogenmenge vermindernenden Faktoren auf das Glykogen des spezifischen Muskelsystems des Herzens.) — 3. E. Öpik. Notes on stellar statistics and stellar evolution. — 4. H. Kaho. Raskemetallsoolade kihvtisusest taimemasma kohta. (Über die Schwermetallgiftwirkung in bezug auf das Pflanzenplasma.) — 5. J. Piiper und M. Härms. Der Kiefernkreuzschnabel der Insel Ösel *Loxia pityopsittacus estiae* subsp. nov. — 6. L. Poska-Teiss. Zur Frage über die vielkernigen Zellen des einschichtigen Plattenepithels.

A V (1924). 1. E. Öpik. Photographic observations of the brightness of Neptune. Method and preliminary results. — 2. A. L ü ü s. Ergebnisse der Krüppelkinder-Statistik in Eesti. — 3. C. Schloßmann. Culture in vitro des protozoaires de l'intestin humain. — 4. H. Kaho. Über die physiologische Wirkung der Neutralsalze auf das Pflanzenplasma. — 5. Y. Kauko. Beiträge zur Kenntnis der Torfzersetzung und Verrottung. — 6. A. Tamme kann. Eesti diktioneema-kihi uurimine tema tekkimise, vana-duse ja levimise kohta. (Untersuchung des Dictyonema-Schiefers in Estland nach Entstehung, Alter und Verbreitung.) — 7. Y. Kauko. Zur Bestimmung des Verrottungsgrades. — 8. N. Weiderpass. Eesti piparmündi-õli (*Oleum menthae esthicae*). (Das estnische Pfefferminzöl.)

A VI (1924). 1. H. Bekker. Mõned uued andmed Kukruse lademe stratigraafia ja faunast. (Stratigraphical and paleontological supplements on the Kukruse stage of the Ordovician Rocks of Eesti (Estonia).) — 2. J. Wilip. Experimentelle Studien über die Bestimmung von Isothermen und kritischen Konstanten. — 3. J. Letzmann. Das Bewegungsfeld im Fuss einer fortschreitenden Wind- oder Wasserhose. — 4. H. Scupin. Die Grundlagen paläogeographischer Karten. — 5. E. Öpik. Photometric measures on the moon and the earth-shine. — 6. Y. Kauko. Über die Verrottungswärme. — 7. Y. Kauko. Eigentümlichkeiten der H_2O - und CO_2 -Gehalte bei der unvollständigen Verbrennung. — 8. M. Tilzen und Y. Kauko. Die wirtschaftlichen Möglichkeiten der Anwendung von Spiritus als Brennstoff. — 9. M. Wittlich. Beitrag zur Untersuchung des Öles aus estländischem Ölschiefer. — 10. J. Wilip. Emergenzwinkel, Unstetigkeitsflächen, Laufzeit. — 11. H. Scupin. Zur Petroleumfrage in den baltischen Ländern. — 12. H. Richter. Zwei Grundgesetze (Funktion- und Strukturprinzip) der lebendigen Masse.

A VII (1925). 1. J. Vilms. Kõhreglükogeeni püsivusest mõne-suguste glükogeeni vähendavate tegurite puhul. (Über die Stabilität des Knorpelglykogens unter verschiedenen das Glykogen zum Verschwinden bringenden Umständen.) — 2. E. Blessig. Ophthalmologische Bibliographie Russlands 1870—1920. Nachtrag. — 3. O. Kuriks. Trachoma Eestis (eriti Tartus) mõõdunud ajal ja praegu. (Das Trachom in Estland (insbesondere in Dorpat) einst und jetzt.) — 4. A. Brandt. Sexualität. Eine biologische Studie. — 5. M. Haltenberger. Gehört das Baltikum zu Ost-, Nord- oder zu Mitteleuropa? — 6. M. Haltenberger. Recent geographical work in Estonia.

A VIII (1925). 1. H. Jaakson. Sur certains types de systèmes d'équations linéaires à une infinité d'inconnues. Sur l'interpolation. — 2. K. Frisch. Die Temperaturabweichungen in Tartu (Dorpat) und ihre Bedeutung für die Witterungsprognose. — 3. O. Kuriks. Muutused leeprahaigete silmas Eesti leprosooriumide haigete läbivaatamise põhjal. (Die Lepra des Auges.) — 4. A. Paldrock. Die Senkungsreaktion und ihr praktischer Wert. — 5. A. Öpik. Beiträge zur Kenntnis der Kukruse- (C_2 -) Stufe in Eesti. I. — 6. M. Wittlich. Einiges über den Schwefel im estländischen Ölschiefer (Kukersit)

und dessen Verschmelzungsprodukten. — 7. H. Kaho. Orientierende Versuche über die stimulierende Wirkung einiger Salze auf das Wachstum der Getreidepflanzen. I.

A IX (1926). 1. E. Krahn. Über Minimaleigenschaften der Kugel in drei und mehr Dimensionen. — 2. A. Mieler. Ein Beitrag zur Frage des Vorrückens des Peipus an der Embachmündung und auf der Peipusinsel Pirisaar in dem Zeitraum von 1682 bis 1900. — 3. M. Haltenberger. Der wirtschaftsgeographische Charakter der Städte der Republik Eesti. — 4. J. Rumma. Die Heimatforschung in Eesti. — 5. M. Haltenberger. Der Stand des Aufnahme- und Kartenwesens in Eesti. — 6. M. Haltenberger. Landeskunde von Eesti. I. — 7. A. Tammekann. Die Oberflächengestaltung des nordostestländischen Küstentafellandes. — 8. K. Frisch. Ein Versuch das Embachhochwasser im Frühling für Tartu (Dorpat) vorherzubestimmen.

A X (1926). 1. M. Haltenberger. Landeskunde von Eesti. II—III. — 2. H. Scupin. Alter und Herkunft der ostbaltischen Solquellen und ihre Bedeutung für die Frage nach dem Vorkommen von Steinsalz im baltischen Obersilur. — 3. Th. Lippmaa. Floristische Notizen aus dem Nord-Altai nebst Beschreibung einer neuen *Cardamine*-Art aus der Sektion *Dentaria*. — 4. Th. Lippmaa. Pigmenttypen bei Pteridophyta und Anthophyta. I. Allgemeiner Teil. — 5. E. Pipenberg. Eine städtemorphographische Skizze der estländischen Hafenstadt Pärnu (Pernau). — 6. E. Spohr. Über das Vorkommen von *Sium erectum* Huds. und *Lemna gibba* L. in Estland und über deren nordöstliche Verbreitungsgrenzen in Europa. — 7. J. Wilip. On new precision-seismographs.

A XI (1927). 1. Th. Lippmaa. Pigmenttypen bei Pteridophyta und Anthophyta. II. Spezieller Teil. — 2. M. Haltenberger. Landeskunde von Eesti. IV—V. — 3. H. Scupin. Epirogenese und Orogenese im Ostbaltikum. — 4. K. Schlossmann. Mikroorganismide kui bioloogiliste reaktiivide tähtsusest keemias. (Le rôle des ferments microbiens dans la chimie.) — 5. J. Sarv. Ahmese geomeetriselised joonised. (Die geometrischen Figuren des Ahmes.) — 6. K. Jaanson-Orviku. Beiträge zur Kenntnis der Aseri- und der Tallinna-Stufe in Eesti. I.

A XII (1927). 1. E. Reinwaldt. Beiträge zur Muriden-Fauna Estlands mit Berücksichtigung der Nachbargebiete. — 2. A. Öpik. Die Inseln Odensholm und Rogö. Ein Beitrag zur Geologie von NW-Estland. — 3. A. Öpik. Beiträge zur Kenntnis der Kukruse-(C₂)-Stufe in Eesti. II. — 4. Th. Lippmaa. Beobachtungen über durch Pilzinfektion verursachte Anthocyaninbildung. — 5. A. Laur. Die Titration des Ammoniumhydrosulfides mit Ferricyankalium. — 6. N. King. Über die rhythmischen Niederschläge von PbJ₂, Ag₂CrO₄ und AgCl im kapillaren Raume. — 7. P. N. Kogerman and J. Kranig. Physical constants of some alkyl carbonates. — 8. E. Spohr. Über brunsterzeugende Stoffe im Pflanzenreich. Vorläufige Mitteilung.

A XIII (1928). 1. J. Sarw. Zum Beweis des Vierfarbensatzes. — 2. H. Scupin. Die stratigraphische Stellung der Devonschichten im Südosten Estlands. — 3. H. Perltitz. On the parallelism between

the rate of change in electric resistance at fusion and the degree of closeness of packing of metallic atoms in crystals. — 4. K. Frisch. Zur Frage der Luftdruckperioden. — 5. J. Port. Untersuchungen über die Plasmakoagulation von *Paramaecium caudatum*. — 6. J. Sarw. Direkte Herleitung der Lichtgeschwindigkeitsformeln. — 7. K. Frisch. Zur Frage des Temperaturanstiegens im Winter. — 8. E. Spohr. Über die Verbreitung einiger bemerkenswerter und schutzbedürftiger Pflanzen im Ostbaltischen Gebiet. — 9. N. Rägo. Beiträge zur Kenntnis des estländischen Dictyonemaschiefers. — 10. C. Schlossmann. Études sur le rôle de la barrière hémato-encéphalique dans la genèse et le traitement des maladies infectieuses. — 11. A. Öpik. Beiträge zur Kenntnis der Kukruse- (C_2-C_3 -) Stufe in Eesti. III.

A XIV (1929). 1. J. Rives. Über die histopathologischen Veränderungen im Zentralnervensystem bei experimenteller Nebenniereninsuffizienz. — 2. W. Wadi. Kopsutuberkuloosi areng ja kliinilised vormid. (Der Entwicklungsgang und die klinischen Formen der Lungentuberkulose.) — 3. E. Markus. Die Grenzverschiebung des Waldes und des Moores in Alatskivi. — 4. K. Frisch. Zur Frage über die Beziehung zwischen der Getreideernte und einigen meteorologischen Faktoren in Eesti.

B I (1921). 1. M. Vasmer. Studien zur albanesischen Wortforschung. I. — 2. A. v. Bulmerincq. Einleitung in das Buch des Propheten Maleachi. 1. — 3. M. Vasmer. Osteuropäische Ortsnamen. — 4. W. Anderson. Der Schwank von Kaiser und Abt bei den Minsker Juden. — 5. J. Bergman. Quaestiunculae Horatianae.

B II (1922). 1. J. Bergman. Aurelius Prudentius Clemens, der grösste christliche Dichter des Altertums. I. — 2. L. Kettunen. Lõunavepsa häälik-ajalugu. I. Konsonandid. (Südwepsische Lautgeschichte. I. Konsonantismus.) — 3. W. Wiget. Altgermanische Lautuntersuchungen.

B III (1922). 1. A. v. Bulmerincq. Einleitung in das Buch des Propheten Maleachi. 2. — 2. M. A. Курчинский (M. A. Kurtshinsky). Социальный законъ, случай и свобода. (Das soziale Gesetz, Zufall und Freiheit.) — 3. A. R. Cederberg. Die Erstlinge der estländischen Zeitungsliteratur. — 4. L. Kettunen. Lõunavepsa häälik-ajalugu. II. Vokaalid. (Südwepsische Lautgeschichte. II. Vokalismus.) — 5. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. [I.] — 6. A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis. I.

B IV (1923). 1. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. II. — 2. A. v. Bulmerincq. Einleitung in das Buch des Propheten Maleachi. 3. — 3. W. Anderson. Nordasiatische Flutsagen. — 4. A. M. Tallgren. L'ethnographie préhistorique de la Russie du nord et des États Baltiques du nord. — 5. R. Gutmann. Eine unklare Stelle in der Oxforder Handschrift des Rolandsliedes.

B V (1924). 1. H. Mutschmann. Milton's eyesight and the chronology of his works. — 2. A. Pridik. Mut-em-wija, die Mutter

Amenhotep's (Amenophis') III. — 3. A. Pridik. Der Mitregent des Königs Ptolemaios II Philadelphos. — 4. G. Suess. De Graecorum fabulis satyricis. — 5. A. Berendts und K. Grass. Flavius Josephus: Vom jüdischen Kriege, Buch I—IV, nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen. I. Teil (S. 1—160). — 6. H. Mutschmann. Studies concerning the origin of „Paradise Lost“.

B VI (1925). 1. A. Saareste. Leksikaalseist vahekordadest cesti murretes. I. Analüüs. (Du sectionnement lexicologique dans les patois estoniens. I. Analyse.) — 2. A. Bjerre. Zur Psychologie des Mordes.

B VII (1926). 1. A. v. Bulmerincq. Einleitung in das Buch des Propheten Maleachi. 4. — 2. W. Anderson. Der Chalifenmünzfund von Köchtel. (Mit Beiträgen von R. Vasmer.) — 3. J. Mägieste. Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned. (Die Hauptzüge der Mundart von Rosona). — 4. M. A. Курчинский (M. A. Kurtschinsky). Европейский хаосъ. Экономическія послѣдствія великой войны. (Das europäische Chaos.)

B VIII (1926). 1. A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis. II. — 2. H. Mutschmann. The secret of John Milton. — 3. L. Kettunen. Untersuchung über die livische Sprache. I. Phonetische Einführung. Sprachproben.

B IX (1926). 1. N. Maim. Parlamentarismist Prantsuse restauratsioonialjal (1814—1830). (Du parlementarisme en France pendant la Restauration.) — 2. S. v. Csekey. Die Quellen des estnischen Verwaltungsrechts. I. Teil (S. 1—102). — 3. A. Berendts und K. Grass. Flavius Josephus: Vom jüdischen Kriege, Buch I—IV, nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen. II. Teil (S. 161—288). — 4. G. Suess. De eo quem dicunt inesse Trimalchionis cenae sermone vulgari. — 5. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. III. — 6. C. Vilhelmson. De ostraco quod Revaliae in museo provinciali servatur.

B X (1927). 1. H. B. Rahamägi. Eesti Evangeeliumi Luteri usu vaba rahvakirik vabas Eestis. (Die evangelisch-lutherische freie Volkskirche im freien Eesti. Anhang: Das Gesetz betreffend die religiösen Gemeinschaften und ihre Verbände.) — 2. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. IV. — 3. A. Berendts und K. Grass. Flavius Josephus: Vom jüdischen Kriege, Buch I—IV, nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen. III. Teil (S. 289—416). — 4. W. Schmied-Kowarzik. Die Objektivation des Geistigen. (Der objektive Geist und seine Formen.) — 5. W. Anderson. Novelline popolari sammarinesi. I.

B XI (1927). 1. O. Loorits. Liivi rahva usund. (Der Volksglaube der Liven.) I. — 2. A. Berendts und K. Grass. Flavius Josephus: Vom jüdischen Kriege, Buch I—IV, nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen. IV. Teil (S. 417—512). — 3. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. V.

B XII (1928). 1. O. Loo rits. Liivi rahva usund. (Der Volksglaube der Liven.) II. — 2. J. M ä g i s t e. *oi*-, *ei*-deminutiivid läänemeresoome keelis. (Die *oi*-, *ei*-Deminutiva der ostseefinnischen Sprachen.)

B XIII (1928). 1. G. S u e s s. Petronii imitatio sermonis plebei qua necessitate coniungatur cum grammatica illius aetatis doctrina. — 2. С. Ш т е й н (S. v. Stein). Пушкин и Гофман. (Puschkin und E. T. A. Hoffmann.) — 3. A. V. K õ r v. Värsimõõt Veske „Eesti rahvalauludes“. (Le mètre des „Chansons populaires estoniennes“ de Veske.)

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETUSED ilmuvad kolmes seerias:

A: Mathematica, physica, medica. (Matemaatika-loodusteaduskonna, arstiteaduskonna, loomaarstiteaduskonna ja põllumajandusteaduskonna tööd.)

B: Humaniora. (Usuteaduskonna, filosoofiateaduskonna ja õigusteaduskonna tööd.)

C: Annales. (Aastaruanded.)

Ladu: Ülikooli Raamatukogus, Tartus.

LES PUBLICATIONS DE L'UNIVERSITÉ DE TARTU (DORPAT) se font en trois séries:

A: Mathematica, physica, medica. (Mathématiques, sciences naturelles, médecine, sciences vétérinaires, agronomie.)

B: Humaniora. (Théologie, philosophie, philologie, histoire, jurisprudence.)

C: Annales.

Dépôt: La Bibliothèque de l'Université de Tartu, Estonie.
